

ЕКАТЕРИНА СТРЕЛЕЦКАЯ

Леди из
ОХОТНИЧЬЕГО
ДОМИКА

Annotation

Когда я мечтала о большой семье с кучей родственников, то не ожидала, что они окажутся настолько «любящими». И уж точно не рассчитывала, что они достанутся в придачу к телу, в котором внезапно оказалась, возвращаясь с работы. Только за три дня они дважды попытались от меня избавиться. Увы, защиты в лице мужа я тоже не получила. Этот гад вообще решил сослать неугодную жену вместе с дочкой куда подальше, а затем развестись. Ничего, отвоюю себе охотничий домик, и мы ещё утрём нос этому мерзавцу!

- [Леди из охотничьего домика, или Отвергнутая жена](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1. Неудачный день](#)
 - [Глава 2. Сострадание и милосердие](#)
 - [Глава 3. Кто же я?](#)
 - [Глава 4. Софи](#)
 - [Глава 5. Что же делать?](#)
 - [Глава 6. А зачем нам невестка?](#)
 - [Глава 7. «Водяное перемирие»](#)
 - [Глава 8. Сыграем?](#)
 - [Глава 9. Скандал не удался](#)
 - [Глава 10. Богатая бедная родственница](#)
 - [Глава 11. Эти камушки мне муж почти купил...](#)
 - [Глава 12. «Высокие отношения»](#)
 - [Глава 13. Вольница](#)
 - [Глава 14. Пожар](#)
 - [Глава 15. Возвращение](#)
 - [Глава 16. Ушастые стены](#)
 - [Глава 17. Разговор с мужем](#)
 - [Глава 18. Решение](#)
 - [Глава 19. Развод](#)
 - [Глава 20. Торги](#)
 - [Глава 21. Дорога](#)
 - [Глава 22. А тут рядом поселился...](#)

- [Глава 23. Старый новый дом](#)
- [Глава 24. Добрая хозяйка](#)
- [Глава 25. Жить можно!](#)
- [Глава 26. Гости полезные и не очень](#)
- [Глава 27. Хозяюшки](#)
- [Глава 28. Планы](#)
- [Глава 29. Прогресс](#)
- [Глава 30. Сделал гадость – сердцу радость](#)
- [Глава 31. Назойливая катастрофа](#)
- [Глава 32. Разговор](#)
- [Глава 33. Минус на плюс](#)
- [Глава 34. Дорога](#)
- [Глава 35. Трактир](#)
- [Глава 36. Марго](#)
- [Глава 37. Старый глупец](#)
- [Глава 38. Крах Вангеров](#)
- [Глава 39. Проклятые женщины Вангеров](#)
- [Глава 40. Безумные мысли](#)
- [Глава 41. Расчёты и планы](#)
- [Глава 42. Минусы и плюсы](#)
- [Глава 43. Поездка](#)
- [Глава 44. Безумству храбрых](#)
- [Глава 45. Подготовка](#)
- [Глава 46. Бочки](#)
- [Глава 47. Подстраховка](#)
- [Глава 48. Нежданно-негаданно](#)
- [Глава 49. Лечение](#)
- [Глава 50. Контроль](#)
- [Глава 51. Между совестью и тайной](#)
- [Глава 52. Хозяйка](#)
- [Глава 53. Один-один](#)
- [Глава 54. Неделя «тишины»](#)
- [Глава 55. Вот и поговорили...](#)
- [Глава 56. Женщины из рода Вербер](#)
- [Глава 57. Линия защиты](#)
- [Глава 58. Дорогой долгою](#)
- [Глава 59. Поиски](#)

- [Глава 60. Эль](#)
 - [Глава 61. Тревожный вечер](#)
 - [Глава 62. Переломная ночь](#)
 - [Глава 63. Благими намерениями](#)
 - [Глава 64. Казнить или помиловать](#)
 - [Глава 65. Понимающие](#)
 - [Глава 66. Две дочери](#)
 - [Глава 67. Мой дом - мои правила](#)
 - [Глава 68. Две хозяйки](#)
 - [Глава 69. Привет от бывшего](#)
 - [Глава 70. Прогресс](#)
 - [Глава 71. Почти семья](#)
 - [Глава 72. Минусы на плюсы](#)
 - [Глава 73. Своим чередом](#)
 - [Глава 74. Свобода](#)
 - [Глава 75. Тишь да гладь](#)
 - [Глава 76. На круги своя](#)
 - [Глава 77. Как снежный ком](#)
 - [Глава 78. Дом, "милый" дом](#)
 - [Глава 79. Права и требования](#)
 - [Глава 80. Назад дороги нет](#)
 - [Глава 81. Кошки-мышки](#)
 - [Глава 81. В поисках утраченного](#)
 - [Глава 82. Карты на стол](#)
 - [Глава 83. Лиха беда начало](#)
 - [Глава 84. Сколь верёвочке ни виться](#)
 - [Глава 85. Ультиматум](#)
 - [Глава 86. Проигрыш шахматиста](#)
 - [Глава 87. Заседание](#)
 - [Глава 88. Нарушители](#)
 - [Глава 89. Решение](#)
 - [Глава 90. Шельмы](#)
 - [Глава 91. Союзники](#)
 - [Эпилог](#)
-

Леди из охотничьего домика, или Отвергнутая жена

Пролог

– Ой, как же это? – раздался совсем рядом дрожащий девичий голосок.

– Обыкновенно, – презрительно ответил другой, явно принадлежащий даме преклонных лет. – Под ноги смотреть нужно перед тем, как по лестнице спускаться. Вообще, не понимаю, зачем столько шума? Не люблю шум. Лойза, не мельтеши!

– Но я только посмотреть, матушка! – возмущённо возразила неизвестная мне Лойза.

Однако дама тут же резко её оборвала, добавив в голос немного властных металлических ноток: – На похоронах насмотришься! Если только в самом начале в обморок не упадёшь, изображая из себя «впечатлительную невинность». Мужчины подобное любят, ведь это позволяет им проявить себя благородными рыцарями и достойными представителями своих семей. Может, и приглянёшься кому-нибудь, не вечно же в девках ходить!

Я слушала этот странный разговор, а волосы на моей голове, и не только на ней, шевелились от постепенного осознания того, что именно эти двое обсуждают. Ещё имя странное – Лойза... Хотя, как только детей не называли в последние десятилетия. Не понимая, где нахожусь, я попыталась открыть глаза, но нисколько не преуспела в этом простом, казалось бы, деле. О чём речь, если даже сделать вдох как следует не удавалось, из-за ощущения давления в районе груди и рёбер. А ещё боль... Невыносимая боль, пронизывающая каждую клеточку тела... Неслабо всё-таки шандарахнулась при падении.

Пока я пыталась собрать воедино не только мысли, разбредавшиеся, словно овцы по полю, но и тело, отказывающееся подчиняться, послышался стук каблучков, и к беседующим присоединились ещё двое. По крайней мере, мне так показалось из-за разницы в грохоте, с которым звучали одни шаги по сравнению с другими.

– Я так понимаю, проблема Ойгена решена? – поинтересовалась та самая, «громко топающая» незнакомка, каждый шаг которой раздавался набатом в моей бедной голове.

– Как видишь, Айताल. Даже без крови обошлось, не придётся слугам паркет замывать и заново натирать.

Цинизм дамы поражал просто до глубины души. Тут явно кто-то насмерть разбился, свалившись с лестницы, а её полы интересуют! Сюрреализм какой-то! Я снова сосредоточилась на своём дыхании, хотя ощущения были не из приятных: будто меня долго пинали ногами, ломая каждую косточку из двух ста с лишним.

– Матушка, но Кристин же дышит!

О, а вот и четвёртое лицо присоединилось к обсуждению. Но, как и до этого, ни капли радости в голосе я не расслышала.

– Не мели чепухи, Эрсель! – прошипела дама. – Упасть с такой высоты, пересчитав все ступеньки, и выжить просто невозможно! Но если тебе так хочется, можешь проверить. Я мёртвых трогать брезгую! Бр-р-р...

Я прямо-таки представила, как эта циничная сволочь с отвращением поморщилась, демонстрируя свою неприязнь. Та, которую называли Эрсель, подошла совсем близко, затем что-то зашуршало, а потом щёлкнуло.

– Она... дышит... – сдавленно пискнула девушка, и мне по носу ударило что-то тяжёлое.

Я распахнула глаза, пытаюсь сфокусировать взгляд на удаляющемся от меня лице. Эрсель неожиданно икнула и исчезла из поля зрения. С хрустом повернув голову, я чуть приподнялась, но громкий визг уложил меня обратно.

– Кристин живая!!! Она живая!!!

После чего все три девушки ринулись прочь, не прекращая кричать от ужаса. Вот только не поняла, почему меня называли чужим именем и вообще где я?

Глава 1. Неудачный день

– Калинкина!!! Ты совсем обалдела?! – грозный рёв директора застал меня как раз в тот момент, когда я только собиралась улизнуть на обед.

Вот чего ему в офисе не работалось? Сидел бы себе сейчас в тепле, считал денежки, думал о том, как открыть пятый зоомагазин по счёту, и гонял секретаршу за кофе. Но нет, приехал в самую метель, когда одними только нашими молитвами проводка выдерживала все перегрузки во время ненастья. Генераторы? Дублирующая система или хотя бы нормальная разводка с предохранителями? Ха, и ещё три раза ха! А ведь у нас аквариумы, террариумы...

– Здравствуйте, Борис Григорьевич! Что-то случилось? – я натянула на лицо самую дебильнейшую из своих улыбок и захлопала ресничками, ибо «Подчинённый перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальства!» Ага, в полном соответствии именно с этой цитатой, приписываемой Петру Первому, и которую наш директор повесил у себя в приёмной.

– Леночка-а-а-а...

А вот такой тон точно не предвещал ничего хорошего, но лезть на рожон, а тем более сбегать, было совсем глупо, поэтому продолжила изображать из себя полную идиотку: – Да, Борис Григорьевич?

Директор продолжал наступать на меня, раздражённо стряхивая комки мокрого снега, успевшие налипнуть на дорогую шубу за время шествования от машины до магазина. Вот сейчас натрясёт, набрызгает, а мне потом вместе с девочками снова полы намывать и подсушивать, чтобы покупатели себе руки-ноги не переломали, поскользнувшись на мокром кафеле.

– Леночка, надеюсь, что вы помните о том, где именно работаете!

– Конечно, Борис Григорьевич. А что-то не так?

Вроде ничего такого не сказала, а из директора пар начал валить, как от старого паровоза, подъезжающего к платформе.

– Последний раз напоминаю: ты работаешь в зоомагазине, а не в книжном!!! Ты должна продавать живность, а не макулатуру! Почему

ты только что отказалась продать рыбок покупателю, а вместо этого всучила ему справочник юного аквариумиста?! Хороший продавец впарил бы ему не только рыбку, но и новый аквариум, гальку, водоросли, аэраторы, лампы, несколько пачек витаминов и кормов!

– Но Борис Григорьевич! Он же рыбок загубит, а остальное попытается вернуть. а так как товар к тому времени будет уже невозвратным, он нас по судам затаскает. Вот вам это нужно?!

– Умная, да? Так, может, продемонстрируешь свой интеллект где-нибудь в другом месте?

Чёрт, нужно было всё-таки сматываться, потому что, отступая назад, я оказалась зажатой между столом и директором. На моё бедро легла горячая потная ладонь. обжигающая своим жаром даже через плотную джинсовую ткань, а поползновения толстых пальцев не оставляли ни малейшего шанса на невинное продолжение распекания моей персоны.

Тем временем директор продолжил: – ... если женщина считает себя слишком умной, то начинает говорить чересчур много глупостей, а, значит, её рот стоит занять более подходящим делом... Чего ты кочевряжишься, дура? Ты ведь для этого идеально подходишь!

А вот это было больно. Очень больно. После того как Борис Григорьевич узнал от одной из продавщиц, что у меня из-за анатомических особенностей никогда не может быть детей, то быстро дал отставку последней пассии и начал подкатывать ко мне. Понимаю, что сама дура, разоткровенничалась как-то с коллегами, поделилась своей бедой, но уже поздно голову пеплом посыпать. Зато директор теперь считает, что на роль любовницы идеально подхожу, ведь ему можно будет не заботиться, ни о покупке презервативов, ни о том, что забеременею. Прямо-таки голубая мечта мужика вида «енот-потаскун обыкновенный». О том, что барьерные контрацептивы ещё и защищают от зппп, Борис Григорьевич как-то не переживал, считая, что к его достоинству никакая дрянь не прилипнет, да и любовниц подбирал среди своих работниц, надеясь, что ни одна из них, из страха потерять работу, не станет ему изменять.

– Борис Григорьевич, что вы делаете? Я же чётко сказала вам «нет».

– Вчера «нет», а сегодня вполне может быть и «да»... Неужели не хочешь прибавку к зарплате? Не глупи, самой же понравится!

— Сомневаюсь! — изловчившись, я двинула одновременно локтём в нос, а коленом промеж ног директору.

Пока тот был, не зная, за что хвататься: верх или низ, так как ручки одновременно не дотягивались до пострадавших мест, я рванула в подсобку за пуховиком и рюкзачком. Всё, хватит с меня этой работы! Пусть в других местах платить будут меньше, зато целее буду. Уже подбегая к спуску в метро, сообразила, что на ногах по-прежнему лёгкие кеды, а ступеньки на лестнице так и не очистили ото льда, превратив их в настоящую горку. Нелепо взмахнув руками, чтобы сохранить равновесие, я всё-таки не удержалась и упала. Боль... Хруст... Темнота...

Глава 2. Сострадание и милосердие

Определённо, последнее, что я помню – это падение со скользкой лестницы, ведущей в метро. Там вообще удержаться не было никаких шансов, так как все подступы к перилам были завалены горками смёрзшегося снега, а каждая ступенька оказалась покрыта толстой коркой льда, из-под которой виднелись только сантиметра три-четыре гранита. В общем, даже будь я в своих зимних ботинках, они бы меня не спасли. Вот только не поняла, каким образом вместо тёмного подземного перехода оказалась лежащей в достаточно богатом старинном доме и смотрю сейчас в красивый потолок с расписным плафоном. Настолько сильным был удар, что воображение подкинуло такой странный сон?

– Чего разлеглась? Вставай и иди в свою комнату, Кристина! – раздался голос дамы.

Я перевела взгляд на женщину лет пятидесяти на вид, одетую в платье века этак восемнадцатого, но причёска была намного проще, чем на картинах тех времён, хотя и достаточно вычурная.

– Кристина! Я к тебе обращаюсь! Хватит разлёживаться и портить своим снулым видом моё настроение!

Ничего себе заявочка! Я хотела было ответить, что никакой Кристины не знаю, а меня зовут Елена, но губы сами собой прошептали: – Да, матушка...

Матушка?! Какая матушка?! Мои родители были кончеными алкоголиками с ранней юности и, кроме бутылок с горячительными напитками весьма паршивого качества ничем больше в жизни не интересовались, изредка перебиваясь случайными заработками, чтобы было с чем посидеть за столом, да закусить. Поэтому ничего удивительного, что я в один прекрасный день оказалась в детдоме, а они замёрзли в сугробе после очередного недельного запоя. Это уже от органов опеки узнала, что у меня было два старших брата, которых в своё время тоже изъяли из семьи, но, к сожалению, закончили они тоже печально: один так же спился, другой стал наркоманом и был убит в каком-то притоне. Вот так детская мечта о том, чтобы найти

каких-нибудь родственников, познать, что такое настоящая семья, канула в Лету.

Всё ещё не понимая, каким образом произнесла слова, которые совершенно не были к месту, я попыталась приподняться, но слишком сильно кружилась голова, руки и ноги почти не слушались. Ещё корсет сильно мешал нормально сесть. Корсет?! С удивлением переместив взгляд на свою грудь, едва угадывающуюся в декольтированном лифе, украшенном мелкими рюшами, действительно обнаружила корсет! Вернее, он был спрятан под тонкой тканью платья с широкой пышной юбкой.

– Ты долго ещё будешь испытывать моё терпение?! Немедленно убирайся отсюда! – начала выходить из себя дама, наступая на меня с таким видом, словно я ей ведро помоев под ноги плеснула. – Не забывай, что ты здесь никто, и тебя терпят только по той причине, что ты оказалась женой моего единственного сына!

Оп-па... Так это передо мной свекровушка этой самой неизвестной Кристины ядом брызжет. Зато сразу понятно, насколько невестку любят и уважают в этом доме. Вот не дай бог мне такую родственницу заиметь – я бы сразу села за убийство при таком-то отношении, если не смогла выгнать из семейного гнезда. Но при всём при этом странности продолжались: вместо того, чтобы достойно ответить на этот «наезд», внезапно почувствовала липкий страх, поднимающийся откуда-то из глубин души, перерастающий в ужас. Перед глазами замелькали сцены с участием этой женщины, и не сказала бы, что они были радужными. Очередная попытка сесть привела к тому, что от резкой боли в свет померк, погрузив меня в темноту.

Пробуждение выдалось мучительным и весьма болезненным: всё тело ломало так, что орать хотелось, вот только не получалось, так как в горле банально пересохло сильнее, чем в пустыне Сахара. Надежда на то, что сцена, разыгравшаяся у подножия лестницы в особняке – всего лишь галлюцинация, вызванная стрессом после очередных приставаний директора и сотрясением мозга вследствие падения с обледенелых ступеней, не оправдалась. На этот раз я оказалась лежащей на просто-таки гигантской кровати в окружении целой кучи подушек разного размера, а над головой вместо потолка был растянут балдахин.

При попытке повернуть голову, шея снова противно хрустнула, заставив содрогнуться всем телом не только от звука, но и от боли. Зато в поле зрения попал графин с водой, стоящий на небольшом, круглом столике почти у самой кровати. Вот он, стимул к победе! Кряхтя, словно столетняя старуха, я перевернулась набок, а затем на живот и поползла к источнику вожденной влаги. Чтобы не шлёпнуться на пол, ухватилась за один из столбиков в изголовье и смогла принять вертикальное положение. Потренировавшись ещё немного, почувствовала, что тело стало более-менее подчиняться, и встала на ноги. Шатало, меня, конечно, знатно, но графин манил похлеще открытого сейфа с бесхозными слитками золота.

На столике также обнаружился стакан, поэтому перспектива захлебнуться, приложившись к горлу графина, мне не грозила. Кое-как налив воды, а не расплескав её себе на платье, я жадно приникла к холодному стеклянному ободку. Вот никогда бы не подумала, что несколько глотков способны не только утолить жажду, но и вернуть к жизни! Второй стакан уже пошёл бодрее, а третий окончательно дал почувствовать счастье бытия. Я было прицелилась на четвёртый заход, как дверь в комнату тихонько приоткрылась и в неё проскользнула какая-то девушка.

Увидев меня, она всплеснула руками и возмущённо прошептала: – Госпожа Кристина, зачем вы поднялись? Вам же нельзя вставать! А ну как опять в обморок упадёте, снова лекаря звать придётся!

Ёпрст, опять эта самая «Кристина». Стоп, какого лекаря?! Так ведь врачей в старину называли. Допустим. По крайней мере, негативных эмоций по отношению к этой девушке я не почувствовала, в отличие от «свекобры». – А что, лекарь приходил?

Девушка замялась, пряча глаза: – Не сразу. Вначале госпожа Доротея сильно ругалась на вас, что сами не захотели идти к себе в комнату, а потом всё-таки приказала слугам отнести сюда, раз вы не соизволили прийти в себя.

Обалдеть, какая «милосердная» свекровь. Даже ничего не шевельнулось внутри при виде бессознательного тела. Ай-ай-ай, какая же я гадкая, что не очнулась и не избавила столь важную госпожу от хлопот по транспортировке полуживого тела. – А потом что было?

– Ну как... Вас на сутки заперли в наказание за неповиновение, а потом, когда проверили и увидели, что вы так и лежите, как положили,

позвали лекаря, госпожа Кристина...

Я как стояла, так обратно на кровать и села, не в силах что-либо произнести от шока. Это получается, что из-за того, что была в обмороке после падения, оказалась наказанной и фактически оставленной без медицинской помощи... Жуть какая. Хорошо, что жива осталась.

Тем временем девушка продолжила: – Лекарь в вас какое-то снадобье влил, а потом сказал, что либо выживете, либо умрёте, и ушёл...

– Какой сострадательный, однако, господин...

– А то вы старого Жилло не знаете! Он же только приказания госпожи Доротеи исполняет всегда: сказано привести в чувство, значит, приведёт, а про лечение или ещё какую помощь разговора не было. Ой, заболталась я совсем, побегу я, иначе накажут, если обнаружат, что к вам заходила. Вот, поесть немного принесла, госпожа Кристина, – девушка всучила мне в руки кусок засохшей булки и ломтик сыра, а затем быстро выскочила из комнаты.

Куда я попала?!

Глава 3. Кто же я?

Ладно, каким бы странным ни был этот глюк, а разобраться в нём всё-таки нужно. Чем больше времени проходило в этом странном месте, тем меньше сомневалась, что вижу диковинный страшный сон. Следующим этапом познания происходящего стал туалетный столик с большим круглым зеркалом, который я углядела возле окна. Вот туда и направилась, заставляя тело повиноваться через силу, которой почти не ощущалось.

О нет, я никогда не страдала нарциссизмом, тем более настолько, чтобы в таком состоянии вместо того, чтобы отлежаться, стремиться к самолюбованию. Просто ещё до этого меня смутила прядь волос, упавшая на глаза, а точнее, её цвет. Сколько себя помню, всегда была обладательницей светло-русой шевелюры или даже больше модном в этом сезоне оттенке «льняной блонд», а вот то, что я увидела перед своим носом, было больше похоже на очень светлый, практически белый цвет. Но не седой точно.

Пока брела к намеченной цели, медленно переставляя ноги, прислушивалась к творящемуся в доме, но если где-то что-то происходило, то точно не на этом этаже, а ниже. Судя по кронам деревьев, я сейчас находилась примерно на третьем, хотя вполне могу ошибаться. Всё-таки как хорошо, что зеркало прикручено к туалетному столику! Оперевшись руками в столешницу, постояла несколько минут, свесив голову, чтобы унять расплывающиеся круги перед глазами, а когда, наконец, посмотрела на себя, едва не упала. Это была не я!

В отражении на меня смотрела белокурая блондинка с пепельного оттенка бровями, под которыми лихорадочно блестели иссиня-голубые глаза, казавшиеся просто огромными на худом, покрытом почти полупрозрачной кожей, лице. Высокие скулы, излишне подчеркнутые ввалившимися щеками, однако намекали, что стоит улыбнуться, как появятся кокетливые ямочки. Я перевела свой взгляд чуть ниже, задержавшись на губах идеальной формы: не слишком тонких, но и не чересчур пухлых, а завершал всё это изящно очерченный подбородок...

Первая мысль, возникшая в голове после того, как немного отошла от шока: после детдома я выглядела и то пухлее, хотя всегда отличалась астеничным телосложением. В целом откормить бы немного это тело, и совсем красоткой стала, а не «бухенвальдским крепышом». Сейчас же ключицы торчали так, что виднелись под тканью платья, словно его и не было. И вот это вот тело ещё лишили еды?! Они тут что, совсем с ума посходили?! Вены просвечивают синевой настолько, что плакать хочется, а «стиральная доска», уходящая в декольте, и вовсе повергала в тоску, если не в ужас. На вид моему отражению сейчас около восемнадцати – двадцати лет с небольшим, в то время как мне совсем недавно исполнилось тридцать два.

Но больше всего меня беспокоили круги под глазами, нехарактерные ни для результата многочисленных недосыпов, ни долгого голодания. Подозревая худшее, я взяла в руки зеркальце на длинной ручке, лежащее рядом с правой рукой, а затем чуть отогнула ухо, концентрируя своё внимание на отражении. Тёмно-лиловый ободок, замеченный мной, заставил отвести косу в сторону и увидеть гематому, располагающуюся чуть ниже линии роста волос... Перелом основания черепа? Но ведь с такими травмами не живут, а тем более не ходят!

Вцепившись пальцами в край столешницы, медленно опустилась на пуфик, отказываясь верить в происходящее. Это что... получается, что я умерла? И тут, словно решив дать полный ответ на все мои вопросы, в голову хлынул поток смешанных воспоминаний.

Всё это было похоже на нарезку из фрагментов фильмов, перемежающихся между собой, будто разноцветные стёклышки в игрушечном калейдоскопе. Я видела эпизоды из своего детства, затем юности, а потом взрослой жизни, если можно так обозначить десяток лет, предшествовавший последнему дню моей жизни. Да, я всё-таки умерла в результате падения при спуске в подземный переход. Самым необычным, пожалуй, даже странным, было видеть собственное тело в полужастёгнутом пуховике с неестественно откинутой набок головой на гранитных плитах перехода. Причём в этот момент находилась сверху, наблюдая, как подбегают прохожие и спорят, кого вначале вызвать: скорую или полицию.

Но также видела тело юной баронессы Кристины Вербер-Майер, замершее в нелепой позе у подножия лестницы, а также спускающуюся с победоносным видом Доротею. Девушка, а вернее, молодая женщина не видела, кто её толкнул, но сама мизансцена, а также те ощущения горячей кожи между лопаток не оставляли ни малейших сомнений, что ей придала ускорение не кто иная, как «свекровушка, любящая пить кровушку». После того как та убедилась, что ненавистная невестка не дышит и отошла в сторону, словно только что вошла в зал из гостиной, я услышала «Живи и никогда не забывай», после чего Кристина сделала первый вдох, а затем и второй.

Теперь понятны недовольство и раздражительность Доротеи, когда её средняя дочь заметила, что я жива. Точнее тело Кристины, в котором оказалась моя душа. Какие силы притянули меня, а главное – с какой целью, непонятно. Что это был за посыл, и что именно он означал – тоже. Пока единственное, что было предельно ясно – в свою прошлую жизнь я совершенно точно не вернусь, так как Елена Сергеевна Калинкина умерла, назад дороги нет, и придётся мне начать жить заново. Причём, опираясь на разрозненные воспоминания Кристины. Вообще, странная у неё память: такое ощущение, что всё, что её не интересовало, попросту не задерживалось в голове. Было ли это следствием какой-то травмы или просто защитной реакцией психики, пока сложно понять.

Итак, что я имею... Теперь я – Кристина Вильгемина Вербер-Майер, жена барона Ойгена Ристофа Майера. Сирота с возраста пяти лет, воспитывалась в закрытом пансионе, по окончании которого сразу же вышла замуж. Сейчас мне двадцать один год, соответственно, из которых уже три нахожусь в браке. Сразу же после церемонии венчания забеременела, с радостью ждала рождения первенца, но вот где он – провал. Полнейший. Помню только, что роды были сложные, длились то ли два, то ли три дня, а в результате едва не скончалась из-за открывшегося кровотечения. Лекари спасли, но строго-настрого запретили ближайшие двенадцать месяцев снова беременеть, хотя муж настаивал на рождении наследника и всячески этому способствовал, не зная, что принимаю противозачаточные снадобья. Получается, что ребёнок умер? Скорее всего.

Ойген жаждал появления наследника, злился, что ничего не выходит, и обвинял во всём никчёмную жену. Честно говоря, не

удивлена, что Кристина боялась снова рожать после такого-то первого опыта, хотя и рыдала каждый раз после вердикта лекаря, что организм по-прежнему не оправился и не способен выносить ребёнка из-за общей слабости. Вот же парадокс: страшилась новой беременности, но также горячо хотела подарить мужу сына. Хотя... Если учесть местные нравы, ничего удивительного, что баронству нужен наследник.

Идём далее. Доротея Эления Майер – свекровь. С ней как раз таки всё яснее ясного: невестку невзлюбила с первого взгляда, но до родов ещё как-то терпела, а потом всячески пыталась сжить со свету, допекая постоянными придирками и замечаниями. В конечном счёте из тихой, но жизнерадостной девушки, молодая баронесса превратилась в забитое аморфное существо, больше напоминающее тень прежней себя. Судя по тому, что теперь я – Кристина, Доротея решила перейти к активным действиям. Похоже, что за свой второй шанс на жизнь мне придётся побороться, держа ухо востро, чтобы окончательно не распрощаться с белым светом.

Сразу же после горячо любящей матери мужа следует распрекрасная троица её дочерей: Айталь Сибелия, Эрсель Инрия и Лойза Ренея. Совершенно разные по комплекции и внешности, но одинаково гадкие «внутри». Что тут сказать... От осинки не родятся апельсинки, а Доротея весьма преуспела в воспитании своих наследниц, взрастив практически три свои копии. Разве что в каждой из этих девиц ещё сохранилась капелька чего-то человеческого. Хотя воспоминаниям Кристины я бы всё-таки не доверяла.

В принципе, на этом круг домочадцев, если не считать прислугу, закончился. После всего пережитого, а затем и усиленного мозгового штурма, посвящённому систематизации воспоминаний, голова просто трещала, а в горле снова пересохло, поэтому как бы мне ни было удобно сидеть на мягком пуфике, пришлось снова идти к столику за водой. Странно, но сейчас я чувствовала себя намного бодрее, чем когда пришла в себя. Опустошив графин, хотела было снова прилечь, но дверь в комнату распахнулась, и вошедшая служанка мрачно произнесла: – Настало время еженедельного визита, госпожа Кристина.

Глава 4. Софи

Что ещё за еженедельный визит? Муж? Точно нет, ведь Ойген обычно являлся ночью для исполнения супружеского долга. Я попыталась мысленно воздействовать на память, но ничего, кроме того, что Кристину эти визиты весьма раздражали, не нашла. Каждый раз она почему-то мучилась угрызениями совести, вплоть до депрессивного состояния, но почему не отменяла тяготившие её встречи – тоже непонятно. Вычленить что-то вразумительное, как я ни старалась, не удалось.

После того как служанка предупредила о визите, а затем исчезла, прошло минут пять, прежде чем в коридоре снова раздались шаги. Не понимая до конца, чего ожидать, я просто присела на край постели, рефлекторно потирая шею. Наконец, дверь открылась, пропуская всё ту же Фанни, имя которой само собой всплыло в памяти, а затем ещё одну служанку, несущую на руках прелестную малышку лет двух-трёх на вид. Трёх, – автоматически поправила я саму себя, сопоставив факты о беременности и родах Кристины. В том, что это теперь моя дочь, сомнений не возникло ни на мгновение: те же голубые глаза, овал лица, угадывавшийся без проблем, несмотря на детскую пухлость щёчек, и светлые волосы один в один повторяющие оттенок прядей своей матери. Глаза девочки смотрели на меня с такой серьёзностью, что я испугалась разоблачения, ведь дети прекрасно чувствуют настроение и состояние матери, являясь своеобразным резонатором.

Но малышка молчала. Мне показалось странным, что ребёнок её возраста не был приведён, но потом решила, что, возможно, девочку попросту взяли на руки, чтобы так было быстрее добраться до моей комнаты. Ещё мне не понравилась худоба девочки. Да, у неё были пухлые щёчки, но они у всех детей такие из-за особенностей физиологии, но вот ручки и ножки были худыми. Неужели девочку кормят так же скудно, как и её мать?

Фанни встала у дверей, чем напомнила мне больше конвоира, чем простую служанку, и зорко следила за происходящим. Бинди – няня девочки прошла вперёд, продолжая нести свою подопечную, а затем замерла в метре от меня. – София всю неделю вела себя достойно. Всё

остальное – без изменений, – сухо отрапортовала девушка, чей тон больше соответствовал бы какой-нибудь сушёной вобле в годах Доротей.

– Что значит «без изменений»? – против воли вырвалось у меня, хотя я предпочла бы молчать, чтобы не вызвать подозрений хотя бы на первых порах.

Фанни, фыркнув, закатила глаза и презрительно пробормотала: – Родила убогую, а всё на чудо надеется...

То есть, девочка больна? Странно, но никаких внешних проявлений отклонений я не обнаружила. Кристина Фанни недолюбливала, но старалась при ней рта лишнего раз не открывать, опасаясь, что та всё доносит свекрови. Но меня замечание служанки оскорбило до глубины души, и я снова не сдержалась: – Попрошу прикусить свой бойкий язычок, когда речь заходит обо мне и моей дочери!

Глаза девочки удивлённо округлились, но она снова не произнесла ни слова, только внимательно продолжала следить за каждым моим движением. Немая? Вполне возможно, ведь Кристина после рождения ребёнка не слышала крика. Впрочем, она так часто теряла сознание, что вполне могла в этот момент находиться в отключке.

Фанни скривилась, словно сжевала лимон целиком, бросая взгляды, полные ненависти, в мою сторону. Я же медленно поднялась с кровати и расправила плечи, выражая всем своим видом непреклонность, и, несмотря на слабость, готова была стоять до последнего.

– Кажется, вы слишком сильно ударились головой... Пойду доложу госпоже Доротее, – прошипела Фанни и исчезла за дверью.

– Можете опустить Софию, – обратилась я к Бинди. – Теперь я хочу услышать ответ на заданный мною ранее вопрос: что именно «без изменений» с моей дочерью?

Вместо того чтобы поставить девочку на пол, няня посадила её на кровать, а потом всё так же меланхолично ответила: – По-прежнему не говорит и не ходит.

Кристина родила больную дочь и поэтому так не любила дни, которые посвящались встречам с дочерью, чувствуя свою вину? Но как же так можно? Если ребёнок с отклонениями, то ему, наоборот, нужно уделять гораздо больше внимания, чем здоровому. Ещё и эти редкие

встречи... Я помню и из уроков истории, и из классической литературы, что дети в богатых семьях почти сразу же после рождения перепоручались нянькам, а со своими родителями виделись пару раз в день, а то и реже, но всё-таки... Это же ребёнок, родная дочь, как можно быть такой бессердечной?! И всё-таки у меня возникли сомнения по поводу того, что у Софии родовая травма или какие-то врождённое заболевание. Я не только видела, но и работала с детьми-инвалидами, хоть и не так долго, у них реакции иные. Девочка же едва заметно поёрзала на своём месте, но, увидев, что я смотрю на неё, замерла. Параплегия? Нейропатия нижних конечностей? Всё может быть... Я, конечно, не врач, но кое в чём всё-таки разбираюсь. Как бы проверить реакции Софии, не привлекая внимание Бинди? В этот момент малышка сглотнула, а затем облизала сухие губки.

— Принесите воды, София хочет пить! — пользуясь удачно подвернувшейся возможностью, приказала я няне.

— А как же... — возразила было Бинди, показывая на край кровати.

— Она сидит достаточно далеко, не свалится. И пригляжу.

Поджав губы куриной гузкой, няня вышла из комнаты, а я присела перед кроватью, улыбаясь, чтобы вызвать расположение девочки: — Здравствуй, Софи. Ты не будешь против, если я поглажу тебя по спинке, а потом по ножкам?

Вспомнив, что теперь она является моей дочерью, я легонько, едва касаясь кончиками пальцев, провела по пухлой щёчке. Глаза Софии округлились, ещё больше делая её похожей на фарфоровую куколку. А потом она потёрлась об мою руку. Я привстала с колен и притянула к себе девочку поближе, как бы щекоча её по спине, хотя через плотное платье сделать это было не так-то просто. И тут худенькие ручки обвили мою шею. Как мне удалось сдержать слёзы, не знаю, но в горле застрял такой ком, что даже вздохнуть было сложно. Спокойно, Лена, держи себя в руках!

Осторожно, чтобы не потерять равновесие, и при этом не уронить Софию, казавшуюся просто пушинкой, я опустилась на кровать, усадив девочку к себе на колени. Не выпуская меня из объятий, она ещё сильнее прижалась ко мне. А я только чувствовала, как трепещет в груди маленькое сердечко, словно у птички, пойманной в сети. Продолжая говорить милые глупости, которые когда-то произносила своим маленьким пациентам, слегка проверила рефлексы и мышечный

тонус Софии. Паралича не было! К сожалению, более обстоятельный осмотр провести не удалось, так как вернулась Бинди, но я была уверена, что не всё ещё потеряно и у дочери есть все шансы встать на ноги, пусть и не так скоро, но они есть!

Приняв принесённый стакан с водой у няни, помогла Софии попить, а сама осторожно поинтересовалась: – А ноги, как часто ей разминаете?

На лице Бинди проскользнуло искреннее удивление: – Зачем? Так, поглаживаю слегка после сна, чтобы кровь не застаивалась, но не более. Врачи говорили, что вредно прилагать усилие, сосуды лопнут, и тогда беде быть – придётся ноги отнять.

У меня на голове волосы зашевелились после услышанного.

Глава 5. Что же делать?

Время, отведённое на визит, закончилось, и Софи унесли. А я в ярости металась по комнате, сжимая от бессилия кулаки. Откуда только ресурсы взялись, если ещё час назад чувствовала себя измученной, побитой молью тряпочкой? Даже шея перестала напоминать о себе, хотя рука продолжала время от времени тянуться к ней, чтобы помассировать. Глупость, согласна, особенно если учесть полученные при падении травмы, но так становилось легче.

Вот что за несправедливость жизни? Почему те, кто хотят иметь детей, не могут не только родить, но и зачать, а другие так спокойно отмахиваются от своих родных только потому, что они родились не такого пола?! Кристина ведь не проявляла никакого интереса к дочери именно по этой причине, это только потом, когда ей стали давить на нервы, что воспроизвела на свет убогую дочь, окончательно отрешилась от неё, убрав даже малейшие воспоминания о ней. А ведь это живой человек, которому необходимы любовь, ласка и внимание! Да просто нормальное общение!!!

И ведь Кристина родила здоровую дочь, инвалидом девочку сделало окружение, и после осторожных расспросов Бинди, я была в этом уверена на девяносто пять процентов!

... госпожа Доротея не любит шум, поэтому мы закрывали Софии рот, чтобы она не плакала и кричала, ожидая, когда начнёт говорить связно! Но чуда не случилось...

... госпоже Доротее не понравились кривые ножки внучки, и мы плотно их пеленали до полутора лет, чтобы выпрямить!

... юной госпоже не подобает ползать по полу, тем более что так пачкается дорогая ткань, поэтому строго следили, чтобы этого не происходило!

... дети не должны иметь лишний вес, так как он затормаживает развитие и не даёт полноценно встать на ноги, поэтому мы строго контролируем размер порций, категорически не даём сладкое, так как оно возбуждает неокрепшую психику, что недопустимо!

... девочка неполноценна, пора признать это, госпожа Кристина и смириться.

Неполноценна?! После всего, что с ней творили?! Да они тупо не дали ребёнку нормально развиваться и познавать мир в соответствии с возрастом и потребностями! Затыкать рот новорожденной малышке – это вообще верх садизма! Как только можно было до такого додуматься?! Мне даже страшно представить, какой урон психике Софи нанесён за эти годы... Девочке не давали говорить и запрещали двигаться, хотя она не была лишена способностей к этому изначально! И хорошо, если малышка попросту замкнулась, а потому бросила все попытки противостоять натиску взрослых...

Внутри меня бушевала такая ярость, что на ладонях глубоко отпечатались следы ногтей. Доротея... Везде и отовсюду торчат её нос и мнение! Госпожа то, госпожа это... До появления Софи мне было гораздо проще справиться с мыслями и наметить шаги, чтобы действовать, но сейчас... Одно дело – держать ухо востро и не поддаваться на провокации свекрови и её подручных, совсем иное – знать, что в этом доме живёт маленький беззащитный ребёнок, которого могут, а, скорее всего, постараются использовать в качестве рычага давления. Узнав о существовании Софи, я теперь точно не смогу её бросить. Совесть не позволит и тот самый шанс стать матерью, который мне не светил даже при всех современных технологиях моего мира. «Спасибо» родителям с их разгульным образом жизни.

... бракованная! Зачем ты мне такая нужна?!

... недоженщина. Кусок бесполезного мяса...

... дочь алкашей, чего взять? Хорошо, что узнал до того, как решил связать с тобой жизнь! От тебя всё равно родились бы уроды!

Вроде бы уже пережила всё это неоднократно, но из глаз всё равно покатались слёзы. Я ведь из-за своего происхождения пошла учиться после детдома на учителя биологии, чтобы донести до подрастающих поколений, насколько важно ещё с юных лет задумываться о собственном здоровье. О своём диагнозе узнала почти перед самым выпуском, случайно заглянув в медицинскую карту, оставленную на столе врачом, которого срочно попросили подойти к заведующей. Есть такой вариант недоразвития матки, когда её называют «инфантильной» из-за размеров меньше нормы. Да, возможно на это повлиять специально подобранными схемами лечения, но только не при первой стадии, самой худшей, с которой может столкнуться женщина,

мечтающая о большой семье. А тест на генетику, на который копила в надежде на то, что если мой мужчина согласится на услуги суррогатной матери, показал такое количество поломок и мутаций, что я пришла в ужас. Обречь собственного ребёнка на жизнь в бесконечных муках для меня было недопустимо. Поэтому тему с рождением детей пришлось закрыть раз и навсегда, надеясь, что смогу встретить достойного мужчину, согласного не только создать со мной семью, но и на усыновление.

Не срослось. Почему-то даже те, кто о продолжении рода не собирался задумываться в ближайший десяток лет, бежали от меня, как от чумной, услышав о диагнозе. Врать я никогда не умела, да и что вышло бы из семьи, которая начинается с обмана? Явно ничего хорошего. Меня бросил первый любимый человек, потом второй, запустив череду болезненных расставаний. После одного из таких пришлось даже уйти из школы, так как тот период совпал с эпидемией, и педагогов из старшей школы отправляли в младшую, находившуюся в отдельном здании, на замещение. Поначалу было непросто оказаться в окружении первоклассников, а потом со мной случилась истерика, когда они меня обступили на перемене и начали обнимать, благодаря за урок. Как я удержалась на грани нервного срыва, не знаю. Прошла по самой грани.

Пришлось потратить все сбережения на визиты к психологу, вроде всё нормализовалось. Выучилась на медсестру, потом на массажиста, работала с детьми-инвалидами. Пока не сделала замечание одной мамочке, грубо обращавшейся со своим сынишкой. Попросили уйти, а так как та не успокоилась и накатала жалобы на всевозможных порталах и сайтах, обратный путь в профессию оказался закрыт, ведь никто не захотел доверять своего ребёнка «грубиянке и хамке, не знающей своего места». Вот так и оказалась в зоомагазине, благо первое образование сыграло на руку.

И вот как после всего того, что я пережила в своей жизни, смогу бросить Софи? Ответ для меня очевиден. Остаётся тщательно продумать свои действия, чтобы понять, как существовать в этом мире, не сгинуть самой и помочь дочке. С основными домочадцами я уже «познакомилась», с ними всё предельно ясно. Самым разумным вариантом будет минимизировать контакты по максимуму, не расслабляясь при этом ни на минуту. А ведь ещё остаётся Ойген.

Муж. О нём у Кристины сохранились самые радужные воспоминания: самый красивый, самый умный, самый благородный, самый понимающий, в отличие от неё самой никчёмной... И вот тут у меня возникли большие сомнения, что на самом деле так и есть. Тут даже не звоночки в моей голове зазвучали, а главный колокол на звоннице храма. Слишком характерные эмоции для женщины, состоящей в абьюзивных отношениях. Впрочем, может это мои собственные заморочки, учитывая опыт работы с психологом. Пока лично с Ойгеном не пообщаюсь, глупо что-то утверждать, ведь так можно легко ошибиться. А пока он в отъезде на несколько дней, стоит хорошенько обдумать варианты разговора с ним, чтобы и Доротею на место поставить, и донести до него, что свекровь пыталась от меня избавиться.

Я снова подошла к зеркалу и посмотрелась в него. Так, не поняла...

Глава 6. А зачем нам невестка?

Пришлось не только глаза протереть, дабы понять, что мне не привиделось, но и снова взять в руки то самое зеркальце. Не только под глазами исчезли страшные круги, делавшие меня похожей на мать после очередной порции «науки глупой женщине» от отца, но и от гематомы на шее практически не осталось ни следа. В моей голове увиденное ну никак не укладывалось в рамки привычной картины мира. Если нельзя объяснить всё обычными и привычными вещами, то остаётся поверить в мистику или что-нибудь подобное. Что первым делом приходит на ум? Как минимум магия. Но о ней в памяти Кристины не оказалось никаких упоминаний, равно как и о том, что девушка владела каким-нибудь даром.

Из всего, что со мной случилось, выходило, что около полутора суток я лежала на грани жизни и смерти, а потом очнулась. Ладно, опущу тот факт, что вообще выжить после падения с лестницы не должна была. Что произошло между сценой в тот день и возвращением в сознание? Был лекарь, дал какое-то лекарство, но гарантировать, что оно поможет, не стал. Обладало ли оно каким-нибудь волшебным эффектом? Вполне может быть. Может и нет. Ещё познакомилась с Софи и даже держала её на руках. А она меня обнимала как раз за шею. У девочки есть целительский дар? Тогда его наличие бы заметили и точно не стали бы считать её никчёмной. Не говоря уже о том, что она сама могла бы себе помочь как заговорить, так и встать на ноги, если всё-таки имеют место физиологические нарушения. Или тут вариант «сапожник без сапог»? Уфф... Дайте мне, пожалуйста, кто-нибудь инструкцию ко всему происходящему или хотя бы сценарий!

Остаётся ещё один вариант – я сама себя подлечила и продолжаю излечивать. Вспомнить те же самые периодические прикосновения к шее. Возможно, они происходили инстинктивно, ведь всегда хочется прикоснуться к больному месту, чтобы стало легче, ушёл дискомфорт хотя бы на некоторое время за счёт тепла ладони, а также защитить от повторного негативного воздействия, если существует такая угроза. Как бы это ещё проверить?

Я прошла по комнате и увидела столик с круглым аквариумом, внутри которого плавала золотая рыбка, похожая на Красного Риукина. Роскошный хвостовой плавник притягивал внимание, погружая своими размеренными колебаниями практически в медитацию, заставляя отрешиться ото всего. За всё время в зоомагазине больше всего меня радовали смены в третьем отделе, где как раз располагались огромные аквариумы, заполненные самыми разнообразными видами рыб. Я дотронулась до выпуклой стенки, наблюдая за реакцией риукина. Рыбка подплыла поближе, а затем, резко развернувшись, переместилась в другую часть аквариума. Не знаю, к счастью или к огорчению, что не удалось проверить свою гипотезу насчёт дара, но любимица Кристины была абсолютно здорова.

Промаявшись до самого вечера, я услышала поворот ключа в дверном замке, после чего в комнату вошла служанка с подносом.

– Ваш ужин, госпожа Кристина.

Сняв клош с тарелки, я не удивилась, почему теперь уже моё тело напоминает больше суповой набор. Ужин был не просто скромен, а весьма скудноват, особенно если учесть, что обеда не было. Четыре крохотных, зажаренных до хруста кружочка острой колбаски и половинка яйца, сваренного вкрутую. Из напитков был только стакан воды, который я, естественно, осушила до дна, попросив принести ещё, и наполнить графин. После ужина так никто больше не появился, поэтому просто умылась водой из-под крана в небольшой ванной комнате, примыкающей к спальне, а затем легла спать.

Естественно, утром меня настигла такая жажда, что впору было выпить всё содержимое аквариума, только чтобы оросить пустыню внутри себя. К сожалению, мою просьбу не выполнили и пустой графин не заменили на полный. Ладно, в конце концов, я не настолько брезглива и тем более не страдаю боязнью употребления сырой воды из-под крана, утолю жажду водопроводной. Но совершенно неожиданно для себя обнаружила, что дверь в ванную комнату не поддаётся. Подёргав ручку несколько раз для верности, оставила пустую затею и решила вернуться в кровать.

Проходя мимо аквариума, я заметила стоящий возле него наполненный стакан, которого накануне точно не было! Взяв его в руку, осторожно принялась, пытаясь понять, что за жидкость в него

налита, но неожиданно холодные стенки раскалились так, что рефлекторно разжала пальцы. Словно в замедленной съёмке я наблюдала, как стакан падает на пол и разлетается на осколки, в эту самую мгновение дверь в спальню резко распахнулась и в спальню влетела Фанни.

Театрально всплеснув руками, она затараторила: – Госпожа Кристина, зачем же вы это выпили?!

– А разве я что-то пила, Фанни?

Клянусь, Мона Лиза Джоконда не смогла бы в этот момент переплюнуть своей улыбкой мою. Разве что перед этим её покусала Медуза Горгона, ибо Фанни окаменела на месте, словно встретила не со мной, а со взглядом мифической девы, обращённой в чудовище. Я же медленно, не опуская глаз, подходила к служанке, напоминая себе королевскую кобру, намеревающуюся полакомиться кроликом.

– Итак... Не слышу ответа, Фанни. И как всё интересно совпало, что именно в тот момент, когда разбился стакан, в спальню вошла ты, хотя звука поворачиваемого в замке ключа не было слышно... Стечение обстоятельств, да? Ведь именно так ты сказала бы всем, «случайно» обнаружив моё бездыханное тело на полу? Однако я осталась жива, но всё выглядит так, будто это ты решила меня отравить.

Естественно, я блефовала, так как точно не знала, какая дрянь была налита в стакан, впрочем, не нужно быть сыщиком, чтобы понять, к чему разыгрывался весь этот спектакль с запертой ванной и отсутствием воды. Зрачки служанки расширились от ужаса до такой степени, что казалось, полностью вытеснили радужную оболочку, сузившуюся до тонюсенького ободка.

– Молчишь... Молчание – знак согласия, значит, ты признаёшь свою вину. Может, скажешь мне, каким образом казнят простолюдинов, покусившихся на жизнь титулованной особы? Могу на всякий случай напомнить, что я являюсь женой барона, причём именно благодаря браку со мной Ойген Майер закрепил свой титул пожалованного его отцу баронства, так как мой род гораздо древнее и значимее, чем его.

– Я не виновата! Я ни в чём не виновата! Лишь делала то, что мне было приказано!

– Что было в стакане?

– Н-ничего особенного, госпожа Кристина...

Я сильно сжала плечо девушки в районе ключицы: – Ещё одно слово лжи, и вот эта косточка внезапно треснет. Вроде не так больно, зато заживает около двух месяцев, если не позволять руке шевелиться. Не думаю, что кто-то в этом доме будет ждать твоего выздоровления... Просто заменят на другую, здоровую девушку.

За такой бред, что я несла, мои преподаватели настучали бы мне по голове целой стопкой учебников по анатомии, физиологии и травматологии, но откуда простой служанке знать о таких тонкостях, касающихся переломов? Неоткуда, и усилившийся после моих слов страх Фанни подтвердил это.

– Средство для полировки аквариума. Вы сами говорили, что его нужно тщательно смывать перед тем, как обратно помещать туда растения и рыбку после смены воды.

Ай, какие молодцы! Действительно, как всё логично выглядело бы: налила Кристина, то есть я, ядовитую жидкость, чтобы протереть аквариум снаружи, хотя, может, и изнутри, а потом перепутала стаканы и выпила не из того. Наверняка «добрая» Фанни разбросала бы вокруг сачки, лопатки, грунт, поставила графин с чистой водой и наполненный стакан возле «Риукина» для большей достоверности.

– Кто приказал обставить мою смерть, как самоубийство? – продолжила допытываться я у служанки, хотя мне и так было ясно, по чьей указке действует девушка.

– Я... Меня... – начала было, запинаясь, говорить Фанни, но нас прервали в самый неподходящий момент.

– Что здесь происходит?

Доротея собственной персоной. Явилась-таки проверить, как было выполнено её поручение. И пусть её лицо сейчас не выражало никаких эмоций, промелькнувшее удивление я успела заметить.

– Да вот Фанни хотела от меня избавиться, подменив стакан с водой на отраву.

– Не носи бред, Кристина! Видно, ты действительно сильно головой ударилась при падении, вот и мерещится всякое... Откуда в стакане взяться полироли? Там вода.

Вот вы и «прокололись», «свекобрушка», ведь о том, что находится в разбитом стакане, знают только трое: я, Фанни и тот, кто отдал ей приказ.

— Вода? Так давайте проверим: часть стакана уцелела, и в ней осталось жидкости как раз на один глоток. Сама я полироль ниоткуда не смогла достать, так как она хранится в специальном шкафчике в ванной комнате, а она заперта. Ключей у меня отродясь не было, ведь они есть только у вас и у мажордома.

Стоило мне это произнести, как служанка задёргалась, пытаясь вырваться.

— А ты изменилась, Кристина...

Глава 7. «Водяное перемирие»

Если Доротея хотела меня этим напугать или внушить остальным, что у меня после падения совсем с головой стало плохо, то она ошиблась. Я не собиралась так быстро проявлять свой настоящий характер, резко отличающийся от тихого Кристины, но дело зашло слишком далеко. Нужно как-то продержаться до возвращения Ойгена, желательно при этом, чтобы от меня отстали на это время, иначе точно можно «поехать мозгами», опасаясь каждого шороха в ожидании, что снова придут по мою душу.

– Я не изменилась, у меня попросту закончилось терпение. Как долго вы ещё собираетесь надо мной издеваться? Скольких попыток избавления от моей персоны стоит ожидать? Сперва вы лично столкнули меня с лестницы, теперь по вашему приказу мне подсунули полироль вместо воды. Я ведь не говорила о том, что именно было налито в стакане, вы сами произнесли это первой, и все слышали, – я специально говорила очень громко и чётко, чтобы столпившиеся за спиной Доротеи слуги всё слышали.

Да, она однозначно просчиталась, собрав такую толпу, когда направлялась сюда. Ну как же! Королева же не может появляться без свиты, особенно в такие драматические моменты!

На выбеленных щеках Доротеи проступил румянец, а сама она резко обернулась и увидела слуг. – Вон! Пошли все вон отсюда!

Жаль, что у свекровушки так быстро сдали нервы, мне бы сейчас «достопочтеннейшая публика» не помешала, ведь чем больше свидетелей, тем лучше. На Фанни рассчитывать было нельзя, так как она постарается выкрутиться, чтобы выйти сухой из воды, сохранив не только свою жизнь, но и место в доме, не говоря уже о благосклонности хозяйки.

– Скажите, а чего вы добиваетесь, отсылая слуг? Желаете расправиться со мной без посторонних, а затем снова попытаться выдать всё за несчастный случай? Я, конечно, могу ошибаться, но третий раз подряд... Мне кажется, что это будет выглядеть слишком подозрительно, обязательно пойдут шёпотки, сплетни... Всем слугам ведь рот не заткнёшь. Естественно, можно оплатить их молчание, но

всегда будет сохраняться опасность, что кто-нибудь захочет большего и под угрозой рассказать всё, начнёт тянуть из вас деньги. А вы до конца своих дней проживёте в нервном напряжении, что всё вскроется. И не факт, что вычислить шантажиста окажется легко, ведь ваше признание насчёт полироли слышало, по крайней мере, человек десять-одиннадцать. Убить же такое количество людей крайне хлопотно и ещё более опасно. Куда трупы девать будете, госпожа Доротея?

Если вначале слуги начали достаточно шустро расходиться после приказа Доротеи, то потом резко сбавили скорость, и не удивлюсь, что человек пять точно слышали мою речь от начала до конца. Солнце сесть не успеет, как весь штат окажется в курсе возможного развития событий. Так что теперь тихо избавиться от меня в ближайшее время не получится: сразу же все подозрения падут на Доротею.

– Не мели чушь, Кристина! Тебе никто не поверит всё равно.

Я слегка улыбнулась, скрещивая руки на груди: – Возможно. Зато и эту часть нашей беседы слышали не только мы втроём.

Доротея, пребывая в полной уверенности, что её приказ был выполнен сразу же, повернула голову в сторону двери и заметила последних убегающих слуг. Если до этого её щёки алели от возмущения, то сейчас всё лицо пошло некрасивыми красными пятнами, скрыть которые не помогла даже та тонна «штукатурки», которую ей ежедневно наносили на лицо, чтобы скрыть морщины и потерявшую с возрастом эластичность кожу. Не сомневаюсь, что Доротея всё равно не оставит попыток избавиться от меня, но одно то, что я заставила её серьёзно понервничать дорогого стоит.

– Хорошо. Чего ты добиваешься, говоря такие мерзкие вещи?

Мерзкие? У меня даже на несколько минут дар речи пропал. То есть, дважды пытаться меня убить – это не мерзко, а расписать вероятное будущее для свекрови – это ай-ай-ай.

– Я просто хочу, чтобы вы перестали пытаться избавиться от меня различными способами. Тем более что мне интересно, как отнесётся Ойген ко всему этому.

Доротея криво усмехнулась: – Наивная дурочка Кристина... Ты и в самом деле думаешь, что мой сын тебя спасёт?

А вот это был уже тревожный звоночек. Неужели Доротея строит свои козни с веденья Ойгена? В таком случае настоящая Кристина

действительно была наивной дурочкой, не снимающей розовые очки все эти годы. С одной стороны, я могла её понять: всё-таки пребывание в пансионе с малых лет на самом деле изолирует от суровых реалий настоящей жизни, а с другой... Это насколько же нужно иметь ущербный эмоциональный интеллект, чтобы допустить такого отношения к себе и маленькой Софи? Пусть ребёнок не родился мальчиком, но ведь нельзя из-за этого её игнорировать! Не появись я в этом мире, Кристина была бы уже мертва, и не уверена, что от Софи тоже не избавились под каким-нибудь неблагоприятным предлогом.

Посмотрев на Доротею, явно чувствующую своё превосходство, я как можно спокойнее ответила, зная, что такое поведение обычно выбивает из колеи оппонентов: – То есть вы хотите сказать, что творили всё это беззаконие с разрешения моего мужа? Значит, это не вы, а он в первую очередь заинтересован в моей смерти, так?

У Доротеи дёрнулся правый глаз, но она моментально взяла себя в руки и, гордо вскинув подбородок, произнесла: – Что за чушь?! При чём тут Ойген?

– Значит, всё-таки устранить меня физически была ваша идея. Думаю, судья примет во внимание ваш возраст, и назначит меньший срок каторги, чем полагается в таких случаях. Да, вы мать моего мужа, но в данный момент по статусу я выше вас, ведь вы всего лишь вдовствующая баронесса, бывшая жена хозяина этих земель. А покушение на жизнь и здоровье аристократа, стоящего, согласно иерархии, принятой в королевстве, выше, карается намного суровее, чем в противоположном случае.

Каждым своим словом я намеренно была по всем больным местам Доротеи, умудряясь выуживать из памяти Кристины нужные данные и те крохи знаний, что сохранились в её головке со времён обучения в пансионе. Естественно, там упор делался в первую очередь на духовное и культурное развитие своих подопечных, а потому срок нахождения сирот в тех стенах ограничивался лишь достижением совершеннолетия, к которому уже подбиралась подходящая партия, но преподаватель по праву не зря получал своё жалованье. Как и дама, преподававшая этикет.

Самолюбие Доротеи оказалось задето, судя по гневным взглядам. Из глаз свекрови едва ли искры не сыпались, когда я заговорила о статусах. Вдовствующая баронесса так и не смогла смириться, что

хозяйкой дома стала считаться Кристина, а потому, не желая лишаться привычной власти, стала всячески третировать юную невестку, чтобы та не лезла в дела.

– Если ты думаешь, что так просто станешь всем тут заправлять в обход меня, пытаясь шантажом, признаться во всех грехах, то глубоко ошибаешься! – прошипела свекровь, нависая надо мной, хотя разница в росте у нас была невелика.

– И в мыслях не было. Если вам нравится управлять домом, то мешать не стану. Я просто хочу жить спокойно. Не опасаясь, что на меня упадёт случайно подпиленная балка или в кровати внезапно решит устроить себе гнездо гадюка. Согласитесь, это ведь не так много или трудно выполнимо. Совершенно простое желание, понятное каждому человеку, независимо от его статуса и социального положения. При этом я хотела бы дожидаться возвращения Ойгена и обсудить с ним всё произошедшее, чтобы больше подобной истории не повторилось. При этом не забуду упомянуть, что после падения с лестницы, когда я была не в состоянии подняться, вы не только не соизволили сразу позвать врача, но и наказали меня, лишив еды и всяческой помощи. Если для вас подобное в порядке вещей, то терпеть я подобное больше не намерена!

– Хорошо, дождёмся возвращения Ойгена, – с этими словами Доротея покинула мою спальню, а я опустилась на кровать, чтобы подумать, как действовать дальше. Однако через час дверь снова распахнулась, и на пороге появилась служанка.

Глава 8. Сыграем?

– Что-то случилось, Хлоя?

– Госпожа Доротея приглашает вас к столу завтракать, – процедила через губу девушка, словно мне одолжение делала.

– Прямо сейчас?

– Да.

Так, право на еду я, кажется, всё-таки выиграла. А там, глядишь, и до библиотеки доберусь. В воспоминаниях Кристины я нашла упоминание не только о ней, но также и о том, что туда ходить позволялось, не спрашивая разрешения у грозной свекрови. Только моя предшественница вместо того, чтобы интересоваться серьёзной литературой, зачитывалась рыцарскими балладами и дамскими романчиками, неведь откуда взявшимися в этой обители информации. Мой же расчёт был на то, чтобы поискать свод законов, а также карту или атлас королевства. Чтобы выбраться из этого дома, нужно быть уверенной, что есть законный способ или если придётся бежать, не пустят вслед погоню и не объявят сумасшедшей, чтобы навсегда запретить под замком. А ведь ещё есть Софи... Оставлять девочку в таких условиях я не могу себе позволить, иначе её точно угробят с таким подходом. Я не уверена, что мне удастся её реабилитировать должным образом, но попытаться просто обязана!

К лестнице подходила к замирающим то и дело сердцем: ещё свежи были воспоминания о падении, а ещё опасалась, как бы история не повторилась, но уже в ключе «Аннушка масло разлила». Здесь, конечно, трамваи не ходят, но ещё раз пересчитывать ступени собой искренне не хотелось. Только после того, как идущая впереди служанка успешно преодолела половину спуска, я заставила себя поставить правую ногу на самую верхнюю, а потом перенести вес на левую, крепко держась при этом за поручни рукой.

В общем, в столовой я оказалась без лишних приключений, оступившись только раз и то больше от слабости, чем из-за невнимательности. За столом уже собралось всё «благочестивое семейство»: Доротея и три её дочери. Стул во главе стола отсутствовал, зато на противоположном гордо восседала Доротея, лишний раз

подчёркивая, что хозяйка в этом доме она, а не я. Сев рядом с Лойзой – младшей сестрой мужа, решила понаблюдать, что все будут есть, то и себе выбирать, а то мало ли что. Свекровь, конечно, обещала, что я доживу до возвращения Ойгена, вот только так верить – это как с шулером в карты играть: хорошо, если просто денег лишишься, а не останешься навсегда за игральным столом.

– Ты слишком долго копалась, Кристина. Неужели нельзя проявлять больше уважения к семье, которая тебя приютила? – недовольно заявила Доротея под дружное хихиканье своих дочурок.

Делая вид, что увлечена раскладыванием салфетки на коленях, я ответила: – Пришла сразу же, как только за мной явилась посланная вами служанка. Если Хлоя где-то задержалась по дороге, то моей вины в том нет.

Свекровь недовольно поджала губы, превратившиеся в тонкую полоску, и подала знак слугам, чтобы приступали. Вначале каждой из нас подали кашу, разливая её из красивой фарфоровой посуды, напоминающей нечто среднее между большим сплюснутым горшком и супницей. Ещё на столе присутствовали две маслénки, из которых каждый, кто хотел, набирал ножом масло и намазывал на кусочки нарезанного батона. В общем, подозрений насчёт первого блюда у меня не возникло, поэтому, как только Лойза соорудила себе бутерброд, не забыв полить сверху ещё и маслом, я потянулась к маслénке.

– Кристина, а как же фигура? Не стоит так налегать на еду, ведь главное достоинство женщины – её хрупкость и изящность, – закатывая глаза, протянула Айтадь, явно находящаяся по отношению к здоровому весу так же близко, как я к своему родному городу.

Обычно Кристина сразу же терялась и едва могла в себя запихнуть пару ложек, но ведь я не она. Поэтому, улыбнувшись как можно доброжелательнее, я ответила, глядя старшей золовке прямо в глаза: – Милая Айтадь, я смею ориентироваться на вас, выбрав в качестве эталона для подражания, ведь ваша матушка буквально только что мне напомнила, что стоит равняться на семью Майер, тем самым проявляя уважение.

Пока Айтадь пыталась откашляться, я продолжила как ни в чём не бывало завтракать. Кто знает, вдруг Доротее опять взбредёт в голову меня «наказать едой». Лойза переглянулась с сёстрами, а потом в

недоумении посмотрела на мать, но не получив от Доротеи никакой реакции, уткнулась в тарелку. После того как слуги заменили тарелки на чистые, я подцепила пару блинчиков, прикинув, что такого от меня точно никто не ожидает, полила мёдом и продолжила свою трапезу. Остаток завтрака прошёл в полном молчании, хотя, насколько знаю, ранее вся эта «великолепная четвёрка» ни разу не упускала момента выразить своё презрение Кристине насмешками, язвительными замечаниями и претензиями. После завтрака я в сопровождении той же Хлои покинула столовую, но вместо того, чтобы пройти в свою комнату, повернула к библиотеке.

– Госпожа Кристина...

– Я буду в библиотеке, если кому-то что-то понадобится, найдёте меня там, – захлопнув за собой дверь, я прислушалась к удаляющимся шагам, и только потом подошла к шкафам. Быстро пробежавшись по корешкам книг, достала тяжёлый атлас Бронхеджа, потом три тома сводов законов и прихватила несколько романов. Я устроилась в кресле поудобнее и положила привычное чтиво Кристины на столик рядом с ним, а остальные пристроила по бокам от подлокотников и накрыла пышной юбкой. Чисто для виду взяла первый попавшийся роман и сделал вид, что увлечена чтением, поглядывая изредка на каминные часы. И четверти часа не прошло, как в библиотеку заглянула Эрсель, и с деловитым видом прошествовала к полке, на которой стояли фолианты, предпочитаемые женской половиной дома.

– Кристина, ты опять взяла «Легенду о рыцаре и его прекрасной даме»?

– Да, Эрсель, но я ещё не решила, буду ли её сегодня читать. Можешь взять, она на столике.

– Нет, я передумала, – подражая своей матери, девушка задрала нос, не забыв посмотреть, что написано на корешке книги, которую я читала. Судя по довольному выражению лица, я выбрала верную линию поведения, чтобы усыпить бдительность после шока, который испытала Доротея с дочерьми утром, а потом за завтраком, в точности повторив те ответы, которые настоящая Кристина давала ранее.

Следующей «проверяющей» стала Лойза, попытавшаяся выхватить у меня роман прямо из рук, так как он понадобился ей срочно прямо сию минуту. Как бы мне ни хотелось треснуть ей со всей силы томиком по рукам, пришлось безропотно отдать и потянуться за

другим. Моя третья золовка нарочито небрежно перелистала несколько страниц, а потом швырнула книгу на стол, сказав, что больше она ей не нужна. Молча кивнув, я забрала роман обратно и открыла на той же странице, которой «читала» до этого. Хорошо, что успела запомнить номер страницы, так как Лойза не дала мне возможности даже заложить ляссе.

Я снова посмотрела на каминные часы: сорок пять минут, и уже две проверки. Интересно, Айтадь с Доротеей тоже решат меня навестить или им достаточно будет докладов первых «засланцев»? Фолианты, располагающиеся по обе стороны от моих бёдер буквально жгли несмотря на многослойные юбки, но решила выждать ещё некоторое время для верности. Если сегодня семья мужа не решит изменить своей привычке прогуливаться в саду, то уже через полтора часа у меня будет около двух – то время, за которое меня точно никто не побеспокоит, а придумать, куда отослать служанок точно смогу. Когда отмеренный самой себе срок почти вышел, в библиотеку ворвалась Айтадь, одетая как на прогулку, и, грозно топнув ногой, злобно выкрикнула: – Ты вообще собираешься передо мной извиняться или нет?!

Глава 9. Скандал не удался

Честно говоря, меня больше устроило, если бы Айталь попросту послонялась по библиотеке с недовольным видом, проверяя, чем я занимаюсь на самом деле, и ушла, как её сёстры до этого. Но, увы, ей по какой-то причине захотелось устроить скандал. Видимо, решила испытать на прочность, чтобы потом «кобровый квартет» придумал очередную каверзу с целью избавления от мешающей бедной родственницы.

Кстати, а насколько на самом деле была бедна Кристина, или ей намерено своими бесконечными попреканиями внушали эту мысль год за годом? В её памяти почему-то не осталось ни малейшей информации о том, какими землями и вообще имуществом в целом владели её родители. Единственное, что мне удалось – это сопоставить то, в каком заведении обучалась девушка, и как быстро нашёлся претендент на её руку, из чего следовал вполне логичный вывод, что материальная заинтересованность в ней со стороны Майеров всё-таки была. Странно только, что не нашлось никого, кто стал бы её опекуном, раз она оказалась в пансионе для сирот благородного происхождения. Ведь не только родственникам даётся опекуновство в Бронхедже: это могли быть соседи, друзья семьи, просто назначенный советом или королём кандидат. Похоже, что придётся покопаться в прошлом Кристины основательнее, иначе может всплыть что-то, что станет препятствием в исполнении моего плана «пожить тихо-мирно». Не потому ли меня проще прикончить, чем расстаться полюбовно? Вот, кстати, да, нужно проверить основания для расторжения брака и кому что из супругов присуждается в таком случае. За солидный куш, если он таковым окажется, меня, естественно, сожрут и не подавятся, а вот отступить за гораздо меньшую цену можно будет попробовать.

Было ещё кое-что, удивившее меня в воспоминаниях Кристины: в пансионе в отличие от привычных мне сроков обучения, была очень своеобразная система образования: все основные науки, которые должна знать девушка из приличной семьи, заканчивали преподавать примерно при достижении шестнадцати лет, а оставшиеся два года до совершеннолетия упор делался на этикете, танцах, рукоделии и тому

подобном. Если после исполнения восемнадцати лет не находился жених, то сирота оставалась в стенах заведения либо до его появления, либо могла потом, когда финансы, оставшиеся от родителей, закончатся, остаться в качестве этакой «классной дамы» или куратора уже целого потока. Собственно, именно по этой причине выпуск осуществлялся не в мае или июне, а как только на горизонте возникал претендент на руку и сердце. Потому Кристина и выпустилась из пансиона в середине сентября, и уже через неделю вышла замуж за Ойгена, видевшись с ним до свадьбы от силы раза четыре, а в начале июня уже появилась на свет Софи.

Пока я прокручивала в голове все эти факты, Айтадь продолжала выплёскивать гнев в мою сторону, совершенно не стесняясь в выражениях, словно грузчиком на складе работала в три смены за копеечную зарплату, а не являлась представительницей уважаемого семейства. Впрочем, порой гнилая натура пересиливает и воспитание, и положение в обществе. Будь моя воля, с удовольствием познакомила бы родственницу с весьма крепкими оборотами родного мата. Но нельзя, увы, нельзя.

– Кристина, ты меня вообще слушаешь или опять в облаках витаешь? – всё больше распалялась Айтадь, ставшая уже пунцовой от возмущения.

– Да.

Мой короткий ответ окончательно ввёл в ступор старшую сестру Ойгена, и она резко замолчала, шлёпая пухлыми губами, будто рыба, выброшенная на берег.

– Извинись! Немедленно! – притопнула правой ногой Айтадь, скрещивая руки на пышной груди.

Учитывая, что даже пышкой её назвать было уже нельзя, хотя я никогда не имела ничего против людей с избыточным весом, тем более морбидным ожирением, не рекомендовала бы ей так туго затягиваться в корсет. Иначе так и до гипоксии недалеко. Впрочем, как тут удержаться и не съехидничать, что Айтадь уже неоднократно испытала это состояние на себе, получив в конечном счёте необратимые повреждения мозга, так как в здравом уме придумывать столь изощрённые издевательства, каким она любила подвергать Кристину, ни один человек бы не стал. Меня удерживало лишь два веских аргумента: во-первых, это слишком глупо – упускать второй шанс

прожить полноценную жизнь, после того как первая оборвалась, а вторых – Софи, которую оставить на съедение этому серпентарию было искренне жаль.

– Я жду извинений, Кристина!

Я положила книгу на колени, а затем посмотрела на Айताल, делая вид, что не понимаю, о чём речь: – Немного не соображу, за что мне следует просить прощения. Во время обеда лишь сказала, что ориентирнуюсь на тебя, а насколько мне известно, не далее как на прошлой неделе ты хвасталась, что на твою руку объявилось аж два претендента. Из чего сделала для себя вывод, что раз пользуешься успехом у противоположного пола, значит, есть, на что обратить внимание и принять к сведению. Возможно, Ойген тогда станет больше уделять мне внимания.

У старшей золовки опять не нашлось, что мне ответить, но в глазах промелькнуло что-то такое, что заставило меня внутренне напрячься. Похоже, что рассчитывать на поддержку мужа не придётся: всё давным-давно решено. И вот от этого стало страшно, ведь если я угадала, и все «несчастные случаи» были подстроены с молчаливого согласия Ойгена, то придётся побороться за свою жизнь не только перед Доротеей. А вот и она сама, легка на помине.

– Айताल! Ты нас задерживаешь! Сколько можно тебя ждать?

Возникшая на пороге библиотеки свекровь, гордо продефилировала мимо меня, направляясь к старшей дочери, пока две другие топтались в коридоре.

– Я просто хотела поговорить с Кристиной, матушка.

– Поговорила? Идём.

Я выждала ещё четверть часа, после чего, скинув туфли, тихонько подошла к окну и выглянула наружу, стараясь оставаться скрытой от посторонних глаз за портьерой. Четыре фигуры, частично скрытые под кружевными зонтиками от солнца, удалялись от дома по направлению к центру сада, где располагался фонтан. Вот и чудненько, значит, мне никто не мешает. Прикрыв на всякий случай атлас самым большим по формату фолиантом со старинными балладами, начала листать справочник, ища земли Майеров и Верберов. То, что Кристина имела двойную фамилию, а не сменила девичью на мужнину, тоже о многом говорило. Однако... Вперившись глазами в изображение юго-востока Бронхеджа, я соскочила на ковёр и подбежала к шкафам. После

завтрака сил прибавилось, и самочувствие значительно улучшилось, но всё равно некоторая слабость сохранялась, поэтому пришлось немного постоять, прислонившись лбом к стеклянной дверце.

Когда чёрные мушки перед глазами исчезли, я пробежалась глазами по полкам и нашла то, что искала: «Общий гербовник Бронхеджа» в одиннадцати томах. Пришлось быстро пролистать последние три, прежде чем нашла нужный раздел. И тут оставалось лишь присвистнуть.

Глава 10. Богатая бедная родственница

Род Вербер, к которому принадлежала Кристина, является не просто одним из древних, а начал своё существование ещё задолго до появления Бронхеджа как государства. Но при этом бесприданницей девушка не была, отнюдь! Атлас, конечно, не нов, но на момент заключения брака с Ойгеном земли, наследницей которых она считалась, равнялись по площади размерам баронства Майеров. То есть, после женитьбы увеличились почти вдвое! И после этого Доротея вместе с дочерьми смела попрекать невестку, сравнивая едва ли не дворняжкой?! Внутри меня всё кипело от возмущения настолько, что кровь прилила к лицу.

Да, «любящая свекобра» внушала Кристине, что земли родителей обширны, но неплодородны, весьма каменисты и непригодны даже для выпаса скота. Вот только даже мне, разбирающейся в географии намного хуже, чем в родной биологии, были знакомы обозначения в атласе, мало чем отличающиеся при обозначении типа ландшафта от земных. Какой же всё-таки инфантильной и легковой идиоткой была Кристина! Лучше бы вместо танцев и игре на фортепиано она интересовалась своим наследством и активами, доставшимися от родителей, а не витала в облаках, мечтая о прекрасном «принце», который примчится за ней на белом коне и предложит стать его женой. А если учесть, что Ойген достаточно привлекателен внешне, то немудрено, что Кристина сразу повелась на его сладкие речи и обещания безоблачного будущего.

Нет, всё-таки закрытый пансион – это гениальное «изобретение», практически оранжерея по выращиванию «удобных» жён-цветочков. Хрупких и неспособных выжить в суровом мире без посторонней помощи. Вот вроде бы науки преподавались классические как должно, а оторванность от мира, фактически полная изолированность, сделали своё «чёрное» дело. Мне кажется, что наши «институтки» были более адаптированы к жизни, чем воспитанницы пансиона, в котором оказалась Кристина после смерти родителей. Кстати, а отчего они умерли? Хороший вопрос, на который, увы, ответ мне неизвестен, а расспрашивать Доротею чревато, иначе она что-то может заподозрить.

Хотя она может знать, ведь земли Майеров и Верберов имели общую границу.

Я поставила гербовник на место, а сама посмотрела в окно, чтобы убедиться, не возвращается ли «желчный квартет» с прогулки. Но нет, зонтики по-прежнему крутились неподалёку от фонтана: судя по всему, дамы облюбовали одну из скамеек, чтобы дать ногам отдохнуть. Атлас снова оказался в моих руках. Так, получается, что ближайшими соседями Верберов на юго-западе являлись Майеры, а на северо-востоке – Вангеры. То есть исключительно из-за своего расположения они как бы в центре «зажаты» между этими двумя баронствами. Хотя нет, Вангеры носят графский титул, если верно обратила внимание, пока листала гербовник. Выходит, что Ойгену выгодно было жениться на Кристине по многим причинам. Почему тогда Вангерам не предложили опеку над соседской девчонкой? Сомневаюсь, что там некому было поручить, не говоря уже об «обручить». Или? Плохие отношения? Так, возьму себе на заметку попробовать что-то узнать в этом направлении.

Атлас я также вернула на место, решив уделить внимание своду законов. Если даже Ойген промотал состояние Кристины, необходимо выяснить, насколько реален развод и что можно получить. Словно специально, статьи, посвящённые семейному праву, не были объединены не то что в один том, а даже в раздел. Мало того что пришлось продираться через сложные многоярусные формулировки, так ещё и прыгать по всем трём томам в поисках нужной информации. А когда сориентировалась и пробежалась по тексту, едва не застонала...

Вот уж когда стоило пожелать на самом деле оказаться бедной родственницей из захудалого рода! Просто развестись у судьи в ближайшем городе, как говорится: с глаз долой, из сердца вон, претендуя лишь на скромные отступные. Тут же имели место несколько нюансов: вышеупомянутые земли, знатность рода, согласие мужа, наличие ребёнка, в том числе наследника по мужу, отсутствие наследников мужского пола. Если с последним пунктом вопросов возникнуть не должно было быть по причине отсутствия таковых, что являлось веской причиной для расторжения брака, то вот другие...

Почти всё упиралось в Софи: будучи девочкой, она сразу же после Кристины автоматически становилась наследницей Верберов. Но учитывая, что по местным меркам дочь считается «нездоровой», то

вполне могут признать официально инвалидом и оставить под опекой Ойгена либо до самой её смерти, либо до замужества, если когда-нибудь подобное чудо случится. А Майеры костыми лягут, чтобы сохранить земли, так что рассчитывать на лёгкую борьбу за ребёнка не стоит. Либо отказаться ото всего, в том числе и титула, сторговавшись на небольшой денежной компенсации.

Ради сохранения жизни Софи и собственной я готова пойти на это. Никакие блага, доступные аристократии не стоят этого, тем более что на своей земле каждый «феодал» и бог, и судья, в чём легко смогла сама убедиться. Ведь никто из слуг не осмелился донести до местных защитников правосудия о падении Кристины, даже лекарь Жилло, о котором упоминала Агна, принёсшая мне тайком кусочек хлеба с сыром. Тот вообще у Доротеи во всём бэк-вокалистом был, как и Фанни. Мда... Угораздило же меня занести в такое чудное местечко с расчудесными родственничками. Вот уж действительно нужно было быть скромнее со своими желаниями: хотела большую семью – получи по полной!

Зато теперь у меня есть дочь, за которую я готова перегрызть глотку каждому, кто только посмеет даже подумать её обидеть. Ойген вроде должен вернуться через три дня, если верно услышала во время завтрака. Значит, до его возвращения нужно составить несколько сценариев грядущего разговора. Я снова пролистала один из томов свода законов, чтобы найти раздел «О статусах и положении женщин». Водя пальцем по строчкам, совсем как в детстве, когда хотела получше запомнить прочитанное, нашла интересный для меня абзац. «Если женщина, родившая больного ребёнка, признаёт свою вину в этом, то лишается помощи в содержании после расторжения брака на это дитя...»

Алименты... Пресловутые алименты... Хоть миры и разные, а проблемы одни и те же: ведь большинство мужчин не любят тратить свои кровные на содержание отпрысков от предыдущих браков. А ведь можно сыграть на этом: принять вину на себя, что Софи родилась такой и надавить на Ойгена, что он сможет серьёзно на этом сэкономить. Да, при этом я стану женщиной, брак с которой будет считаться нежелательным, но... Замуж не тороплюсь, мне бы от первого замужества как-нибудь отделаться без лишних потерь для здоровья, а там видно будет. В конце концов, без титула, земель,

будучи разведённой и с ребёнком на руках – кому я нужна такая? А если учесть хиленький внешний вид, то вопрос о женихах можно закрыть раз и навсегда.

Думай, Лена, думай! Ты оба своих диплома сама ведь получала, не дура же! Если разводиться, то нужно будет где-то и на что-то жить. Следовательно, нужен дом и какие-нибудь деньги на первое время. Ещё бы знать местные цены, но, увы, Кристина и тут была совершенно изолирована от внешнего мира: драгоценности дарил муж, одежду отшивала семейная портниха, еда на столе появлялась уже готовая, а в город, да и вообще куда-либо не выезжала с момента приезда в поместье Майеров. Соответственно, даже карманных денег на шпильки и булавки не имела.

От всех этих мыслей и переживаний голова окончательно разболелась, и я решила пойти прилечь. Свод законов вернула на место, а романы так и оставила на столике, как обычно делала Кристина. Кажется, всего на пару секунд глаза сомкнула, как снова явилась служанка, на этот раз противная Фанни и заявила, что меня ждут через час к обеду и напоминают о том, чтобы не забыла переодеться, как полагается благочестивой жене хозяина дома. Пришлось вставать и идти в гардеробную, выбирать платье. Осмотрев висящие на вешалках наряды, я ухмыльнулась сама себе. А почему бы и нет?!

Глава 11. Эти камушки мне муж почти купил...

Если нет наличных денег, значит, их стоит раздобыть. Например, вспоминая кота Матроскина, продать что-нибудь ненужное. Но чтобы продать что-нибудь ненужное, следует раздобыть его. В гардеробной Кристины было немало нарядов, богато расшитых драгоценными камнями, а также украшенных золотыми пуговицами, инкрустированных ими же. На рукавах, например, имелось по две или три, а где-то и по одной, видимо, мода менялась. Да, Кристина, не покидала поместья с самого первого дня замужества, одевалась более чем скромно, чтобы не затмевать своих новоприобретённых родственниц. Однако изредка к Ойгену навевались друзья-приятели в гости, и тогда её, словно куклу наряжали, чтобы продемонстрировать, как любит он свою жену и ни в чём не отказывает, а дважды в год давались балы, на которые приглашались соседи.

Если отпороть «лишние» пуговицы, оставив по одной, а декоративные, которыми украшались лифы некоторых платьев, расставить так, чтобы отсутствие парочки не бросалось в глаза, вполне можно набрать «стартовый капитал». Не знаю, сколько получится за них выручить, но это будет намного лучше, чем ничего. Кроме того, стоит тщательно изучить вышивку на каждом наряде и убрать часть камней, перешив остальные так, чтобы общая задумка не пострадала. Как удачно Доротея решила лишить невестку личной служанки, отправив за какую-то совершенно надуманную провинность Агну выполнять обязанности горничной. Надевать платья со шнуровкой, располагающейся на спине достаточно непросто, но Кристине удалось приноровиться, поэтому мои руки действовали тут сами по себе. Зато никто из посторонних не увидит мои манипуляции с ценностями. И к тому же сомневаюсь, что где-то в доме существует грессбук, в котором максимально подробно перечислены все элементы декора платьев молодой баронессы.

Пока время позволяло, я тщательно изучила коробки с принадлежностями для рукоделия и подобрала подходящие по цвету к

нарядам нитки. Кто знает, в каком ключе пойдёт разговор насчёт развода, лучше всё-таки подстраховаться. Большая часть украшений Кристины хранилась в сейфе, расположенном в кабинете Ойгена, а вот более-менее простые – в специальной шкатулке на туалетном столике. Естественно, я сунула свой нос и туда. К сожалению, ничего с ожерельями и подвесками сделать нельзя, иначе композиции нарушатся, а вот над браслетами стоит подумать. Учитывая, что Кристина и так в состоянии «еле-еле душа в теле», легко можно будет незаметно снять пару-тройку звеньев и припрятать. Насколько сумела рассмотреть, места креплений между ними не спаивались, а просто поджимались плотно друг к другу. С помощью тех же инструментов из коробок с рукоделием разжать нужные части, а затем соединить не составит труда. Тем более что золото и серебро – это достаточно мягкие металлы.

А вообще, ситуация получалась идиотская, потому что воровать фактически у самой себя со стороны выглядело бредом. Однако мало осуществить задуманное по экспроприации пуговиц и камушков, их нужно где-то спрятать так, чтобы никто не нашёл, но и в то же время я быстро и беспрепятственно могла до них добраться. Даже не сомневаюсь, что в случае моего отъезда Доротея не побрезгует заставить копать даже в белье, проверяя, не прихватила ли чего ценного, отчего славный род Майеров тут же по миру пойдёт с протянутой рукой.

Увы, если личная служанка теперь мне не положена, то вот убираться другие приходят, следовательно, они не должны ничего случайно обнаружить. Мда... Та ещё задачка. К сожалению, все мои размышления по альтернативным способам обогащения прервала Фанни, пришедшая звать к обеду. Ничего, короткая передышка, наоборот, поможет переключиться, чтобы потом выдать годную идею.

За обедом все мои мысли были заняты тем, как осуществить задуманное. «Ядовитый квартет» поглядывал в мою сторону гораздо реже, чем за завтраком, предпочитая больше перебивать кости каким-то неизвестным мне девицам. Тактику, которую применила за завтраком, снова пустила в ход, выбирая те же блюда, что и остальные. Даже когда на столе заметила любимый салат Кристины, подаваемый крайне редко не из-за специфических ингредиентов, напротив, там использовался вполне банальный набор овощей, а просто чтобы

лишний раз не доставить радости невестке, отказалась, ссылаясь на то, что вполне сыта. Лойза не преминула заметить, что после такого количества паштета неудивительно, но я не стала давать ей повод для словесной перепалки, сделав вид, что не услышала.

– Кстати, Кристина, а ты знаешь, что Ойген задерживается из-за каких-то своих дел ещё на неделю? – как бы невзначай произнесла Айталь, накладывая сразу три куса ветчины на хлеб. – Или он настолько ценит тебя как жену, что даже не удосужился начертать пару строк?

В такие моменты Кристина сразу начинала оправдывать мужа, ссылаясь на его чрезмерную занятость и серьёзное отношение к делам, а потому у него была возможность уведомить лишь свою мать, которая и так бы передавала все новости. Мне же было противно за то, как она позволяла все эти годы вытирать о себя ноги. Чем больше копалась в её воспоминаниях, тем больше понимала, что восприятие мужа было сильно искажено. То, как Ойген себя вёл, выдавало в нём не просто нарцисса, но и абьюзера, ловко скрывающего своё истинное отношение под маской заботы о Кристине. Сообразив по повисшей в столовой тишине, я поняла, что от меня ждут какой-то реакции.

– Он, наверное, просто слишком занят, но вы же всё равно мне сообщили о затянувшемся отъезде.

– А ещё нас пригласили на бал к деловому партнёру Ойгена, который был настолько любезен, что предложил погостить у него несколько дней в поместье. Но только нас четверых, тебе-то по балам уже ездить незачем, ты же замужем... – откровенно насмехаясь, повернулась ко мне Эрсель, показывая всем своим видом превосходство над невесткой.

А вот это было совсем гадко: Кристина очень любила танцевать и очень страдала, когда была вынуждена пропускать балы, на которые неизменно ездили свекровь и сёстры мужа. Зато мне было на руку отсутствие в доме родственниц, так как появилось дополнительное время на подготовку к встрече с мужем.

Потупив взгляд, я убрала с колен салфетку и вышла из-за стола, пробормотав: – Очень рада за вас. Пойду, пожалуй, прилягу.

В спину мне раздался торжествующий смех, лишь подтвердивший мысль, что после всего выговоренного Доротее, лучше придерживаться обычного поведения Кристины.

Вернувшись к себе, я обвела взглядом комнату, прикидывая, где бы сделать тайники. Помня о том, что не стоит держать все яйца в одной корзине, остановила свой выбор на аквариуме и туфлях. Там прекрасно можно будет спрятать мелкие камни, споротые с платьев. Первым делом вымыла руки, а затем, закатав рукав, вытащила из воды декоративный домик для рыбки, имитирующий скалу. Если изнутри к нему закрепить маленький мешочек с камнями, то никто ничего не увидит, даже если риукин будет в нём прятаться. Если получится, то заберу аквариум вместе с собой, если нет, то попытаюсь вытащить «заначку». Туфлями займусь, когда змеищи уедут на свой бал, чтобы уже в спокойной обстановке аккуратно отодрать каблуки и сделать в них полости. Тогда же займусь и накладкой, набитой конским волосом, с помощью которой Кристина укладывала волосы в объёмный пучок на затылке. Вшить внутрь пуговицы, и «всего делов». Тяжеловато носить будет, но да ничего. Где наша не пропадала?!

Увы, меня и тут не оставили в покое, так как в комнату влетела Эрсель: – Хватит разлёживаться! Тебе нужно спуститься в зал!

Глава 12. «Высокие отношения»

Я было решила, что случилось что-то из ряда вон выходящее, но оказалось, что мои золовки не придумали ничего лучше, как найти очередной способ поиздеваться над своей невесткой. Они попросту устроили дефиле в платьях, присланных Ойгеном для бала, спрашивая, как сидит каждый наряд, не стоит ли что-то изменить, перешив какие-то детали. От меня ответ всегда был один: всё смотрится очень хорошо. С лицами, словно хлебнувшими уксуса, сестрицы Ойгена перешли ко второму этапу: начали делить фамильные украшения. В какой-то момент я начала надеяться, что сейчас развлекусь лицецерением драки, но, увы, обошлось. Хотя они мне настолько опротивели, что тошно становилось. И все эти попытки меня уколоть, унижить, оскорбить были настолько мелочными – прямо диву давалась, как взрослые девицы могут быть настолько ограниченными, что ни на какие эмоции, кроме злости, ненависти и желания отыграться на более слабом, неспособны.

Впрочем, Доротея тоже недалеко от них ушла, а кое-где и переплюнула, притащив свою шкатулку с драгоценностями и демонстративно достав фамильную парюру, которую имела право носить только я. Она что, действительно рассчитывала, что буду биться в истерике и психовать из-за очередного пропущенного бала? Даже Кристина не позволяла себе такого, изливая, впрочем, все свои обиды в подушку каждый раз. Удивительно, как та только не сгнила за всё это время: перьевая же. Ко всеобщему неудовольствию родственниц, вывести меня из себя им так и не удалось. Зато я вполне могла оценить тот факт, что с финансами у Майеров полный порядок. Даже если ситуация плачевная, и Ойген решил пустить пыль в глаза своему другу, тут одних только колец и браслетов хватит, чтобы несколько лет жить безбедно. О ценах, к сожалению, мне ничего не было известно, но не думаю, что свекровь со своими дочерьми надела на себя дешёвки.

Сославшись на усталость, я ушла к себе. Хоть календарь заводи и вычёркивай дни до их отъезда. А ещё у меня возникла мысль как-нибудь незаметно пробраться в кабинет Ойгена и хорошенько

покопаться в его бумагах. Жаль, что все ключи хранились у Доротеи, и даже во время примерки она их выложила на столик, зорко следя за тем, чтобы они никуда не пропали. Я присела на широкий низкий подоконник, кинув на него подушку, чтобы спине было удобно. Свекрови не будет несколько дней в поместье, оставит ли она ключи управляющему или с собой увезёт? Проверить бы это как-нибудь. Потоп устроить или пожар? Опасно, конечно, но кто не рискует, тот не пьёт шампанское.

Солнце ещё не село, поэтому покормив рыбку, я пошла в гардеробную за шляпкой, чтобы прогуляться. До ужина ещё оставалось достаточно времени, а вечером ни Доротея, ни одна из моих золовок не любили покидать дом, предпочитая посиделки в гостиной. Пристраивая шляпку на голову, я осмотрела шею с помощью двух зеркал, но не обнаружила ни малейшего упоминания о гематоме. Она просто бесследно исчезла. Жаль... С другой стороны, если бы Ойген явился в ближайшие дни, можно было её использовать в качестве доказательства моего падения, а так...

Проходя по первому этажу, я услышала задорный смех Айталь и Эрсель, что только подтвердило привязанность родственниц к определённому распорядку дня. Что ж, этим стоит воспользоваться в своих интересах. В свою компанию Кристину никогда не брали, игнорируя её робкие попытки присоединиться, так что можно это время провести «за рукоделием». Главное – не слишком увлечься процессом, чтобы не пропустить очередной визит в мою комнату, кого бы там ни было, иначе могут догадаться, почему в моих руках бальное платье.

Я не спеша прогулялась вокруг фонтана, подставляя руку тонким струйкам, образующим ажурную окантовку около бортика. Обычно Кристина уходила потом в самую дальнюю часть сада, где располагался небольшой пруд, но после того как Доротея заявила, что содержать в нём рыбок – это расточительство, и приказала отдать их котам, перестала. Думаю, несложно догадаться, зачем это было сделано. Последнюю рыбку Кристине удалось «отвоевать», и с тех пор риукин доживал свой век в теперь уже моей спальне. Аквариум несколько раз «случайно» разбивали, но рыбка оказалась весьма живучей и раз за разом отказывалась подыхать, в отличие от своей хозяйки, таявшей как свечка год от года.

Я решила прогуляться по любимым местам Кристины и заметила, что в одной из беседок явно кто-то есть. Странно, садовник обычно занимался садом в первой половине дня, а слуги сюда не заходили, чтобы не получить нагоняй за безделье от своей хозяйки.

Приблизившись к беседке, я поняла, что внутри сидит Бинди, так как узнала через решётчатые стены её платье. Но как же Софи? Сомневаюсь, что её одну могли оставить в доме, ведь няня была при ней неотлучно всегда. Я посмотрела на клонящееся к земле солнце. Прогулка перед сном? Вроде рановато, с детьми лучше гулять утром или днём, когда солнце не в зените. С другой стороны, возможность увидеть Софи раньше «дня еженедельного визита» меня порадовала. Чтобы не выдать свои эмоции, я постаралась принять нейтрально-отстранённое выражение лица и прошла в беседку.

В самой её глубине на широкой лавке сидела девочка, а вот увидев меня, задремавшая Бинди резко подскочила и устремила к своей воспитаннице.

– Что-то ты неважно выполняешь свои обязанности... Боюсь, госпожа Доротея будет крайне раздосадована этим фактом...

Беседка располагалась в тенистой части сада, но даже при скудном дневном свете стало заметно, как лицо няни побледнело. Значит, я получила небольшой козырь, попав в самую точку: Доротею в этом доме боялись все без исключения. Не люблю шантаж, но для обретения свободы и получения информации готова воспользоваться и им. Чем быстрее уберусь из этого серпентария, прихватив с собой Софи, и чем лучше подготовлюсь, тем будет лучше.

Неожиданно Бинди рухнула передо мной на колени и сложила руки почти в молитвенном жесте:

– Умоляю! Только госпоже Доротее не говорите, иначе она меня уволит!

Надо же, какие унижения! И куда только подевались её спесь и пренебрежение, которые она столь явно демонстрировала в моей спальне, когда приносила Софи? Воистину: чем больший страх овладевает человеком, тем легче им управлять.

– Я подумаю над этим. Но что вы обе тут делаете в это время?

– Гуляем. Почти всегда в одно и то же время раз в день, если погода хорошая.

– В это время?

Бинди поднялась с колен:

– Конечно. Когда солнце уже достаточно прогрело землю, ведь сырой воздух вреден для слабого организма Софии.

Я чуть повернулась, чтобы не было видно, как у меня сжались челюсти от негодования. Получается, что девочка вообще не видит достаточного количества солнечного света, соответственно, не получает возможности вырабатывать тот же витамин Д. Такой важный для правильного развития костной ткани ребёнка, а также для поддержания нормального функционирования сердечно-сосудистой и нервной систем. Иначе, как убийцами Доротею и остальных назвать не могу. Ладно, в моём мире витамины продаются, а тут их где достать? Да нигде. Не изобрели. В то, что в рационе Софи стабильно присутствует рыба, молоко и яйца сомневаюсь. Подслушала как-то тут случайно один разговор между служанками, что она только кашу и ест. А молоко, видите ли, слишком тяжёлая пища для такого заморыша, и больше одной столовой ложки не добавляют в воду, на которой варят ячменную муку. Здорово, не правда? Уже на этом моменте хотелось оказаться как можно дальше от поместья. Ячмень, та же самая перловка, полезный злак, но только цельный, а никак не в виде муки.

– А почему здесь гуляете, а не возле того же фонтана? Там всё-таки получше будет, как мне кажется.

– Госпожа Доротея запретила. Так как немощный вид Софии портит ей настроение и вызывает мигрени, даже если он увидит её из окна... Простите, госпожа Кристина, это не мои слова...

Вот даже не сомневалась в этом. Доротея любит только себя, своих детей, богатство, власть и успешность. Внучка-инвалид лишь позорит её репутацию, несмотря на то, что такой сама же и сделала!

– Простите, госпожа Кристина, не могли бы вы...

Я снова повернулась к Бинди лицом и увидела, как она нервно кусает губы, переминаясь на месте.

– Что именно я могла бы?

– Присмотреть немного за Софией. Мне нужно ненадолго отлучиться.

Вот оно как... Перенервничала, значит, сильно, раз так пробрало.

– Иди. Но помни, что стоит тебе оплошать, как тут же отправлюсь к госпоже Доротее.

Бинди тут же поклялась в верности до гроба и умчалась прочь, хотя верилось в её преданность с трудом. Воспользовавшись тем, что няня убежала в ту сторону, откуда её появление было видно из беседки, я присела рядом с Софи и, приобняв, прошептала на ухо:

— Здравствуй, солнышко.

Глава 13. Вольница

Те несколько минут, что мне удалось провести с дочерью, ещё больше укрепили мой боевой настрой. Как тут расслабиться, когда к тебе жмётся белокурый воробышек, ища защиты? Зато теперь я знала её относительное расписание и могла почаще видеть. Жаль, что ежедневно навещать не получится, чтобы не вызывать лишних подозрений. Ведь не могла Кристина, избегавшая три года дочь так внезапно изменить к ней отношение. Накануне отъезда Доротеи с дочерьми, я снова «случайно» пересеклась с Бинди и Софи. На этот раз няне, к сожалению, никуда отлучиться не нужно было, но по тому, как повеселело лицо дочери, я поняла, что новая мама ей нравится гораздо больше прежней и меня она не боится. В конце концов, три года – это как раз тот возраст, когда память может стереть неприятные воспоминания, так и превратить в глубокие психологические травмы. Надеюсь, что у меня получится заместить весь тот ужас, к которому привыкла Софи, подарив свою любовь и хорошие воспоминания о детстве.

Нужно ли говорить о том, что всё своё волнение, превратившееся в какую-то патологическую нервозность, родственницы обрушили на меня? Доставали по малейшему поводу, снова и снова таскали на подбор украшений, всячески измывались, напоминая едва ли не ежеминутно о том, что они едут в гости, а я – нет. Не понимали, курицы расфуфыренные, что их отъезд принесёт мне не горячие слёзы в подушку и страдания вселенского масштаба, а облегчение. Когда обе кареты скрылись из виду, я готова была не только танцевать, но и устроить пир, если бы могла. Зато сразу почувствовала, как общее напряжение в доме спало, прислуга расслабилась. Ведь вместе с Доротеей уехала и Фанни, которую здесь мягко говоря, тоже недолюбливали. Я же для себя обнаружила приятный бонус в привычке Кристины во время этих отъездов свекрови есть либо на кухне, либо у себя в комнате. Второй вариант был для меня предпочтительнее, ног первый интереснее, потому как не только могла наблюдать, из какого котла или кастрюли что наливается, но и послушать сплетни. Прислуга присутствия Кристины не боялась, зная,

что та никогда ни на кого не донесёт, а просто тихонько посидит, как мышка во время приёма пищи и уйдёт.

Так что теперь из затворницы я перешла в ранг наблюдательницы, стараясь не только слушать, но и замечать привычки оставшихся обитателей дома. Так, например, оказалась весьма удачной привычка Берты проходить с лампой или свечой мимо кабинета Ойгена незадолго до отхода ко сну, чтобы проверить, закрыты ли все окна в тех комнатах, которые не были личными и не запирались на ключ большую часть времени. Например, как та же библиотека или комната, в которой стоял рояль. О да, моим персональным кошмаром стало то, что Эрсель, не обладавшая музыкальным слухом даже на каком-нибудь минимальном уровне, время от времени садилась музицировать, исторгая из благородного инструмента вирши собственного сочинения. Как хотелось подойти и один раз стукнуть её по голове тяжёлой крышкой, чтобы избавить этот мир от мучений – не передать! Ну и по пальцам – тоже.

В привычном распорядке Кристин я изменила только два пункта, перенеся прогулку на более раннее время, посиделки в библиотеке на позднее, засиживаясь до напоминания Берты, чтобы окна не открывала. Соответственно, зная точную дату бала, рисковать в первые три дня не стала, чтобы, во-первых, всё выглядело естественно, а, во-вторых, скорое возвращение «благородного семейства» не входило в мои планы. Ведь я ещё не все камни перешила на платьях. И так все пальцы были исколоты иголками, с трудом пробивающих плотные ткани, как будто вместо антистресс-игрушки мяла ежа. Собственно, именно по этой причине не стала заниматься «хищением» у самой себя до отъезда Доротеи, так как зловки вполне могли заметить следы на подушечках во время одной из трапез.

Уже на второй день служанки тайком начали бегать на свидания и вечерние танцы в ближайшую деревню, и даже у Бинди, видимо, «засвербело», когда очередная девушка явилась с кокетливым букетиком, приколотым булавкой к лифу. В итоге уже к вечеру третьего дня, я «застукала» её, договаривающейся с одной из служанок о подмене. Мне кажется, появление Доротеи не произвело бы такого эффекта, как моё. Вот таким нехитрым способом я получила в своё распоряжение уже две души, боящиеся гнева своей хозяйки с последующим увольнением и уничтожением рекомендаций, если

таковые имелись до поступления на службу в дом Майеров. В общем, возвращаться в деревню никто из них не хотел, а шанс наняться в какую-то другую семью превращался в призрачную мечту, ибо Доротея вполне могла нелестно высказаться в адрес бывшей прислуги, вплоть до заявления, что причиной увольнения была кража. А это сразу крест на карьере горничной.

Я слушала их причитания вместе с мольбами и окончательно складывала психологический портрет свекрови, потому что мне даже примеры приводили, называя реальные имена уволенных служанок. «Смилостивившись» над девушками, сказала, чтобы это было в первый и последний раз, поставив условие, что отпущу обеих на танцы, но с Софией посижу сама, так как особых хлопот с девочкой нет, а лишние слухи никому будут не нужны, ведь та же Берта могла сдать гулён в два счёта просто из-за плохого настроения. Что говорить, если и на меня она смотрела, как на ёршик в бесплатном общественном туалете? Таким образом, старая добрая пословица «Кот из дома – мыши в пляс» в очередной раз нашла своё подтверждение.

Мне же удалось целый вечер провести с Софи, выслушав предварительный инструктаж от Бинди, как обращаться с девочкой. Честно говоря, после всего этого не была удивлена, что няня так держится за своё место, так как, по сути, она не делала ни-че-го, кроме того, чтобы переодеть девочку, переместить её из кровати на низкий диванчик, искупать, покормить. Никаких игр, сказок или историй перед сном. Такое ощущение, что Софи не просто не могла говорить и ходить, а была парализованной, а потому ни в чём не нуждающейся. У неё даже игрушек не было! Правильно, а зачем тратить на нелюбимую дочь и внуку?

Девушки собирались отправиться на танцы, как только Берта завершит обход и выпьет свой вечерний чай. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, насколько изменился его состав с момента отъезда Доротеи. Ещё как-нибудь раздобыть бы тех самых снотворных капель на всякий случай. В общем, как только от вредной служанки избавились, я получила возможность побыть с Софи ещё и часть ночи. Управляющий вместе с мужской частью прислуги ночевал в другом крыле, так что шанс быть раскрытыми был минимален. К тому же детская спальня располагалась во флигеле, куда почти никто никогда не заходил. Как только Бинди ушла, я поиграла с Софи,

радуясь, что с артикуляцией у неё полный порядок, а потом, когда настало время укладывать её спать, получила возможность тщательно осмотреть и оценить физическое состояние полностью. Конечно, потрудиться придётся серьёзно, но теперь я была абсолютно уверена, что дочь будет не только ходить, но и бегать. Всё, что потребуется – это полноценное питание, сбалансированные нагрузки и реабилитационный массаж.

С последними двумя пунктами для меня всё было ясно и понятно, а вот с первым... Я старалась, как могла. Если кто-то мог подумать, что бальные платья Кристины были расшиты крупными камнями, похожими на шоколадные дольки, как в исторических фильмах, то глубоко заблуждается, так как максимальный размер самоцветов, составлял не более крупной семечки подсолнуха. Зато возможностей спрятать больше. Жаль, что в этом мире скотч вместе с лейкопластырями не изобрели – можно было бы прямо на теле закрепить на случай, если вдруг обыскивать начнут.

Через пару дней после вечера с Софи я задержалась вечером в библиотеке, а едва заслышав, как Берта поднимается по лестнице, подхватила несколько романов и пошла ей навстречу. Поравнявшись с ней возле кабинета Ойгена «случайно» задела, выбив подсвечник из руки.

– Аккуратнее, госпожа Кристина! – прошипела служанка, наклоняясь, чтобы подобрать свечу, откатившуюся к самой двери. – Ну хоть погасла...

Жаль, конечно, что она погасла, но и на этот случай у меня был план...

Глава 14. Пожар

Когда Берта скрылась в дверях библиотеки, почувствовав лёгкий сквозняк, инициированный мной неплотно прикрытой оконной створкой, я достала из лифа лучину, а из кармана небольшой кусочек свечи с фитилём. На то, чтобы зажечь тонкую палочку от висящего на стене светильника и перенести огонь на отрезанный кругляшок, подсунутый впоследствии под дверь, ушли считанные секунды. Ай, как неразумно было Ойгену застилать пол кабинета пушистым ковром! Подобрав с пола рассыпавшиеся книги, удалилась в свою комнату, быстро переоделась и стала ждать, когда пламя разгорится получше. На всякий случай я ещё подожгла ковёр, потыкав его лучиной. К тому моменту, когда огонь займётся, от свечного огрызка не останется и следа, а восковые пятна на полу в коридоре лишь подтвердят факт падения подсвечника Берты.

Я легла в кровать, листая очередной роман о приключениях доблестного рыцаря, сдвигавшего горы и крошащего в винегрет всех, кого ни попадя ради прелестных глаз прекрасной дамы его сердца. Время от времени втягивала носом воздух, чтобы поймать нотки гари, ведь в мои планы не входило спалить весь кабинет. С учётом того, что материалы тут без отсутствия синтетики, ждать пришлось не так долго. Выскочив из комнаты, я подбежала к двери кабинета, из-под которой валил дым, а потом с криками о пожаре помчалась к спальне служанок.

Ох, какой шум и паника поднялись! Управляющего вытащили прямо из кровати, и он вместе с другими мужчинами начал ломать дверь. Вот таким нехитрым способом выяснилось, что ключи от кабинета Ойген не доверял никому, и увёз с собой. Как только дверь оказалась разнесена буквально в щепки, я, привнося ещё больший хаос, метнулась к окну и распахнула его настежь, в результате чего поливаемый водой служанками ковёр снова вспыхнул, а бумаги, лежащие на столе, разлетелись по всему кабинету. Управляющий ругался, девушки истерили, лоя вместе со мной исписанные листы, чтобы те не успели обгореть, так как занялась ещё пара из шкафов около двери. Сгореть я не боялась, так как сразу после того, как вход в

кабинет оказался свободен, внутрь плеснули из вёдер и начали вытаскивать ковёр в коридор.

Всё-таки паника во время чрезвычайных происшествий – милое дело, если быть к ней готовой, и с умом воспользоваться ситуацией. Не сомневаюсь, что самые важные бумаги Ойген хранит в сейфе, проникнуть в который у меня нет никакой возможности, но и мельком прочитанного из пойманных листов дало пищу для размышлений. «Испуганно» замерев напротив карты, я незаметно изучала её, стараясь запомнить границы земель.

Пожар быстро погасили, и я вернула бумаги на стол, даже «помогла» их разложить. Вот где не хватало смартфона с камерой, чтобы незаметно сфотографировать содержимое и тщательно изучить в спокойной обстановке! Однако удача мне снова улыбнулась в лице управляющего, который не стал заколачивать дверной проём, а распорядился, чтобы все расходились. Чувствую, ночью мне сегодня точно будет не до сна. Зато разбирательство было перенесено наутро, чтобы прилюдно выяснить, действительно ли Берта обронила свечу и не проверила, попали ли искры с фитиля в кабинет. Да, мой лепет насчёт того, что со служанкой произошёл этот конфуз, не остался без внимания. Охая и закатывая глаза, приняла из рук старшей служанки стакан с успокоительным, часть которого незаметно пролила на свою сорочку, прикрыв мокрое пятно шалью, когда женщину отвлекли. Остаток сплюнула в горшок с цветком, оказавшись в своей комнате. Даже проверку «на сон» стойчески выдержала, мысленно отсчитывая время, когда смогу незаметно выскользнуть из комнаты.

Когда в доме, наконец-то, всё стихло, я пробралась в пахнущий гарью кабинет и забрала с собой часть папок вместе с собой. На всякий случай читала, заперевшись в ванной, ведь всегда можно успеть спрятать под полотенцами «улики» и сослаться на то, что надышалась дымом. Хорошо, что мне досталось не только тело, но и способность читать и писать на местном языке. Что могу сказать: дела у Майеров шли хорошо, впрочем, доходы с земель Веберов также не были ничтожными, как пыталась убедить невестку Доротея. Ойген с роднёй хорошо так выиграла на свадьбе с сироткой, поэтому на лёгкий развод могу рассчитывать, лишь отказавшись ото всего. Ничего, жизнь вообще бесценна, чтобы цепляться за золото с перспективой лишиться

оной. Каждый раз, заходя в кабинет, я натыкалась взглядом на сейф, который так и манил своим содержимым.

В итоге я решилась, и после очередного возвращения в свою комнату, полезла в шкатулку с аксессуарами для волос, а потом в принадлежности для рукоделия. Была в моей биографии такая позорная страница, когда с другими воспитанниками вскрывала дверь на интернатскую кухню, чтобы найти съестное. Не могу назвать себя опытной «медвежатницей», но рискнуть стоило, тем более что замки тут, думаю, не настолько мудрёные. Вытащив из канделябра свечу, разрежала её на несколько небольших кусочков, которые сунула в небольшую сумочку, использовавшуюся Кристиной для хранения игл, крючков и напёрстков. Было страшно, что меня обнаружат, но ради себя и Софи решилась. Из-за конструкции стола огонька от стоящей на полу зажжённой свечи не было видно из коридора – специально проверила перед тем, как приняться за дело, стараясь не поцарапать накладку на замок. Пришлось повозиться немало, но успела управиться до рассвета. Шкатулки с драгоценностями меня интересовали мало, равно как и деньги, ведь я не была уверена в том, что Ойген не ведёт какую-нибудь записную расходную книжку, и даже одна украденная монета не останется незамеченной.

На негнущихся от напряжения ногах я вернулась в ванную и начала разбирать добытые документы. Нашла местный аналог свидетельства о браке, представлявший собой выписку из реестра «актов гражданского состояния», данные о рождении Софи, из которых узнала, что ей дали фамилию только отца, а не двойную, и второе имя – Анналейса. На самом деле, памятуя, насколько сильна бывает бюрократия, находка важная. Помимо всего прочего, выяснилось, что Ойген не чужд был азартным играм, но не только держал себя в руках, но и умудрялся выигрывать значительные суммы, о чём сказал ворох долговых расписок с именами разных аристократов. Вот «спасибо» мужу за его скрупулёзность по отношению к действительно ценным документам, потому что в отличие от бардака на столе, не только в сейфе, но и в папках, хранящихся в нём, царил полный порядок. Интересно, а по какой причине тогда Ойген внезапно сорвался в последнюю поездку, не удосужившись убрать в сейф документы по банкротству Эгона Вангера, а также судебное решение по погашению его долга, путём отчуждения кое-какой недвижимости?

Насколько помню обсуждения за обеденным столом, мой муж не собирался куда-то уезжать ближайшие месяцы, и даже тот бал, на который уехали Доротея с дочерьми, в планах не стоял.

Времени оставалось всё меньше, поэтому я заглянула в очередную шкатулку, надеясь обнаружить снова украшение, но наткнулась на личную переписку Ойгена с «официальными лицами», в том числе и с Его Величеством. Ничего особенного, так, сведения о налогах, тяжбах в пользу Майеров, а вот прочтя несколько самых старых писем, мне поплохело не на шутку. Дрожащими руками я проверила, что ничего не забыла и оставила содержимое сейфа в том же состоянии, в каком было изначально, начала запереть замок. Еле смогла вернуться в свою комнату до того, как внизу затопали слуги. Даже пожалела, что никуда не отлила себе успокоительного – настолько колотило после всех ночных приключений. Только бы после известий о пожаре Ойген не вернулся домой раньше! Время, мне нужно время, чтобы собраться с мыслями и продумать хорошенько разговор о предстоящем разводе.

Глава 15. Возвращение

После всех этих бдений я проспала почти до обеда и то встала после того, как двум служанкам удалось до меня добудиться. Голова болела так, что не передать словами. Пришлось даже проторчать в ванной значительно больше времени, чем обычно, пытаясь вернуть себя в нормальное состояние. В итоге с грехом пополам ближе к четырём часам дня доползла до кухни, чтобы хоть что-то в желудок закинуть. Зато как раз вовремя: в аккурат к последним сплетням, из которых узнала, что Берта подтвердила мои слова и теперь ожидает наказания. Помимо всего прочего, «прилетело» и всем служанкам, которые опаивали её снотворным, чтобы бегать на танцы. Но больше всего меня обрадовало то, что незадолго до моего появления на кухне прибыл посланный к Ойгену слуга с письмом, в котором было сообщено, чтобы до тех пор, пока плотник не поставит новую дверь, никого из слуг в кабинет не пускали, но так как ничего, кроме ковра и пары шкафов, не пострадало, то прерывать свой отдых семейство Майеров не собирается. Значит, не зря я всю эту ночь провела за вскрытием сейфа и чтением бумаг.

Заметив моё присутствие, служанки поохали над моим бледным видом и чёрными кругами под глазами, посоветовав провести этот день в кровати. В принципе, особо геройствовать меня не тянуло, поэтому слабо кивнув, удалилась к себе. Оставалось «поработать» над двумя платьями, а затем хорошенько припрятать камни. Намного ли их хватит — неизвестно, но торговаться с Ойгеном придётся очень осторожно, особенно после того, как узнала, что инициатором нашей свадьбы был не он сам, а Его Величество, пожелавший, чтобы земли Верберов не оказались в чужих руках, а присоединились к кому-то из соседей. Так как доверия к Вангерам не было, его выбор пал на Ойгена. В принципе, понимаю короля, ведь, в конце концов, Эгон не только проигрался в пух и прах, но и спился, а его имущество ушло с молотка. По крайней мере, часть его была присуждена моему мужу. Мне сложно судить, насколько доходными остались те территории, но можно было попытаться выпросить себе домик там, чтобы оказаться таким образом подальше от Майеров и ближе к землям Верберов.

Главное, чтобы король не вмешался в дело о разводе, а потом не «оказал милость», подобрав мне нового мужа, чтобы род Верберов не пресёкся хотя бы по женской линии.

Оставшееся время до приезда дорогих родственничков я, прикидываясь больной, провела в своей комнате, доводя задуманное до конца. Наконец, в полдень третьего дня показались кареты, в которых уехали Доротея и золówki, перед которыми на белоснежном скакуне красовался Ойген. Я наблюдала за этой процессией украдкой из-за портьеры и чувствовала, как начинает накрывать паника. Одно дело, когда готовишься к чему-то неизбежному, и совсем другое – с этим самым столкнуться.

В дверь постучали. – Госпожа Кристина, скоро ваш супруг будет здесь. Необходимо спуститься вниз для приветствия.

– Сейчас.

Идти вниз встречать приехавших очень не хотелось, но, увы, таковы правила: жена и прислуга должны приветствовать хозяина дома после его длительного отсутствия. Пристроившись с края, как это обычно делала Кристина, я стала ждать. Послышался шум, характерный для подъехавших карет, а затем двери в дом распахнулись. С каждым шагом Ойгена я подумала о том, насколько слепа была Кристина, заперевшаяся в своих розовых мечтах и не видевшая истинную натуру своего мужа. На красивом и порочном лице Ойгена, а также в каждом его движении легко читались нарциссизм, высокомерие и пренебрежение всеми, кого он считал ниже себя. То есть всех. Он не успел и рта открыть, как управляющий залебезил, буквально ковриком расстилаясь, докладывая обо всех происшествиях за время его отсутствия. Даже о моём падении не забыл упомянуть. Услышав моё имя, Ойген равнодушно скользнул в мою сторону взглядом, а затем продолжил слушать управляющего.

Как только дошло до описания пожара, а также итогах расследования, Доротея взглянула на прислугу так, что все дышать перестали. Чувствую, сегодня у всех будет горяченький денёк. Как только управляющий закончил, Ойген хлопнул снятыми перчатками по ладони, а затем протянул: – Я слишком устал после дороги и намерен отдохнуть, прежде чем приступить к делам. Все свободны.

Проходя к лестнице, он кинул взгляд через плечо, а затем процедил: – Вечером я приду, Кристина.

И вот тут паника внутри меня окончательно взяла верх. Я тщательно обыскала покои Кристины, но не обнаружила больше ни одного флакона с тем самым противозачаточным отваром, который она всегда принимала, ни даже саше с травами. В мои планы никак не входило исполнение супружеских обязанностей, а также возможные последствия. Тут и слепой заметит, что моё тело пока ещё не способно выносить беременность, не говоря уже о том, чтобы родить. Тем более, что я твёрдо решила покинуть семейство Майеров навсегда.

После ухода Ойгена на передний план вышла Доротея, позади которой желчно улыбались Айталь, Эрсель и Лойза, предвкушающие незабываемое шоу. Я незаметно прошмыгнула за спины прислуги и начала подниматься по лестнице, стараясь держаться в тени стены и не скрипеть ступеньками. Таким образом, когда громогласные крики свекрови достигли моих ушей, оказалась уже в коридоре, ведущем к спальням хозяев дома. Но окончательно выдохнула, только закрыв за собой дверь. К сожалению смежная, ведущая в покои Ойгена не запиралась, но я тихонько придвинула стул с высокой спинкой к ручке так, чтобы она не смогла даже на миллиметр изменить своё положение. Будь у меня достаточно сил, забаррикадировалась бы шкафами, чтобы наверняка. То выражение лица, к которым муж предупредил о своём визите, не располагало к конструктивному разговору.

Риукин меланхолично пускал пузыри в своём аквариуме, поглядывая то одним, то другим выпуклым глазом за моими метаниями. Ещё один стул занял место возле входной двери, чтобы удобнее было в любой момент заблокировать её. Прислушиваясь к каждому шороху, раздающемуся за пределами моей спальни. Раз за разом я прокручивала в голове сценарии разговора с Ойгеном, повторяя про себя все аргументы, чтобы добиться развода. Ожидая приглашения на обед, надеялась, что смогу воспользоваться моментом и добиться от Ойгена возможности поговорить, увы, он попросту не явился. Видимо, настолько утомился в дороге, что совсем ослаб, зло подумала я, игнорируя шуточки золовок, принявшихся с новой силой третировать мою персону. Доротея так и вовсе вся светилась, довольная разносом служанок, как вампир испивший досуха не менее дюжины девственниц. А ещё у Эрсель наметился ухажёр, и все переключились на обсуждение бала, а также выстраивание

матримониальных планов в отношении несчастного графа, которого мне заранее хотелось пожалеть, даже будь он последним кутилой и повесой королевства. Вообще, не завидую будущим мужьям каждой из сестёр Ойгена, так как вынести их просто невозможно. Прекрасно понимаю теперь аристократов из исторических романов, предпочитавших проводить большую часть своего времени на охоте или объезжая свои угодья. Прекрасный выход, чтобы пореже видеть истеричную супругу, требующую к себе повышенного внимания и отношения, как к королеве.

После завершения трапезы я снова ушла к себе, стараясь не упустить момент, когда Ойген выйдет из своих покоев. Но похоже, что просчиталась и на этот раз, так как у меня начали закладываться подозрения, что он куда-то ушёл как раз в то время, когда все были в столовой. День неумоимо клонился к вечеру, а ничего не происходило. Даже золовки забыли о моём существовании, увлётшись обсуждением бала и женихов, а потому удалившихся в гостиную раньше времени. Я решила, что дальше накручивать себя не имеет никакого смысла, иначе точно свихнусь, и решила уйти в библиотеку, чтобы просто сменить обстановку.

Однако проходя мимо кабинета Ойгена, услышала громкий голос Доротеи: – От Кристины слишком много проблем! Она является препятствием для твоего блестящего будущего, сынок! От неё нужно окончательно избавиться!

Глава 16. Ушастые стены

Я замерла на месте, стараясь ничем не выдать своего присутствия, так как другой возможности узнать о планах этой гнилой семейки попросту не будет.

– И что ты предлагаешь? Сама ведь обещала решить проблему в моё отсутствие без лишнего шума, а что в итоге? Ты меня подвела. Мало того что ничего не вышло, так ещё и все в курсе насчёт покушений на Кристину. Теряешь хватку, мама. Времени остаётся всё меньше и меньше. Так месяц бы вдовцом походил, и всё, – раздражённо хлопнул по столу рукой Ойген.

У меня внутри всё упало. Неужели мне уже присмотрели замену, а потому так торопятся?

– погоди, не горячись. Думаю, что пара недель ничего не решит, а поторопившись наделаем ошибок, за которые потом придётся расплачиваться головами, а не только положением.

– Довольно! Что тебе дадут эти «пара недель»? Теперь, если с Кристиной что-то случится, всё равно поползут слухи, что не так всё «чисто» с её смертью, дело дойдёт до судьи, и разразится громкое разбирательство, в результате которого всплывут все твои «промахи».

Доротея ничего не ответила, было лишь слышно её недовольное сопение. Послышался шорох перекладываемых бумаг, а затем Ойген стукнул кулаком по столу: – Сплошное невезение в последнее время... Одна новость хуже другой... Я так рассчитывал, что после смерти этого пьяницы Вангера его имущество пустят с молотка, а мне присудят деньги согласно его долговым распискам, а в итоге промурыжили почти год и отписали мне его охотничий домик с озером! Вот что мне с ним делать?! На рыбалку ездить, чтобы успокоиться? Туда только в один конец две недели уйдёт, а то и больше!

– Сынок, что же ты такое говоришь? Не все новости дурные, то, что Линда от тебя беременна – это же благо. Она наверняка подарит тебе долгожданного наследника, а богатое приданое ещё больше упрочит наше положение... – голос Доротеи звучал так

обволакивающе, словно королевская кобра пыталась загипнотизировать не только своим танцем очередную жертву.

А вот новость о беременности какой-то Линды меня совсем не обрадовала. Получается, что Ойген, подлец этакий, ко всему прочему изменял Кристине! Зато теперь ясны и причины его внезапного отъезда, и мотивы Доротеи избавиться от меня. Судя по всему, срок ещё маленький, но живот вскоре станет видно, а потому Ойген торопится вовремя овдоветь, чтобы успеть и минимальный срок траура соблюсти, и свадьбу сыграть. Вот же негодяй!

А Доротея тем временем не унималась: – Даже этот домик, который, казалось бы, никому не нужен, способен сыграть нам хорошую службу.

– Что ты хочешь этим сказать, мама?

– Ну как же, милый... Домик у озера? У озера. Ещё и лес рядом. Следовательно, можно отправить туда Кристину, скажем так, поправить здоровье. Ведь для никого не секрет, что одному богу известно, как в этой никчёмной только душа держится. А ты найми кого-нибудь, чтобы он её совратил. Даже не страшно будет, если снасильничает: ведь кто поверит женщине? Значит, сама виновата, дала повод, приманила... Мужчина всегда прав, запомни эту непреложную истину, сынок. А за прелюбодеяние, тем более замужней дамы, пойманной на измене при свидетелях, Кристину быстро сошлют в монастырь, тебя разведут просто по щелчку пальцев, оставив все её земли в качестве компенсации. Там сама быстренько сдохнет, презираемая всеми, да ещё и под тяжёлым гнётом наложенных строгих покаяний в соответствии с совершённым проступком. Никто даже не удивится, что обманутый муж быстро найдёт себе достойную замену. А потом ещё и получит достойную награду в виде рождения наследника. Пару-тройку месяцев не показывать ребёнка, и прекрасно всё совпадёт по срокам. Только представь, как тебя будут все поздравлять, особенно после долгих лет брака с женой-пустышкой, не способной понести после рождения больного ребёнка! Девчонку отправим в пансион для убогих, где она тоже быстренько преставится. Вот так легко и красиво разрешатся все твои проблемы, сынок. Мы и так слишком долго терпели в своём доме этих двух жалких дурочек. Только деньги зря на них тратили...

Тварь! Просто тварь!!! У меня внутри всё кипело от негодования. Вот ведь стерва! Самое ужасное заключалось в том, что план действительно выглядел идеальным. Даже если вооружусь до зубов, то против мужчины моё тщедушное тельце не выстоит: хватит того, чтобы слегка приложить по голове, и вуаля! Тут же достаточно застукать женщину просто с задранной юбкой выше щиколоток, чтобы обвинить в грехопадении.

— План, несомненно, хорош, мама... — немного неуверенно протянул Ойген. — Но хотелось бы как-нибудь обойтись без вот этой всей грязи с изменами. Сама понимаешь — моя репутация может всё-таки пострадать, а огласки избежать не получится. И даже спустя годы обязательно найдутся те, кто будут шептать, припоминая, как эта бледная моль наставила мне рога...

Затаив дыхание, я прикусила нижнюю губу, ожидая продолжения. Что же перевесит: авторитет Доротеи или любовь к себе прекрасному и безупречному?

— Ты подумай, сынок. Пока оно ещё есть, это время...

— Идея с охотничьим домиком мне нравится. Надо будет разведать, а не промышляют ли в тех краях разбойники. Хотя тоже могут подумать, что мы в этом замешаны, снова тень на честное имя Майеров падёт...

Что?! Честное имя Майеров? Он шутит? Это имя прогнило всё насквозь настолько, что смердит, несмотря на надушенные изысканные наряды! Господи, этот «аттракцион любви и добросердечия» когда-нибудь закончится? Один план другого краше. Но больше всего поражало, с какой лёгкостью и цинизмом эти двое рассуждали, как избавиться от нас с Софи. И ведь даже голос не дрогнул ни у одного, ни у второй. При всём при этом их план удался: настоящая Кристина погибла, а её место заняла я. Выходит, что если бы не эта странная замена, то Софи уже в доме не было. Пришлось крепко сжать кулаки, чтобы ногти впились в ладони, так как начало темнеть в глазах после услышанного. Прижавшись пылающим лбом к холодной стене, я заставила себя дослушать эту «познавательную радиопостановку».

— Ойген, мальчик мой, ты только представь, как вы хорошо и выгодно будете смотреться вместе с Линдой! Такая шикарная и красивая пара... В роскошных нарядах, золоте и драгоценных камнях! Один-два бала, и вас пригласят ко двору, где перед тобой откроются

просто захватывающие дух перспективы! Даже беременности и рождение детей не сильно повлияют: всего три месяца до родов, которые нужно соблюсти ради приличий, проведённые в поместье или столичном доме, и Линда снова будет блистать во всей красе, пока вашими наследниками будут заниматься няньки. Ты молод, сынок, зачем же запираешь себя в этой глуши, быть вынужденным затворником из-за этой дурочки Кристины, не умеющей подать себя в высшем свете? Нужно двигаться дальше и выше! Ты создан для того, чтобы воспарить, не только упрочив, создаваемое твоими предками, но и возвыситься над ними!

Доротея всё заливалась соловьём, рисуя радужные перспективы безоблачного будущего для своего сына и дочерей, в то время как над моей головой с каждым её словом всё сильнее сгущались тучи. И не только моей, но ещё и Софи. Под конец разговора эти два ничтожества совершенно искренне посетовали насчёт того, что моя девочка не умерла во младенчестве, как многие дети, рождаемые хилыми матерями. Опомниться меня заставил только тяжёлый шелест многочисленных юбок Доротеи, свидетельствующие о том, что она собирается покинуть кабинет. С нервно колотящимся сердцем я начала отступать назад, стараясь ни единым шорохом не выдать своего присутствия. В итоге, когда Доротея появилась в коридоре, нас разделяло чуть менее десятка метров. Увидев меня, свекровь фыркнула, окатив с головы до ног презрительным взглядом, а потом и вовсе закатила глаза при виде моего топорного книксена.

Как только её шаги стихли, я набралась смелости и постучала в дверь кабинета.

– Кто там? – раздражённо рявкнул Ойген. – Я занят!

Ничего, скоро ты станешь свободным, муж мой, «горячо любимый» настолько, что хочется развести костёр под твоими ногами, чтобы стало ещё жарче!

Глава 17. Разговор с мужем

За то время, что прошло после окончания разговора с Доротеей и моей ретировки, Ойген переместился на диван и, судя по разворошенным подушкам, намеревался с комфортом отдохнуть. Правильно, другие ведь будут думать, что он занимается делами.

– Кристина? – Ойген оказался немало удивлён моим появлением на пороге кабинета. – Я же предупредил тебя, что сегодня навещу тебя.

Потупив взгляд, я дрожащими руками закрыла дверь, стараясь отыграть роль Кристины максимально достоверно. Поглядывая из-под опущенных ресниц за тем, кто являлся сейчас моим мужем, тихо произнесла: – Я хотела бы с тобой серьёзно поговорить...

Ойген небрежно провёл рукой по волосам, после чего короткие светлые пряди, лишь немного не доходившие до плеч, рассыпались в художественном беспорядке. Не удивлюсь, если это движение было тщательно отрепетировано мужем перед зеркалом не единожды, чтобы в любой ситуации выглядеть эффектно. Будучи обладателем густой блондинистой шевелюры слегка медового оттенка, чуть более тёмных по тону бровей, а также правильных черт лица, Ойген по праву считался если не красавцем, то весьма привлекательным мужчиной. Вот только общее впечатление портили холодные серо-карие глаза, следившие за каждым моим движением, выражали явное раздражение, а также изогнутые в презрительной усмешке пухлые губы, прямо-таки кричащие о порочности своего хозяина. В целом Ойген сейчас напоминал развалившегося молодого льва, с сытой неторопливостью наблюдающего за той, кто осмелилась нарушить его покой. Даже если опустить подслушанный разговор, мужчина вызывал у меня внутреннее отторжение.

– Ты, и «серьёзно», Кристина? Не забивай свою прелестную головку всякими глупостями, а лучше иди перечитай какой-нибудь из своих любимых романов.

От негодования у меня на щеках вспыхнул румянец, который был истолкован Ойгеном по-своему: – О, как ты мило всегда смущаешься, Кристина...

Муж нарочито медленно поднялся с дивана, демонстрируя себя во всей красе, не потрудившись даже застегнуть четыре верхних пуговицы белой рубашки, поверх которой был надет домашний жилет из коричнево-бордовой кожи. Вальяжным шагом Ойген приблизился ко мне, вызвав неприятные ощущения, напомнив кобру, гипнотизирующей свою жертву. Тыльной стороной пальцев он провёл по моей левой скуле, оттягивая прядь волос, обрамляющую лицо, в сторону.

Нервно сглотнув, я с трудом заставила себя не шарахнуться в сторону, хотя деваться-то особо было некуда. – Я хотела бы поговорить о нас, Ойген.

Красиво очерченная бровь слегка приподнялась в удивлении, а потмо снова вернулась на место. – О нас? Так, может, опустим эти пустые разговоры и уделим время «нам»?

Как меня в этот момент не стошнило от омерзения – не знаю. Не будь Ойген таким двуличным чудовищем, попробовала бы найти с ним общий язык и смирилась с положением замужней дамы, в чьём теле оказалась. В конце концов, опыт близкого общения с мужчинами у меня был в прошлой жизни и в плотских утехах есть своя прелесть. Не говоря уже о том, что порой договориться в постели намного проще, чем в какое-либо другое время. Но не с Ойгеном точно.

– Я просто поняла, что наша семейная жизнь не сложилась и хочу развестись. Тем более что госпожа Доротея ясно дала мне понять, насколько не хочет видеть меня в качестве своей невестки.

Глаза Ойгена сверкнули хищным блеском, после чего он немного отстранился: – Если ты о тех двух недоразумениях, произошедших в моё отсутствие...

– Нет, Ойген, это были не недоразумения. Я не хочу, чтобы нечто подобное повторилось снова, а потому предлагаю просто тихо и мирно разойтись.

В ответ этот мерзавец лишь хохотнул, будто услышал дурацкую шутку: – Тихо и мирно? О нет, глупышка Кристина, это невозможно. Сам король был заинтересован в нашей свадьбе, чтобы земли Верберов не достались кому-то другому. Политика, Кристина, политика. И ты предлагаешь развестись, забрав своё благосостояние, пусть даже и не очень доходное, чтобы всё отошло к чужаку? Сомневаюсь, что Его Величество будет от этого в восторге.

– Ойген, я жить хочу. Просто жить, а не сгинуть в результате очередного несчастного случая или, как ты сказал только что – «недоразумения». Мне не так много нужно: всего лишь собственное жилище и некоторая сумма денег, на которую смогу прожить. В обмен на мои земли.

– Ты вздумала торговаться, Кристина?

– Нет. Просто предлагаю выход из ситуации, который устроит нас обоих. Земли останутся у тебя, поэтому недовольства у короля не возникнет, а род Майеров не потеряет ни своих границ, ни влияния.

Ойген подошёл к столу и плеснул себе в стакан какого-то золотистого напитка из квадратной бутылки. И пусть муж пытался вести себя расслабленно, я видела, что он у меня на крючке. – Но что скажут люди? Развод – это ведь пятно на репутации, Кристина...

– Все и так знают, что жена из меня получилась никчёмная, наследника так и не родила за эти годы... Они поймут и не станут злословить в твою сторону.

Покрутив стакан в руке, Ойген сделал глоток, а затем присел на край стола: – Не смогла родить или не захотела? Мать рассказала мне, как одна из служанок нашла очень интересные травы в твоей спальне, Кристина.

– Хотела, но не смогла. И твоя мать знала об этом, потому что травы мне давал господин Жилло, который предано ей служит уже долгие годы. Ты ведь знаешь, что я едва пережила первые роды, чуть не преставившись, но как ни надеялась, так и не смогла оправиться до конца. Именно по этой причине лекари запрещали мне рисковать здоровьем, ведь новая беременность не просто подорвала бы его окончательно, но и с большой долей вероятности убила, не дав даже доходить до конца срока. А отказывать тебе в исполнении супружеского долга не могла, как верная и любящая супруга. Но прошло уже несколько лет, а ситуация не изменилась и сомневаюсь, что изменится. По тому, как ты редко стал появляться дома, я поняла, что дальше просто бессмысленно мучить друг друга, поэтому предлагаю развестись.

Ойген молчал, обдумывая мои слова, а я мысленно молилась, чтобы он согласился.

– Боюсь, судья может решить, что три года – это слишком малый срок для того, чтобы отчаяться насчёт рождения наследника, учитывая,

что мы оба достаточно молоды...

– Я могу взять на себя вину в рождении больного ребёнка, а затем, забрав, Софию, уехать. Зато тебе не придётся тратиться на её содержание после развода. В таком случае тебя не только не осудит общество, но и будет искренне сочувствовать, что не повезло с первой женой, а я тоже от этого выиграю. Снова замуж не хочу, тем более что новый супруг наверняка захочет совместных детей, а это опасно. Признав себя «никчёмной» стану считаться нежеланной для заключения брака. Я действительно хочу просто спокойно прожить остаток своих дней.

В принципе, после того, как упомянула о том, что возьму на себя вину в рождении Софи и заберу её с собой, можно было не продолжать. По лицу Ойгена было видно, что мой последний козырь окончательно перевесил все его сомнения по поводу развода. Но и сразу сдаваться он не спешил.

– Если ты так этого хочешь... Мне нужно время, чтобы подумать, взвесить все аргументы. В конце концов, подобрать подходящий дом для вас, выкупить его... Не говоря уже о необходимости рассчитать твои отступные и запросить их в банке.

Я даже не сомневаюсь, что Ойген попытается «кинуть» меня, либо оставив без денег совсем, либо кинув «с барского плеча» сущие копейки, главное, чтобы подписал бумаги на развод и отпустил нас с Софи на все четыре стороны и больше никогда не появлялся на горизонте! Но как же он красиво завуалировал покупкой дома своё желание запихнуть меня в охотничий домик на озере! Мой внутренний скупердяй не просто заплодировал стоя, но и снял шляпу.

– Можешь быть свободна, Кристина. Ночью я сообщу о своём решении.

Я снова уткнулась взглядом в пол и прикусила нижнюю губу, изображая крайнюю степень смущения: – К сожалению, ничего не выйдет. Женские дни начались... Поэтому и пришла сейчас, чтобы поговорить.

Ох, как Ойгена перекосило! Его красивое лицо сморщилось от безразличия так, словно я ему под нос пададь подсунула. Естественно, ничего у меня не было, но ради того, чтобы избежать исполнения супружеского долга, готова была изрезать себе все пальцы на ногах, чтобы достоверно испачкать кровью нижнее бельё и

простынь. Быть раскрытой служанками я не боялась, так как цикл из-за скудного питания и принимаемых отваров у Кристины был крайне нестабильным.

— Иди. Я сообщу о своём решении.

Глава 18. Решение

Вот и всё. Разговор, которого я так ждала и боялась одновременно, свершился. Теперь осталось дожидаться окончательного решения Ойгена. Ночью он ко мне теперь точно не сунется, но если что, стулья всё-таки перед сном проверю. А то напьётся ещё и полезет, а мне такого «счастья» точно не нужно. Оказавшись в своей комнате, я не успела даже дойти от двери до кровати, как услышала торопливые шаги по направлению к лестнице. И всё-таки Ойген заинтересовался моим предложением, раз так оперативно поспешил в гостиную к мамочке. Большая жалость, что на этот раз подслушать их разговор никаким образом не получится. Опять томительное ожидание...

На ужине Ойген всё-таки появился, заняв полагающееся ему по статусу место во главе стола. В остальном трапеза проходила, как обычно: золовки злословили в мой адрес, разве что свекровь переключила своё внимание на своего дорогого ненаглядного сыночка, но ни слова, касающегося нашего разговора насчёт развода не промелькнуло. После окончания ужина муж заявил, что намеревается совершить конную прогулку перед сном, поэтому мне не оставалось ничего иного, как уйти в библиотеку, чтобы хоть за книгами скоротать время. Ещё я отчаянно скучала по Софи, ведь не видела её уже три дня, а давать лишний повод заподозрить в моём интересе к девочке, было не в моих интересах. После чудовищных планов Ойгена и Доротеи не осталось никаких сомнений, что при необходимости из дочери сделают просто пешку, чтобы использовать против меня. В ту ночь я почти не спала, так как нервы разыгрались не на шутку. На всякий случай, чтобы поддержать легенду о неблагополучных для исполнения супружеского долга днях, устроила себе небольшое кровопускание, а потом утром приказала заглянувшей служанке заменить постельное бельё.

Завтрак пришёл в том же ключе, что и ужин накануне, потом обед, снова ужин... Изредка ловя на себе взгляды Ойгена, замечала его самодовольную полуулыбку, из чего сделала вывод: решение давным-давно принято, но этот мерзавец специально меня испытывал ожиданием. Не удивлюсь, если муж рассчитывал, что мои нервы

окончательно сдадут, и я устрою истерику. Но ради нас с Софи держалась изо всех сил, не давая этим упырям потешить своё самолюбие. В итоге на третий день на пороге моей комнаты появилась Фанни и сообщила, что Ойген ждёт меня в кабинете. Стараясь ничем не выдать внешнее волнение, я направилась услышать окончательный вердикт.

– Проходи, Кристина.

Я заняла кресло, стоящее перед столом, за которым сидел Ойген с видом правителя, к которому привели поверженного соперника. Но самой неприятной «вишенкой на торте» являлась Доротея, стоявшая по правую руку от сына. Ни дать ни взять – советница монарха.

– Я долго думал над твоим предложением насчёт развода и принял решение, что если тебя наш брак настолько тяготит, то, пожалуй, его стоит расторгнуть.

Ну да, конечно же это я виновата во всём! Как мило и тактично было со стороны Ойгена переложить всю ответственность на меня, просто слов нет. Но я продолжала молчать, давая ему возможность озвучить все подробности, чтобы потом было к чему апеллировать.

– Учитывая тот факт, что брак был инициирован Его Величеством на определённых условиях, то чтобы сохранить его расположение по отношению к нам обоим, тебе придётся отписать все свои земли мне, а признавшись виновной в рождении больного ребёнка, отказаться от титула в мою пользу, чтобы смыть свой позор благородным поступком.

Вот же мерзавец! Но я недаром проштудировала свод законов и была готова к такому повороту дел. Таким образом, напугать меня Ойгену не удалось, что выразилось явным неудовольствием, промелькнувшим на лице Доротеи. Они на самом деле рассчитывали, что начну биться в истерике, унижаться и умолять сохранить титул? В моей ситуации остаться без него, наоборот, было благом, так как став «безродной» однозначно теряла интерес короля в качестве очередной разменной монеты в политических играх.

– Ты всё поняла, Кристина? – нарочито мягко, словно разговаривая со слабоумной, уточнил Ойген.

– Абсолютно. Однако на всё это я согласна при определённых условиях, которые назвала несколько дней назад.

– Да-да, я помню, – Ойген зашуршал бумагами на столе, изображая просто титанические усилия по поиску необходимых

документов.

– Я нашёл тебе подходящий дом, причём ты должна быть мне благодарна за проявленную заботу, ведь он находится на достаточном удалении от этих мест, а, значит, вероятность нашей с тобой встречи, которая может принести тебе моральные страдания, станет маловероятной. Зато он находится рядом с землями Верберов, что, несомненно, должно утешить. Кроме того, ты хотела получить деньги... Я тщательно посчитал, учитывая все обстоятельства, в том числе затраты на твоё содержание и Софии за все эти годы, и у меня вышла сумма в двадцать тысяч семьдесят три серебряные и сорок две медные монеты, пятнадцать тысяч из которых остаются у меня в качестве компенсации.

Вот же стервец! Никак всё до последней копейки учёл! Причём оценил затраты на нас с Софи так, словно двух принцесс все эти годы обихаживали! И ведь спорить бесполезно, иначе вместо развода получу одно из тех «приключений», что хотели они мне вместе с Доротеей устроить.

– Покупка дома мне обошлась в три тысячи серебряных с небольшим, но я не буду учитывать эти мелочи. Сущий пустяк ведь...

Гнида. Ещё и навариться решил, ведь я видела документы из суда, в которых стоимость долга Эгона Вангера составляла всего полторы тысячи!

– Зато к дому прилагается озеро, распоряжаться которым ты сможешь на своё усмотрение. Так что у тебя появится возможность получать с него дополнительный доход, давая возможность местным на нём рыбачить, например.

А вот в такое великодушие мужа мне не верилось. С чего бы ему терять доходное место, если он готов за грош удавиться? С этим домом и озером точно что-то нечисто, но отступать было некуда. Ладно, буду решать проблемы по мере поступления. В конце концов, продать выморочное имущество всегда смогу. По крайней мере, надеюсь на это.

– Соответственно, никаких денег на содержание Софии ты не будешь иметь права требовать. Согласна?

– Все бумаги подпишу только у судьи, но деньги хочу получить вперёд в качестве обеспечения нашей договорённости.

Ойген сморщил губы в «куриную гузку», но полез в сейф. Деньги отсчитывал с таким видом, словно сдираю с него последнюю рубаху. Если учесть, что один золотой равнялся двумстам пятидесяти серебряным монетам, то на стол легло всего двадцать жёлтых кругляшков и горка серебряных, поверх которых со звоном упало сорок две медяшки. Ничего, попробую разменять потом на более мелкие деньги, но так, чтобы голову на плечах сохранить. Просить у Ойгена сразу всю сумму в серебре не стала, так как лишние мешочки будет труднее спрятать.

– Когда поедem к судье?

– Вот сразу после завтрака и отправимся.

Я забрала деньги, услужливо ссыпанные Ойгеном в мешочек и ушла к себе. Первое, что бросилось в глаза – подушки были уложены не так, как я оставляла их перед тем, как покинуть комнату, но служанки обычно по-другому перестилают кровать. Интересно, кому тут понадобилось копаться в моё отсутствие? А главное – что хотели найти?

Глава 19. Развод

На всякий случай я проверила все свои вещи, а даже те, что были не только в гардеробной, но и убраны в шкафы. К счастью, ничего подозрительного обнаружить не удалось. Даже проверила все поверхности – безрезультатно. С одной стороны, хорошо, что ничего не подкинули, а то от этой семейки всего можно ожидать, а с другой... Получается, что что-то искали. А вот это было уже смешно, так как никаких особых ценностей у Кристины не было, не говоря уже о деньгах. Хотели проверить, не припасла ли себе чего-нибудь на «сытую» жизнь после развода? Очень смешно, учитывая, что из-за вечных упрёков Доротеи и её дочерей у Кристины развилось расстройство пищевого поведения, если попросту, то все их козни привели к банальной нервной анорексии. Это когда сверхмалое потребление пищи приводит к аномально низкой массе тела. Чудо, что до критического состояния не дошло, да и я немного смогла изменить ситуацию. Тут, конечно, щёки ещё наедать и наедать, но пока главное – убраться отсюда подальше. Я посмотрела на аквариум: домик стоял на прежнем месте, да и рыбка вела себя безмятежно, что относительно подтверждало отсутствие стороннего вмешательства в привычный уклад её жизни.

Пока позволяло время, я призадумалась над тем, куда деть деньги. Оставлять их здесь было крайне неразумно, потому что потом в жизни не докажу, что их кто-то взял. Сумочка? Самый простой и логичный вариант, но вместе с тем очевидный. За время жизни в детдоме я крепко-накрепко усвоила, что не стоит держать яйца в одной корзине, а потому полезла в швейные принадлежности, обрадовавшись тому, что в запасах Кристины нашлись подходящие по плотности куски ткани. Потом выбрала одно из повседневных платьев, имевшее весьма удачную драпировку складками по юбке и безжалостно прорезала два отверстия, позволяющие свободно просунуть руки, но при этом оставаться незаметными во время движения. Пришлось пришить к верхней нижней юбке быстро смётанные «карманы», в которые сложила часть золота, а оставшееся спрятала в два пояска, которыми обвязала каждую ногу примерно на две ладони выше колена, чтобы не

возникало неудобства при ходьбе. Создалось ощущение, что не разводиться еду, а в глухую чащу путь держу, в которой обитает банда кровожадных разбойников. Серебро и медь ссыпала в сумочку-мешочек. В конце концов, если вдруг её «случайно» подрежут, не так обидно будет.

На завтрак я явилась уже переодевшись в «модернизированном» платье, положив сумочку себе на колени. Сёстры Ойгена, уже даже не скрывали своей радости по поводу того, что вскоре избавятся от лицемерия моего вечно снулого вида. Вот кто бы говорил! Та же Эрсель редко когда отличалась доброжелательным, не говоря уже о счастливом выражении лица. Меня утешало лишь то, что вскоре этот цирк с конями вскоре закончится и больше этот табун не увижу. Мой внешний вид Ойген одобрил, заметив, что так и следует одеваться женщине, чувствующей свою вину перед семьёй мужа. После завершения завтрака он сразу же велел идти к карете, чтобы зря не тратить его время на бессмысленные сборы. А вот присутствие внутри Бинди с Софи на руках меня немало удивило. С Ойгена станется вышвырнуть нас прямо возле здания суда как только мои подписи будут проставлены на соответствующих бумагах. Хорошо, что Бинди пояснила, что девочку просто покажут в качестве доказательства моей несостоятельности как жены. Софи испуганно жалась к ней, но в присутствии няни пришлось прикусить себе язык, чтобы не начать успокаивать дочь. Было безумно её жаль, но показывать заинтересованность в ней было нельзя, чтобы не дать Ойгену козырь в руки.

Дорога заняла около трёх часов, в чём я смогла удостовериться, взглянув на часы на башне ратуши. Похоже, что муж известил заранее о наших намерениях, поэтому нас сразу проводили к судье. Увидев нас, суровый старик грозно взглянул из-под кустистых бровей:

– Ойген Ристоф Майер и Кристина Вильгемина Вербер-Майер, уверены ли вы в своём решении расторгнуть брак, несмотря на наличие общего ребёнка?

Ойген тут же взял слово, передав секретарю бумаги, удостоверяющие наши личности, свидетельства о браке и рождении Софи. В принципе, ничего лишнего муж не сказал, просто обрисовал вкратце ситуацию, а также причину развода.

– Кристина Вильгемина Вербер-Майер, признаёте ли вы свою вину в рождении больного ребёнка, а также невозможности подарить супругу наследников?

– Да.

– Понимаете ли, что это заявление несёт отказ от земель, титула и содержания господином бароном?

– Да.

– В таком случае после осмотра вашей дочери врачом, который подтвердит или опровергнет выводы, сделанные его коллегами насчёт состояния ребёнка, я приму решение.

Нас выпроводили за дверь, а Бинди с Софи увёл секретарь. Сложно передать, чего стоило мне сохранять внешнюю невозмутимость, пока они отсутствовали. Время тянулось в час по чайной ложке, заставляя с каждой минутой нервничать всё больше. Если раньше я была бы рада услышать, что ошиблись и предыдущие врачи, и сама, то сейчас желала, чтобы все диагнозы и прогнозы подтвердились. Наконец, нас снова пригласили к судье.

– Нemoщность вашей дочери подтверждена, а потому, если вы не передумали насчёт развода, готов его засвидетельствовать.

Ойген быстро подмахнул все документы, а я внимательно вчитывалась в каждую строчку, дабы удостовериться, что никаких подвохов там нет. Муж раздражённо поджимал губы, но молчал. Ознакомившись с последним листом, я обратилась к судье:

– В качестве жеста милосердия господин барон пожелал мне передать некоторое имущество, которое останется в моей собственности после расторжения брака. Вы можете удостоверить договор, господин Рихтер?

– Да, я обладаю такими полномочиями. Будут ли какие-либо возражения или дополнения?

– Хотела бы сразу распорядиться насчёт этого имущества, а также иного, которое будет мной нажито к моменту моей смерти правопреемницей становится моя дочь, София Анна-лея Вербер, которая получит мою фамилию после расторжения брака с бароном Майером согласно действующему закону, а право опеки получит заведение для сирот, находящееся под кураторством местного муниципалитета.

– Да, я внесу ваше пожелание. Если впоследствии вы решите составить завещание, то этот пункт будет по-прежнему иметь силу.

Ох, как же перекопилось лицо Ойгена, когда он это услышал! Ещё бы, ведь таким образом я подстраховала себя от «внезапной» гибели на случай, если он всё-таки решит, что домик у озера слишком жирный кусок, чтобы от него отказываться. Слишком запоздало муж понял, почему я попросила отдать мне перед тем, как карета должна была отправиться, документы на недвижимость, которую по сути сама и выкупила отступными. Но желание обрести свободу поскорее перевесило и он поставил свою подпись ещё и на договоре передачи прав. Только после этого я подписала все бумаги.

– Учитывая, что вы, госпожа Вербер, полностью отвечаете за желание господина барона развестись, передайте две тысячи монет секретарю в качестве оплаты пошлины за бракоразводный процесс и двести за удостоверение договора, включая внесённые правки.

Вот же Ойген скотина! Ещё и тут сэкономил! Я незаметно выдернула нитку, которой был прихвачен правый «карман» и, сделала вид, что копаюсь в сумочке, достала необходимую сумму. Сдачу, вручённую вместе с распиской, убрала к остальным мелким деньгам и получила долгожданные документы.

Стоило выйти в коридор, как Ойген тут же надменно усмехнулся, процедив сквозь зубы: – Часа хватит, чтобы убратъся из моего дома?

Глава 20. Торги

Ну да, кто сказал, что будет легко? На бесконечную доброту, сострадание и милосердие со стороны Майеров рассчитывать не приходится, ибо у них в фаворе лишь аббревиатура из первых букв этих четырёх слов. – Всё зависит от того, насколько ты будешь в этом заинтересован, Ойген.

– Не «ты», а «вы, господин барон», – надменно поправил меня уже теперь бывший муж. – Я мог бы вернуться прямо сейчас в поместье один, но не хочу лишнего шума от этой дуры, который, несомненно, поднимется и обрастёт сплетнями и рано или поздно покинет пределы моих земель.

Мило, очень мило он выразился о Бинди. – Вы же понимаете, господин барон, что даже бывшая жена, из-за которой вы вынуждены были терпеть все эти годы неудобства, путешествующая вместе с ребёнком на руках пешком вызовет немало кривотолков, которые весьма негативно скажутся на вашей репутации...

Да, я могла нанять экипаж, который отвезёт нас с Софи к домику у озера, но, во-первых, мне нужно было забрать свою «зачатку», а, во-вторых, не хотела рисковать, связываясь с посторонними людьми, и оказаться вышвырнутой посреди леса или дороги с ребёнком. Хорошо, если в живых останемся. Соответственно, сажать с собой Бинди на коня, а тем более заставлять самостоятельно добираться до поместья, Ойген не рискнёт. Первый вариант невозможен категорически, а второй повлечёт за собой ещё больше слухов, но уже тут, в городе.

– Тебе придётся заплатить за карету, которую я, так уж и быть, предоставляю тебе. Но дорога займёт две с лишним недели, а потому... С тебя четыре золотых, Кристина.

Скотина. С другой стороны, в моём распоряжении будет кучер, следовательно, дополнительная пара рук, что при наличии не умеющей ходить дочери, очень важно. Сомневаюсь, что дом в хорошем состоянии и имеет всё самое необходимое для проживания. Не говоря уже о продуктах и утвари. Об этом тоже стоит задуматься по дороге. Ещё непонятно, что в какую цену обойдётся. Скрипя зубами, Ойген жестом показал, чтобы мы забирались в карету. Всю обратную дорогу я

мысленно составляла список, что может нам пригодиться, а также держать в голове, что ночевать придётся либо в карете, либо платить за комнату на постоялом дворе, смотря где настигнет нас ночь. А вот по прибытии в поместье прямо с порога я оказалась атакована змеями.

– Зачем ты привёз обратно этих нищенок? – презрительно прошипела Доротея.

– Я так решил, – огрызнулся Ойген и быстро направился к лестнице, успев что-то шепнуть Айталь.

– Отойди от неё. В твоих услугах больше нет потребности. С этой минуты ты уволена! – указательный палец Доротеи ткнул в Бинди, держащую Софи на руках.

Няня растерянно захлопала глазами, передавая мне девочку, а потом, когда до неё дошло сказанное хозяйкой дома, то разразилась слезами и повалилась на пол, громко рыдая. Бинди подползла на коленях до Доротеи и ухватила за подол её платья, моля не лишать её работы. А в это время Айталь, Эрсель и Лойза дали волю своим ядовитым языкам, проходясь оскорблениями не только в мой адрес, но и Софи. Растолкав, словно с цепи сорвавшихся, бывших золовок, я поспешила к себе в комнату, незаметно вытирая выступившие на глазах дочери слёзы.

В последний момент мне даже не дали закрыть дверь в комнату, дёрнув так, что мы едва не покатались кубарем по полу с Софи.

– Что это ты тут забыла? Здесь больше ничего нет твоего! Хочешь забрать? Плати! – хищно оскалилась Айталь.

Я посадила Софи на кровать и повернулась к этим гарпиям лицом: – Ойген удержал с меня из отступных деньги, потраченные за эти годы.

Появившаяся вслед за дочками Доротея сухо отчеканила: – Это чисто за проживание. Если хочешь что-то забрать с собой – плати. Но на бальные платья можешь даже не рассчитывать: они шились для жены барона и обшивались камнями, принадлежащими семье Майеров!

Я принесла два простеньких платья, столько же сорочек и старые туфли, сложив всё на кровать рядом с Софи, пока сёстры Ойгена перерывали шкафы и гардеробную, устроив драку за платья, хотя ни одной из них они не пришили бы впору из-за субтильного телосложения Кристины. Ни заколки, ни даже принадлежности для

шитья брать не стала, так как прекрасно осознавала, что за них сдерут втридорога, а по пути наверняка получится купить подобное за гроши. Но оставить себя и дочку даже без пары смен одежды не могла. Увы, готовым платьем торгуют лишь в столице, остальное шьют портнихи и швеи на заказ.

Доротея брезгливо ощупала отложенные мной вещи, едва ли на зуб не брала, проверяя, не спрятано ли в них что-нибудь. Я же спокойно наблюдала за всей этой вакханалией, поглядывая на часы, чтобы успеть зайти за вещами Софи.

– Раздевайся! – скомандовала бывшая свекровь.

Чего-то подобного я, в принципе, ожидала, а потому устроила быстрый стриптиз, оставив у себя в руках сумочку и «подвязки» с монетами, только встав в стороне от кровати, чтобы Софи не видела всего этого.

– Ты испортила хорошее платье и нижние юбки, паршивка! Тоже будешь выкупать! – негодуя заявила Доротея, осмотрев и эти вещи.

Если бы я не разделась догола, думаю, ещё бы и обыскала меня с пристрастием, а так... – Я ещё хочу забрать с собой аквариум.

Эрсель с Лойзой наперегонки метнулись к стеклянной сфере и вытащили домик для рыбки, разглядывая его со всех сторон, а потом сунули руки и поворошили искусственные камешки, рассыпанные поверх почвы. Я даже не дёрнулась в этот момент, меланхолично натягивая на себя одежду после того, как получила позволение от Доротеи. Сумочку, правда, пришлось вытряхнуть, продемонстрировав, что там только деньги, оставшиеся после оплаты пошлин. Не найдя ничего подозрительного, сёстры принялись вытирать мокрые руки о платья, что были мною уже выкуплены. Мерзавки. Но я стерпела и это. Аквариум тоже обошёлся мне в копеечку, как и корм для рыбки, который тоже тщательно перетряхнули, но главное, что согласились мне его продать. После все в полном составе переместились в комнату Софи.

С вещами дочери поступили также бесцеремонно, вырывая у меня из рук даже самые простенькие платьица и башмачки. Действительно, а зачем неходячей нищенке обувь? Но я отстояла и их. Правда, весьма высокой ценой.

Глава 21. Дорога

Бинди всё-таки упростила Доротею оставить её на службе, вот только вопреки её ожиданиям определила не горничной, а подсобной служанкой на кухню. Тяжёлые баки с отходами и грязной водой носить и перекатывать – это не Софи на руках таскать. Впрочем... Как там Ойген сказал? За всё нужно платить. Поэтому в дорогу отправились мы с Софи вдвоём, если не считать кучера и риукина. Аквариум с рыбкой я смогла пристроить на противоположное сиденье, закрепив кое-как с помощью подушек и ремня, которым они были перевязаны, чтобы не падал во время движения, потому что каретой назвать выделенный нам тарантас было можно лишь с большой натяжкой. Хорошо, что Доротее не пришло в голову заглянуть в ящики под сиденья, где, собственно, мне и удалось обнаружить это «богатство». Сколько времени простояла повозка в каретнике, одному богу известно, хотя бы слоем пыли не покрылась, видимо, опасаясь гнева своих хозяев, кучеры следили за состоянием. Пока со стенок и дверок отдирались родовые регалии баронов Майеров, я быстренько пристроила аквариум и усадила рядом с собой Софи, чтобы она не упала и не повредила себе ничего, на случай внезапной остановки.

В принципе, всё самое ценное я смогла забрать из этого дома, и оно находилось рядом: дочь и аквариум. Как же вовремя решила подкорректировать свои планы насчёт тайников. Верно ведь говорят: хочешь что-то спрятать, оставляй на самом видном месте. Собственно, так я и поступила, перемешав камни с почвой и камушками. Эти идиотки сами себе сделали гадость, подняв муть в аквариуме, через которую разглядеть огранённые камни среди простых разноцветных минералов было просто невозможно, а золотые и серебряные ободки сплющила и спрятала в каблуках туфель, плотно утрамбовав. Понятное дело, что за подобного рода лом вряд ли дадут много, но не в моём положении разбрасываться даже такими мелочами.

Первую ночь пришлось провести в карете, обняв Софи и укутав её старым тонким стёганным одеялом, обнаруженным вместе с подушками, так как останавливаться на постоялом дворе было намного опаснее, а еда и вовсе не подходила не только Софи, но даже мне.

Лишь на следующий день я попросила кучера остановиться возле ближайшей деревни, а сама, вручив ему дочь, пошла добывать пропитание. Заодно разжилась почти новой крепкой сковородкой и небольшой кастрюлей. Несомненно, жители пытались также разжиться на мне, как Ойген, но достаточно было лишь вздёрнуть повыше нос, как те тут же скидывали цену. Кучер всего этого не видел, так как я заходила в дома или беседовала с хозяйками, будучи на приличном расстоянии от него, но не выпуская из поля зрения. Сказать, что семнадцать дней путешествия были ужасными – это сильно приукрасить действительность. Всё тело ломило от бесконечной тряски, а ноги отекали вследствие неподвижности, но со мной была Софи, которой тоже было нелегко, хотя держалась она умничкой. Я тихо рассказывала ей на ушко разные истории и сказки, пела песенки, которые знала, показывала, что происходит за окном. Во время вынужденных остановок осторожно разминала её хрупкое тельце, чтобы хоть как-то облегчить последствия тяжёлой дороги. И вот, что я заметила, а, возможно, просто не обращала ранее никакого внимания: Софи становилось не просто легче после моих прикосновений, а значительно лучше. Даже захиревший в какой-то момент риукин резко перестал думать умирать, когда коснулась его через сачок во время смены воды в аквариуме. А если вспомнить, как быстро прошла гематома на моей шее... Хорошо было бы, если это действительно так, а не желаемое, выдаваемое за действительность из-за усталости.

И вот настал тот день, когда после всех мытарств мы добрались до конечной точки нашего маршрута. Карета остановилась на берегу большого озера, на противоположной стороне которого виднелся небольшой одноэтажный домик, покрытый соломенной крышей.

– Вылезайте. Дальше мне хода нет, так как сразу за домом начинаются владения Вангеров.

– А подъехать как-то поближе нельзя?

– Распоряжений от господина барона не поступало на этот счёт. Это только рыбаки из ближайшей деревушки могут позволить себе тайком тут промышлять, а я на это не подпишусь.

На берегу и вправду лежало несколько закиданных травой лодок. Как я не торговалась с кучером, но он не согласился ни за какие деньги. Просто выгрузил все мои пожитки и уехал. Я с совестью торговалась гораздо меньше и намного эффективнее, попросту выбрав

самую крепкую лодку и утащив сломанные вёсла, валявшиеся неподалёку. В конце концов, по крикам пойму, кто владелец, а потом с ним расплачусь, а может, и так заберу, ведь уже более двух недель являюсь владелицей этого озера и небольшой территории вокруг него. Сложив в лодку все вещи и усадив среди них Софи, чтобы она случайно не соскользнула со скамеечки за борт, я начала грести в сторону домика.

Мне казалось, что никогда не достигну небольшого причала, так как создавалось ощущение, что лодка почти не двигается, а гребки вёслами, у которых как раз были наполовину сколоты концы, незначительны. На ладонях давно образовались кровавые мозоли, но мне приходилось держать себя в руках и продолжать рассказывать Софи различную милую чепуху, чтобы не напугать её ещё больше. Хорошо, что в какой-то момент она увлеклась разглядыванием аквариума и тыканьем в ускользавшего от него всё время риукина. Но вот лодка заскребла дном по камням, и мне пришлось из неё выпрыгнуть, чтобы дотолкать до отмели. Не хватало ещё, чтобы наше единственное транспортное средство отнесло волнами.

Платье промокло почти до колен, едва не потеряла туфли, но я справилась с поставленной задачей. Скинув подальше на траву тюк с одеялами и подушками, купленными по дороге, быстро перенесла на него Софи, а сама ещё дальше затащила лодку. Достав из кармана ключ, переданный Ойгеном не сразу, но смогла его повернуть в замочной скважине. Пыли внутри было немерено, но хоть обстановка более-менее сохранилась. Ладно, жить можно. На всякий случай занесла все вещи внутрь, а затем задвинула засов. Пока соображала, с чего начать, дошла до кухни. Внезапно в дверь сотряслась от сильных ударов.

– Откройте! Вы находитесь здесь незаконно, цинично подделав расписку Эгона Вангера!

Глава 22. А тут рядом поселился...

Софи, которую я всё это время держала на руках, испуганно прижалась ко мне и беззвучно заревела от страха.

– Не бойся, мама тебя в обиду не даст. Это теперь наш дом, и никто не посмеет нас отсюда выгнать, – поглаживая дочь по спине, лихорадочно думала, как поступить, а дверь тем временем уже начала подозрительно трещать. Ещё пара сильных ударов, и точно слетит с петель или рассыпется на куски. Я усадила Софи на лавку, а сама бросилась к одному из тюков, в котором была сложена купленная утварь. Вряд ли кто-то из рыбаков мог настолько обнаглеть, чтобы с такими обвинениями заявиться сюда, так что, скорее всего, это новый владелец земель Вангеров. Надеюсь, он окажется не такой скотиной, как Ойген. Вытащив сковородку из тюка, я достала документы на дом и прилегающие к нему земли, а потом направилась к двери.

– Прекратите колошматить кулаками, иначе точно не смогу её открыть!

Стоило мне это произнести, как шум мгновенно прекратился. Я воткнула документы в крючки для одежды, вбитые в стену, и не выпуская сковородку из правой руки, потянула за рукоять на засове. Толкнув от себя дверь, на всякий случай сделала пару шагов назад, чтобы иметь возможность полноценного замаха.

За порогом оказался взъерошенный светловолосый мужчина лет тридцати, смотревший на меня с таким удивлением, словно ожидал увидеть на моём месте кого-то другого.

– Итак, кто вы такой и по какому праву смеете предъявлять столь возмутительные обвинения в мой адрес? Я хозяйка этого дома и могу предъявить все необходимые документы, причём заверенные у судьи города Гендринга.

Незнакомец оторопел ещё больше, а я выдернула документы из крючков и, встряхнув свободной рукой, чтобы бумага развернулась, показала договор передачи бароном Ойгеном Ристофом Майером в пользу госпожи Кристины Вильгемины Вербер дома и земли вокруг него, включая озеро. Кстати, позади ещё располагается небольшой

пруд, но он тоже входит в эту территорию, а не упомянут, так как имеет слишком малые размеры и не имеет названия.

– Так вы наследница Верберов? – прочитав моё имя, предположил незнакомец.

– Нет. А вот кто вы такой мне до сих пор неизвестно.

– Простите... Меня зовут Вильгельм Дейтер Вангер, – представился мужчина, а потом пробормотал. – Всё равно дядя не мог отказаться от этих земель... Он же знал, что они мне нужны...

Я быстро кинула договор на скамеечку, отодвигая её ногой подальше от двери, дабы исключить возможность Вангера дотянуться до них. Кинув быстрый взгляд через плечо, убедилась, что Софи точно не свалится с лавки, а раздавшийся шорох был вызван лишь тем, что она пыталась спрятаться за одним из тюков.

– Я так понимаю, что вы не просто находитесь в родстве с бывшим владельцем, а являетесь его племянником? Если у вас есть какие-то претензии к барону Майеру, то вы должны с ним выяснять отношения, а не со мной, а тем более пугать меня и мою дочь.

Услышав, что я не одна, Вангер побледнел, потом отклонился вбок, пытаясь разглядеть всё, что творится позади меня. – Простите, я не хотел... Но ведь к озеру подъезжал ещё какой-то мужчина...

– Это был кучер, который даже не соизволил помочь с вещами, и пришлось самостоятельно добираться сюда, позаимствовав лодку у местных браконьеров. Или вы надеялись, что сюбда явится сам барон Майер? Ха. Ха. Ха. Мне незачем вам лгать, вы и так прекрасно можете понять это по моему внешнему виду. Теперь, если все недоразумения улажены, попрошу вас покинуть мой дом, а также территорию, которая принадлежит также мне. Лучше бы за браконьерами следили, иначе претензии буду предъявлять уже я за нарушение границ частной собственности, и тогда вопрос будет решаться уже в суде. Если это были люди барона Майера, которому принадлежат ещё и земли семьи Вербер, то можете не сомневаться: по отношению к нему будут приняты те же меры.

С ним вот и решайте законность расписки, данной вашим дядей в счёт проигрыша, согласно которой суд окончательно присудил ему эти земли вместо денежной компенсации. Если есть сомнения насчёт этого решения, то можете заплатить барону соответствующую сумму, вот только могу сказать, что за договор передачи он с меня взял три

тысячи монет: именно эта сумма указана дополнительным пунктом внизу договора. Не согласны с решением обоих судей, в таком случае оспаривайте все действия в королевском суде. В принципе, эту же сумму вы можете выплатить мне, выкупив территорию, в которой заинтересованы, по договору. Но просто так я вам ничего не отдам, так как у нас с дочерью больше ничего нет.

Я, конечно, блефовала по полной, так как денег на судебные издержки у меня не было – слишком дорогое удовольствие, насколько сумела уяснить из тех решений различных инстанций, что видела в сейфе у Ойгена. Но в остальном не соврала ни на грамм, так как готова была бороться за нас с дочерью до последнего. Впрочем, судя по тому, как был одет Вангер, в последнее время он тоже не сильно шикавал. Да, тёмно-зелёный костюм некогда был пошит из хорошей ткани, но со временем заметно износился. Учитывая, как кончил его дядя, хорошо хоть от него не разило перегаром. Понимаю, что с моим реальным происхождением нельзя так судить о людях, но из всей моей семьи только я более-менее выбилась в люди, а не пошла по кривой дорожке. Здесь хоть мир другой, а пороки – те же.

– Софи, я сейчас к тебе подойду, – успокоила я дочь, снова выглянувшую из-за тюка. – Прощайте, господин Вангер. Более нам обсуждать нечего.

Пока мужчина решал, что ответить, я покрутила затёкшей рукой, в которой по-прежнему была зажата сковородка, а потом начала закрывать дверь. Вот что за напасть?! Из-за ударов Вангера она всё-таки перекосилась и теперь закрывалась неплотно. Пусть я поступаю сейчас невежливо, но плевать на правила хорошего тона, когда промокшие ноги уже ничего не чувствовали от холода, а влага из-за вынужденного пребывания в воде, уже ощущалась в районе талии. Естественно, засов тоже не хотел вставляться в скобу. У меня почти получилось, как в дверь снова постучали, но уже не так яростно, как прежде. Господи, Вангер когда-нибудь уймётся или нет?!

Я резко распахнула дверь, едва не треснув ею мужчину по лбу, о чём очень пожалела. О нет, не потому, что промахнулась, а что не попала, ибо вся эта ситуация меня начала подбешивать. – Ну что ещё, господин Вангер?!

– Давайте я вам хотя бы дверь подправлю...

– Уж будьте так добры. Раз сами её испортили, сами и ремонтируйте, – не выпуская сковородку, я скрестила руки на груди, ожидая дальнейших действий от неугомонного соседа. Надеюсь, что его дом находится далеко от моего, так как всё, чего хотела – это просто обустроиться на новом месте и жить спокойно.

Вангер как-то странно на меня взглянул, но потом быстро переключил своё внимание на дверь. Открыв её до предела, несколько раз покачал, потом осмотрел петли, снова пошатал. Интересно, он вообще знает, что делать? Сомневаюсь, что родственника безвременно почившего барона Эгона Вангера обучали плотницкому делу.

– Могу я воспользоваться вашими инструментами?

– А вы думаете, они у меня есть? Говорю сразу: сковородку не дам, в дом не пущу!

– Понятно, – немного раздражённо, однако совершенно беззлобно ответил Вангер. – Молоток нужен.

– Почти искренне сожалею, но ничем помочь не могу.

Было видно, что Вангер собирался снова вспылить, но потом подавил в себе этот порыв и направился к берегу. В принципе, чего мне было ещё ожидать? Ладно, сама как-нибудь справлюсь.

– Дверь не трогайте!

Я тут же отпустила ручку, за которую начала тянуть, и замерла. Вангер тем временем подобрал с земли хороший такой булыжник и двинулся в мою сторону.

– Вместо молотка, – пояснил мужчина, заметив, как я напряглась и переложила сковородку поудобнее.

Он действительно всего за несколько ударов вогнал вылезшие гвозди обратно в косяк, а потом проверил, как закрывается дверь.

– Теперь полный порядок, – Вангер швырнул камень в траву, а затем потёр ладони друг о друга, пытаясь стереть налипшую к ним с камня грязь.

– Спасибо. Прощайте.

На этот раз засов легко скользнул в скобу, а я, скинув договор на пол, устало опустилась на скамеечку, так как ноги окончательно перестали держать. Повернув голову в сторону, заметила, как из-за тюка за мной наблюдают испуганные глазёнки Софи.

– Сейчас мама подойдёт... Сейчас...

Выронив тяжёлую сковородку на пол, я посмотрела на свои ладони. Кровавые мозоли исчезли, оставив вместо себя лишь неглубокие ссадины. Ну хоть какие-то приятные новости на сегодня. Но если Вангер снова постучится в дверь, точно отоварю его чугунной посудинной. Стараясь не шататься, я подошла к Софи и опустилась перед ней на колени, обхватывая дрожащее тельце руками.

– Ма...

Глава 23. Старый новый дом

Я ушам своим не поверила, решив, что попросту переутомилась из-за тяжёлого путешествия и не менее трудного дня.

– Ты что-то сказала, солнышко?

– Ма... Ма... – с трудом шевеля губами, ответила Софи.

– Счастье ты моё... Девочка ты моя любимая... – обливаясь слезами счастья, я притянула дочь к себе и осыпала её бледные щёчки поцелуями.

Софи обняла меня своими ручками за шею, продолжая повторять этот простой, но такой сложный для себя слог. Похоже, что я не ошиблась, и «благодаря» неустанной заботе «любящих» родственников, у неё произошёл регресс речи. Будь она постарше, наверняка бы вопрос шёл о психогенном мутизме, который с течением времени только усугубился. Ничего, я постараюсь всё исправить. Мы обе постараемся...

– Давай я сейчас переоденусь, а то у меня всё платье промокло, но потом мы хорошенько с тобой осмотрим весь дом, наведём порядок и перекусим.

Софи, продолжая меня удерживать, кивнула. На уговоры дочери ушло ещё немного времени, прежде чем мне удалось обрести свободу и начать копаться в тюках, чтобы вытащить сухую сорочку и платье. Промокшую одежду хотела было сперва выстирать и высушить, но потом решила всё-таки сорочку пустить на тряпки. Первый этаж охотничьего домика представлял собой огромный зал, начинавшийся прямо от порога, с большим очагом и вертелом внутри, на который легко можно было нанизать не только тушу кабана, но и оленя. До самого потолка стены были увешаны трофейными головами убитых животных. Наверное, когда-то они смотрелись весьма впечатляюще, но сейчас были изрядно побиты молью и выглядели ужасно. Прямо как из фильмов про зомби, когда помимо людей могли оживать ещё и останки животных. В общем, эту дрянь стоило однозначно снять и спрятать куда подальше, пока кошмары не начали сниться.

Рядом располагалась комната для немногочисленной прислуги с трёхъярусными нарами, прибитых к стенам, а далее находилась кухня.

Причём использовалась она больше для разделки туш, судя по остаткам тесаков, развешанных вдоль столешницы. Впрочем, небольшой очаг тут также имелся, а ещё печка-плита, похожая на ту, что видела у друзей на даче. Растапливать её я пока побоялась, из-за вероятности воспламенения. Хорошо помню, как друзья рассказывали, что после урагана в дымоход им попало много листьев, травы и веток, а их родственники не проверили и едва не сгорели. Это мне на крышу лезть придётся? Ой-ой-ой... Будь я в штанах, ещё рискнула бы, но в платье... Ладно, что-нибудь придумаю. Если растапливать печку, то понадобятся ещё дрова. До леса, конечно, не очень далеко, а рубить чем?

Я сняла со стены заржавевший тесак-топорик, похожий на те, которыми мясники на рынке разделявали туши. Если почистить его и наточить, то можно попробовать с его помощью нарубить веток или разбить на части упавшее дерево, если такое попадётся по дороге. Вот насчёт топора я как-то не подумала, когда запасалась утварью по дороге. Ничего, кое-какие деньги у меня остались, попробую купить в ближайшей деревне. Письменных принадлежностей у меня также не было, поэтому решила закрыть глаза на стену, которую придётся потом отмывать, и нашла в очаге несколько подходящих угольков. Первым пунктом написала топор, потом бумагу и перо с чернилами, добавив в скобочках карандаш или грифели. Софи наблюдала за мной с любопытством, но по тому, как она всё чаще сонно начала моргать, я решила подняться на второй этаж, надеясь найти там достаточно широкую кровать, так как укладывать на лавку дочь побоялась. Мало ли начёт переворачиваться во сне и упадёт.

На втором этаже оказалось три спальни с кроватями. Правда, постельное на них совершенно никуда не годилось. Не беда, вот насчёт этого я подумала заранее. Поминутно чихая от взвившегося в воздух облака пыли, скинула всё с кровати в той спальне, что показалась мне наиболее подходящей, а потом просто допинала до лестницы, отправляя в свободный полёт на первый этаж. Подёргав хорошенько задвижки, я распахнула окно, впуская свежий ветерок. Мокрой сорочкой протёрла кровать, а затем и подоконник. У нас была с собой питьевая вода во флягах, но тратить её на уборку было бы глупо, поэтому, предупредив Софи, что сейчас вернусь, помчалась на кухню за котелком.

Осторожно отодвинув засов на входной двери, я выглянула наружу. Ни одной живой души поблизости не обнаружилось, а потому спокойно дошла до воды и зачерпнула немного из озера. Ещё будучи на берегу, мне показалось странным, что волны были чёрного цвета, но потом решила, что просто из-за особенностей местной органики, а также игры света. Но приняв ванну, заподозрила, что в озере, похоже, избыток сульфатов, следовательно, пить такую воду категорически нельзя. Интересно, какую же рыбу тут тогда ловят?! Я обошла дом и приблизилась к пруду. Вода в нём была на порядок чище, но вот употреблять её для питья тоже не рискнула. Надеюсь, для уборки сойдёт, потому что до ближайшего источника, который мне удалось разглядеть, нужно было не просто далеко идти, а подняться в гору. Ещё большой вопрос: как к этому отнесётся Вангер, ведь растущий на ней лес уже находился в его владениях. Уф-ф-ф... Час от часу не легче. Стоило сбежать от Майеров, чтобы снова пытаться выжить в малоприспособленных для существования условиях.

Более-менее приведя в спальню в порядок, я достала перевязанную верёвками перину из тюка, а затем застелила кровать, переложив на неё уснувшую Софи. Тихонько прикрыв дверь, но не до конца, чтобы услышать, когда дочь проснётся, добрела до лестницы и уселась на верхнюю ступеньку. Без питьевой воды будет туго. Сделать фильтры для очистки не из чего, да и такое соседство не самое благоприятное. Продать эту землю теперь точно не получится, значит, придётся искать причину загрязнения и постараться её устранить. Но как?! Я распустила ленты, удерживающие косы на затылке, и взъерошила волосы, как обычно делала, когда нужно было успокоиться и собраться с мыслями. Теперь понятен сарказм Ойгена насчёт моих перспектив улучшить своё благосостояние за счёт полученных земель. Мерзавец! Наверняка ведь эти несколько дней не просто так тянул время, прежде чем согласиться на развод на моих условиях, а проверял по своим источникам, чего на самом деле стоит домик у озера.

Вот и что мне теперь делать? Идти на поклон к Вангеру после того, как отравила его восояси? Покупать у него воду? Было бы ещё куда её налить и хранить. Примерное расположение ближайшей деревни на карте я помнила, но это уже земли Ойгена. Был, конечно, в другой стороне участок, не относившийся ни к землям Майера, ни

Вангера, вот только чей он? Даже узнать не у кого! Можно попробовать ночью сходить к водопаду на горе, чтобы набрать воды. Но как оставить дочь одну? А если проснётся и испугается? Тогда велика вероятность того, что её состояние ещё больше ухудшится. Если бы Софи умела ходить, было бы намного проще, но ненамного. Тащить её на себе, а потом ещё думать, как унести тот же котелок с водой в полной темноте – то ещё приключение. Или всё-таки оставить на свой страх и риск? Вот же насмешка судьбы: жить возле двух приличных по размерам источников воды, но не иметь возможности из них напиться!

Ладно, нечего сидеть сложа руки. Комнаты сами себя не отмоют и не уберут! На сегодня нам воды хватит, еды – тоже, а там попробую добраться до водопада. Я спустилась на первый этаж и выволокла на террасу, опоясывающую фасад дома, весь хлам, что вытащила из спальни. Место для ночлега привела в порядок, остальными комнатами можно будет заняться и завтра. Так что кухня ждёт! Похоже, что слуги Эгона Вангера не особо сталась в наведении порядка, так как количество застарелого жира, соскобленного со столешницы, потрясало воображение. Со стенами было ещё «веселее». Купленное мыло было жаль тратить, а для получения щёлока требовалось побольше золы. А ещё вода и огонь. Р-р-р...

Решив немного передохнуть, я вышла на террасу через дверь, ведущую из кухни. Медленно шагая по истёртым, но вполне крепким доскам, стала обходить дом, как внезапно услышала скрип уключин и плеск воды. Осторожно выглянув из-за угла, я замерла.

Глава 24. Добрая хозяйка

Вот ты и попался, голубчик! Мужчина, так усердно налегающий на вёсла, сидел ко мне спиной, а потому никак не мог заметить моего появления. Судя по одежде, это был как раз один из тех браконьеров, которые периодически наведывались на озеро порыбачить, смею даже предположить, что хозяин позаимствованной мной лодки. Сняв с себя туфли, чтобы стуком каблуков не выдать своего присутствия, я стянула чулки, чтобы не порвать об доски, а затем подхватила юбки и, стараясь не шуметь, побежала обратно на кухню. Прихватив с собой ту самую сковородку, с которой встречала Вангера, вернулась на террасу. Дождавшись, когда до отмели останется совсем чуть-чуть, подкралась со спины и, как только лодка коснулась первых камней дном, наотмашь ударила мужчину по голове, стараясь не проломить ему при этом череп, а лишь оглушить. Тело тут же обмякло, а вёсла выскользнули из ослабевших рук. Пришлось подоткнуть юбки за пояс и снова полезть в воду, чтобы втолкнуть лодку на берег. Если завтра с утра мне удастся поднять руки – это будет настоящее чудо, потому что все возможные нормы физической нагрузки я на сегодня перевыполнила с лихвой. Вслед за лодкой я вытащила мужчину, а потом сбегала к наваленной на террасе куче и вытащила из неё верёвки от перины, которыми крепко связала руки и ноги мужчины. Хоть тут мне повезло: незнакомец был субтилен и невысок, ведь того же Вангера мне точно не удалось бы стащить с места: попросту сил не хватило. Немного взвесив все «за» и «против», соорудила из ветоши кляп и заткнула ему рот. В конце концов, не хватало ещё, чтобы он своими криками не только разбудил Софи, но и перепугал.

Приводить в чувство мужчину, поливая его водой из озера, я не рискнула, но и сидеть рядом с ним в ожидании, когда очнётся, не собиралась. Поэтому вернулась на кухню, продолжив уборку. Время от времени подходила в зал и через окно наблюдала, не очухался ли незванный гость. И вот во время очередной проверки заметила, как тело шевельнулось. Тихонько поднявшись в спальню, убедилась, что Софи по-прежнему спит, а потом вооружилась на всякий случай тесаком и всё той же сковородкой.

Услышав мои шаги, мужчина повернул в мою сторону голову, а потом попытался отползти назад, вот только уткнулся спиной в борт лодки.

— Кто такой и зачем вторгся на принадлежащие мне земли? Если начнёшь орать, то в следующий раз очнёшься уже в руках стражников за нарушение границ чужой собственности.

Мужчина испуганно заморгал, а потом замотал головой.

— Отлично. А теперь жду ответы на мои вопросы, — я двумя пальцами вытащила кляп и брезгливо бросила себе под ноги. Всё-таки сейчас на мне была одежда, отличная от какой-нибудь селянки, а аристократка обслюнявленные тряпки ни в жизни бы в руки не взяла.

— Спаси...

Быстро подняв кляп, я запихнула его обратно в рот мужчине, после чего провела пальцами по рукоятке тесака: — Я непонятно выразилась? Последний раз спрашиваю: кто ты такой и зачем явился?

Глаза мужчины расширились от ужаса, а тело задрожало, как при сильном ознобе.

— Даю последнюю попытку.

— Рольф, — ответил незнакомец, отплёвываясь от песка, который успел налипнуть на кляп. — Лодку хотел забрать свою...

— Чудесно. Может, тогда расскажешь, каким образом она оказалась на берегу озера, которое также принадлежит мне вот уже более двух недель, а до недавнего времени и вовсе была спорным имуществом, находящимся под арестом суда?

Рольф побледнел, став блее новой сорочки, а его глаза забегали так быстро, что в какой-то момент казалось, что точно до поместья Майеров километраж намотали. Вначале я хотела выкупить у него лодку, но потом решила, что не в моём положении деньгами разбрасываться.

— Я... я...

Вспомнив карту, висевшую в кабинете Ойгена, я назвала одну из ближайших деревень: — Ты из Хофа?

— Да.

— И другие, чьи лодки остались на берегу — тоже?

Рольф кивнул.

— В таком случае мне придётся обратиться к барону Майеру за возмещением ущерба, причинённого вами всеми мне.

Несчастный Рольф тут же задёргался, будто его на костре начали поджаривать: – Не надо жаловаться господину барону! Заберите лодку себе и давайте забудем вообще о ней!

Я задумчиво постучала ногой по плоскому камню: – Рольф, ты на самом деле считаешь, что за всю рыбу, выловленную из моего озера, достаточно будет расплатиться всего лишь лодкой?

– Так там немного каждый раз получалось, – возразил мужчина. – Из пяти пойманных три, а то и вовсе две нормальные. Остальные больные или полудохлые...

Значит, я всё-таки не ошиблась в своих предположениях. Мда... Так себе ситуация. Ладно, попробую хоть что-нибудь выяснить у Рольфа насчёт этих мест.

– А мне вот господин барон говорил, что места тут богаты рыбой. Как же так случилось, что она вдруг оказалась больной? Может, специально мне лжёшь, чтобы уменьшить глубину своей вины?

Бедный браконьер аж затрясся от испуга: – Зачем мне врать? Уж года два как рыба в озере хиреет...

– То есть мне ещё стоит пожаловаться барону Вангеру, что ты вместе со своими товарищами тайком его рыбу ловил?

– Не надо! Госпожа, прошу вас! Смилуйтесь! Я заплачу вам! А от баронов откупиться ни у кого в Хофе денег не хватит, даже если все последнее выгребут из карманов!

Вот возможность поторговаться мне понравилась. Главное – палку не перегнуть, чтобы потом об раскатавшуюся губу не споткнуться при ходьбе.

– Мне нужны хорошие вёсла, а также бочка чистой питьевой воды через день. Так что считай, что с тебя и всех остальных две бочки: одна пустая, вторая с водой. Причём сегодня же! Не привезёшь – пеняй на себя! Тут же отпишу обоим баронам, а ещё судье дополнительно сообщу.

– Будет! Всё будет, госпожа! – обрадовался Рольф. – Сейчас же займусь этим, только развяжите!

Верить на слово этому плуту было бы с моей стороны слишком самонадеянным, но если он выполнит мои условия, уже будет хорошо. Всё равно рано или поздно Ойген может сделать какую-нибудь пакость, чтобы насолить мне, если узнает, что местные возят мне воду,

а так хотя бы бочками разживусь. В лучшем случае. Лодку хотя бы уже отвоевала.

– А может, рыбку всё-таки разрешите ловить? А мы вам половину отдавать будем?

– Я подумаю.

Рольф потёр запястья, а потом коснулся шишки на затылке, буркнув: – И незачем было по голове бить... Можно же было сразу договориться...

Я похлопала сковородой по ладони: – Так это солнечный удар был. Если что-то не так, он может повториться... День жаркий, солнце всю палит...

– Понял-понял. Не надо!

Глядя на то, как мужчина снова замахал руками, нельзя было не улыбнуться. – Как это прекрасно, что мы друг друга поняли. Скажи, Рольф, а кому принадлежит участок к западу от земель обоих баронов?

– Марго.

– Что за Марго?

– Она трактир держит «Сытый путник». Женщина строгая, но справедливая, никогда никого не обидит и за продукты хорошую цену даст. Видите вон там кривой дуб? От него как раз тропинка в ту сторону начинается. Если утром выйдете, до полудня точно доберётесь.

Хороший разброс по времени. Если учесть, что деревенские встают рано, часов шесть ходу, если Рольф имеет в виду «господское время», то там может оказаться как три, так и вовсе час. Жаль, что часов у меня нет, можно было бы раз засечь, сколько дорога займёт, чтобы потом легче ориентироваться было. Вообще, трактир – это хорошо. Если не получится договориться насчёт покупки продуктов у жителей Хофа или ближайшей деревни на земле Вангера, то можно будет попробовать отовариваться в трактире. Там, конечно, выйдет дороже, но ведь стоит аккуратно попытаться сбыть там камни или узнать, как добраться до ближайшего города, чтобы там продать их ювелиру или скупщику. Правда, риск остаться без головы на плечах по-прежнему велик, но ведь не попробуешь – не узнаешь. Было бы озеро нормальным, можно было рыбу ловить и в тот же трактир продавать. Или с местными бартер устроить. А так...

– Свободен! Надеюсь, до заката управишься. Скажи «спасибо», что я сегодня добрая.

– До конца дней своих помнить буду, – буркнул Рольф, сталкивая лодку в воду.

Как только он отплыл подальше, я вернулась в дом и поднялась к Софи.

Глава 25. Жить можно!

И надо сказать, что вовремя я вернулась, ибо стоило подойти к спальне, как услышала тихие шорохи. Медленно приоткрыв дверь, чтобы не испугать Софи, я заглянула внутрь. Девочка сидела посреди кровати и с ужасом оглядывалась по сторонам.

– Ты уже проснулась, солнышко моё?

При взгляде на меня на глазах дочери навернулись слёзы, а нижняя губа задрожала. Чтобы избежать истерики, я быстро подошла к кровати и обняла девочку. – Я здесь, не бойся. Мама всегда будет поблизости, даже если ты её не видишь. Ой, знаешь, пока ты спала, я наводила порядок внизу и столько всего интересного нашла! Обязательно тебе всё-всё покажу! А если ты мне немножечко поможешь, что скоро в нашем домике станет очень красиво и уютно.

Софи обняла меня за шею, уткнувшись своим носиком мне в ключицу. Продолжая рассказывать, как убиралась на кухне, я, естественно, опустила упоминание о появлении Рольфа, понимая, насколько важно пока создать для дочери иллюзию тесного мирка, в котором будет спокойно, а главное – безопасно. Хватит пока с нас визита Вангера с его стуками в дверь. Постепенно, думаю, смогу приучить Софи к тому, что изредка возле нашего дома могут появляться люди, но не стоит сразу их пугаться, потому что они могут приносить полезные вещи. Будь дочь постарше, было бы чуть легче, но с трёхлетним ребёнком следует быть аккуратнее, чтобы не только завоевать доверие, но и не допустить того, чтобы старые страхи усугубились, а развитие ещё сильнее затормозилось. И так Доротея вместе с остальными очень постаралась, чтобы исцелить психику девочке, не говоря уже обо всём остальном.

Как только Софи успокоилась, я помогла ей справиться с естественными потребностями, поставив себе зарубку, что расход воды потребуется ещё и на поддержание гигиены. Надеюсь, что Рольф всё-таки сдержит своё слово и сможет раздобыть нам бочку воды. Переодев дочь, я вместе с ней спустилась на первый этаж и начала искать в тюках расчёски.

– Сейчас приведём твои волосы в порядок, а то они немножко растрепались во время сна. Одну косичку заплетём или две? Может, ты хочешь что-нибудь другое?

Софи потянулась ручками к моей голове и ткнула в мою причёску, состоящую из двух «колосков», расположенных по обе стороны от прямого пробора, а затем собранных на затылке в пучок.

– Хочешь так же, как у меня?

Дочь кивнула, похлопав ладошками по прядям.

– Почти тебя поняла. Скажешь «да», чтобы я точно была уверена в твоём выборе?

Софи растерянно зашевелила губами, пытаясь при этом двигать челюстью, как бы подражая мне, пока я несколько раз медленно показывала, как следует произносить это слово. Господи, если бы знала, что пригодится, отучилась дополнительно на логопеда-дефектолога. А так придётся действовать наугад, пользуясь методом проб и ошибок. Пересадив Софи к себе лицом, я сама развернулась боком так, чтобы за спиной девочка чувствовала опору в виде стены.

– Не расстраивайся, что не выходит. Это у тебя, наверное, щёчки ещё спят! Хозяйка проснулась, а они ещё дремлют... Ой, какие засони! Давай их разбудим, но сперва разогреем твои ручки?

Софи удивлённо захлопала ресничками, а потом с интересом начала следить за тем, как я легонько пальцами принялась прорабатывать мышцы. Выполняя привычные, пусть и немного подзабытые за время работы в зоомагазине, движения, внутренне изо всех сил желала, чтобы все мои манипуляции помогли. С крохами в таком возрасте дольше десяти минут работать не следует в этом направлении, а сам курс занимает продолжительное время. Но тем не менее я готова была прыгать до потолка, когда у Софи получилось отдалённо повторить то, что от неё требовалось. Значит, всё-таки какая-то магическая сила у меня есть, потому что в обычной жизни добиться такого результата так быстро попросту невозможно, учитывая в целом состояние девочки и тем факторам, которые привели к её молчанию.

– Умничка моя! Я тобой горжусь! – поцеловав поочерёдно Софи в каждую щёчку, а потом в носик, я усадила её к себе спиной и начала распутывать волосы, аккуратно расчёсывая каждую прядь. Усидеть так долго в одном положении маленькому ребёнку непросто, поэтому

отвлекала её рассказами, как могла. Когда закончила плести вторую косичку и перевязала её ленточкой, протянула Софи небольшое зеркальце на ручке и показала, что получилось. О, какой восторг отобразился на её личике! После того как она убедилась в том, что теперь у неё точно такие же «колоски», как у меня, я отнесла её на кухню и вручила сдобную булочку. Увы, выпечка никогда не заменит полноценный приём пищи, но пока с приготовлением вышла заминка. Разводить огонь я по-прежнему побаивалась из-за дымоходов, но оттягивать неизбежное было ещё хуже.

– Софи! Нам сейчас нужно будет приготовить что-то более сытное. Но сначала нужно вычистить очаг. Поможешь мне? Без твоей помощи, ну, никак не справиться.

В конечном счёте я, как могла, объяснила, что маленькой хозяйке нашего дома будет поручено ответственное задание по его наблюдению за территорией. Вытащив на террасу кресло, застелила его вторым одеялом, а потом усадила в него Софи, показав, в какой стороне буду находиться. Эх, была – не была! Вооружившись топориком, я направилась в сторону леса, приглядывая по дороге подходящие ветки и хворост. В итоге набрала немного на растопку, срубила несколько относительно длинных крепких веток и потащила всё это богатство к дому, обвязав верёвками. Пока исследовала деревья и траву, нет-нет, да поглядывала на замершую в кресле Софи. Расстояние, конечно, было приличное, но вроде паники у девочки не заметила.

Похвалив дочь за успешно выполненную задачу, унесла её на кухню, а потом занесла туда же свою добычу. Идея была простая: пошуровать в дымоходах ветками, чтобы по максимуму проверить их проходимость, а заодно и счистить весь сор со стенок. Сколько же дряни насыпалось сверху! Я только успевала отскакивать в сторону, чтобы не превратиться в угольщика, только что выбравшегося из шахты. Хорошо, что переоделась в высохшее платье, в котором была утром. Его уже, к сожалению, никакая стирка не спасёт, да и не в чем пока его выполоскать, зато для уборки сгодится. Заглянув в очередной раз в дымоход, я убедилась, что просвет какой-никакой есть, после чего расщепила подходящую сухую корягу и принесла с террасы ветошь из спальни. Похвалив на этот раз уже себя за то, что по дороге купила несколько коробков спичек, затаила дыхание и начала

разжигать огонь. Пламя нехотя разгоралось, превращая полуистлевшие тряпки в пепел в мгновение ока, но всё-таки мне удалось добиться устойчивого горения полешек.

С меня, наверное, семь потов сошло, зато Софи развлеклась по полной, наблюдая за мной. Вылив из одной фляги всю воду, пристроила на крюк котелок, обдумывая, как бы прочистить ещё тот дымоход, который подведён к печке, и избежать переломов, ползая по крыше, на которую ещё нужно было придумать, как взобраться. Сварив пшённую кашу, я добавила в неё немного растительного масла, сожалея об отсутствии сливочного и молока. Как жаль, что холодильники здесь не изобрели, а до погреба пока ещё не добралась. Опять же крысы и мыши... Есть ли они тут или не набегут ли? А можно мне «Курс молодого бойца по выживанию в деревенских условиях при минимуме ресурсов»? Хотя Рольфа в заложники бери! А ещё лучше – его жену или ещё какую подходящую родственницу!

Если бы Ойген не ободрал меня как липку, можно было бы кого-нибудь нанять из деревенских, а так придётся справляться своими силами. Но ничего! Жить есть где и довольно-таки неплохо! Поев на этот раз как следует вместе с Софи, с грустью посмотрела на испачканный котелок, который следовало вымыть как следует. Взяв на руки осоловевшую после еды дочку, я прошла в зал и выглянула из окна. Поблизости от озера никого не наблюдалось. Неужели Рольф решил провести меня? Плохо дело, придётся тогда ночью топать к водопаду. И хорошо бы, если он оказался с чистой водой. Неожиданно я услышала лошадиное ржание, донёсшееся неподалёку от дома. Кого там ещё принесло?!

Глава 26. Гости полезные и не очень

Софи, которая за этот день практически отошла от долгой дороги, а потом визита Вангера, снова испуганно прижалась ко мне, крепко схватившись пальчиками за ворот платья. Мне таких усилий стоило, чтобы расположить к себе девочку с того самого дня, как впервые её увидела, но в такой напряжённой обстановке, когда возле дома постоянно кто-то ошивается, сохранить спокойствие ребёнку просто невозможно. Если так и дальше дело пойдёт, то боюсь, что психика Софи окончательно пострадает, а период реабилитации затянется на долгие годы. Не хватало мне, чтобы дочь постоянно вздрагивала от малейшего шороха. Становиться курицей-наседкой, оберегающей её ото всего, я не собиралась, прекрасно понимая, что гиперопека не несёт в себе ничего хорошего, особенно когда ребёнок имеет особенности в развитии. Однако обеспечить ей комфортные условия жизни и осознания того, что здесь она в безопасности и никогда не столкнётся с пренебрежительным к себе отношением, просто обязана. А сейчас не дом, а проходной двор какой-то. Где уж тут обрести спокойствие и привыкнуть к новому месту? Не говоря уже о том, чтобы привести дом в порядок и решить вопрос с водой и продовольствием, а ещё дымоходами и много ещё чем.

В общем, разозлилась я настолько, что готова была голыми руками разорвать того, кто посмел сюда явиться, даже если бы это оказался Ойген. Тем более его. Притопила бы в этом самом озере вместе со всем его семейством, да так, чтобы потом ни одна собака не нашла! Слишком поздно сообразив, что сковородка-то осталась на кухне, подумала о том, что неплохо было бы что-то постоянно держать под рукой возле входной двери. В конце концов, соседей поблизости нет, а много ли сможет сделать одинокая женщина с маленьким ребёнком на руках? Особенно в вечернее, а тем более, ночное время. Прибьют, потом спустя недели случайно тела обнаружат в лучшем случае. Не дожидаясь, когда раздастся стук в дверь, я попыталась усадить Софи, как и в прошлый раз, на лавку, но дочь так не хотела меня отпускать, вцепившись намертво в моё платье, что пришлось смириться, дабы избежать истерики.

Лошадиное ржание, раздавшееся около крыльца, а потом тяжёлые шаги на ступенях лишь подтвердили мои предположения насчёт не случайно проезжавшего мимо путника. Хотя до последнего надеялась, что очередной незваный гость нас минует. Этот хотя бы не пытался вынести дверь мощными ударами кулаков, а деликатно стукнул три раза.

– Кто там?

– Вильгельм Вангер, госпожа Вербер.

– Что?! – я резко распахнула дверь, едва снова не припечатав ею назойливого соседа, благо он, наученный горьким опытом, вовремя отскочил назад.

Надо было всё-таки треснуть его по лбу утром, авось запомнил бы, как ломиться в дом к одиноким женщинам.

– Господин Вангер, сколько можно сюда приезжать и пугать нас с дочерью? Это уже ни в какие ворота не лезет! Неужели вы так и не поняли, что нас стоит оставить в покое, или вы опять решили убедиться в законности принадлежности мне этого дома? – выпалила я на одном дыхании, не давая мужчине опомниться.

Однако передо мной внезапно возник большой букет из одичавших садовых роз.

– Я просто хотел извиниться за утренний инцидент, госпожа Вербер.

– Ну, знаете ли... Хватит с вас того, что едва не выломали входную дверь, хорошо, хоть привели её в порядок. Этого извинения было вполне достаточно! А теперь подите прочь и не смейте здесь больше появляться! Мне и так придётся ещё долго успокаивать дочь после ваших визитов, искренне надеюсь, что ночью её не посетят кошмары, вызванные испугом! – выдернув протянутый букет из руки, я от всей души несколько раз наотмашь ударила им Вангера по лицу, после чего отбросила цветы в сторону и заперла дверь.

Внутри меня всё кипело и клокотало от негодования. Нет, ну какой нахал! Так бесцеремонно заявился, ещё и с цветами, словно я какая-нибудь молоденькая барышня, едва вступившая в брачный возраст и жаждущая внимания кавалеров! Вот пусть и катится со своим букетом куда подальше! Руку неприятно саднило, и взглянув на неё, обнаружила следы от шипов, которые начали затягиваться прямо на глазах. Ну да, это же Вангер был в перчатках для верховой езды, а я

схватила голую ладонью. Ничего, надеюсь, на его лице напоминания о том, что не следует появляться на пороге этого дома, продержатся намного дольше.

Лишь вернувшись на кухню, я поняла, насколько погорячилась. Не стоило так резко реагировать на Вангера, а в качестве извинений договориться насчёт разрешения посещать водопад, чтобы набрать воды. Но, увы... Задним умом все крепки, а я по-настоящему на него разозлилась. Если Рольф нарушит своё слово, возможно, уже мне придётся идти к Вангеру на поклон, чего очень не хотелось, так как стало стыдно. Но с другой стороны, в чём я была неправа? Софи вон, до сих пор жмётся ко мне, как обезьянка к пальме во время урагана.

– Всё хорошо, милая. Мама не даст тебя в обиду и никого в дом не пустит.

Естественно, вся уборка пошла насмарку, так как пришлось переключиться на дочь. Я знала, что придётся непросто, но отступить была не намерена. Я так долго мечтала о ребёнке и вот получила его. Теперь у меня есть Софи, а у неё есть я, которой придётся приложить немало труда, чтобы поставить её на ноги, вернуть речь и узнать, что такое быть любимой дочерью, а не никому не нужной инвалидкой. Вспомнив, что у девочки никогда не было хоть какой-нибудь маломальски настоящей игрушки, я достала иголку с ниткой и один из своих чулок, сшив из него подобие зайца. Оставшийся без пары был безжалостно искромсан ножницами для набивки. Радуюсь, что удалось в очередной раз переключить Софи, я вручила ей игрушку, рассказывая, что теперь зайку можно будет не только брать с собой, но ещё и спать укладывать. По-хорошему стоило бы сшить куклу, но не была уверена, что моих способностей к рукоделию, а также материала, хватит для этой задумки.

Глядя на то, как дочка с настороженностью изучает своего нового друга, у меня сердце кровью обливалось. Да чтобы Ойгена с Доротеей до конца их дней кошмары мучили за то, как они обращались с Софи! Стараясь не отходить от девочки далеко, я потихоньку разобрала привезённые тюки, время от времени поглядывая в окно. Когда на противоположном берегу показалась запряжённая повозка, у меня внутри ёкнуло от радости. Прижавшись почти вплотную к мутноватому стеклу, я наблюдала, как из повозки двое мужчин вытаскивают две бочки, причём одна из них была явно тяжелее другой.

– Софи! Давай я тебе покажу кое-что интересное, – подхватив дочь на руки, я поднесла её к окну. – Видишь вон там двух человек? Они тоже собираются к нам, но бояться их не нужно, они нам полезные вещи привезут.

Продолжая рассказывать дочери о том, как договорилась с Рольфом насчёт бочек, опустив момент с его связыванием, наблюдаю за приближающимися к дому двум лодкам. Обе они двигаются по воде значительно быстрее, чем я утром, а потому примерно через полчаса, может, чуть больше, они утыкаются носами в берег.

– Бруно, помоги! – крикнул Рольф своему сотоварищу, а потом, заметив меня, махнул шляпой. – Как и договаривались. Бочки и вёсла я привёз. Куда их?

Оценив размеры бочек, я махнула рукой в глубь дома: – На кухню.

– На кухню, значит, на кухню... – пожали плечами мужчины и, ухватившись за верёвки, которыми была перевязана первая бочка, потащили её в дом.

Даже хорошо, что их двое, иначе одна бы я точно не смогла её не то что дотащить до кухни, но даже завалить набок, чтобы докатить до нужного места. Следом за первой бочкой, мужчины дотолкали до кухни вторую, а потом перевернули, поставив обе рядом.

Оценив скудную обстановку, Рольф с Бруно переглянулись, а потом поинтересовались: – Может, нужно чего?

А я что, дура, что ли, чтобы отказываться? Сразу «взяла быка за рога»! – Дымоходы прочистите?

– Пятнадцать грошей, – нагло заявил Рольф и тут же уточнил. – Каждому!

Угу. Бегу и прыгаю, подхватывая юбки! – Двадцать на двоих, иначе убираетесь отсюда и больше никогда даже близко к озеру не подходите!

Бруно тут же толкнул Рольфа, а потом обратился ко мне: – Зачем же так сразу, хозяйка? Можем договориться. Лестница крепкая найдётся?

Я кивнула и отвела их в подсобное помещение, примыкающее к кухне, где хранился полурассохшийся инвентарь. Посовещавшись, мужчины пришли к выводу, что лестница пусть и видала виды, но одного из них выдержит. В итоге забрав её вместе с той веткой, которой я чистила первый дымоход, ушли на террасу. Надеюсь, что ни

один из них не свернёт себе шею, принялась наблюдать, как Бруно при помощи своего ножа очинил ветку, а потом соорудил из неё метлу на очень длинной ручке, обвязав принесёнными мной верёвками. Ага, теми самыми, что днём связывала Рольфа. А на той, что была обвязана бочка с водой, сделали петлю. Я вначале не поняла зачем, а потом увидела, как один конец верёвки Рольф обвязал вокруг себя, а второй накинул на ближайшую трубу дымохода, как только поднялся на последнюю ступеньку лестницы. Таким образом, «промышленный альпинист деревенского пошиба» добрался до своей первой цели. Бруно тем временем отпустил лестницу, которую придерживал, и направился в сторону леса добывать ещё несколько подходящих веток, чтобы побыстрее управиться с чисткой дымоходов, не дожидаясь, когда первая метла сломается.

Мужчины провозились с поставленной задачей до самого заката, после чего получили обещанную плату вместе с заказом на продукты и отбыли восвояси. Ура, жизнь налаживается! Теперь у нас с Софи есть вода, а любой из очагов можно разжигать со спокойной душой! Правда, пришлось мне повозиться, убирая сажу и труху, насыпавшуюся в результате чистки, но это были уже такие мелочи! На ужин я сварила на печке простенькую похлёбку из вяленого мяса и похожей на перловку крупы, но разваривающейся гораздо быстрее неё. Сытые и уставшие, мы с Софи умылись и завалились спать, не забыв предварительно запереть изнутри все ставни. Надеюсь, что завтрашний день выдастся не менее удачным, чем сегодняшний!

Глава 27. Хозяюшки

Какое же всё-таки ни с чем не сравнимое удовольствие просыпаться от ощущения прикосновения маленьких пальчиков к щеке! Когда я открыла глаза, то сразу же встретила взгляд Софи, в котором смешались одновременно страх и любопытство.

– Доброе утро, Софи!

В ответ дочь что-то пробормотала, похожее на обрывки приветствия, но уже то, что она старается, дорогого стоило. Правда, во время лёгонькой щекотки чаще раздавалось чаще довольное фырканье, чем какие-либо звуки... Вот уж действительно придётся учить «говорить ртом», а не выражать эмоции и пожелания иными способами. А ещё мне придётся очень много и чётко разговаривать, чтобы Софи на слух лучше воспринимала речь, и, таким образом, ей стало бы проще воспроизводить звуки самостоятельно. Пока валялись в кровать, показала дочери самые простые упражнения для утренней гимнастики вроде потягиваний, а потом с поднятием рук. Несомненным плюсом этого возраста было то, что дети стараются повторять за взрослыми. С ножками было сложнее, но по тому, как они, пусть и слабо, но шевелились, примерный план реабилитации я себе набросала. Потом мы спустились на кухню, чтобы умыться, а затем снова вернулись в спальню для переодевания. Надо будет найти подходящий таз или какую-нибудь подходящую большую посудину и оставлять её в комнате на ночь, иначе много времени на это теряется, и к тому же хоть Софи и не так много весит, но силы мои не безграничны.

На завтрак снова была каша на воде, но Рольф обещал привезти не только овощей, мяса и яиц, но и молока. Мешок муки килограммов на пять у меня имеется, так что если скиснет, то легко смогу испечь блины или оладьи. Сполоснув кастрюльку, из которой мы ели прямо так, зачерпывая ложками кашу, чтобы сэкономить воду на мытье посуды, я задумалась, за что взяться в первую очередь. Работы был непочатый край, а ещё с кухню не до конца привела в порядок. Взглянув на дверцу в полу с прибитым к ней кольцом в качестве ручки, принесла ту самую лестницу, которой пользовался Рольф накануне, и

положила рядом. Если она выдержала его, то подо мной и подавно не проломится. Потянув за кольцо, я откинула дверцу и заглянула внутрь.

В чёрном провале угадывались очертания прибитой изнутри лестницы, но на всякий случай опустила туда принесённую, чтобы иметь возможность выбраться наружу, если ступеньки всё-таки сгнили. Хотя воздух в погребе не был пропитан характерными запахами.

– Софи, я сейчас посмотрю, что внизу, и вернусь. Потом тебе расскажу, что увидела.

Дочь занервничала, но увидев, что я принесла свечу, а потом, оплавив спичкой её основание, закрепила на обнаруженном во время уборки черепке, успокоилась. Лестница, ведущая в погреб, оказалась вполне крепкой, поэтому взяв с пола зажжённую свечу, спокойно достигла пола и осмотрелась по сторонам. Полок оказалось всего две, зато широкие и прочные. На каждой из них легко бы уместилась туша какого-нибудь крупного животного вроде оленя, не говоря уже о кабане. Вбитые в потолок крюки легко выдержали мой вес, что не могло не радовать, ведь в таком случае можно было бы купить мяса или колбас впрок и здесь хранить. Жаль, что не понять, какая температура тут сохраняется: придётся определять это опытным путём, ориентируясь на свежесть продуктов, но благодаря тому, что стены, пол и потолок были выложены камнем, то здесь было значительно холоднее, чем в доме. Зато ни паутины, ни пыли. Достаточно тряпкой обмахнуть полки, и полный порядок!

Выбравшись наружу, убрала большую лестницу и закрыла дверцу.

– Софи! У нас просто отличный погреб! Окрепнут твои ножки, и мы с тобой сможем вдвоём спускаться вниз, чтобы убирать туда запасы!

О том, что сперва этими припасами сперва необходимо обзавестись, я умолчала, незачем расстраивать ребёнка. Покопавшись в кладовке при кухне, нашла пару более-менее крепких вёдер и решила одно из них приспособить для уборки, а во втором попробовать настоять золу, чтобы получить щёлок. Продолжая, комментировать всё, чем занимаюсь, усадила Софи за пол, подстелив вывернутое наизнанку испорченное платье, и вручила ей тряпку, смоченную в воде, поручив оттереть доски рядом с ней. Ага, чтобы как мама трудилась. Естественно, результат будет никакой, зато руками поработает и

отвлечётся. Кстати, я же покупала фасоль, которую потом можно будет использовать для развития мелкой моторики. Отделить красную от белой Софи вполне будет под силу.

Продолжая приводить кухню в порядок, я поглядывала за дочерью, которая пыхла, пытаюсь возюкать тряпкой около себя. Получалось скверно, но Софи не сдавалась. А в какой-то момент начала пытаться изменить положение тела. Привет, первый разбитый нос! Рёв получился жутковатенький, но наступив себе мысленно на разрывающееся от жалости сердце, ополоснула руки и быстро успокоила дочь. Потом умыла лицо и даже смогла залечить пострадавшую «сопелку». Пока сама ещё до конца не поняла, каким образом у меня это получается, но постаралась запомнить порядок действий и даже собственные эмоции, которые сопутствовали в этот момент. Софи притихла, а я унесла её в спальню, намереваясь заняться массажем.

Дочери все мои манипуляции нравились, хотя она периодически отвлекалась на риукина, деловито проплывающего мимо своего домика, как настоящий цепной пёс. В доме у Ойгена проблем с его содержанием не было, а вот тут придётся подумать, чтобы создать такую экосистему, которая не требовала вмешательства. Тут уже образование и опыт работы в зоомагазине в помощь. Ещё понять бы, что произошло с озером, раз ещё относительно недавно оно было пригодным как для рыбной ловли, так и для отдыха на нём.

Провозившись ещё немного с уборкой, я сварила простую похлёбку, а потом уложила Софи спать, надеясь, что Рольф не к ночи явится. Глядя, как сладко спит дочь, сама подумала о том, а не прикорнуть ли рядом с ней, но тогда могу пропустить появление своего «доставщика продуктов»... В итоге решила просто отдохнуть, прогулявшись вокруг дома. И всё-таки почему вода в пруду чище, чем в самом озере? Неужели в него что-то слили, после чего оно загрязнилось, ведь если бы речь шла о каких-либо природных факторах, тогда оба водоёма находились в одинаковом состоянии. А так, похоже, что пруд чище, потому что подземные воды приносят в него ту дрянь, что в озере.

Проверив, что дочь всё ещё спит, вернулась на берег и прошлась вдоль него, поглядывая на воду. Дохлой рыбы не попалось, но буквально в десятке шагов от себя заметила крупный серебристый

плавник. Приглядевшись, заметила крупную тушку, похожую на карпа. Костеря себя за любопытство, скинула старые туфли, благо чулки решила не надевать, чтобы не испачкать во время уборки, и полезла в воду. Несмотря на моё приближение, рыбина никак не отреагировала, хотя точно была жива. Вытащив свою добычу на берег, шлёпнула её на траву и присмотрелась. Кое-какие визуальные изменения всё-таки имелись, похожие на мутацию, но не такие, чтобы ужаснуться, как при просмотре фильмов ужасов. А ещё рыбина явно была с икрой... Эх, была-не была. Побудет подопытным образцом.

Пока несла «карпа» до дома, поглаживала пальцами по изменённым частям, но чуда не происходило. Ладно, попробую попозже поэкспериментировать. Отчерпнув из бочки воды в самый большой котёл, опустила туда рыбину, а сама пошла встречать Рольфа, чью лодку заметила, когда поднималась на крыльцо.

Глава 28. Планы

Доставая мелочь из импровизированного тайника, устроенного на кухне, прикинула, как надолго монет хватит. Деньги у меня пока имелись, но стоило подумать над тем, как зарабатывать себе на жизнь. В Бронхедже женщины в основном выходили замуж и находились на попечении мужа, занимаясь ведением домашнего хозяйства. Мне под венец путь теперь заказан, да и после «счастливого замужества» не горю желанием снова в эту же реку входить, если честно. Существует ещё «подвариант», который для меня был категорически неприемлемым: стать любовницей. Вангер взбесил меня дополнительно ещё тем, что по местным меркам букет, преподнесённый замужней женщине, не является простым знаком внимания или своеобразным презентом в качестве извинений, а намекал, что дама «заинтересовала». Таким образом, кстати, муж сразу ставился в известность, что у жены завёлся любовник. Вполне, кстати, обычное явление в договорных браках: родила наследника, а ещё лучше – двух, можешь иметь поклонников, но без сюрпризов вроде нагулянных на стороне детей.

Со вдовами, а тем более – разведёнными женщинами букет конкретно роз означал даже не намёк, а открытое предложение стать содержанкой. Тем более красного цвета, означавших на языке цветов страсть. Выбрал бы белые или молочные, ещё куда ни шло. Но красные! Тут не наш мир, где женщины рады любому букету, здесь вариации «тайных посланий» известны даже крестьянам. Та же Бинди страшно завидовала другим служанкам, возвращавшимся с танцев с букетиками, понимая, у кого из них просто появился воздыхатель, а у кого уже симпатия перешла на этап романтических свиданий. Чтобы аристократ оказался не в курсе подобных нюансов насчёт цветов... Не то, что маловероятно, а попросту невозможно! К тому же речь Вангера была столь же «чистой», как у Ойгена, что исключало вариант проживания в иной местности. В общем, сожалела я лишь о том, что не стоило его по лицу бить, а с другой стороны, заслужил!

Наблюдая за приближением лодки Рольфа, я подобрала несколько опавших алых лепестков и растёрла между пальцами, чтобы от них не

осталось ни малейшего следа. Не хватало мне ещё лишних пересудов среди местных: таких клейм повесят, что вовек не отмоюсь. Хорошо, Софи спит, и можно спокойно, ни на что не отвлекаясь, поразмышлять о будущем, наметить планы.

Вот что я умею? Преподавать биологию и работать с детьми, имеющими особенности в развитии. В первом случае мне ничего не «светило», ведь уровень развития местной науки намного ниже того, каким владела я. Проколоться и тем самым выдать себя – элементарно. Повезёт, если просто примут за ненормальную, а не запрут в доме для блаженных со всеми вытекающими. Массаж и реабилитация? Маловероятно. По той простой причине, что лекари тут исключительно мужчины, а женщинам отводится роль лишь их помощниц в качестве повитух. Ведь роды – это очень прибыльное дело, а аристократы не скупятся обычно на такое. Особенно когда рождался мальчик. Даже Ойген троих лекарей к постели Кристины, когда настал час разрешения от бремени. Другой вопрос, что тем коновалам я бы не доверила и за отёлом у коровы наблюдать. Не имея старших родственников, имеющих отношение к медицине, искать место помощницы у лекаря – провальное дело. Если бы отец или старший брат занимался врачебной практикой, это засчитали бы за некое подобие образования. А так...

Если снизить планку и обратить внимание на деревенских, то тут совсем всё грустно: дети-инвалиды долго не живут, так как никому не нужны лишние рты, которые не способны работать и помогать своей семье, не говоря уже о самостоятельной жизни во взрослом возрасте. Хорошо, если сразу после рождения по-тихому не придушат. Ну, родился младенец слабеньким, да помер сразу, бывает. В том случае, если ребёнок становился немощным вследствие полученной травмы, то еды ему выделялось минимально, чтобы сам как-нибудь «отошёл». Жестоко? Нет, рационально с точки зрения простых людей, ведь даже в нашем мире подобное практиковалось вплоть до революции повсеместно. А уж надеяться, что местные жители захотят тратить деньги на излечение ребёнка, на котором заведомо поставлен крест – вообще из области фантастики. Тяжело мне с таким смириться, конечно, но нужно учитывать реалии этого мира. Ладно, идём дальше.

Торговка из меня не ахти, хотя ухаживать за мелкой живностью, которая продавалась в зоомагазине, умела. Но подобный навык в этом

мире вряд ли пригодится. Наняться ухаживать за скотиной? А Софи куда деть? А ведь за ней присмотр нужен капитальный. Кому нужна будет помощница, постоянно отвлекающаяся на ребёнка, правильно – никому. Если чего-нибудь насобирать в той части леса, что располагается слева от дома и продать? Смешно. Тех же ягод и грибов в округе каждый селянин вдоволь собрать. К тому же большой вопрос в их безопасности при употреблении в пищу, учитывая близость озера. В общем, в плане получения какого-нибудь дохода пока всё грустно. Но, тем не менее, отчаиваться рано, главное сейчас – наладить нормальные отношения с местными и разжиться информацией.

– День добрый, Рольф.

– Здравствуйте. Всё забываю спросить: а как обращаться к вам? – поприветствовал меня Рольф, прыгивая на землю.

– Госпожа Вербер.

Услышав мою фамилию, он нахмурился, а потом осторожно произнёс: – Не наследница ли Верберов?

– Нет. А что такое?

Рольф с досадой поморщился: – Да всё ждали, когда дочка прежних господ на свои земли вернётся... Не берите в голову.

– А что, не вернулась?

– Нет, земли сперва под надзором местного магистрата находились, а потом к барону Майеру отошли. Что те с налогами лютовали, что... Неважно. Общий в казну брали честь по чести, а вот личный, который за пользование...

Понятно. Как липку обдирали. Ничего нового. Как интересно вышло: никто не в курсе, что Кристина замуж за Ойгена вышла, а потому земли Верберов ему достались не просто так, по решению того же короля, а по браку. Мда...

– Кстати, Рольф, а вы, случайно, не в курсе, что произошло с озером, раз рыба вырождаться начала?

Мужчина покачал головой: – Нет. И даже староста наш не в курсе, хотя всегда обо всём знает. Тем более что озеро Вангерам принадлежало, а мы так...

– Втихую рыбачили, пока дом пуст был?

– Вроде того, – буркнул Рольф, вытаскивая пару корзин из лодки.

– Речка у нас совсем обмелела, так что там ловить нечего.

– Понятно, – я открыла дверь, пропуская его вперёд.

К сожалению, корзину продать мне он отказался, сказав, что его дома жена точно убьёт, но пообещал раздобыть подходящее лукошко. Ничего, пока обойдусь, важнее было даже не в чём хранить, а что хранить. Рольф привёз картофель, морковь, лук, несколько пучков зелени, куриную тушку, полтора десятка яиц, кувшин молока, причём я смогла договориться о том, чтобы этот он оставил мне с условием обмена на другой, но тоже полный. Эх, ещё бы кочанчик капусты... Но, молодую начнут срезать только недели через три.

Пока я выкладывала продукты, радуясь, что помимо всего прочего, в одной из корзин обнаружилась небольшая головка козьего сыра, Рольф задумчиво произнёс: – Кстати, насчёт озера можно у Марго спросить, она-то поосведомлённее многих будет...

– А почему хозяйка трактира может быть в курсе?

Рольф замялся, а потом изобразил вполне понятный жест: – Так она... Того... Этого... Со старым Вангером в отношениях была. Он ей в награду за «приветливость» земли, что сейчас около трактира, и отписал. До самой кончины время от времени к ней навещался, хоть давно уже не ходок стал.

Неожиданно. Прямо не земли Вангеров, а зона отчуждения для «бывших жён». Но если Марго настолько осведомлена о положении дел, то придётся к ней навеститься. В ближайшие дни я на такое точно не решусь из-за Софи, а вот через недельку – вполне. Как раз дочь подготовлю морально, да и сама она пообвыкнется немного.

– Завтра в какое время ждать? Примерно в это же?

– Да. Но вода у вас вроде ещё есть.

– Мне бы топор, корыто какое, чтобы и помыться можно было, и одежду постирать... А ещё молоток и запас гвоздей.

Рольф почесал в затылке: – Так вы скажите, что нужно будет сделать, мы с Бруно сделаем.

Вот даже не сомневаюсь, что за денежку они на всё готовы, вот только у меня не настолько с финансами всё шикарно, чтобы на каждую мелочь Рольфа нанимать. Уж веток на дрова нарубить, да гвоздь забить сама смогу.

– А инструмент каждый раз с собой возить будете?

– Тоже верно. Тогда до завтра, госпожа Вербер.

Проводив Рольфа и заперев за ним дверь, я закружилась по залу от радости. Теперь у нас есть достаточно еды на несколько дней и

можно будет сварить настоящий суп, а на завтрак пожарить яичницу!
Как же всё-таки мало для счастья нужно простому человеку! Вот
только мой танец прервал раздавшийся сверху вой.

Глава 29. Прогресс

Взлетев по лестнице буквально пулей, застала картину, как возмущённая Софи, стоя на четвереньках, ругалась на себя, пытаясь подняться на ноги. У меня прямо от сердца отлегло, но в то же время в голове мелькнула мысль, что теперь её одну оставить будет нельзя. Но тут же надавала себе подзатыльников, иначе только всё испорчу. Свалится с кровати? Ничего страшного. В конце концов, можно будет, пока второе одеяло на пол постелить, чтобы избежать сильных ушибов. Даже несмотря на то, что дочь не ходит, она вполне способна сообразить, как сгруппироваться и не свернуть себе шею. Мне только стоит запастись терпением и желательно успокоительным каким-нибудь. Кажется, возле леса я видела ромашку...

Софи была настолько увлечена своими стараниями, что даже не заметила моего появления. Тихонько прислонившись к дверному косяку, я наблюдала за её попытками, продолжая отвешивать себе мысленно подзатыльники, чтобы не вмешиваться. Да, я слышала неоднократно, что когда появляется собственный ребёнок, то отношение меняется, каким бы кремнем ни была на работе. Софи ворчала, пыхтела, выла, даже почти чётко бубнила себе под нос какие-то обрывочные фразы. В итоге она догадалась ухватиться за высокую спинку кровати и подтянуться, переставляя ноги. Но потом она потеряла равновесие и шлёпнулась на попу, разревевшись от досады. Валерианы тоже стоит накопать или попросить Рольфа раздобыть. Точно! Нужно будет ему лопату заказать.

Дав Софи ещё некоторое время на выплеск эмоций, я подошла к ней и поцеловала: – Моя умничка! Ты такая молодец!

Недоверие. Удивление. Растерянность. Я наблюдала за сменой эмоций на личике дочери и радовалась, что процесс идёт. Если тот же реабилитолог выкладывается по полной, но пациент не хочет ничего делать, то результат будет нулевой, несмотря на все усилия. Нет стремления – не возникнет прогресса.

Умыв и переодев дочь, я отнесла её в зал, намереваясь снять, наконец-то, эти ужасные звериные головы со стен. Полы были протёрты ещё до этого, поэтому принесла то самое, запасное одеяло, и

усадила на него Софи. Мда... Без стремянки тут не обойтись, так как с обычной лестницы точно свалюсь из-за невозможности её устойчиво установить. Слишком уж она высокая. В общем, не придумала ничего лучше, чем взять крепкое кресло и смастерённой Рольфом метлой сбивать головы на пол. Предупредила Софи, чтобы не пугалась, если одна из них подкатится к ней, особо не рассчитывая, что мои заверения сработают, и принялась за дело. Головы кабана и оленя рухнули вниз, стоило лишь с ним прикоснуться, а вот медвежья сидела прочно на гвозде. Сцепив зубы, я продолжала её подбивать черенком снизу.

С жутким грохотом она, наконец, свалилась вниз, издавая странный звенящий звук. Софи, пытающаяся научиться ползать, удивлённо вскрикнула, тыча пальцем по направлению к пасти. Я слезла с кресла и наклонилась над медвежьей головой, из которой вылетело несколько монет. Да не медных, а золотых и серебряных! Подняв тяжёлую башку, перевернула её пастью вниз и хорошенько потрясла. Ещё несколько монет! Прикинув расстояние от того места, где она висела, до стоящих почти напротив кресел, поняла, что, видимо, почивший барон Вангер вместе со своими друзьями, отмечая удавшуюся охоту, бросал в медвежью пасть монетки, соревнуясь в меткости. Не знаю, что он умудрился сотворить с озером, но кое-какую компенсацию я получила. В моём положении – это целое состояние! А головы... Лучше бы сжечь, но с другой стороны, тратить на них спички и хворост не хочется... Ладно, уберу до поры до времени, а потом, если что, использую в качестве предлога для визита к Вангеру. Вроде как память о трофеях дядюшки. К сожалению, в других головах ничего интересного обнаружить не удалось, но даже эти шесть золотых и девять серебряных являются очень даже неплохим подспорьем. Вознеся хвалу таксидермисту, который оставил у медведя часть шеи, внутри которой образовалась та самая пустота, в которой они застряли, унесла трофеи в комнату для слуг. Мне лишние руки, к сожалению, не полагаются, так что сделаю там кладовку.

Для уборки зала потребуется не так много времени, как для кухни, ног ведь впереди ещё второй этаж! Да, это издалека мне показалось, что дом имеет всего один из-за большой крыши, а по факту тут есть ещё небольшой чердачок. Таким образом, второй этаж даже нельзя назвать мансардным из-за отсутствия характерных особенностей. Не знаю, что там на чердачке творится, главное, что по факту я получила

полноценный дом, в котором можно со временем обустроить всё с комфортом.

Пока готовила лёгкий супчик, получая удовольствие от аромата бульона из настоящей деревенской курицы, поглядывала за Софи, то и дело норовившую добраться до котелка с рыбиной. Её прямо-таки манило туда с непреодолимой силой. Отставив в сторону сковородку с зажаркой, чтобы та не пригорела, подошла к очагу и заглянула внутрь. На дне котелка спокойно плескалась рыбина, чувствуя себя очень даже комфортно, судя по её поведению. Не поверив своим глазам, я сняла его с крюка и перенесла к окну. Первое, что меня удивило – вода была абсолютно чистой, прямо-таки кристальной, хотя должна была помутнеть из-за длительного пребывания в ней речной рыбины. А во вторых... На тушке не было ни одного признака мутации! Если внешний вид рыбины я могла списать на собственный дар, с которым ещё не до конца разобралась, то вода... Не понимая, как так произошло, показала Софи нашего нового питомца, после чего вернула котелок на место, гадая, чем теперь кормить «карпа», а главное – куда поселить. Аквариум риукина точно не подойдёт, к тому же подобное соседство вряд ли понравится обоим рыбкам.

Софи, по-прежнему с интересом ползла к котелку, словно водные плески притягивали магнитом. Ничего, дополнительная мотивация для развития движений ей на пользу. Только следила за тем, чтобы, добравшись до него, она не опрокинула на себя котелок. Как раз к тому моменту, как доварила суп, Софи достигла очага, и я со спокойной душой забрала её обедать. Новое блюдо дочери понравилось настолько, что она сама начала цепляться за ложку. Ладно, вода у нас есть, а корыто для стирки Рольф обещал раздобыть. Больше самостоятельности для ребёнка – лучше же будет для неё. После обеда мы прогулялись до леса, где я умудрилась накопать червей для «карпа». Ради эксперимента кинула их прямо с землёй на дно котелка, после чего занялась уборкой зала.

На ужин я потушила овощи и, повязав Софи на шею полотенце, вручила ей ложку, а сама решила проверить «карпа». Вода снова оказалась чистой, несмотря на то что рыбина не лежала на дне, а вполне себе вольготно плавала в котелке. Поймав её, внимательно осмотрела со всех сторон, отметив, что брюшко заметно увеличилось. Ей бы пару найти, но нужна сеть, но две уже не поместятся в котелке,

тем более что для развития икринок нужны условия. А если выпустить на волю? Тут только пруд подойдёт, но там она может погибнуть... С другой стороны, она и так бы погибла...

На следующий день я попросила Рольфа привезти сеть, а рыбину выпустила в пруд, решив понаблюдать не только за ней, но и в целом за состоянием водоёма. Так продолжалось несколько дней, в течение которых не только привела дом в порядок, но и неплохо запаслась продуктами. Ещё и обзавелась необходимым инвентарём, который мог пригодиться в хозяйстве. С помощью сети мне удалось поймать ещё несколько «карпов» и, «подлечив», выпустить в пруд. Либо я окончательно сошла с ума, либо вода в нём стала намного чище. Если этот вид рыбы способен очищать, то почему с озером подобного не произошло? Не смогли справиться с количеством отравы? Или что-то иное?

Вопросы множились, а ответов на них не находилось. Чем больше времени проходило, тем чаще склонялась к мысли, что с визитом к Марго затягивать не стоит. Если она мне ничего полезного рассказать не сможет, придётся лезть в озеро и пытаться обшарить его дно хотя бы багром. Если примотать ведро покрепче, возможно, удастся собрать пробы грунта и попробовать исследовать хотя бы визуально. Ох, как же я скучала по банальному микроскопу с предметными стёклами! Вот только даже за большие деньги, которых у меня не было, подобную диковинку в этих краях было не достать. Ещё и лишнее внимание к себе привлеку, что противоречило моим интересам.

Зато Софи окрепла настолько, что делала первые шаги! С речью было похуже, но прогресс был налицо! Дочка прибавила в весе, её щёчки округлились, и всё чаще на них возникал здоровый румянец. Что говорить, если я сама чувствовала в себе прилив сил, а платья стали сидеть настолько плотно, что впору было задуматься о том, чтобы раздобыть новые. Рольф привёз мне несколько отрезков, из которых смогла сшить пару простых рубашек и штанишек для дочери, чтобы удобнее было с ней заниматься, но для себя изобразить что-то подобающее точно не смогла бы. Были бы выкройки, и то не уверена, что смогла бы справиться. Вот с вязанием намного проще, так как крючком я владела на достаточно хорошем уровне. Однако, учитывая местную моду, шерсти на платье или даже юбку потребовалось бы

немерено. А ведь всё равно потребовалось бы нижнее платье или подкладка...

Глядя на успехи дочери, я откладывала визит к Марго, решив, что пусть медленно, но идущий ребёнок всё-таки лучший спутник, чем тот, которого придётся нести на руках всю дорогу туда, а потом обратно. Где-то недели через две явился мрачный Рольф и, небрежно скинув на траву заказы, процедил сквозь зубы: – Вы меня обманули, госпожа, вы всё-таки та самая Вербер!

Глава 30. Сделал гадость – сердцу радость

– Что вы имеете в виду, Рольф?

Вывернув содержимое из корзины прямо мне под ноги, мужчина скривился так, словно увидел перед собой нечто мерзкое: – Староста получил письмо от вашего бывшего мужа, барона Майера, в котором было подробно объяснено, кто вы такая. Также нам всем запретили иметь с вами какие-либо дела, а уж тем более – помогать. Даже за деньги. Особенно за деньги.

Фраза про меня была произнесена таким тоном, что меня кольнули нехорошие предчувствия. Понятное дело, что на разведённых женщин в аристократическом обществе всегда смотрели косо, а про простых крестьян и говорить нечего. Но всё-таки реакция мужчины меня сильно покорибила, в письме явно были написаны какие-то гадости в мой адрес.

Скрестив руки на груди, я как можно строже посмотрела на Рольфа и медленно произнесла: – И что же такого было сказано в письме обо мне, раз вы решили, что можете вести себя по отношению ко мне столь безобразным образом, причём находясь на моей земле?

С презрением взглянув в мою сторону, он процедил: – Вы действительно были наследницей земель покойного барона Вербера, однако вместо того, чтобы принять наследство и управлять им, переложили всё на своего мужа, которому впоследствии изменили, не только нагуляв ребёнка, но и повесив заботу о нём на мужа. Девочка-то больной получилась. Хорошо только, что в вас совесть проснулась и вы, наконец-то, признались во всех своих грехах, согласившись на развод, а не ссылку в монастырь. За все ваши похождения вас и лишили земель.

У меня даже дар речи пропал, как только услышала весь этот бред. Ну, Ойген, ну, стервец! И тут соломки подстелил, не забыв при этом обелить своё имя. А ведь я предполагала что-то в этом роде, но надеялась, что гадости со стороны бывшего мужа прилетят попозже.

Продолжая сохранять внешнюю невозмутимость, я спокойно произнесла: – Какая потрясающая ересь. Вот только, видимо, господин

барон напрочь забыл, что в суде, перед тем как нас развели, нашу с ним дочь осматривали не только для того, чтобы подтвердить физические отклонения, но и родство. У меня даже заключение осталось, подшитое к бумагам о расторжении брака. Таким образом, проверив кровь Софи на специальном артефакте и сверив с образцом, полученным от господина барона, было установлено, что она его дочь. Что же насчёт принятия наследства... То тут Его Величество настоял на моём браке с бароном Майером, едва я достигла совершеннолетия, а по законам заниматься управлением своими землями замужняя женщина не вправе. Поэтому земли Верберов были присоединены к землям Майеров и отданы в управление Майерам..

Рольф нахмурился ещё сильнее, видимо, не найдя что ответить. Похоже, что он, как и другие жители Хофа надеялся, что после долгих лет поборов местного магистрата придёт добрая и хорошая наследница, которая восстановит справедливость, и на землях Верберов настанет благодать. Однако просчитался. Зато Ойген попытался воспользоваться дремучестью жителей и наплёл в письме с три короба. Ну да, магия в Бронхедже является редкостью, однако всё-таки встречается, равно как и магически заряженные предметы. Собственно, именно по этой причине развод обошёлся мне в такую кругленькую сумму: из-за использования артефакта, считающегося государственным достоянием, как и многие другие. А я ещё понять не могла, зачем секретарь суда просил Ойгена приложить палец к какой-то странной штучке, похожей на звоночек, которым в моём мире вызывают портье или администратора. Только позднее, ознакомившись с бумагами на развод, сопоставила, что к чему. А по причине ценности магически одарённых не стала раскрывать свою способность к лечению. Если уж Его Величество был заинтересован в нашем браке с Ойгеном, то даже после развода вполне мог закрыть глаза на все обстоятельства и подыскать мне нового мужа. А так... Пустышка и пустышка, к тому же неспособная родить здоровое потомство, ведь первый ребёнок получился «дефектным». Мне же проще и спокойнее. Становиться инкубатором по рождению одарённых детей я не собиралась.

Буркнув в ответ, что не его ума дело разбираться во всех этих играх аристократов, Рольф потребовал кувшин, который обычно оставался у меня до тех пор, пока не привозился другой, наполненный

свежим молоком. Вручив пустой сосуд и деньги за привезённые продукты, я с умилением наблюдала, как мужчина брезгливо пересчитывает монеты.

— Вы только не удивляйтесь, уважаемый поборник нравственности, если в ближайшие дни господин барон объявит о предстоящей свадьбе, а менее, чем через семь месяцев станет счастливым отцом вполне крепкого карапуза. Впрочем, вполне возможно, что через девять, вот только ребёнок будет выглядеть месяца на два-три.

Да, я всё-таки не удержалась и отпустила шпильку в адрес бывшего супруга. Не знаю, насколько Рольф сплетник, но хотя бы он сообразит что неспроста бросила эту фразу. Как только он отчалил от берега, я начала собирать продукты и относить в дом.

Какая же всё-таки сволочь досталась Кристине в мужья! Мало Ойгену было того, что к разведённым женщинам относятся предвзято, так ещё и про измену наплёл! Интересно, как скоро сплетни разлетятся по округе? В любом случае путь не только в Хоф, но и во все бывшие земли Верберов после письма бывшего супруга мне теперь заказан, а продукты где-то необходимо доставать. Выбор разнообразием не радовал: либо Марго, либо Вангер, но при этом под большим вопросом, согласятся ли они продавать мне еду. Если да, то ведь нужно будет её как-то до дома доставлять, потому что в обоих случаях путь неблизкий, Софи одну не оставить, в одной руке много не унесу и каждый день не набегаюсь. Проклятый Ойген!!!

Убрав продукты в погреб, я проверила, что Софи ещё спит, а сама решила прогуляться, чтобы немного проветрить мозги, потому как после заявления Рольфа всё равно усидеть спокойно на одном не могла. «Карпы» чувствовали себя в пруду вольготно, по крайней мере, живы были все, изредка на поверхности показывались их спинные плавники, а вода стала настолько чистой, что в качестве эксперимента, попросив заранее прощения к риукина, залила её в аквариум. Прошло менее суток, но золотая рыбка была жива и особых признаков недовольства не показывала. Использовать эту воду в быту, а тем более приготовления пищи было всё равно страшновато.

Я обогнула дом и присмотрелась к водопаду, оценивая расстояние до него. Интересно, есть ли более-менее прямая тропа до него или придётся блуждать по склону? Лес, находящийся сейчас от меня по

правую руку, принадлежал уже Вангеру, и ходить в ту сторону я не рисковала, чтобы не нарваться на неприятности, особенно после того, как букетом отхлестала его по лицу. Если принять во внимание, как выглядел «сосед» во время обоих своих визитов, то возникают сомнения, что у него можно будет разжиться продуктами. К тому же неспроста ведь имущество его дяди пошло с молотка. Скверные выводы получались. С другой стороны, можно бесконечно рассуждать впустую, строя различные теории, а на самом деле, пока не попробую что-то предпринять – не узнаю. Ещё мелькнула мысль порыбачить с сетью, вылечить удов и сбывать той же Марго. Но если верно помню карту в кабинете Ойгена, то у неё самой трактир возле озера находится. В общем, из-за письма бывшего мужа возникли очередные проблемы, а ведь только-только всё стало налаживаться! Побродив ещё некоторое время вокруг дома, я вернулась внутрь, твёрдо решив утром отправиться к Марго. Однако жизнь, снова внесла свои коррективы в мои планы.

Глава 31. Назойливая катастрофа

Я собиралась отправиться сразу после завтрака, но внезапно зарядил мелкий, противный дождик, а потому пришлось остаться в доме и ждать, когда распогодится. Всё время, проведённое в доме, занималась не только уборкой, готовкой и Софи, но и ещё смастерила заплечный мешок из куска холстины, привезённого Рольфом. Понимая, что трава после дождя будет мокрой, а оттягивать визит к Марго смысла не имеет, положила в него не только сменную одежду для дочери, но и запасные туфли. Сегодня дождик, а завтра вполне может разразиться гроза. Привыкла я как-то к солнечным дням и совершенно упустила из виду, что погода может меняться. Софи сидела на подоконнике, придерживаемая моими руками, и с интересом водила пальчиками по стеклу, повторяя изгибы мокрых дорожек, стекающих вниз.

Пока дочь развлекалась, я пыталась спрогнозировать, как надолго ли опустилась эта морось. Вспоминая, что рассказывал Рольф насчёт времени, которое займёт дорога до трактира, рассчитывала всё-таки вернуться домой до темноты. Как бы мне ни хотелось прихватить с собой корзинку, но всё-таки решила её оставить, чтобы не выглядеть со стороны побирешкой, которая рассчитывает пожить. В конце концов, я собираюсь для начала познакомиться с Марго и попытаться договориться с ней насчёт покупки продовольствия, а заодно разведать, что же всё-таки случилось с озером.

К счастью, дождь не только прекратился, но и сразу выглянуло солнце, подсушивая всё вокруг своими тёплыми лучами. Подумав, что из-за получасовой заминки не так сильно потеряю, вынесла на террасу кресло, в которое усадила Софи. В воздухе приятно пахло свежестью с тонкими ароматами разнотравья, становящимися всё насыщеннее по мере того, как солнце нагревало землю. Кстати, ещё одна странность, которую я заметила: несмотря на явное присутствие повышенной концентрации сульфатов в озере, у нас с Софи не возникло ни раздражения слизистых, ни потери обоняния. Но при этом, когда вытаскивала первого «карпа», потом некоторое время шмыгала носом и порывалась потереть глаза. У того же Рольфа веки постоянно были

красные и опухшие, кто и без слов подтверждало его привычку порыбачить на озере. Такое ощущение, что существует некий барьер, не позволяющий выйти отраве за внешние пределы, однако какие-то крохи всё-таки попадали до недавнего времени в пруд в малых количествах.

Я спустилась с крыльца и прошлась по траве, проверяя, что влага испарилась. По крайней мере, в лесу точно по колено не утону, ведь там влажность всегда выше, чем на равнинной местности. И вот надо же такому приключиться, что как только я крикнула Софи, что сейчас отправимся в дорогу, как из леса выехал всадник на гнедом жеребце. Вильгельм Вангер собственной персоной. Заметив его появление, дочь сразу напряглась и попыталась сползти с кресла.

– Стой! Не надо, Софи! – подобрав юбки, я метнулась к крыльцу, понимая, что на влажных досках дочь точно себе что-нибудь сломает поскользнувшись.

Оценив ситуацию, Вангер остановил своего коня буквально в десяти метрах от крыльца, а затем спешился. – Госпожа Вербер, прошу вас! Не пугайтесь и...

Но я уже особо не слышала, что он говорил, так как едва успела подхватить Софи, которая всё-таки умудрилась соскользнуть с кресла. В итоге картина получилась почти пасторальная: девушка, сидящая с ребёнком на руках на верхней ступеньке лестницы. Увы, опасаясь, что шлёпнется дочь, в итоге грохнулась на пятую точку сама. Ещё и платье испачкала. Ухватившись одной рукой за балясину, поднялась на ноги и усадила Софи обратно в кресло, попросив посидеть спокойно, пока поговорю с господином Вангером, но увидев коня, она запротестовала.

– Кажется, каждое моё появление здесь превращается для вас в настоящую катастрофу... – растерянно произнёс Вангер, подводя коня под уздцы к крыльцу.

Вот прямо не в бровь, а в глаз. Естественно, из-за перил, которыми была окольцована по периметру терраса, он не мог видеть, как я ловила Софи, но, кажется, он об этом и сам догадался. Пока дочь пыталась в меня вцепиться, чтобы снова оказаться на руках, я быстро стащила с неё свою шаль и повязала себе на талию, чтобы прикрыть испачканное сзади платье.

– Госпожа Вербер, я хотел с вами поговорить и разъяснить произошедшее между нами недоразумение, – медленно произнёс

Вангер, наблюдая за тем, как Софи то прячет своё личико, когда замечает его взгляд, направленный на неё, то ведомая любопытством разглядывает коня. – Можете подойти с дочерью к Бергу, он не укусит.

Стараясь не повторять своих прошлых ошибок, проявляя резкость, я медленно спустилась с крыльца и подошла к животному. – Вы полагаете, что оба ваши прошлые визиты можно считать недоразумением?

Конь вёл себя спокойно, поэтому я позволила Софи дотронуться до его шеи.

– Именно так, госпожа Вербер. Но желательно этот разговор мы продолжили с глазу на глаз.

– Мне как стоит оценивать вашу последнюю фразу? Так же, как и букет красных роз?

Вангер моментально замолчал, зато на его лице отобразилась неловкость. Честно говоря, редко встречала эту эмоцию у мужчин. У подростков – да, но не у тех, кому явно стукнуло за тридцать или кто близок к этому возрасту.

Отпустив поводья, Вангер подошёл к седлу и завожился возле него.

– Я слышал, что у вас возникли проблемы с продуктами... – начал он, протягивая мне достаточно приличную по объёму корзину овальной формы, завязанную сверху куском ткани.

А вот его осведомлённость меня насторожила. В конце концов, наши дома не настолько близко расположены по отношению друг к другу, чтобы сосед мог случайно услышать наш разговор с Рольфом. К тому же Хоф находится намного дальше поместья Вангеров, если верно помню карту.

– Откуда вы...

– Берите, не бойтесь. Это в качестве извинений за моё прошлое поведение, – Вангер совершенно обезоруживающе улыбнулся на несколько секунд, а затем снова посерьёзnel. – Я готов всё объяснить, но это будет разговор не для детских ушей. Мне известно, что у вашей дочери есть некоторые особенности со здоровьем, но насколько понял, недуги коснулись лишь речи и возможности ходить.

– Спасибо. Не скрою, разговор действительно необходим, иначе и сегодняшняя наша встреча ничем хорошим не закончится, – я посмотрела на зажившее лицо Вангера, намекая на инцидент с

букетом. – Но вы ведь понимаете, что не только надолго оставить Софи без присмотра, но и выпустить из поля зрения не могу. Она только что едва не свалилась с кресла, заметив ваше появление. Даже не могу быть уверенной, что попросив её некоторое время посидеть смирно на террасе, она не полезет к вашему коню, так как животное явно её заинтересовало. Каким бы умным ни был конь, а случайно наступить на неё он всё-таки может – собственно именно этого я опасаясь, помимо того, что влекомая любопытством дочь не попытается до него добраться даже по-пластунски.

– Я могу отвести Берга подальше от крыльца, а пока ваша дочь посидит на кресле, мы с вами немного прогуляемся вдоль берега, но так, чтобы успеть в случае чего до неё добраться.

Не дожидаясь моего ответа, Вангер поднялся на крыльцо и пристроил корзину на широкий подоконник, после чего вернулся к нам и снова взял коня под уздцы.

– Хорошо, давайте попробуем. Софи, нам с господином Вангером необходимо поговорить, но я буду рядом. Подождёшь меня в кресле?

Дочь не хотела расставаться с конём, но тут Вангер пришёл мне на помощь: – Юная госпожа, мы немного пообщаемся, а потом я вам дам посидеть на Берге, если ваша матушка сочтёт это возможным.

Я с ужасом посмотрела на коня, рядом с которым Софи казалась просто фарфоровой куколкой.

– Всё будет хорошо, госпожа Вербер, – тихо заверил меня Вангер и повёл Берга прочь.

Умом-то я понимала, что для Софи подобный вариант «иппотерапии» будет полезен, но всё равно было страшно, хотя всё это время Берг вёл себя спокойно. В итоге Вангер отвёл коня примерно метров на пятнадцать от дома, а потом просто перекинул поводья, зацепив их за переднюю луку седла. По крайней мере, мне так показалось. Пообещав Софи, что разрешу ей посидеть в седле, если она не будет пытаться слезть с кресла, в которое её снова усадила, я спустилась с крыльца.

Когда мы отошли от дома на такое расстояние, чтобы наш разговор не был слышен дочери, но при этом мне действительно не составило бы труда до неё добежать за короткое время, я обратилась к Вангеру: – Итак, вы снова решили попытаться сделать мне неприличное предложение или дело всё-таки в другом?

Глава 32. Разговор

– Видите ли, госпожа Вербер... Даже не знаю, с чего начать...

Понятное дело, что сегодня идти к Марго уже бессмысленно, но и затягивать разговор мне не хотелось. – Говорите уже как есть. Незачем тратить своё и моё время на никому не нужные раскланивания. Можете с самого начала. Например, каким образом решили вломиться в мой дом именно в тот самый первый день, как мы с дочерью сюда приехали?

– В этом совершенно нет никакой тайны: поместье, принадлежавшее ранее моему дяде Эгону, которое теперь занимаю я, расположено вон там. Отсюда его невозможно увидеть из-за деревьев, зато охотничий домик просматривается хорошо. Практически как на ладони, – Вангер рукой указал направление. – Мой слуга увидел, как к озеру подъехала карета, а потом доложил, что видел мужчину и женщину рядом с ней. Я несколько раз добивался встречи с вашим бывшем мужем, бароном Майером, чтобы решить вопрос с той самой распиской, но он отказывал мне. Пока слуга искал меня, а потом улаживал кое-какие дела, чтобы иметь возможность покинуть поместье, никто не заметил, что в дом вы прибыли только с дочерью.

Я кивнула, бросив быстрый взгляд на террасу: – Да-да, и, видимо, ваш слуга принял кучера за барона Майера. Это мы уже выяснили, когда вы едва не выломали мою дверь. Однако это не помешало вам явиться позднее и вместо извинений нанести мне ещё большее оскорбление, чем попытка вломиться в дом, который вам уже не принадлежал.

Вангер непроизвольно потянулся рукой к щеке и потёр её несколько раз в тех местах, куда пришёлся удар букетом:

– С цветами действительно вышло глупо в обоих вариантах.

Мои брови от удивления приподнялись вверх. – Что вы имеете в виду? Я о чём-то ещё не знаю?

– Дело в том, что я несколько лет прожил в Бернгрене, а там отношение к цветам несколько иное. Во-первых, просто как к знаку внимания, независимо от статуса девушки или женщины. Во-вторых...

– Вангер замялся, словно ему внезапно стало трудно говорить. – ... я просто привык дарить красные розы.

Ладно, с цветами понятно. Разные государства – разный менталитет, но цвет...

– Не подумайте ничего дурного, госпожа Вербер, я просто был женат, и поэтому цветов иного сорта и окраски для меня попросту не существовало.

Я смотрела на Вангера и думала, что либо он сейчас своей репутации собственным языком окончательно себе могилу выкопает, либо совершенно не умеет правильно доносить нужную информацию, чтобы его правильно поняли. Без всяких полутонов. – Это не восточные земли Бронхеджа, а какой-то заповедник разведённых блондинов... – буркнула я себе под нос, разворачиваясь в сторону дома, так как за разговором мы отошли чуть дальше, чем рассчитывала.

Но тут лицо Вангера внезапно стало похожим на окаменевшую маску. – Моя жена умерла два года назад. Так что вы сделали неверные выводы, госпожа Вербер.

– Простите, не хотела вас обидеть. Но с вашей манерой формулировать свои мысли, можно было подумать всё что угодно. Сочувствую вашему горю, – мысленно отвесив себе подзатыльник, я перевела разговор на первоначальную тему. – Допустим, вашу промашку с букетом я поняла. Но фразу про «оба варианта» – не очень.

Вангер нервно дёрнул нижней челюстью, но потом быстро взял себя в руки: – Поместье дяди сильно запущено, и за садом долгое время не было никакого должного ухода, поэтому из всех цветов остались лишь одичавшие кусты красных роз, которые я и срезал. Поэтому сперва не придавал значения букету в том виде, в котором его восприняли бы в Бронхедже и, собственно, как на меня отреагировали вы. Понял свою оплошность, лишь когда подъехал к дому... И то только потому, что внезапно вспомнились эпизоды из детства, когда с родителями приезжал к дяде. Сам-то я родом из этих мест, но около десяти лет назад между обеими семьями произошла крупная ссора, после которой отец принял решение перебраться в Бернгрен.

– И всё-таки вас не остановило осознание собственной ошибки, и вы всё равно явились с букетом на порог моего дома.

– Да. И поэтому заранее прошу прощения за всё, что сейчас скажу.

– Вы так говорите, будто собираетесь сейчас меня серьёзно оскорбить.

– Да. То есть нет, – Вангер тяжело вздохнул, а потом развернулся так, чтобы оказаться стоящим передо мной. – То, что я сейчас вам скажу, очень сильно вас ранит, но умоляю: дослушайте, пожалуйста, до конца. Каким бы отвратительным мерзавцем ни стал выглядеть в ваших глазах.

– Вы уверены, что мне действительно стоит это знать?

– Да, и это очень важно. И для вас, и для меня.

Ну, давай, добивай меня, «сосед». Не думаю, что после новостей от Рольфа, касающихся моего «разгульного» образа жизни, меня действительно способно что-то задеть.

– Примерно за две недели до вашего приезда получил письмо от барона Майера, в котором он требовал, чтобы я прекратил его донимать просьбами о встрече, тем более что интересующая меня часть наследства дяди перейдёт к его разгульной супруге в качестве жеста милосердия после предстоящего развода.

Я закрыла лицо руками и застонала. – Вот же негодяй!

– Согласен. Я заслуживаю гораздо более серьёзных оскорблений, что решил обернуть это обстоятельство в свою пользу.

– Да при чём здесь вы?! Я про барона Ойгена Майера! Борзописец несчастный! Он на днях прислал старосте Хофа письмо, в котором запретил жителям иметь со мной дело, обвинив не просто в измене, но и в том, что Софи не его дочь, хотя у меня на руках есть документы, подтверждающие кровное родство! Теперь в глазах всех местных я просто падшая женщина с нагулянным ребёнком, на похождения которой три с лишним года закрывал глаза добросердечный супруг. Прямо святой Ойген, с которого образа писать нужно в качестве образца благочестия!

– Я знаю. Теперь знаю. А тогда решил вас проверить, чтобы снискать вашу благосклонность и, таким образом, получить доступ к озеру. Я бы с радостью выкупил у вас и его, и дом, но, к сожалению, дядя своими пагубными привычками разрушил всё, чем владел. Довёл все дела до такого состояния, что его признали банкротом, и если бы не его смерть, то сидеть ему в долговой тюрьме. Я просил его не закладывать охотничий домик, сохранить за собой, но... Увы... Хотя он мне клялся и божился, что никогда его тронет, даже чтобы погасить

долги. Понимаете теперь, почему у меня возникли сомнения насчёт подлинности той расписки? По некоторым причинам мне пришлось вести все дела через поверенного и о реальном положении дел узнал слишком поздно. Остатки собственного состояния я пустил на погашение долгов дяди, чтобы хоть что-то сохранить из имущества Вангеров. Поэтому появился в этих краях практически одновременно с вами. Надеялся, что удастся переговорить с бароном Майером, за которого принял мой слуга вашего кучера.

– Послушайте, господин Вангер, или мне всё-таки стоит обращаться к вам «барон Вангер» или «господин барон» раз вы полностью вступили в наследство?

– Лучше оставьте прежний вариант.

– Как скажете, господин Вангер. Вы можете мне объяснить, что такого в этом озере, что даже несмотря на любовь, которую сохранили к почившей супруге, можете не отрицать, это у вас на лице было написано, когда упомянули о ней, готовы были залезть в мою постель?

– Оно имеет ценность для одного дорогого мне человека. Это всё, что могу сказать.

Глава 33. Минус на плюс

– Вы же понимаете, что это не ответ. Вернее, даже не так. Я вижу, что вы, в принципе, неплохой человек, просто горе, которое коснулось вашей семьи, сильно вас подкосило, но при всём желании, не зная, о чём речь, не смогу вам помочь. Если на дне озера спрятано сокровище, которое поможет вам выкупить принадлежащие мне дом и землю, то ныряйте на здоровье. Хотя боюсь, что вы его лишитесь, так как вода явно чем-то отравлена, причём настолько, что рыба либо продолжаетдохнуть, либо вырождается в настоящих монстров. Не смотрите на меня так: всё, чего я хочу – спокойной жизни для себя и Софи, а за этот дом держусь по той простой причине, что иного жилья у нас с ней нет и не предвидится в ближайшем обозримом будущем, так как содержание от Ойгена дочери не положено. Ведь для того чтобы получить развод, мне пришлось признать свою вину в том, что она родилась такой, хотя причина её, скажем так, немощности, совершенно в другом.

Мне на самом деле было жаль Вангера, попавшего в такую ситуацию, что врагу не пожелаешь. У меня самой была не намного «веселее». Пусть он повёл себя чересчур бесцеремонно как во время первой встречи, так и второй, но чувствовалось, что на негодая он не тянет. На человека, которого хорошенько приложила жизнь по голове – да, на растерявшегося из-за этого и до сих пор не пришедшего в себя – тоже да.

Вангер помрачнел, услышав про озеро: – Вы уверены в том, что сказали насчёт воды и рыбы?

– Абсолютно. Могу одолжить вам свою лодку и дать сеть, если не верите на слово, – я рукой махнула на хлипкий причал.

– Вы действительно готовы пустить меня на озеро?

– Почему нет? Чем быстрее убедитесь в моих словах, тем скорее оставите нас с дочерью в покое. Раз не готовы объяснить, зачем оно вам понадобилось, то решайте сами: действительно ли оно продолжает сохранять для вас ценность. Если да, то обсудим условия для дальнейшего сотрудничества, если оно будет возможным после вашей

проверки. Меня только смущает оставленная вами корзина, потому что не хочу быть обязанной вам.

– Если не готовы принять её в качестве извинений, то считайте платой за аренду лодки и сетей.

Такой вариант меня вполне устроил, поэтому я повернула к дому: – В таком случае, пока вы будете на озере, займусь дочерью и разбором корзины, чтобы вернуть её вам. Вот только конь ваш не убежит?

– Берг будет меня дожидаться ровно столько времени, сколько потребуется.

На том и порешили. Я не была уверена, что Вангер умеет обращаться с сетью, но это уже сугубо его проблемы. На кухне мы с Софи разобрали корзину, вернее, доставала продукты я, а она катала по столу яблоки. С учётом сделанных мной запасов, на неделю-полторы провианта точно хватит. А вот с водой вопрос стоял гораздо острее. Время от времени я подходила к окну в зале, дабы убедиться, что с Вангером всё в порядке. Не хватало мне ещё разборок с местными властями на предмет его гибели на моей земле. Это Майерам не составило бы труда скрыть причины моей смерти, выдав за несчастный случай, но кто знает, как отреагировали бы местные после всей той грязи, что выплеснул на меня Ойген своими письмами.

Услышав деликатный стук во входную дверь, я подхватила Софи на руки и пошла открывать.

– Лодку вернул на прежнее место, а сеть развесил на перилах, так как она мокрая, – отчитался Вангер, а затем оглушительно чихнул и попытался протереть глаза.

– Даже не вздумайте так делать! – я остановила его, слегка схватив за рукав. – Так ещё большее раздражение получите. Вам нужно срочно умыться чистой водой.

Мужчина кивнул и послушно пошёл за мной на кухню. Пока Софи грызла понравившееся ей яблоко, я зачерпнула ковшом воды из бочки и полила над раковиной Вангеру на руки.

– Там действительно невозможно находиться долгое время. И вся рыба... Обезображена настолько, что едва похожа на саму себя... Вы правы – эти земли для меня действительно теперь не представляют никакой ценности.

Повесив ковш на гвоздь, я протянула Вангеру чистое полотенце: – Ну вот, вы сами убедились, что мои разговоры про состояние озера и его обитателей – это не мелочная месть обиженной на ваши слова и действия женщины.

– Ещё раз прошу прощения за моё недостойное поведение. После того как вы ясно дали понять, что ошибся насчёт вас, я навёл справки и выяснил, что всё написанное вашим бывшим супругом, ложь, – снова извинился Вангер.

Увидев, что дочь уснула прямо за столом, даже не доев яблоко, я задала вопрос, который мучил меня всё это время: – Простите за банальное любопытство: многое удалось разведать? А то каждый день узнаю о себе столько нового, что не перестаю поражаться, насколько разносторонней личностью являюсь, имея при этом такое количество пороков, что страшно становится.

– Ничего особенного. Большую часть своей жизни провели в пансионе, потом вышли замуж, родили ребёнка и пределы поместья мужа почти не покидали. А если учесть, что родственники Ойгена Майера тщательно контролировали каждый ваш шаг, то обвинения в измене выглядят более чем абсурдно. Не понимаю только, зачем ваш бывший муж решил опуститься до такой гнусной лжи, которую так легко опровергнуть?

Может, для Вангера это и было загадкой, для меня – нет. – Слухи. Во всякую мерзость верят охотнее, чем во что-то светлое. К тому же кто станет проверять насколько они правдивы? Допустим, одному покажу документы, подтверждающие кровное родство дочери с её отцом, второму... Но не всем же. Не удивлюсь, если быстрее подвергнут сомнению подлинность документов, чем убедятся в моей правоте.

– Может быть... Всё может быть, учитывая, что нечто подобное он сообщил в Хоф... – задумчиво проговорил Вангер, приглядываясь к водам озера.

– Кстати, откуда вы узнали об этом, а также, что продукты больше не смогу там доставать?

– Мальчишки... У моих слуг двое шустрых внуков, которые достаточно неплохо сошлись с местной ребятнёй, которая время от времени пересекается в дальней части леса с желающими полакомиться чужими ягодами.

Я тяжело выдохнула, едва сдерживая стон: – Если даже дети знают, в каком свете меня представил барон Майер, страшно представить, как мне перемыли кости взрослые жители Хофа...

– Увы, вы недалеки от истины, госпожа Вербер. Поэтому учитывая все обстоятельства, хотел бы предложить вам свою посильную помощь в том числе и в качестве извинений.

– Мне нужен доступ к чистой воде, пригодной для питья, и возможность приобретать продукты у ваших крестьян.

Посмотрев на обе бочки, а потом на озеро, Вангер остановился взглядом на посапывающей Софи: – Получается, что бывший супруг лишил вас обеих...

– Да. Шансов выжить в этом доме. Дорога на бывшие земли, принадлежавшие Верберам, мне закрыта, у вас и ваших людей тоже должно было сложиться обо мне крайне негативное впечатление, так что план барона Майера был хорош.

Вначале на лице Вангера отобразилось потрясение, быстро сменившееся негодованием. Оценив довольно-таки аскетичную обстановку кухни, он подошёл к окну, из которого виднелся водопад: – Как часто и сколько воды вместе с продуктами вам потребуется?

– Если наполнить обе эти бочки, то на четыре дня вполне хватит. Продукты... Привезённого вами сегодня достаточно, чтобы наготовить еды примерно на три дня.

– Я вас понял, госпожа Вербер.

– В каком размере плату собираетесь с меня брать за воду? Не считите за дерзость, но мне бы короткую дорогу показать к водопаду, если таковая существует, и к Вильду, если верно запомнила название ближайшей к этому дому деревни.

– Нисколько. С тем, чтобы вам привозили всё необходимое, я договорюсь.

– Господин Вангер! Я так не могу. Ойген хорошо постарался, чтобы создать мне отвратительную репутацию, но если стану даром получать от вас провизию, все окончательно убедятся в том, что являюсь вашей содержанкой.

Понизив голос до разъярённого шёпота, мужчина кивнул на Софи: – Госпожа Вербер, у вас дочь! Подумайте о ней в первую очередь! Мои люди будут уверены, что вы платите деньгами за всё, что они будут привозить, мне лично. Большого им знать не требуется. После того как

барон Майер проявил себя во всей красе, распуская порочащие вас слухи, сильно сомневаюсь, что после развода вы можете позволить себе сорить деньгами.

– Господин Вангер!

– Даже слушать ваши возражения не буду. Надеюсь, здравый смысл не позволит вам демонстративно отвергать мою помощь и становиться в позу. Ещё раз повторю: подумайте о дочери!

– Спасибо. Может, всё-таки скажете, чего именно вы ожидали от озера?

– Неважно. Теперь это уже не имеет никакого значения, – Вангер обречённо махнул рукой. – Я заметил, что ни у вас, ни у Софи нет признаков раздражения на лице, да и во время нашей с вами прогулки по берегу не испытывал дискомфорта... Выходит, что всё негативное воздействие ограничено периметром водоёма. Думаю, ещё некоторое время вы сможете в безопасности прожить в этом доме, вероятно, даже около года или двух. Я не понимаю, что здесь произошло, но попробую выяснить. В любом случае пообещайте мне, что если почувствуете недомогание, то обратитесь ко мне. Со временем взбудораженность местных по поводу вашей репутации точно уляжется, а я постараюсь раздобыть денег, чтобы выкупить вашу землю и помочь с переездом в более безопасное место. Если что, смело поджигайте дом или устройте что-нибудь, чтобы ни у кого не возникло сомнений о невозможности дальнейшего проживания в нём. Не пугайтесь, я не сошёл с ума. Просто тогда на правах доброго соседа, смогу предложить вам временное жильё. Готов хоть сегодня начать заниматься этим вопросом, но вы правы насчёт репутации: пока обстоятельства позволяют, лучше дожидаться, когда волнения, спровоцированные вашим бывшим мужем, улягутся.

– Спасибо за предложение. Это очень благородно с вашей стороны.

– Просто в отличие от барона Майера я не могу бросить женщину с маленьким ребёнком в беде. Мне совесть не позволит этого сделать. И ещё раз прошу прощения за мою выходку с букетом.

– Будем считать, что недоразумение разрешилось.

Заперев за Вангером дверь, я отнесла Софи наверх, окончательно утвердившись в мысли, что с визитом к Марго тянуть не стоит. Если хозяйка трактира была любовницей покойного барона, ещё неизвестно,

как она отнесётся к его племяннику, а мне стоит попробовать с ней поговорить в отсутствие соседа. Поэтому я не стала просить Вангера помочь добраться до Марго. Фух, хотя бы с пропитанием и питьём вопрос решён.

Глава 34. Дорога

На этот раз погода порадовала меня гораздо больше, чем накануне. Состряпав из прокисшего молока оладьев с мелко порубленными яблоками, которые так понравились Софи, я проверила содержимое своего заплечного мешка и тщательно заперла все ставни и двери. Поблизости, конечно, никто не живёт, но мало ли вдруг кому в голову взбредёт забраться внутрь по дурости или из шалости. На всякий случай обошла дом вокруг, чтобы удостовериться, ничего ли не забыла убрать. Уже собиралась направиться в лес, как моё внимание привлекли всплески, доносящиеся со стороны пруда. Приблизившись к берегу, я не поверила своим глазам: все взрослые «карпы», словно с ума посходили, потому что иначе их поведение я не могла ничем объяснить.

До сегодняшнего дня они время от времени поднимались ближе к поверхности воды, в результате чего виднелись не только их серебристые спинки, но даже мальки, держащиеся небольшими стайками. Я ещё радовалась, что из четырёх выловленных рыбин с икрой не погибла ни одна после перемещения в пруд, ещё и смогла дать потомство. Всего же у меня получилось отловить и привести в порядок пятнадцать особей и ещё около десятка мелких карасиков. Заодно потренировалась на них, осваивая свой целительский дар. Он оказался не так силен, как хотелось бы, но для того, чтобы залечить мелкие повреждения, вполне годился. Даже не уверена, что он был именно целительским, сказала бы: больше походил на способность восстанавливать нарушенное, возвращая к тому состоянию, которое должно быть согласно законам природы. С другой стороны, сложно оценивать то, с чем ни разу не сталкивалась в жизни, а лишь читала в сказках и слышала от родителей моих бывших пациентов, которые, отчаявшись вылечить детей, обращались к различным «бабкам» и «колдунам». Меня вполне устраивало, что способности, открывшиеся у тела Кристины после гибели своей хозяйки, помогали Софи быстрее восстанавливаться и делать шаги в прямом и переносном смысле.

И вот сегодня рыба в пруду взбунтовалась. Я так надеялась, что получится хотя бы в этом водоёме развести достаточное количество,

которое можно было продавать... Готова была попробовать спустя некоторое время одну тушку выловить и разделать, чтобы приготовить. Однако «карпы» явно решили, что им тут не место. Иначе как можно было объяснить выпрыгивающих из воды рыбин, стремившихся чётко в сторону озера? Вот только преодолеть необходимый отрезок земли в полтора, а то и все два десятка метров им не удалось никаким образом. Да и мне жалко было как их, так и моих собственных трудов. Стоило мне присесть на корточки, не выпуская при этом Софи из рук, как прямо перед моим носом взметнулась рыбина, едва не коснувшись дочери. Тут же весь косяк развернулся в мою сторону и начал повторять маневр своего собрата. Обычные крупные карпы не сбиваются в такие группы, предпочитая держаться поодиночке, максимум в сопровождении двух-трёх помельче. Но эта рыба только внешне на них походила, в чём смогла убедиться, когда риукин благосклонно отнёсся к залитой в аквариум воде из пруда, и до сих пор никаких изменений ни в поведении, ни в самочувствии питомца я не обнаружила.

– Нет-нет-нет, я не понесу вас в озеро! Вы там точно погибнете, – от неожиданности выкрикнула я выпрямляясь. Странно, конечно, пытаться словами вразумить рыбу, но вдруг? Впрочем, не помогло: пока обходила пруд, косяк упорно следовал за мной вдоль берега. Я старалась не оборачиваться, упорно держа курс на то самое дерево, что раньше указал мне Рольф. А ещё злилась на Вангера, который не удосужился ничего мне вчера рассказать про рыбу. Вот уверена, что именно «карпы» его интересовали, не озеро. Ведь убедившись в мутациях, он выглядел опустошённым. Будь рыба простым деликатесом, на его лице скорее отобразилось бы разочарование, чем весь спектр эмоций человека, потерявшего последнюю надежду.

Вангер упомянул о каком-то дорогом ему человеке, хотя его жена умерла... Возможно, что у него остались ещё какие-то родственники или близкие люди. Получается, рыбу он хотел добыть для него или для неё? Р-р-р, очередные тайны и загадки. Вот почему нельзя было сказать прямо?!

Я уверенно шагала по извилистой тропинке, приглядываясь к кустам и траве в поисках каких-нибудь съедобных ягод или знакомых растений. Софи нетерпеливо ёрзала на руках, выражая обрывками слов желание идти самостоятельно, поэтому приходилось время от времени

напоминать ей, что как только устану, сразу же дам ей такую возможность. Можно было бы сразу попробовать идти с ней за руку, но из-за толстых корней, об которые несколько раз сама едва не споткнулась, решила пока не рисковать. Чем быстрее и целее доберёмся до трактира, тем лучше.

Пару раз всё-таки делала небольшие привалы, кидая на траву захваченную с собой мешковину, чтобы не испачкать платье. Цепляясь то за мои руки, то за ствол дерева, к которому я обычно приваливалась, чтобы разгрузить спину, Софи медленно переступала своими ножками по земле, распространяя вокруг себя буквально физически ощутимые волны восторга. С тех пор как мы покинули поместье Майеров, дочь заметно прибавила в весе и окрепла. Только бы Вангер сдержал своё слово насчёт воды и провианта! Сквозь густые кроны деревьев солнце было едва видно, но я и так понимала, что каждый день к трактиру не находишься, а урезать рацион ребёнку просто кощунственно.

Наконец. Впереди забрезжил просвет между деревьями, но мне так и не пришло в голову, как завести разговор с Марго, и согласится ли она вообще со мной общаться. Еда была с собой взята, но Софи пока перекусов не требовала, а потому я решила для начала попробовать заказать в трактире обед, присмотреться, и уже по ходу дела понять, как действовать. Когда лес оказался позади, я едва не застонала, увидев перед собой очередное озеро. Хорошо хоть не такое большое, как моё собственное. Но лодка сейчас ох, как пригодилась бы! А так придётся идти вдоль берега. Ладно, сейчас мне предстояло спуститься с вершины холма, на котором оказалась, но на обратной дороге придётся подниматься на него. Зато удалось хорошенько рассмотреть и сам трактир, состоящий словно из трёх пристроенных друг к другу домов, когда один из них являлся продолжением другого, располагаясь немного под углом к предыдущему, и задний двор, по которому разгуливали куры, нисколько не обращая внимания, на развалившихся то тут, то там свиней. Чуть дальше, уже за плетнём на некотором расстоянии друг от друга были привязаны две коровы с телятами.

Сложно сказать, какая проходимость у трактира, зато понятно, почему Марго покупала время от времени мясо у тех же жителей Хофа. Места для выпаса скота и содержания более-менее приличного стада попросту не было: слишком близко подступал лес к «Сытному

путнику». Но как же здесь было красиво! Вот вроде ещё вечер не наступил, а из-за расположения трактира и высоких елей, окружающих постройки, казалось, что вокруг всё залито солнечными лучами, словно золотом. При этом от дороги было не так далеко, и трактир был прекрасно виден с неё. На озере я заметила пару пустых лодок, но рыбаков в них не было. Лишь подойдя поближе, поняла, что от них тянулись к берегу верёвки, незаметные под водой. Учитывая каменистые берега, неудивительно, что их не стали затаскивать ближе.

Когда я подошла к террасе трактира, ноги гудели так, что хотелось их отстегнуть и выбросить подальше, только чтобы не дёргались. Не приспособлено было пока ещё тело Кристины к подобным утомительным прогулкам по пересечённой местности. Хорошо, что мне удалось относительно привести его в порядок, иначе сил хватило только на то, чтобы дойти до середины леса и там остаться навечно. Мысленно пожелав себе удачи, я толкнула входную дверь.

Глава 35. Трактир

Оказавшись в большом, просторном зале, я удивилась, что народу было намного больше для этого времени суток, хотя мне казалось в подобных заведениях аншлаги начинаются ближе к заходу солнца. По крайней мере, так было на тех постоянных дворах и в трактирах, которые довелось посещать после того, как покинула поместье Ойгена. Большая часть из них была забита таким «живописным контингентом», что безопаснее оказалось ночевать в карете, чем попытаться снять номер для нас с Софи. Зато не привезли с собой никаких «домашних животных» вроде вшей и клопов. Удивительно, что Ойген не понимает, насколько важны условия и как много денег он теряет с таким наплевательским отношением. Ведь не одна я игнорировала постоянные дворы, но и многие другие путники, предпочитая либо остаться на ночлег в конюшне или в каретном сарае, либо проехать дальше и попроситься на ночлег в какой-нибудь деревенский дом. По пристройкам всегда кто-то сновал из постояльцев, а потому никто не боялся быть ограбленным или прирезанным любителями быстрой наживы. Лихой народ предпочитал не рисковать своими шкурами ради призрачного шанса обогащения.

Зато в трактире у Марго царил полный порядок, и можно было даже смело заявить, что чувствовалось некое подобие уюта. Сама хозяйка находилась за стойкой, бурно выясняя что-то, видимо, с постояльцем. Другие посетители, находившиеся в зале, имевшем две входные двери, расположенные друг напротив друга, то поднимались вверх по крепкой дубовой лестнице, то покидали помещение, рассчитавшись за трапезу. Но при этом никто из них не торопился, что лично для меня послужило ещё одним хорошим знаком в пользу симпатии к Марго. Как показывал собственный опыт: чем спокойнее посетители заведения, тем больший порядок в нём царит. Хотя я удивилась, так и не обнаружив ни охранника, ни вышибалу. Всё-таки для трактира его наличие более чем желательно на случай какого-нибудь бузотёра.

Пробежавшая мимо с подносом девушка махнула рукой, показывая на несколько свободных столиков, расположенных возле окна. Я с

облегчением опустила Софи на лавку, а сама присела рядом, дожидаясь, когда ко мне кто-нибудь подойдёт. Хорошо, что в этом мире существуют те же принципы, как и в нашем: занял место – жди официантку. Вскоре к нам действительно подскочила та самая девушка с перекинутой через плечо косой светло-каштанового цвета, и замерла в ожидании заказа. На вид ей было лет тринадцать-четырнадцать, поэтому первой мыслью, мелькнувшей в моей голове, стало предположение, что «официантка» является дочерью Марго. Сама хозяйка трактира оказалась рыжеволосой женщиной лет тридцати с небольшим, но кое-какое едва уловимое сходство между обеими прослеживалось. Та же россыпь ярких веснушек, та же мимика.

– Чего желаете, госпожа?

– Найдётся что-нибудь подходящее для меня и моей дочери?

Девушка немного задумалась, а потом быстро затараторила, перечисляя всё, что сегодня имелось на кухне. Остановив выбор на котлетах и подобии пюре, я попросила принести сразу воды и морс.

– Юста! Позови Хэрба, он мне нужен! – окрикнула Марго девушку, прервав ненадолго свою беседу.

– Да, матушка! – тут же отозвалась Юста и вихрем умчалась прочь.

Получается, что я в своих предположениях не ошиблась, и девушка действительно является дочерью хозяйки трактира. Интересно, а кто этот самый Хэрб? Муж, сын или один из работников? Впрочем, сомневаюсь, что супруг стал бы мириться с наличием у своей жены ухажёра, пусть даже в виде барона Вангера. Хотя... Бывают и такие мужья, что против слова своей законной половинки ничего смолвить не в состоянии. Марго же явно привыкла держать всё крепкой рукой, так как её собеседник, яростно споривший поначалу, потихоньку замолкал, переходя на более спокойный тон, в то время как хозяйка трактира продолжала отстаивать свою позицию. Из-за двери возле стойки вынырнул подросток, с виду ровесник Юсты, хотя выглядевший чуть крупнее девушки, и, выслушав указания, снова скрылся.

Софи с интересом крутила головой по сторонам, тыкая пальчиком на всё, что привлекло её внимание. Поясняя дочери происходящее, я не обратила внимание, как возле нашего стола появилась Юста и начала расставлять кувшины и тарелки. Честно говоря, не ожидала такой

быстрой подачи, вспоминая, сколько времени обычно приходилось ждать на постоянных дворах.

– Чего-нибудь ещё госпожа? – поинтересовалась девушка, забирая деньги со стола.

– Благодарю, больше ничего не требуется.

Юста кивнула в ответ и быстро переместилась к другому столу, моментально среагировав на подзывающий жест. Пересадив Софи к себе на колени, так как высоковат для неё был стол, я начала разделять котлету ложкой, заодно проверяя, достаточно ли прожарился фарш. Сняв пробу первой, со спокойной душой предложила дочери попробовать принесённую еду. Кухарка у Марго явно знала толк в своём деле, так как всё было приготовлено не только качественно, но и вкусно. Пока мы с дочерью обедали, Марго отправила своего собеседника восвояси, а сама то занимала место за стойкой, то уступала его Хэрбу. Как подступиться к хозяйке трактира, я так и не придумала, зато она сама разрешила эту проблему, возникнув возле нашего стола так внезапно, что я едва не выронила ложку от неожиданности.

– О чём-то хотели поговорить со мной, госпожа Вербер?

То, что Марго известно моё имя, заставило меня насторожиться. Понятное дело, что слухи распространяются достаточно быстро, и вычислить новое лицо, появившееся в этих краях несложно, вот только вопрос в том, какие именно сплетни добрались до хозяйки трактира, учитывая, насколько щедр был в эпитетах по отношению ко мне Ойген, расписывая все «достоинства» своей бывшей жены.

– Было бы неплохо, госпожа...

– Маргарита Шмид, но все называют меня просто Марго.

– Как скажете, Марго. Я действительно хотела бы переговорить с вами, вот только... – я скосила глаза на Софи, пытающуюся сдвинуть с места тяжёлую глиняную кружку, наполненную морсом.

– Юста! Покажи девочке свои цветы! Хэрб, ты за старшего!

– Может, я сама отнесу Софи?

Марго спокойно махнула рукой: – Не смотрите, что Юста выглядит хрупкой, она достаточно сильная, чтобы длительное время держать ребёнка на руках. Не беспокойтесь, мы в курсе особенностей вашей дочери.

– Вот это меня и беспокоит...

– На вашем месте не особо на этот счёт переживала. Пойдёмте, – Марго кивнула в сторону стойки.

– Софи, ты согласна посмотреть с Юстой цветы?

Пока дочь хлопала глазами, девушка протянула ей обсыпанную сахаром булочку: – У нас на заднем дворе не только небольшой цветник, но ещё куры, поросята есть. Если повезёт, то и нашу кошку увидим, только она не ко всем подходит.

– Госпожа Вербер, можете не волноваться: ничего с вашей Софи не случится, головой за это ручаюсь. А моё слово в этих краях имеет вес, можете поверить так, можете спросить любого, кто находится в этом зале.

Как бы мне ни было тревожно отпускать Софи от себя, но тот же Рольф неоднократно с уважением отзывался о Марго, а потому чаша весов перевесила в её пользу, и я передала Софи Юсте. Моя дочь пару раз обернулась, но потом увлеклась рассказом девушки, показывавшей ей то на лестницу, то на окна. Хэрб тем временем быстро забрал опустевшие тарелки и унёс прочь. Я подхватила свой заплочный мешок и поднялась с лавки. Сама Марго распахнула ту самую дверь возле стойки, за которой время от времени исчезали Юста с Хэрбом, и поманила меня за собой. Прямо перед нами оказалась кухня, а вот рядом с ней хозяйка трактира остановилась и потянула за цепочку, подвешенную к поясу, связку ключей. Открыв совершенно не приметную дверь, сливающуюся со стеной, Марго чиркнула спичкой, зажигая свечи. – Здесь нам точно никто не помешает, госпожа Вербер. Так о чём вы хотели поговорить?

Глава 36. Марго

Проницательность и осведомлённость Марго как восхищали, так и пугали одновременно. Вот никогда не угадаешь, как вести себя с подобными людьми, особенно если учесть взаимное «заочное» знакомство, на основании которого каждая из нас могла сделать свои выводы и отнюдь не в пользу друг друга. Но всё равно нужно было с чего-то начать разговор.

— В этих краях я совсем недавно и, к сожалению, мало кто смог мне рассказать о них. Однако мне сказали, что вы достаточно осведомлены обо всём, происходящем в округе...

Марго совершенно искренне рассмеялась, усаживаясь за массивный письменный стол и указывая мне на стоящий напротив стул: — Сложно управлять трактором и оставаться в неведении. Всегда кто-то что-то болтает, поэтому, если держать глаза и уши открытыми, можно вполне удачно вести свои дела. Так какая именно информация вас интересует, госпожа Вербер? Думаю, вы понимаете, что всё в этом мире имеет свою цену.

— Абсолютно. Бывший супруг немало постарался, чтобы я усвоила это правило.

При упоминании об Ойгене Марго поморщилась, недовольно дёрнув кончиком носа, усыпанного веснушками столь же густо, как и её щёки. Обычно женщины стремятся вывести «солнечные поцелуйчики», но хозяйку трактора они несколько не портили, наоборот, придавали дополнительную пикантность внешности в сочетании с ярко-медными волосами. Марго вообще прекрасно выглядела для своего возраста, несмотря на наличие двоих детей и достаточно непростую работу. пышная грудь прочно удерживалась плотным корсетированным жилетом зелёного цвета, тонкая талия была подчеркнута широким поясом из чёрной кожи... Ни малейшего намёка на грузность или обрюзглость. Яркая и подвижная, как само пламя. Неудивительно, что покойный барон Вангер заезжал к ней.

— Почему-то мне кажется, что вы знакомы с бароном Майером...

— Было дело, заезжал. Предлагал выкупить у него тот самый участок, что в итоге перешёл к вам, госпожа Вербер, но я отказалась. У

меня правило: никогда не взваливать на себя то, с чем не смогу справиться. На приведение в порядок того участка, и для того, чтобы он не остался убыточным ярмом висеть на моей шее, а начал приносить доход, потребуется немало сил и денег. Мне попросту невыгодна была эта сделка. К тому же барон Майер вёл себя так вызывающе, что я для себя решила не иметь никаких дел с Майерами. Себе дороже выйдет в итоге. Пусть сам вкладывается в свои земли.

Стараясь не выдать своего волнения, я осторожно заметила: – Но ведь я тоже относилась к семье Майер, будучи женой барона... И тем не менее вы согласились со мной переговорить.

– Я никогда ничего не делаю просто так, поэтому заметив ваше присутствие в зале, позволила себе приглядеться к вам. К тому же о вас рассказали столько всяких мерзостей, что у меня не осталось никаких сомнений насчёт того, насколько вы отличаетесь от вашего бывшего супруга.

– Я слышала о вас столько гадостей, что сразу поняла, – вы замечательный человек... – не задумываясь процитировала я одну из своих любимых фраз.

Марго снова рассмеялась: – Вроде того. Знаете, госпожа Вербер, по тому, как человек себя подаёт, как относится к детям и тем, кто ниже его по статусу, можно многое сказать. В вас нет и доли той заносчивости, как в вашем бывшем муже. А это уже немало. По крайней мере, для меня. К тому же вы понравились Юсте, а моя дочь умеет распознавать людей, которым можно если не доверять, то вести с ними дела. Не смотрите, что она ещё слишком юна: они с Хэрбом с самого детства трудятся в трактире и многих людей повидали за эти годы.

Собираясь в дорогу, я прихватила с собой золотой лом, оставшийся после извлечения камней из оправы и пару самоцветов. Раз Ойген сумел настроить против себя Марго, то можно попробовать сыграть на этом. Я достала маленький полотняный мешочек и пододвинула к хозяйке трактира.

– Что это?

– Небольшая компенсация за годы «счастливого брака», которую я припасла на «чёрный день».

Вытряхнув на стол содержимое, Марго кивнула: – А вот это было верным решением. Мужчины, подобные барону Майеру, обычно

пускают пыль в глаза своим состоянием, а на деле чрезвычайно прижимисты, когда речь заходит не о благополучии их сиятельной персоны.

Здесь Марго была абсолютно права, ведь я сама смогла убедиться в «щедрости» Ойгена и благородстве всей его семейки.

– Камни хорошие, а вот это... Совершенно никуда не годится... Но дело поправимое, переплавлю. Херберт этим займётся, когда освободится. Ещё что-нибудь есть?

– Если сумеете пристроить за хорошую цену, то возможно.

ействительно приятно иметь дело, госпожа Вербер. Обычно я беру за посреднические услуги тридцать процентов, но учитывая вашу ситуацию, двадцать. Сама двоих детей поднимаю одна.

– А...

Марго махнула рукой: – Нет. Юста и Хэрб не являются детьми покойного барона Вангера. Они родились до того, как он положил на меня глаз. К тому же если и рожать, то лучше от сильного и достойного мужчины, а не статусного. С бастардами потом хлопот не оберёшься, да и всегда сохраняется вероятность того, что жена любовника, имеющего дворянский титул, захочет расчистить дорогу своим детям, чтобы законным наследникам доставались все деньги своего отца ещё при его жизни, не говоря уже о наследстве. Не знаю, что вам известно обо мне, но я лучше вкратце поясню, чтобы не возникло потом недопонимания. Юста и Хэрб действительно родились вне брака: у меня был жених, даже дата свадьбы назначена. Как многие обручившиеся, мы не стали ждать венчания, чтобы вступить в отношения. Но, к сожалению, накануне свадьбы мой жених погиб, а вскоре обнаружилось моё «интересное» положение. Всё бы ничего, но родители жениха отказались признать меня своей невесткой, а потому пришлось устраивать свою жизнь самостоятельно. Папаша мой бушевал, конечно, знатно, но из дома не выгнал, а поддержал свою непутёвую дочь, несмотря на то что матушка сильно болела, а в семье подрастала моя младшая сестра. Только когда родились двойняшки, тяжело стало ему всех тянуть одному.

А тут Эгон меня приметил. Он хоть тот ещё ходок был, но своих женщин никогда не обижал и более одной любовницы не позволял себе иметь одновременно, предпочитая длительные отношения мимолётным увлечениям. Для моей семьи это был выход. К тому же в

те годы барон Вангер был весьма недурён собой и не только знал, но и умел найти подход к любой женщине. Это потом уже стал пускаться во все тяжкие, не без участия семьи Майер, что сыграло дополнительную роль в моей нелюбви к вашему бывшему мужу. Вначале Эгон пристроил меня в этот трактир помощницей к старой хозяйке, а потом, когда отношения исчерпали себя, отписал его мне вместе с землёй. Таким образом, из своего положения я извлекла максимум пользы. Забрала детей и сестру, которой потом помогла удачно выйти замуж, собрав хорошее приданое. Семья – вот что важно для меня. Вы свою дочь тоже не бросили, хотя вполне могли бы от неё отказаться и найти способ устроиться в этой жизни. Так что это ещё одна причина, по которой вы сейчас сидите здесь.

Чем больше я узнавала о Марго, тем большим уважением к ней проникалась. Да, кто-то может осудить её за связь с покойным бароном Вангером, но мне её выбор был понятен. Я бы так не смогла.

– Я ценю вашу откровенность. В свою очередь, могу сказать, что моя дочь была не только рождена в законном браке, но и является дочерью своего отца, о чём имеются соответствующие документы, заверенные судьёй. Какие бы слухи ни распускал барон Майер насчёт моих измен – все они лживы.

Марго фыркнула, заправляя длинную прядь себе за ухо: – Тут и безо всяких подтверждений видно, что она ваша общая дочь. Достаточно один раз пообщаться с бароном Майером, чтобы заметить фамильные черты, несмотря на малый возраст Софи. Это Юста на мою покойную матушку похожа, а Хэрб – вылитая копия своего отца в юности. Из моего так, крохи взяли. Но оно и к лучшему, рыжих не везде любят, одно время вообще на кострах сжигали. Меня и то сколько раз ведьмой называли, хотя одарённых, рыжих и знахарок давным-давно прекратили преследовать, а последний костёр лет четыреста назад потух.

Мда... Мир другой, а общего с моим немало.

– Марго, скажите, лежащего перед вами хватит для того, чтобы вы рассказали, если знаете, конечно, что произошло с тем озером, которое сейчас принадлежит мне? Я хочу понять, насколько безопасно рядом с ним жить. Из всех, кого спрашивала, никто так и не смог пролить свет на это.

– Более чем, даже сдачу дам приличную. Не для себя ведь спрашиваете, о дочери беспокоитесь.

Я кивнула.

– В таком случае слушайте.

Глава 37. Старый глупец

Марго откинулась на спинку кресла и сложила руки на груди, отведя задумчиво глаза в сторону, словно не зная с чего начать. Я её не торопила, хотя и волновалась за Софи: всё-таки её открытость и спокойствие, с которым она рассказала о себе, мне импонировали. Никаких лишних эмоций – просто рассказ о прошедших временах. Значит, пережила те моменты, справилась и не цепляется за них, акцентируя внимание на ошибках или успехах. Просто какие-то этапы, оставшиеся позади. И это тоже немало сказало о личности Марго.

– Скажите, госпожа Вербер, а вы вообще хоть что-нибудь знаете о Зауберерском озере?

– Совсем ничего, кроме того, что вода в нём чем-то отравлена, а рыба вырождается, превращаясь в уродцев.

– Отравлена... – фыркнула Марго, качая головой и сразу как-то темнея лицом. – Вот тут вы не ошиблись, но вначале в двух словах попробую рассказать о его особенностях. Зауберерское озеро считалось некогда одним из самых чистых не только в этих краях, но и во всём Бронхедже, даже когда он именовался Зеенландом. Многие до сих пор ругаются, что из-за смены правящей династии поменялось не только название страны, но и суть. Но да ладно. Главной особенностью являлась вода, но вот ценностью, сделавшей его таким – рыба. Само озеро и так богато было различными видами, водившимися в достатке, а порой даже в избытке, но главное его сокровище – это сиприны. Вы, возможно, даже могли их видеть, хотя встречаются они всё реже и реже, к сожалению. Сиприна – это достаточно крупная рыба золотисто-бурого цвета и парой усиков, но не таких длинных, как у обычного сома.

Сиприны... Так вот кто устроил мне целое представление перед тем, как я отправилась к Марго. Вообще забавно, учитывая, что поллатыни *surpinus* – это как раз-таки карп.

Однако Марго сделал верный вывод, бросив мельком на меня взгляд: – Значит, видели... Мне же проще: понимаете, о какой именно рыбе идёт речь. Так вот, основная ценность сиприн заключается в их способности очищать воду, неважно, чем бы та ни была загрязнена. В

общем-то, это было достоянием семьи Вангер, которое, к сожалению, сгубил Эгон собственными руками.

– Это как? Если вы сказали, что сиприны способны очищать воду, то каким образом озеро пришло в такой плачевный вид?

Раздался тяжёлый вздох, после чего Марго налила себе из графина воды в стакан: – Согласна, хрустальный графин со стаканами смотрится в трактире нелепо, но бывая в доме Эгона или в его охотничьем домике, всегда хотела иметь у себя такие же. Небольшая слабость к роскоши, которую я могу себе позволить удовлетворить. Но я отвлеклась от темы нашего разговора. Пусть вы не в курсе особенностей озера, зато наверняка слышали, что с годами Эгон Вангер катился по наклонной всё сильнее и сильнее. Бесконечные кутежи, карты, необдуманные поступки, разорившие его в конце концов... А чем любят ещё заниматься подвыпившие мужчины? Верно! Хвастаться, показывая своё превосходство и уникальность. Вот однажды он решил всем доказать, каким поистине удивительным озером владеет. Его хмельные дружки поддержали идею проверить, насколько долго вода способна оставаться чистой и как быстро очистится, если в неё накидать всякой дряни. Двух чанов с помоями, вылитых в озеро, им показалось мало, тем более что не такой уж и серьёзный урон, если посмотреть с обывательской точки зрения: всё это прекрасно со временем уничтожается природой. А надо сказать, что помимо озера Вангеры владели шахтами по добыче различной руды.

Тут уже настала моя очередь схватиться за голову. Я никогда не забывала о первом своём образовании и прекрасно помнила, какой урон экологии может наносить разработка ценных ископаемых.

– Марго... Неужели они вылили в озеро отходы от производства и добычи...

– Именно. И не просто вылили, а сбросили семь огромных бочек, пробив в них предварительно дыры. Я плохо разбираюсь во всех тонкостях горного дела, но Эгон рассказал, что там не только сливы были, но и ядовитые руды, которые являются неизменными спутниками тех, которые нужны для литейщиков. Первое время ничего не происходило: вода оставалась чистой, рыба вела себя как ни в чём не бывало. Эгон даже выиграл тот спор, заполучив кругленькую сумму, которую, впрочем, также быстро прокутил.

– И он решил, что бочки доставать не нужно?

– А зачем? Всё же в порядке! – раздражённо сверкнула глазами Марго, кивая на стоящий позади неё шкаф. – Госпожа Вербер, может, вам чего покрепче плеснуть, а то вы и так бледненькая, сейчас же совсем на смерть похожи стали.

– Нет-нет, – я резко запротестовала. – Мне лучше воды. Нам с дочерью всё-таки ещё домой возвращаться.

– Как знаете, могу попросить Хэрба вас проводить, чтобы не сбились с дороги.

– Всё равно не стоит. К тому же слышала, что тут в округе нет-нет, да и промышляют разбойники. Я себе места не найду, переживая, что с вашим сыном может что-то случиться, ведь возвращаться ему придётся уже затемно.

– Напрасно беспокоитесь: люди Горста не тронут ни моего сына, ни вас. У них хоть и свои понятия о чести и достоинстве, равно как и отношение к букве закона, но женщин и детей не трогают. Собственно, в трактире царит порядок не только одними моими усилиями, – Марго многозначительно несколько раз приподняла, а затем опустила брови.

– Так понимаю, что после ныне покойного барона Вангера вы недолго оставались одна...

Я понимала, что ступаю на скользкую дорожку, но лучше вот так, полунамёками выяснить расстановку сил, чем гадать и случайно ошибиться.

– Сердцу не прикажешь, а сильные мужчины меня всегда привлекали. Тем более что профессия опасная, век недолог, а тихую пристань все хотят иметь. Вечно бегать от королевских стражей не получится, всё равно рано или поздно настигнут... Зато обеспечить себе репутацию и подготовить всё для спокойной старости время есть. Год-два, и осядут у своих женщин. Дети мои подросли, думаю, смогу ещё одного-двух спокойно родить. Возраст позволяет, силы – тоже. А зная, что это места Горста, другие любители лёгкой наживы сюда не сунутся, иначе встретятся со стражами гораздо быстрее, чем того пожелает судьба. Ещё и проживут меньше, чем отмеряно на роду.

Сурово, однако, зато с этой точки зрения могу быть спокойна за нашу с Софи безопасность. Зато понятно, через кого реализуют и мой золотой лом, и камни. Ещё один плюс в пользу Марго: Ойген точно

никогда не узнает о моих махинациях с платьями, даже если заподозрит неладное.

– Я вас услышала, Марго, но не слышала.

– Это прекрасно, что мы друг друга поняли, госпожа Вербер. Поэтому, если что-нибудь понадобится, обращайтесь. Свой процент я назвала.

– Буду иметь в виду. Но всё-таки хочу понять, почему Эгон Вангер ничего не сделал даже после того, как стало ясно, что озеро пострадало.

– Потому что самонадеянный пьяный дурак! Мозгов совершить гадость хватило, а вовремя обратиться ко мне за советом – нет. После того, как наши «постельные отношения» прекратились, Эгон всё равно ко мне периодически заезжал, ибо сообразил в своё время, что голова у меня варит как следует. К тому же нам троим это было выгодно: все считали я по-прежнему с Эгоном, а потому ко мне не решались подкатывать, в любовницы Горста не записывали, думая, что просто плачу ему за обеспечение безопасности, а искать моего кавалера в трактире не спешили, потому как повода не видел никто. С облавой, конечно, несколько раз наведывались, но тщетно. У Горста нюх на ищеек и стражей.

Когда рыба в озере начала иссякать, а на шахтах произошли обвалы, Эгон не придумал ничего лучше, как приказать вылавливать сиприн. Знала бы – съездила к нему и промыла оставшиеся заспиртованные мозги! Но у нас с ним был уговор не вмешиваться в дела друг друга без серьёзной на то причины.

Я опустошила уже второй кряду стакан, и пока Марго его наполняла, потёрла занывшие виски: – Зачем он это сделал, если сиприны очищают воду? Это же не просто выстрел себе в ногу, а прямо в голову!

Глава 38. Крах Вангеров

Марго громко расхохоталась, а потом с досадой махнула рукой: – Вот-вот. Я ему то же самое сказала, когда Эгон приехал ко мне, чтобы исповедоваться перед тем, как преставиться. Совесть его, видите ли, замучила. Лучше бы она его придушила года на три пораньше, когда умудрился сбросить бочки с отравой во время очередной своей попойки.

– Три года назад? Всё началось ещё три года назад, а не два?

Утвердительный кивок. – Ходили слухи, что Эгон что-то натворил, но масштаб бедствия не был ясен почти до самого конца. Свидетелей попросту не осталось: участники того безумного пари в кои-то веки умудрились удержать свои языки за зубами до последнего, видимо, надеялись сорвать куш и хорошенько посмеяться над главным спорщиком, а вскоре после уплаты проигрыша угорели в охотничьем домике Готфридов. Туда им и дорога, честно говоря. Слуги, присутствовавшие в ту безумную ночь на озере, погибли во время пожара, вспыхнувшего в поместье Вангеров, работники шахт сгинули во время одного из обвалов. Вообще, тот год выдался крайне неудачным для Эгона... Однако вместо того, чтобы включить голову, он влез в долги, сделав упор на восстановлении поместья, а не на приведении дел в порядок. Новые жилы не находились, рабочие, которым урезали жалованье, отказывались работать... Острая потребность в деньгах сподвигла Эгона на очередную глупость. Фатальную глупость.

У сиприн есть ещё одно свойство, которое затмевает их способность очищать воду: они целебные. Их мясо способно продлевать жизнь, излечивая различные болезни. Об абсолютном исцелении речи не идёт, да и утраченная, к примеру, конечность не вырастет, но улучшить состояние способно. Причём значительно. Шутка ли, если рыба поставлялась к королевскому столу?! Вангеры всегда придерживались определённых объёмов вылова, а вот Эгон стал продавать сиприн всем желающим, чем вызвал на себя гнев Его Величества. Если бы не старый указ о неприкосновенности рода и всего принадлежащего им, давным-давно всё перешло короне одним

росчерком пера. К счастью, или на беду, но отменить или изменить закон, на основании которого была дана эта привилегия Вангерам, невозможно даже при смене правящей династии, иначе все аристократы поднимутся на бунт, почуяв опасность для себя и своего положения.

Я немного подалась вперёд, чтобы немного сократить разделяющее нас расстояние: – Марго, простите за нескромный вопрос, но откуда вам известны такие подробности? Для женщины, родившейся и выросшей в сельской местности, вы достаточно неплохо осведомлены.

– Ничего такого в вашем вопросе нет. Всё достаточно просто: я просто использовала любую малейшую возможность, чтобы после расставания с Эгоном устроить свою жизнь получше. Задавала вопросы, интересовалась делами поместья, внимательно слушала. Эгону моя увлечённость нравилась, он научил меня читать и считать, с удовольствием отвечал на мои вопросы. Наверное, именно поэтому мне удалось продержаться в любовницах гораздо дольше, чем остальным. Он был как раз из числа тех мужчин, которым нравится в женщинах не только тело, но и возможность поговорить. Жаль только, что с годами растерял не только внешнюю привлекательность, но и пропил все свои мозги.

Прекрасно понимаю Марго, сама с детства видела, к чему приводит злоупотребление крепкими алкогольными напитками, когда любитель возлияний постепенно теряет человеческое обличье.

– Когда до Эгона всё-таки дошло, что натворил, он заплатил ныряльщикам, чтобы те достали бочки, но... Извлечь удалось лишь две, а остальные те недотёпы умудрились повредить баграми и зацепами ещё больше. Пока соображали, как безопасно их достать, прошло немало времени, что отнюдь не сыграло на пользу ни озеру, ни Эгону. Наступила зима, вопрос отложили до лета. Помимо всего прочего, Зауберерское озеро славится своими сильными придонными течениями, которые отнесли бочки, несмотря на большой вес, ещё дальше от тех мест, где те были сброшены. Таким образом, ещё больше времени было потеряно, чтобы обнаружить их местоположение. И то не всех.

У меня, наверное, на лице было написано, что покойный барон Вангер был круглым идиотом, усугубивший ситуацию с озером своими

же руками, потому как Марго снова кивнула.

– То есть, бочки даже не скопом свалили в одной точке?

– Да. Почему-то, как подгадить самому себе мозги у Эгона сработали великолепно, а вот как поправить дела – отказали напрочь. Короче, при очередной попытке достать бочки ныряльщики сильно пострадали: кто отравился, хлебнув воды, кто язвами покрылся. Естественно, после такого никто даже за большие деньги не согласился входить в воды озера. Да и не осталось к тому времени у Эгона достаточно денег, чтобы оплачивать лечение нанятых людей и прочие расходы. Ещё и в опалу к королю попал, ведь Его Величество лишилось ценной пищи для себя.

– Похоже, всё настолько скрывалось, что барон Майер даже не предполагал, садясь за игровой стол с ныне покойным бароном Вангером, насколько убыточная ставка оказалась на кону...

– Думаю, да. Мне кажется, Эгон надеялся, что ваш бывший супруг вложится в очистку озера и, таким образом, другие близлежащие водоёмы не пострадают, но просчитался. Хотя до сих пор не пойму, как он согласился поставить на кон последнюю возможность сохранить своё состояние... Ещё и плакался, что подвёл племянника, но в чём именно – умолчал. Теперь из-за дряни, покоящейся на дне озера, погибает рыба и в моём. Мы, конечно, пытаемся ставить заслоны, врывая специальные щиты в берега, но надолго ли их хватит – большой вопрос. К тому же стоят они немало. Трактир, мне, несомненно, дорог, но очень даже вероятно, что настанет день, когда придётся бросить это доходное место и переехать куда-нибудь подальше. Жалко, но тогда появится надежда, что король пригонит своих магов для того, чтобы они очистили озеро. Боюсь только, что к тому времени уже прабабкой стану. Пока проблема не выйдет за пределы земель Вангеров, Майеров и наших с вами может пройти лет тридцать. Ну, иссякает рыба, ну бывает. Шевелитесь сами, владельцы земель. Ещё и оштрафовать может за бездействие. Нет денег? Ваши проблемы. Знаем, проходили. Горст уже пытался в этом направлении разузнать, что да как.

– Тупик...

– Угу...

Несомненно, такой откровенный разговор стоил того, чтобы за него заплатить. Тем более что от лома всё равно стоило избавиться,

ведь он ценится гораздо меньше номинала или чистого слитка и весит, хорошо бы треть, если не четверть золотой монеты. Сами ободки, в которые крепились камни, ведь есть не что иное, как расплюснутая тонкая проволока с небольшими отверстиями или петельками, чтобы можно было пришить к одежде. Да и самоцветы для декорирования выбирались не столь «чистые», в отличие от украшений вроде перстней, серёг, коле. Кто там будет рассматривать огранку или выискивать дефекты в камнях, расположенных на ткани, особенно юбке или лифе? Блестят? Визуально ровные, не сколотые? Отлично! Это только жемчуг всегда просверливался мастерами, чтобы удобнее было как собирать из них нитки бус, так и расшивать им одежду. Так что дружить с другими учителями-предметниками было очень полезно, как и сопровождать классы на различные экскурсии. Если бы не тот мой срыв, когда послали на замену в младшие классы, проработала бы в школе намного дольше.

— Так что мой вам совет, госпожа Вербер, найдите возможность уехать отсюда вместе с дочерью. Пока сиприны ещё держат контур озера, не позволяя ядовитым испарениям выходить за его пределы. Видимо, сохранили ещё какую-то часть своей магии, но кто знает, насколько их хватит.

— Вильгельм Вангер сказал мне то же самое...

— О, а вы уже с ним познакомились? — Марго достала из шкафа миниатюрные весы и футляр, в котором оказались двенадцать гирек, расположенных в два ряда возле пинцета.

— Было дело, — обтекаемо ответила я, наблюдая, как хозяйка трактира проверила, что с губок пинцета не отвалились бархатные накладки. — А серебряный лом купите?

Марго, наконец, уравнировала содержимое мешочка и на счётах перебрала несколько костяшек на деревянных счётах: — Естественно. Аметист неплох, даю за него шестьдесят пять серебряных и восемьдесят четыре медных. Это уже с учётом вычета моей доли. И чего же от вас хотел молодой Вербер? Вернуть утраченные земли?

— Информация за информацию.

Усмехнувшись, Марго убрала лом и камень в большую деревянную шкатулку, стоящую на столе, и достала из неё мешочки с монетами: — Торг равноценный, учитывая, что пообщаться с

племянником Эгона как-то ни разу не доводилось, да и вряд ли он сюда явится.

— Почему?

Глава 39. Проклятые женщины

Вангеров

– Леонард – младший брат Эгона, крайне негативно относился к образу жизни наследника рода Вангеров, считая, что в первую очередь необходимо позаботиться о сохранении благосостояния семьи, продолжении рода, а не собственных удовольствиях. Соответственно, наличие любовниц и отсутствие жены считал недопустимым. Нет, в чём-то Леонард был прав, но слишком уж правильным он был, прямо до скрипа в зубах, а это уже нехорошо. Такие люди... Они как будто мёртвые, ненастоящие, словно куклы механические. Я такие игрушки на ярмарке видела. А вообще, Леонард считал, что все беды Эгона от женщин: сперва влюбился не в ту, потом совсем вразнос пошёл вместо того, чтобы выбросить из головы своё неудачное сватовство и просто жениться на подходящей в супруге девушке из аристократической семьи. А женщин из семьи Альвенхофов предлагал сторониться. Впрочем, и Вербер – тоже, считая их проклятием рода Вангер.

– Почему?

Марго с нескрываемым интересом посмотрела на меня, словно пытаюсь понять, шучу или вполне серьёзна. – Эгон в своё время влюбился в вашу матушку, Аделину Альвенхоф, но ваш дед был против, посчитав её слишком юной для брака и предложив остановить выбор на её старшей сестре – Сельме. Главы обоих родов договорились об этом браке, несмотря на возражения наследника Вангеров, которому на тот момент уже перевалило за тридцать. Но договорённость была достигнута между отцами, и их дети ничего не решали. К сожалению, незадолго до церемонии бракосочетания Сельма скончалась от горячки, а так как помолвка состоялась, Эгон был вынужден носить траур. По его завершении Вангер снова посватался к Аделине, но узнал, что она уже обручилась с вашим отцом. К тому времени Генрих Вангер тоже умер, повлиять на своего старшего сына, соответственно, не мог, но и расторгнуть помолвку с Вербером не представлялось возможным. Это был страшный удар для Эгона, после которого он так и не оправился, хотя с соседом не прервал общение, чтобы время от времени получать шанс увидеть

вашу матушку. Ходили даже слухи, что вы не дочь Райнхарда, хотя это суший бред, ибо после того, как стало понятно: браку между младшей Альвенхоф и единственным наследником Верберов быть, Эгон уехал на полтора года в Бернгрен. Пытался забыть Аделину, а в итоге пустился во все тяжкие. Ещё и загорелся идеей породниться с Верберами. У Леонарда к тому времени уже был сын, поэтому Эгон не придумал ничего лучшего, как на правах главы рода заключить помолвочное соглашение в отношении вас, госпожа Вербер.

Надо ли говорить, что младший из братьев Вангер был в ярости, когда узнал? Он сильно разругался с Эгоном и, забрав семью, переехал в Бернгрен, надеясь, что, прожив там около десятка лет, сможет на основании местных законов расторгнуть соглашение. Не знаю, удалось ли ему это, потому что Эгон связь с братом не поддерживал, пытался наладить, но тщетно. Леонард до последнего считал женщин Верберов проклятьем для семьи Вангер, так как в своё время похожая история с неудавшейся помолвкой произошла с их дедом. Только тот погоревал, да всё-таки женился на другой. Эгон не смог. Учитывая характер Леонарда, не удивлюсь, что сына воспитывал в тех же рамках, которые считал для себя допустимыми. Сами понимаете, что ко мне отношение тоже было негативным. Поэтому сомневаюсь в лояльности Вильгельма Вангера к моей персоне, тем более что Леонарда очень бесило моё влияние на его брата. Как же, взрослый мужчина ездит советоваться к какой-то там деревенщине, потаскухе.

История отношений родителей Кристины с Вангерами меня немало ошарашила, так как в памяти бывшей хозяйки тела не сохранилось никаких упоминаний. Впрочем, чего можно было ожидать от шестилетней девочки? – Из того, что вы рассказали о Леонарде Вангере, могу только сделать вывод, что его сын точно не стал его копией. Скорее, в некоторых моментах больше похож на Эгона. Не берусь утверждать со стопроцентной уверенностью, но привязанность к своей умершей жене он сохранил до сих пор. Видимо, такой же однолюб, как его дядя, если можно так выразиться.

Марго удивлённо приподняла брови: – Вильгельм овдовел?

– Да, пару лет назад с его слов. Я видела в его глазах боль, когда он упоминал о безвременно почившей жене. Насчёт присутствия в его жизни дам сердца, ничего не могу сказать – слишком мало мы с ним общались. Вильгельм Вангер несколько раз приезжал в охотничий

домик, желая получить доступ к озеру. Сетовал, что был не в курсе реального положения дел дяди, и, узнав о его кончине, первое время вёл всё через поверенного. Готов был даже выкупить мои земли, если бы имел достаточно денег, но на тот момент даже не слышал о том, что вода в озере отравлена.

– У Вильгельма Вангера не оказалось денег, чтобы выкупить ваши земли, госпожа Вербер? Я не ослышалась? Вы запросили настолько неподъёмную сумму?

– Нет, ровно столько, сколько с меня вычел барон Майер при разводе из предполагаемого содержания. Со слов Вильгельма Вангера всё, что он имел на момент вступления в наследство, ушло на погашение долгов дяди и покрытие судебных издержек, связанных с банкротством. Поэтому даже трёх тысяч не оказалось, иначе нас с Софи тут уже давно не было.

Глаза Марго округлились, став больше серебряной монеты в диаметре: – У единственного наследника Леонарда Вангера не оказалось трёх тысяч?! Да младший брат Эгона был очень богат! Его состояния вполне хватило бы даже на то, чтобы выкупить не только наши с вами земли, но ещё Вангеров, Верберов и Майеров вместе взятые! Куда можно было спустить такие деньжищи?! Эгону на это понадобился не один десяток лет, а это учитывая его любовь к гулянкам, дорогим подаркам и швырянию денег на ветер!

Я в ответ могла пожать только плечами: – Честно говоря, не знаю. Вильгельм Вангер не оставил у меня впечатления разнузданного прожигателя жизни. Даже оставшись без денег, такие ведут себя по-другому. У меня, конечно, жизненный опыт не настолько велик, как у вас, Марго, но по сравнению с моим бывшим мужем контраст слишком велик.

– Дела-а-а... – протянула Марго, откидываясь на спинку кресла. – Видимо, Вильгельм всё-таки больше в свою мать пошёл, взяв от своих родственников по линии отца лишь какие-то крохи.

– Ничего не могу сказать по этому поводу. Знаю только, что он привёз с собой всего несколько слуг и вернулся в эти края примерно в то же время, как приехала я.

– Вы упомянули, что Вильгельма интересовало озеро...

– Да. Но после вашего рассказа о сипринах и брошенной вскользь Вильгельмом Вангером фразы, что озеро имело ценность для одного

очень дорогого ему человека, думаю, именно рыба была для него важна. О ком шла речь, он не сказал, равно как и не упомянул о целебных свойствах обитателей вод Зауберерского озера.

Марго нахмурилась и потёрла образовавшуюся между бровей складку: – Если кто-то серьёзно болен из его окружения, то могу предположить, что своё состояние он мог потратить на врачей и целителей Бернгрена. Об их мастерстве ходят легенды, но и берут они очень дорого за свои услуги. Родители Вильгельма Вангера скончались сравнительно недавно, но уже после того, как Эгон загубил озеро. Деньги тогда ещё водились, ведь Леонард отказал в помощи старшему брату, когда тот попросил займы. Даже не отреагировал на то, что все земли Вангеров могут уйти с молотка. Эгон рассказал мне как раз во время своего последнего визита в трактир. За два, хорошо, полтора года спустить столько денег, что хватило лишь на покрытие большей части долгов дяди... Что же у них там такое произошло и кому именно нужна помощь? О детях Вильгельма Вангера мне ничего не известно, так как Эгон тоже был не в курсе, хотя о появлении наследников никогда не молчат. Любимая женщина? Вы сами сказали, что ещё свежа скорбь о безвременно ушедшей жене. Обычно мужчины, если понимают такое видно, не сразу готовы утешиться в объятиях другой, даже несмотря на молодость. Тем более, настолько, чтобы потратить на любовницу столько денег. Родственники со стороны жены?

– Тоже не знаю. Вильгельм Вангер не стал развивать эту тему.

– Всё это крайне интересно... – Марго забарабанила пальцами по столу. – Если Вильгельм Вангер сможет удержать земли предков в своих руках – это будет хорошо, если нет, то нужно понимать, к кому они перейдут. Очень не хотелось бы, чтобы новым владельцем стал барон Майер. Такое соседство мне точно навредит. Учитывая, как он выжимает деньги с земель Верберов, несладко придётся не только всей округе. Плюс шахты... Вангеры всегда тратили немало средств для уничтожения всех побочных отходов. Если барон Майер не стал вкладываться в очистку озера, то вполне может сэкономить, сливая в него всю дрянь... Думаю, ваш бывший муж найдёт способ выжить нас с вами с наших земель, даже не сомневаюсь в этом...

– Я всё-таки надеюсь, что нам рано себя хоронить, ведь пока неизвестно, как будет вести свои дела Вильгельм Вангер. Мне он показался порядочным человеком, хотя первое впечатление от

знакомства с ним было не очень. Однако искренне просил прощения за свою оплошность и даже предложил помощь нам с дочерью в отношении воды и провианта, – я не стала вдаваться в подробности, решив, что не стоит пока губить репутацию Вангера: каждый ведь может ошибаться и порой вести себя, как кретин.

– Посмотрим... Спасибо за откровенность, госпожа Вербер. Мне теперь есть над чем подумать. Думаю, нужно отправить Хэрба к Ули – это моя младшая сестра, она как раз вышла замуж за ученика отца, ставшего кузнецом. Как раз переночует у неё, а завтра вернётся. Лучше бы Юсту послать, но одну я её не пущу... Ладно, сейчас подумаю и решу этот вопрос.

Глава 40. Безумные мысли

В общем, беседа с Марго дала немало пищи для размышления, особенно в том направлении, о котором я как-то не подумала. Если у Вангера дела пойдут неважно, то он действительно может попытаться избавиться от убыточного наследства, и велика вероятность приобретения земель Ойгеном. С другой стороны, всегда остаётся надежда, что король не захочет усиления одного конкретного барона, в руках которого сконцентрируются столь обширные территории. Ещё и сама история о романтических чувствах Эгона Вангера к матери Кристины достаточно мутная. Если соглашение не было расторгнуто, то почему ему не отдали девочку под опеку до достижения совершеннолетия? Плохая репутация? Допустим, но в таких случаях вполне могли вызвать Леонарда Вангера, отстранив его старшего брата от управления, если король был настолько заинтересован, чтобы земли Верберов остались в руках кого-то из ближайших соседей, что обязал Ойгена жениться на Кристине сразу же после достижения ею совершеннолетия. Марго сказала, что Вильгельм Вангер связал себя узами брака чуть позже, чем была сыграна свадьба Вербер-Майер. Совпадение? Может, да, а может, и нет.

Если соглашение не было расторгнуто, то возникает весьма интересная ситуация: оба брака признаются незаконными, но дети от них остаются у заинтересованного в них родителя, «уходя» на его фамилию или сохраняя её, когда речь шла о переходе опеки к отцу. Чем мне это грозило? Почти ничем, кроме того, что вероятно придётся ещё откупаться от Ойгена, а Вангеру уже от меня. Но с учётом того, что денег у последнего почти нет, скорее всего придётся ему заключать со мной брак, чтобы не нарушить закон. Так себе перспектива, но искренне надеюсь, что меня она не коснётся.

За время нашей беседы с Марго Софи утомилась, и Юста отнесла её в свою комнату поспать, поэтому пришлось на некоторое время отложить возвращение домой и коротать пару часов, попивая травяной чай и наблюдая за сладко сопящей дочерью. С хозяйкой трактира мы договорились, что снова приду через три дня, чтобы сбыть остаток камней и драгоценного лома. Деньги мне и так ещё понадобятся, а вот

дёргаться, удастся ли продать вовремя не хочется. Осенью начнутся ярмарки и с рудников потянутся «сезонники», нанимаемые для добычи самоцветов и драгоценных металлов, а также старатели, что вызовет обычный обвал цен на них. К весне, естественно, цены вернутся на прежний уровень, но ненамного. Так что тут был и мой интерес, и Марго. К середине лета мелкие ювелиры, которые не могли запастись сырьём заранее, уже испытывают потребность в нём, ведь многие хотят к ярмарочному сезону прихорошиться. Те же девушки на выданье, к примеру. Забавная, конечно, практика, но что имеем, с тем и приходится работать.

Не сомневаюсь, Марго тоже окажется в выигрыше, но, в конце концов, что мне потом помешает приобрести пару самородков или друз, если деньги останутся. А я очень хотела обеспечить наше с Софи будущее. После рассказа о сипринах и их странного поведения мне пришла в голову мысль рискнуть и достать эти треклятые бочки. В конце концов, регенерация у меня благодаря дару превосходная, если в несколько заходов вычислить их расположение, потом по одной дотащить до берега... Сети и багор с верёвками имеются, плавать и нырять умею хорошо. Вот только стоит подстраховаться на тот случай, если вдруг станет плохо. Просить помощи у Вангера после того, как он умолчал об истинном интересе в сипринах, не хотелось, да и рискованно, всё-таки условно бывший хозяин. Чёрт возьми, тут куда и плюнь – всё равно опасно, но и сидеть сложа руки – тоже. Если со мной что-то случится, Софи попадёт под опеку магистрата до своего совершеннолетия. Приют – это не самое лучшее место на земле, но хоть что-то.

Я протёрла руками лицо, борясь с отчаянием. Да, можно ничего не делать, а потом воспользоваться предложением Вангера переехать в один из домов на его землях, вот только деньги от этого не родятся, а воды озера рано или поздно отравят всю округу. Вычислить бы как-нибудь, сколько сиприн нужно, чтобы снизить уровень загрязнения... Увы, Марго не была в курсе, какое количество рыбы ранее выставляли Вангеры на продажу, включая ту, что прямиком отправлялась к королю. Наплевать на рвущихся в озеро сиприн, выловить из него столько, сколько получится, вылечить и выпустить в пруд, а потом всем скопом переместить обратно в привычную среду обитания? Тогда рыба не сможет удержать «контур защиты» и мы с Софи точно

отравимся. Сделать рокировку? Скорее всего, так и придётся поступить. Опять же, если мой дар не справится с поражениями кожи, слизистых и органов дыхания, сиприны могут облегчить ситуацию. Когда Софи проснулась, у меня уже был набросан в голове примерный план.

– Собираетесь уходить, госпожа Вербер? – поинтересовалась заглянувшая Юста.

– Да, передай своей матушке, что хотела бы у неё кое-что купить или заказать, а потом забрать, если это возможно.

Девушка понимающе кивнула и, подсказав, где находится уборная, убежала. Когда мы с Софи снова оказались в зале, Марго кивнула на тот столик, который мы занимали ранее, приглашая к разговору.

– Юста сказала, что вы хотите у меня что-то купить.

– Да, Марго. Меня интересуют длинные и прочные верёвки, несколько простых механических блоков, – я на пальцах показала, что имею в виду и каких размеров. – Плотное длинное полотно, желательно непромокаемое или с трудом пропускающее воду, а также две больших мелкоячеистых сети. Обычно такими перегораживают реки браконьеры, чтобы быстрее собрать максимальный улов.

Хозяйка трактира задумавшись, свела брови вместе, видимо, прикидывая, зачем мне всё это может понадобиться. Судя по тому, как помрачнело её лицо, догадалась, пусть и не полностью.

– Госпожа Вербер, что вы задумали?

– Хочу попробовать убрать то, что нам обеим сильно мешает.

Перегнувшись через весь стол, Марго тихо зашипела: – Кристин, это чистое безумие! Подумайте о дочери, каково ей будет, если с вами что-то случится!

– Уже подумала. Я всё-таки хочу попытаться, иначе рано или поздно пострадают все. Помимо всего прочего, хочу попросить, чтобы Хэрб каждый три дня приносил нам молоко. Даже если никто не ответит. Я скажу, где взять ключ.

Витиевато выругавшись, чем привела Софи в полнейший восторг из-за насыщенной интонации, Марго быстро зажала себе рот и ещё несколько минут красноречиво сверкала глазами.

– Не горячитесь, госпожа Вербер! Я уже жалею обо всём, что рассказала вам про ту злополучную ночь.

– Я всё равно бы догадалась, в чём дело, но потратила бы на это гораздо больше времени, блуждая впотьмах в поисках причины такого состояния озера.

– Хорошо. Я достану то, что вам нужно. Подходящие верёвки у нас есть, остальное будет через три дня. У меня на постой как раз один подходящий человек остановился. Но всё равно прошу вас: будьте благодарны хотя бы ради дочери!

– Я постараюсь не рисковать ради риска или чтобы кому-то что-то доказать.

– Вот и чудно. Я сейчас соберу Хэрба и отправлю вместе с вами. Он как раз поможет отнести верёвки, а потом отправится к моей сестре. Надеюсь, проход через ваши земли будет для него открыт?

– Несомненно. Чинить препятствия у меня и в мыслях не было, иначе ему слишком далеко придётся обходить.

– В таком случае будьте через полчаса готовы, – Марго резко выскочила из-за стола и понеслась в сторону стойки.

Я попросила Юсту принести для Софи чего-нибудь перекусить, а в итоге поела вместе с дочерью, так как смышлёная дочь Марго принесла намного больше, чем понадобилось трёхлетнему ребёнку. Мне, как городской жительнице, было удивительно, каким образом местные ориентируются во времени, не имея часов, но Хэрб появился в зале как раз примерно к истечению названного Марго периода. Прощаясь с хозяйкой трактира, я наткнулась на её осуждающий взгляд, но покачала головой, показывая, что отступать не собираюсь.

Несмотря на тяжёлую ношу, Хэрб шагал так, словно был налегке, стараясь подстраиваться под мою скорость.

– А ты можешь показать мне, где вы установили щиты?

Глава 41. Расчёты и планы

- Конечно. Так их не видно из-за камней, но если подойти поближе, сами заметите.

Вдоль берега на самом деле поблескивали металлические полосы рёбер вкопанных глубоко в землю щитов.

– Матушка сказала, что каждый из них около десяти золотых ей обошёлся.

Так, придётся отместить идею насчёт изоляции хотя бы части моего озера. Таких денег у меня нет и даже на момент развода не было, а покупать один бессмысленно. Я хотела у Марго спросить насчёт щитов, но запамятовала, а теперь уже нет никакого резона. Хэрб подал мне руку, помогая взобраться на крутой обрыв, за которым сразу начинался лес.

– Шагов через двадцать можете уже опустить Софи на тропу, никто не увидит. Мне Юста сказала, что она может ходить, пусть и не очень хорошо, а у вас спина немного отдохнёт.

Услышав это откровение, я споткнулась и едва не упала на колени, если бы Хэрб меня не подхватил под локоть.

– Вы не беспокойтесь, кроме нас троих никто об этом не узнает: матушка всегда учила нас с сестрой держать языки за зубами.

– Какая хорошая у вас матушка... – пробормотала я в ответ, поблагодарив юношу за помощь.

Хэрб широко улыбнулся:

– Самая лучшая!

Хотела бы я когда-нибудь такое услышать о себе от Софи... Сейчас же моё сердце согревало то, как она ко мне прижалась и погладила меня по голове, как бы показывая, что её самая лучшая. Пока мы шли по лесу, я расспрашивала Хэрба о том, собирают ли ещё ягоды с грибами или уже не рискуют из-за подземных вод, связывающих два озера, какие припасы у кого лучше брать и так далее. Во время привалов юноша следил за Софи, старающейся крепко удержаться на ногах, несмотря на многочисленные корни деревьев, вылезающих из-под земли и пересекающих тропинку. Даже немного жаль, что трактир Марго находится так далеко от нашего дома: я бы с удовольствием

время от времени приплачивала Юсте за присмотр за дочерью, чтобы спокойно заняться своими делами. Тут порой даже один час позволил мне сделать больше, чем за весь день.

До охотничьего домика мы добрались достаточно быстрее, чем утром, только я провела Хэрба другой тропой, которая располагалась подальше от пруда. Пусть хотя бы пока Марго будет в курсе в общих чертах, подробностями поделюсь, если понадобится, позднее. Распрощавшись с юношей, мы с Софи ушли в дом. Дочь, держась за длинные лавки, тренировалась ходить, а я поглядывала в окно, запоминая, какой дорогой Хэрб направился к своей тётке. Помимо всего прочего, Марго обещала достать для меня карту Бронхеджа и конкретно его восточной части, на которой более подробно были бы обозначены земли трёх родов. Естественно, все тропинки там будут отсутствовать, но основные дороги, расположение селений и поместий точно указаны. На первое время этого будет достаточно, а там со временем потихоньку сама разберусь.

Слишком заморачиваться с приготовлением еды не хотелось, поэтому я нажарила блинов и, показав Софи, как сворачивать их в трубочки и на четыре части, чтобы удобно было макать в яблочное варенье, засела за расчёты. У Марго осталось сегодня немало моих денег, вырученных с продажи лома и аметиста, зато мне удалось не только внести предоплату за заказ, но и обзавестись нормальными письменными принадлежностями и бумагой. Делать заметки металлическим пером было непривычно, но тут же главным было самой разобрать все схемы и планы. Жаль, что инженер и меня так себе, но я надеялась, что вбитые в одну из опор крыльца блоки смогут выдержать нужную мне нагрузку. Если закрепить второй из них на лодке, протянуть верёвку, то получится нечто похожее на систему, использующуюся на канатных дорогах. Таким образом я хотела подстраховаться, чтобы точно причаливать к дому, если вдруг плохо станет. Удобно же: тянешь за верёвку, и лодка сама, без вёсел двигается вперёд. Вот только «умная мысль приходит опосля»: прокрутив в голове, а затем нарисовав схему, сообразила, что хорошо бы какой-нибудь стопор или тормоз приладить, а так же крюк или упор для сохранения верёвки сухой. Ладно, как-нибудь разберусь.

Веселее всего было пересчитывать сиприн в пруду, так как рыба к тому времени уже утомилась и вольготно рассекала в толще воды.

То опускаясь ко дну, то поднимаясь к поверхности. В итоге вбила около берега кол, привязала к нему один край сети с грузиками и за второй конец потащила через пруд. Взрослых особей оказалось больше, чем я думала раньше, ещё и всякая мелочь вроде карасей набилась. Очень велико было желание прямо сейчас выпустить больших сиприн в озеро, оставив в пруду лишь молодняк, но смогла убедить себя, что лучше провернуть это днём, чтобы иметь возможность вести наблюдение гораздо больше времени, чем на закате.

Опять же, вначале стоит некоторое количество выловить и вылечить, а потом производить замену. Опять же: либо с отсрочкой, либо сразу. Но второй вариант меня устраивал меньше, так как сиприны были и остаются моей подстраховкой в плане восстановления здоровья. Не знаю, почему Марго не упомянула, но не только мясо этих рыб обладает целебными свойствами, но и сами они тоже могут лечить. Софи как-то поранилась, схватив острый камень в воде, но прежде чем я успела выдернуть её ручку, одна из сиприн резко подплыла к дочери и как бы чмокнула в порез. От раны не осталось и следа. Хотя я собственными глазами видела красную полосу, да и возмущённый рёв ребёнка подтвердил факт этого инцидента.

Если вылавливать сиприн-мутантов, то сколько можно? Или быстро выловить такое же количество, как и здоровых, возможно, чуть больше, и запустить из пруда? По утрам здесь всегда туманно, но только над озером висит серовато-сизая дымка, а не молочная. Посчитать её за сдерживаемые рыбой испарения и ориентироваться на тот момент, когда они выйдут за пределы водной кромки? В конечном счёте, я сделала Софи массаж, немного позанималась с ней, а как только дочь уснула, взяла сети и отправилась на озеро. Одну из них я растянула неподалёку от берега, а вторую просто закидывала в воду, вытаскивая всё рыбу подряд, что попадалась. Тратить силы на тех же карасиков не собиралась, решив поставить эксперимент, смогут ли сиприны вылечить их без моего участия. Само собой, после того, как над ними поработаю.

С непривычки спину вскоре заломило так, что не вздохнуть, ни охнуть без стоны было невозможно, поэтому, плюнув на желание ещё пару раз забросить сеть, погребла к берегу. Учитывая, что завтра должны привезти обещанное Вангером, без зазрения совести разлила

по всем свободным ёмкостям достаточное количество воды, а часть оставшейся отчерпала в лохань, в которой обычно купаю Софи. Таки образом, вся выловленная рыба после лечения сбрасывалась туда, так как одну бочку оставила пустой, а во вторую хотела поместить следующую партию, когда сниму сеть. Пока убирала все уродства, проголодалась настолько сильно, словно неделю на голодном пайке провела. Основательно подкрепившись, я снова отправилась на озеро, не забыв записать, сколько всего выловила вручную.

С учётом того, что возле сети предварительно накидала «прикорм», улов вышел намного значительнее, чем до этого. Сколько времени провозилась с этими сипринами, равно как дошла до кровати и рухнула в неё, уже не помню. Просто на рассвете подскочила, как от внутреннего пинка и прямо босиком помчалась к окну, чтобы посмотреть на туман. Увы, удача оказалась не на моей стороне...

Глава 42. Минусы и плюсы

Всю местность заволокло туманом настолько, что не было видно ни зги. Обернувшись, я посмотрела на сопящую Софи, подхватила со стула шаль и тихонько выскользнула из спальни. Почти добралась до входной двери, но потом повернула в кухню, чтобы взять факел, ибо в этой молочной хмари, разлившейся по равнине разглядеть что-либо даже со свечкой в руке попросту невозможно, а так хоть как-то можно будет понять, с какой стороны пришла и куда нужно вернуться. До берега я добралась почти без приключений: подвёрнутая на мокрой траве нога не в счёт. Испарения над озером в той части, где находится причал, прямо чётко ограничивались линией берега, но стоило пройти дальше, как увидела, что сизоватая дымка уже вышла за пределы. Вначале примерно на пядь, а спустя несколько метров уже на расстояние шага. Дело плохо, значит, сипнрины пока выстроили защиту возле охотничьего домика, сконцентрировавшись там и бросив остальную часть озера. Почуяли во мне хозяйку или ту, что о них заботится? Жаль, дара понимать живые существа у меня нерт, это значительно облегчило бы задачу.

Чем больше я отдалялась от дома, тем явнее ощущались неприятные покалывания и зуд на коже. Поднеся левую руку практически вплотную к глазам, увидела бледные розовые пятна, расползающиеся от кончиков пальцев по направлению к запястью. Продолжать свои наблюдения я не стала, поспешив обратно к дому. Постепенно неприятные ощущения исчезли, а когда взобралась на влажное крыльцо, ни одного поражённого участка на руках не осталось и даже щёки перестали гореть. Ради интереса обогнула дом и спустилась к пруду. А вот над ним туман был однородным, без малейших признаков присутствия отравленных испарений. Лишь едва слышные всплески неподалёку от берега подтверждали, что водоём обитаем, в отличие от мёртвой тишины, висящей над озером.

Оказавшись на кухне, я на всякий случай тщательно умылась и почти до локтей ополоснула руки, хорошенько намылив предварительно. Прокравшись в спальню, переоделась в чистую одежду и, подоткнув одеяло под Софи, вернулась на кухню. Шаль с

сорочкой затолкала в ведро, щедро плеснув в него щёлока: одно дело собственные способности к регенерации организма, а вот что там на ткани могло осесть... Хорошенько простирнув одежду, сменила воду и замочила снова. Поправив закатанные рукава, я подошла к лохани и выловила карасика. Рыбка выглядела абсолютно здоровой, хотя никого, кроме сиприн, не лечила. Выпустив карасика обратно в лохань, внимательно присмотрелась к тёмным спинкам и нашла нужную особь с двумя специфическими пятнышками. Из всего улова именно она была в худшем состоянии по сравнению с другими: задвоенные, а то и затроенные пары плавников, полувывернутые частично наружу расщеплённые жабры, деформированные непропорциональные глаза...

– Прости, рыбка, но мне нужно тебя изучить, чтобы кое-что проверить...

Прижав карасика к разделочной доске, недрогнувшей рукой отрубила ему голову и начала методично потрошить, уделяя внимание не только каждому органу, но и состоянию чешуи, а также коже, спрятанной под ней. Идеально... Даже скелет вызвал у меня восхищение крепостью и формой костей, хоть сейчас пособие для кабинета биологии делай! Конечно. С гораздо большим интересом я изучила бы тушку сиприны, но в сложившейся ситуации даже одна особь была на вес золота. Зато карасик умер не зря, поселив в меня уверенность, что избавившись от бочек, можно будет восстановить проигранное достояние Вангеров. «Жертву науки» в пищу пускать я не рискнула и бросила в очаг, понаблюдав заодно, как сгорит и какой дым идёт. Только бы хватило сил исполнить задуманное, тогда можно будет постепенно отказаться от привоза воды, оставив лишь закупку продуктами.

– Ма-ма... – раздался сверху голос Софи.

– Иду, солнышко!

Я быстро привела рабочее место и себя в порядок, смыв следы препарирования. Пока поднималась по лестнице, от души радовалась, что Софи, пусть и стесняется говорить, затрачивая некоторое время на то, чтобы произнести какую-либо фразу или слово, но интонации говорили за неё намного больше. Уже не слышались ни нотки испуга, ни истерики. Просто позвала. Но как же это меня согревало!

– Софи! – всплеснув руками, я покачала головой, увидев вцепившуюся в балясины дочь. – Какая ты умничка, что сама оделась!

Прошу только не подходить пока к лестнице без меня, ведь ступеньки высоковаты.

Гордая собой Софи, одёрнула криво надетое платьишко и потопталась на месте, пытаясь выпрямить пятками смятые задники. Я же была счастлива не менее неё, вспоминая, в каком состоянии увидела впервые в доме Майеров. О таком скором прогрессе даже мечтать не могла! Ради Софи не только в озеро полезу, но и горы сверну, и реки вспять поверну! Ойген – круглый идиот, что так легко вычеркнул такое сокровище из своей жизни в первый же день, как узнал, что родилась девочка, а не мальчик.

– Так, давай для начала помогу тебе умыться и заплести косички, а потом займёмся приготовлением завтрака.

Софи прямо расцвела, услышав похвалу и первой вложила свои пальчики в мою руку, потянув в сторону спальни. Пусть криво оделась, даже сорочку наизнанку натянула, но сама! Сама! Даже обнаруженные проблемы с озером отошли на второй план, позволив окунуться в радости материнства. Риукин с интересом наблюдал за нашими «девичьими» хлопотами, замерев между водорослями, как дозорный на вышке. Судя по отпечаткам лба и ладошек на аквариуме, Софи уже пожелала ему доброго утра. Мне очень нравился этот ритуал, только незаметно протирала тряпкой стеклянную сферу, пока дочь не видела. Жаль, что на Берге покататься малышке не удалось, о чём она периодически сообщала своими огорчёнными вздохами и попытками изобразить углём на полу схематично коня.

Мы как раз закончили завтракать, как со стороны леса донеслось лошадиное ржание, но не такое, как у Берга. Софи едва кубарев не слетела с моих колен, едва успела её поймать. Сразу же забылись все эмоции, которые дочь испытала, когда доверила ей деревянной ложкой на длинной ручке помешивать кашу, чтобы та не пригорела. По сияющим глазам Софи, я поняла, что встреча с лошастью затмила всё.

– Солнышко, это не господин Вангер, а кто-то из его людей едет, чтобы помочь нам с кое-какими делами.

– Кашадка... – растроенно пробормотала дочь, выпячивая трясущуюся нижнюю губу вперёд.

– Не знаю. Попросим нашего гостя разрешить нам посмотреть на его лошадку. Надеюсь, он нам позволит это.

Ох, уж эти дети! Достаточно мягко намекнуть на благоприятный исход, как в их глазах тут же высыхают слёзы и появляется надежда. Убрав со стола грязную посуду в раковину, я достала из тайника деньги и положила кошелёк в карман. Да, Вангер настаивал на том, чтобы вода и продукты были за его счёт, но у меня было своё мнение на этот счёт. Пока Софи, вцепившись в подоконник, наблюдала за приближающейся телегой, запряжённой гнедой лошастью, я поворошила кочергой угли и проверила, что огонь погас, а тлеющие головешки не представляют опасности. С плитой в этом отношении обращаться оказалось намного проще: достаточно задвинуть несколько заслонок, чтобы всё потухло.

Телега, управляемая пожилым мужчиной приближалась к развилке, поэтому мы с Софи вышли на крыльцо со стороны кухни и помахали руками, куда стоит направиться. Всё равно необходимо вытащить пустую бочку, а сделать это будет намного легче и удобнее с этой стороны дома, чем тащить через весь первый этаж.

Мужчина, несмотря на возраст, ловко спрыгнул на землю и привязал лошадь к стойке террасы.

— Здравствуйте, госпожа Вербер. Господин барон просил передать свои сожаления, что не смог приехать, хотя изначально собирался. Но обстоятельства внезапно изменились...

Глава 43. Поездка

Честно говоря, для меня было полнейшей неожиданностью новость, что Вангер собирался приехать сам. Насколько помню, он ни словом не обмолвился об этом, когда мы с ним обсуждали привоз воды и продуктов: просто сказал, что распорядится. Обычно, когда аристократы так говорят, это означает, что они дадут поручение слуге или слугам, и всё. – С господином бароном что-то случилось?

– Нет, госпожа Вербер. Просто у господина барона внезапно возникли неотложные дела, но было передано, чтобы я с вами согласовал список продуктов, которые необходимо привезти, – Герт слегка поклонился, а затем потрепал лошадь по шее. – Кроме того, меня предупредили, что ваша дочь любит лошадей, и сказали не препятствовать, в рамках разумного, конечно, если она проявит интерес.

Интерес? Да я еле могла удержать Софи на руках, которая так и норовила дотянуться до объекта своего вожделения, несмотря на высокую вероятность падения! К тому же за время проживания в охотничьем домике не только я смогла чуть нарастить мяска на кости, но и дочь заметно прибавила в весе, что не могло меня не радовать. – Софи может погладить вашу лошадь, господин Герт?

– Просто Герт, госпожа Вербер. Конечно, может, – мужчина чуть отошёл в сторону, взяв на всякий случай гнедую под уздцы.

Дочь с восторгом прикоснулась обеими ладошками к шее лошади и завозила ими по короткой шерсти поглаживающими движениями. Предупредив Софи, чтобы она не дёргала за гриву, иначе животному будет неприятно и больно, я обратилась к Герту: – Меня в первую очередь интересует чистая питьевая вода. Обычно мне её привозили в одной из бочек, что стоит сейчас на кухне.

Герт рукой указал на дверь: – Это там? В таком случае пока вы заняты здесь, я принесу её и погружу на телегу, чтобы не терять времени.

– Всё верно. Как войдёте, сразу увидите: ту, что накрыта тряпкой, не трогайте, а соседнюю можете забрать. Я специально её опустошила.

Кивнув, Герт скрылся в кухне, а я через окно наблюдала за всеми его перемещениями. Бочку с рыбой и лохань я специально укрыла кусками холстины, чтобы никто не увидел ни сиприн, ни карасиков. Пока не добьюсь нужных мне результатов, лучше не распространяться о том, что часть обитателей озера излечена. Не задерживаясь ни на мгновение, Герт спокойно прошёл к пустой бочке и даже не взглянув на закрытую, обвязал её оставленными специально на лавке верёвками. Несмотря на мои сомнения насчёт возраста слуги барона Вангера, тот легко подхватил свою ношу и вынес на улицу.

Пристроив бочку в телегу, Герт вернулся к нам: – Какие будут указания насчёт продуктов, госпожа Вербер?

– Герт, я бы хотела попросить взять нас с собой. Дело в том, что в этих краях никогда не была раньше, поэтому мне хорошо бы знать дорогу до ближайшей деревни на землях господина барона. Вдруг что-то понадобится и быстрее будет решить вопрос самой, чем дожидаться вас, либо кого-нибудь из людей вашего господина.

Герт, если и удивился моей просьбе, то виду не подал, лишь ненадолго задумался, после чего ответил: – Хорошо. Ещё какие-нибудь пожелания или распоряжения будут?

– Нет. Подождите, пожалуйста, немного: мне необходимо запереть дом и захватить шаль, – я пересадила Софи на другую руку и посмотрела на окна второго этажа.

– Я могу поддержать вашу дочь, госпожа Вербер, пока вы будете в доме, – предложил свою помощь Герт.

– Буду вам весьма признательна, – передав малышку слуге Вангера, я быстро скрылась в доме и заперла все ставни изнутри. После того как последний крючок оказался закинут в петлю, сдёрнула тряпки с бочки и лохани. Теперь из окон никто не увидит рыбу, а ей будет комфортнее.

Герт помог мне взобраться на приколоченную к переднему борту телеги скамеечку, а потом передал мне Софи. Отвязав лошадь, мужчина отвёл её от крыльца и уселся рядом со мной.

Некоторое время мы ехали молча, но стоило оказаться в лесу, как Герт меня предупредил, чтобы следила за ветками. Софи так извертелась вся, глядя восторженными глазами на всё вокруг, ведь одно дело пробираться через чащу у меня на руках и совсем другое – в телеге, из которой наблюдать за происходящим и повыше будет, и

намного интереснее. В какой-то момент я уловила едва слышный шум падающей воды.

– Скажите, Герт, в той стороне находится водопад?

– Всё верно, госпожа Вербер. Чуть дальше от дороги будет отходить тропа, ведущая к нему. Ребятня и молодёжь из Вильда частенько туда бегают, поэтому сразу поймёте, что не ошиблись, если вдруг решите прогуляться к водопаду.

Что могу сказать, Вангер прислал мне в помощь весьма сообразительного слугу. С одной стороны, это было хорошо, так как без лишних слов Герт догадывался о том, что я хотела узнать или не осмеливалась попросить, а вот с другой... То, что он расскажет о поездке Вангеру, нет никаких сомнений, но как тот расценит мою вольность? Не воспримет ли за наглость, посчитав, что собираюсь вести себя слишком вольготно, неверно истолковав его доброжелательность по отношению к нам с Софи. Вскоре от дороги действительно отделилась тропа, уходящая влево. Несомненно, именно о ней говорил Герт, так как шум водопада стал значительно громче, чем когда впервые его услышала. Дальше дорога раздвоилась, но лошадь продолжила свой путь прямо, проигнорировав просеку справа.

– Там находится старая лесопилка, госпожа Вербер. Господин барон намеревается её восстановить, поэтому не удивляйтесь, если услышите со стороны леса удары топоров и звуки, издаваемые пилами.

Кивнув Герту, я постаралась прикинуть расстояние отсюда до моего дома. Учитывая особенности горного ландшафта, когда заработает лесопилка, точно услышу. А, значит, когда понадобится, могу попробовать закупить там дрова, если пойму, что своими силами не справлюсь с заготовкой топлива к зиме. Мда... Купить – это, конечно, хорошо, вот только опять всё упирается в деньги.

В Вильд мы приехали по моим расчётам примерно через часа полтора. Герт сразу же направил лошадь к большому колодцу, расположенному в центре деревни. Местные жители с любопытством поглядывали в мою сторону, но хотя бы осуждения или ещё каких-нибудь негативных эмоций в их глазах не заметила. Впрочем, они вполне могут не знать, кто я такая, изменив своё мнение позднее, когда слухи дойдут.

Окрикнув одного из мужчин, Герт попросил его подавать наполненное ведро, чтобы не таскать бочку туда-сюда, и кинул пару монет. Счётчик в моей голове тут же включился. Достаточно быстро вопрос с водой оказался решённым, и далее мы уже занимались покупкой овощей, мяса и круп. Вернее, я перечислила всё необходимое, чтобы пополнить припасы, а Герт стучался то в один дом, то в другой, расплачиваясь после того, как хозяйки выносили нужное. Мужчина, конечно, старался повернуться так, чтобы мне не было видно, сколько денег он отдавал, зато обмануть мой слух ему не удалось. Возле одного из домов я заметила промелькнувшего Хэрба. Юноша было сделал шаг в мою сторону, но, увидев, как едва заметно качнула головой, прошёл мимо. Не стоит пока никому знать, что мы с ним знакомы.

Герт явно знал, в какие дома стоит обратиться за теми или иными покупками, потому что вскоре мы уже погрузились в телегу и направились к охотничьему домику. Поездка обратно заняла гораздо меньше времени, ведь на этот раз лошадь двигалась не в гору, а вниз по склону, и даже с учётом увеличившегося веса телеги, шла шустрее. В любом случае нам с Софи потребуется не менее двух часов, чтобы добраться до Вильда. Может, чуть больше. Далековато, но если потребуется, преодолеем это расстояние. Главное, что теперь маршрут известен.

Пока Герт разминал ноги и приглядывал за Софи, устремившейся к корзине, в которой были сложены яблоки, я, отговорившись тем, что хочу открыть окна, снова накрыла рыбу. Вернувшись на улицу, с умилением увидела, как дочь кормит лошадь. Хотя чего ещё можно было ожидать, учитывая две самых больших «любви»?

– Не беспокойтесь, госпожа Вербер, я внимательно слежу, чтобы Ивли не навредила вашей дочери, – Герт передал мне Софи и направился к телеге.

На мои попытки ему помочь, мужчина ответил, что просто выполняет свою работу. Когда дело дошло до бочки с водой, я ужаснулась, сообразив, какой вес придётся ему нести на себе. Но и тут Герт снова сумел меня удивить, попросив лишь отойти подальше. Крякнув, он ухватился за верёвки и взвалил себе на спину заколоченную бочку. В итоге на кухне мы оказались одновременно, только я обогнула дом и прошла через главную дверь.

Усадив Софи на лавку, полезла в шкаф и достала оставшиеся с вечера блины: – Герт, спасибо вам за помощь! Присядьте и перекусите перед тем, как отправляться в обратную дорогу.

Он отнекивался, но потом сдался под моим напором. Я же успела отрезать несколько кусков копчёной свинины, сыра и поставить на стол вместе с несколькими помидорами и огурцами. Ну да, блинами отвлекла, пока соображала более подходящий для мужчины перекус.

Прощаясь, я протянула Герту мешочек с деньгами, но тот аккуратно отвёл мою руку в сторону: – Господин барон сказал, чтобы я не брал с вас денег.

– Возьмите, а с господином бароном я сама поговорю по этому поводу. Вашей вины в этом точно никакой не будет.

Или мне показалось, или в глазах Герта промелькнуло уважение, но деньги они забрал. Уфф... Так, вода и еда теперь есть, осталось решить, когда выпускать рыбу в озеро. До визита к Марго ещё два дня, и хорошо бы как-нибудь протянуть до этого времени, не трогая сиприн. Что ж, всё решат вечерние наблюдения за озером.

Глава 44. Безумству храбрых

Уложив Софи спать, я направилась прочь из дома, спустила лодку на воду и начала медленно отдаляться от берега, стараясь отмечать малейшие изменения в самочувствии. Преодолев примерно четверть озера, если считать от берега, поняла, что становится как-то некомфортно, и хотела было уже повернуть назад, как наваждение схлынуло. Надышалась или в том месте действительно находится одна из бочек? Однако, чем дальше оказывалась от этого места, тем легче себя чувствовала. Я добралась почти до середины озера, как по обе стороны от себя ощутила уже знакомую тревожность. Жаль, что лодка не так маневренна, как бы мне того хотелось. Чтобы изменить курс, пришлось постараться, налегая на вёсла.

Вода так манила своей безупречной гладью, нарушаемой лишь движением лодки и всплесками вёсел. Прикусив губу, я посмотрела на небо, которое заволокло облаками настолько, что луна скрылась за ними. Хэрб должен завтра возвратиться у Марго, а значит, зайдёт поделиться новостями... Скоро начнёт образовываться туман, и тогда находиться на озере будет нельзя. Отбросив последние сомнения, я завела руки за спину и начала распускать шнуровку на платье. Когда дело дошло до сорочки, немного замялась, вспомнив, что из поместья Вангеров озеро хорошо просматривается, но вряд ли кто-то сейчас увидит, а потому последний элемент одежды оказался безжалостно отброшен на платье и нижние юбки. В конце концов, утонуть в длинном одеянии гораздо проще и быстрее, чем, надышавшись в тумане испарениями.

Нырять я всегда любила, плавала превосходно, поэтому погрузилась в воду, как тёплый нож в масло. Уверенно работая руками и ногами, опускалась всё ниже и ниже, думая о том, что надо было прихватить с собой камень поувесистее, чтобы сэкономить силы и время при погружении. Внутренние течения озера ощущались более низкой температурой, но недостаточной для появления судорог. Ориентируясь исключительно на собственные ощущения, упорно плыла вниз. Когда руки коснулись чего-то склизкого, я замерла, а потом осторожно начала ощупывать свою находку. Бочка! От радости я

чуть не разомкнула губы в крике, но вовремя опомнилась. Оттолкнувшись от покрытого водорослями и прочей органикой деревянного бока, начала всплывать. Азарт, конечно, дело такое, но не нужно терять головы, помня о безопасности.

Вынырнув, я долго не могла отдышаться с непривычки. Одно дело – своё собственное тело, и совсем другое – Кристины. За несколько широких гребков добралась до лодки и перевалилась через борт.

Тихо смеясь, отжала мокрые волосы и натянула сорочку, предварительно использовав одну из нижних юбок в качестве полотенца. Руки саднило, но я не обращала на это никакого внимания, налегая на вёсла. И всё-таки не успела дотянуть до берега, прежде чем озеро начало затягиваться туманом. Кое-как затащив лодку на берег, дошталась до пруда и рухнула в воду. Лёгкие горели огнём, а кожу хотелось просто отодрать от тела и сжечь. Перевернувшись на спину, я покачивалась на волнах и бездумно пялилась в ночное небо. Несколько плавников коснулось пяток, едва не заставив поджать ноги из-за щекотки. Потом чешуйчатые бока сиприн скользнули вдоль моих, принося несказанное облегчение. Пять... Всего пять бочек нужно вытащить из озера. Три, считай, что нашла, но необходимо понять, где находятся ещё две. Выпущу сиприн сейчас, и тогда ощущения смажутся, а значит, поиски затянутся до бесконечности, либо останется уповать, что рыба сможет справиться с отравой своими силами. Рискованно.

Пришла я в чувство достаточно быстро, поэтому поблагодарила сиприн и поплыла к берегу. Растопив плиту на кухне, поставила чайник на огонь, а потом вернулась к лодке, чтобы забрать одежду. Уходить от дома далеко после таких приключений не рискнула, зато наблюдений с террасы хватило, чтобы немного скорректировать свой план. Хорошенько согревшись и плотно подкрепившись, я проверила сиприн с карасиками и взяла два ведра. Наполнив их рыбой, дошла до пруда и выпустила её на волю. В несколько заходов освободила и бочку, и лохань, после чего наконец-то ушла спать, чтобы не пропустить время утренних наблюдений. Сегодня озёрные сиприны справились, не подпустив ядовитый туман к дому, но что будет завтра?

Утром всё тело ломило так, словно меня трактор переехал несколько раз, но я заставила себя встать и прогуляться вдоль берега. К счастью, дальше вчерашних моих меток, оставленных воткнутыми в

землю палками, туман не распространился, следовательно, шансы дотянуть до визита к Марго возросли.

Пока Софи спала, я устроила себе «банный день», хорошенько растерев в горячей воде тело мочалкой, чтобы привести мышцы в порядок. Почувствовав себя намного бодрее, занялась обычными делами, периодически поглядывая в окна, чтобы не пропустить появления Хэрба. После утреннего ритуала дочь изъявила желание поделиться впечатлениями после поездки в Вильд, вывалив на меня целый поток восторгов, среди которого всё чаще мелькали правильно выговоренные слова. Немного утомонить Софи удалось, лишь заинтересовав приготовлением сырников. В итоге она оказалась по уши в твороге и муке, а мне пришлось отмывать всё вокруг после этого урока кулинарии. Зато завтрак был сметён в мгновение ока и даже худо-бедно с применением столовых приборов. Я читала когда-то разные мнения насчёт использования вилок и ножей детьми в том плане, когда начинать давать, но решила, что лучше сразу буду приучать, просто контролируя процесс.

Хэрб появился ближе к полудню с большим заплечным мешком, набитым чем-то до самого верха так, что едва верёвки стягивали горловину.

Заметив мой взгляд, юноша пояснил: – Тётушка родным гостинцев собрала.

– Честно говоря, так и подумала. Можешь передать матери ещё кое-какой заказ?

Хэрб кивнул и забрал список, сунув его за пазуху.

– Удалось что-нибудь узнать в Вильде?

– Новый барон, в отличие от старого, ведёт замкнутый образ жизни, новых слуг не нанимает, хотя в поместье точно есть что подправить. Нанял рабочих для работы на одной из шахт, собирается лесопилку восстанавливать. Местные о нём хорошо отзываются. Что же ещё... – Хэрб задумчиво потёр лоб. – А, молодой барон везде ездит со своим помощником, который у него вроде управляющего, но вы с ним уже знакомы.

– Герт?

– Он самый. Приезжает за продуктами и всем необходимым именно он, причём, что любопытно, даёт заработать всем.

– Поясни.

– По эту сторону склона располагается только Вильд, но возле поместья есть несколько деревень поближе и побогаче, если можно так сказать. Так вот, согласно распоряжению молодого барона покупки Герт делает поочерёдно, чтобы не только «ближние» могли денежку заработать.

– Интересный подход... – я достала оставшиеся сырники и протянула парню.

– Спасибо, госпожа Вербер. Интересный – не интересный, но местным он нравится. В общем, все надеются, что постепенно земли Вангеров снова расцветут, хотя на это понадобится немало времени. Главное, что люди воодушевились и готовы работать.

– Это немаловажно, учитывая, что вытворял прежний барон. Передавай от меня приветствие матери, Хэрб, и спасибо за информацию, – я сунула юноше пару монеток и проводила к выходу.

Значит, Вангер взялся за проведение дел в порядок. Это хорошо, есть шанс, что Ойген на эти земли свой нос не сунет. Прислал своего помощника ко мне вместо обычного слуги... Тоже плюс, раз поручил дело доверенному человеку. Надеюсь, что к тому времени, когда Герт приедет в следующий раз, смогу передать ему письмо для Вангера. Мало будет вытащить бочки, нужно подумать, куда их деть, чтобы ещё что-нибудь не отравить ими. Если Вангеры заботились о шахтах, то наверняка известно, как справиться с побочными продуктами производства. Да, натворил ты дел, Эгон.

Вечером, размяв Софи и позанимавшись с ней немного, я снова пошла к озеру, но лодку брать не стала. Сиприны мне помогли, но лучше и свои силы побережь и их. К тому же прогулка всё равно сыграет мне на пользу в отношении выносливости. Остановившись ненадолго, чтобы передохнуть, обратила внимание на странную рябь на поверхности воды. Это ещё что такое?!

Глава 45. Подготовка

Эгон Вангер был идиотом! Бочки он не мог найти! Наверняка ведь взбаламутил воду настолько, что волны поднялись сильнее, чем во время сильного ветра, и ничего никто не заметил. Да у сиприн мозгов больше, чем было у этого старого пропойцы! Если бы не тешил своё эго обделавшегося по самое не балуйся мужика, а сразу рассказал всё Марго, ничего бы этого не произошло! Никогда не думала, что смогу настолько впасть в ярость, чтобы быть готовой крушить всё, оказавшееся в этот момент под рукой. Странные водовороты на поверхности озера оказались не чем иным, как кружащими вокруг оставшихся бочек сипринами! К сожалению, со своего места я не смогла точно разглядеть, сколько их, но одной выпрыгнувшей из воды рыбы было достаточно, чтобы обо всём догадаться. Вынув одну шпильку из волос и обвязав её лентой, воткнула в траву напротив одного из водоворотов и направилась на поиски подходящей палки. Найдя достаточно длинную и крепкую, разломила её об колено и острым концом загнала поглубже в землю, чтобы эту пометку, в отличие от тонкой проволоки, не унесло ни ветром, ни водой.

Как же мне всё-таки повезло с безветренной погодой в этот вечер! Пришлось, правда, увеличить время прогулки, чтобы обойти всё озеро, но оно того стоило! Мало того что расположение последней бочки было обнаружено, так ещё и одно странное место с кружением сиприн нашла. Либо Эгон Вангер упился в ту ночь настолько в дупель, что перепутал количество сброшенных бочек, либо там находится ещё какая-то дрянь. Эх, сюда бы акваланг со всем необходимым снаряжением! Увы, губу пришлось закатать обратно, чтобы не споткнуться, и надеяться на то, что ворот, заказанный через Хэрба, поможет мне справиться с подъёмом бочек. Иначе придётся просить либо Марго, либо Вангера прислать людей, чтобы помочь соорудить на берегу треноги из деревьев с закреплённым на ней воротом. Домой я вернулась, не чувствуя ног от усталости.

Весь следующий день провела, размышляя над тем, как вытащить бочки с минимальными усилиями. За три года те наверняка хорошо росли в дно, поэтому среди прочего в заказе для Марго я указала пару

лопатов, размером с сапёрные: одну для раскопки, вторую на случай, если первая не выдержит и сломается. Софи изучала первый этаж, тренируя ноги, так что второй поход к Марго должен даваться по времени меньше.

Наконец, долгожданное утро наступило, и сразу после завтрака мы отправились в путь. Марго встретила меня скептическим взглядом и, перепоручив Софи заботам Юсты, увела к себе в кабинет.

– Госпожа Вербер, вы уверены, что не хотите отказаться от своего плана?

Я покачала головой и молча выложила на стол камни вместе с последними остатками лома. Марго оценила каждый самоцвет, чёркая время от времени на листке бумаги пером. Когда последний камень оказался отодвинут в сторону, хозяйка трактира подвела жирную черту и написала итоговую сумму, протянув результаты своих расчётов мне:

– Больше дать не могу, извините.

– Согласна. Вычитайте, сколько вам должна за ваши хлопоты.

Я посчитала, сколько всего смогла выручить, «поработав» над платьями, и получилось, что поимела с Ойгена почти восемь золотых без учёта комиссии Марго. «Чистыми» же вышло шесть золотых, семьдесят пять серебряных и шестьдесят три медных монеты. Мда... Но с паршивой овцы хоть шерсти клок.

– Для начала хочу кое-что показать, потом обсудим, – Марго вышла из-за стола и поманила за собой пальцем.

Мы прошли через несколько подсобных помещений, прежде чем оказались на каком-то складе. Показав на рулон плотной ткани, похожей на брезент, Марго подошла к столу и присела на край:

– Столько устроит? Я ведь правильно поняла, что полотном вытаскивать будешь, не только сетями?

Присев на корточки, я пощупала край ткани. – Верно. Взяла бы весь, но даже без Софи до дома вряд ли смогу дотащить.

– Я дам людей, не беспокойтесь, но к закату они должны будут успеть вернуться в трактир, так как ночью уходят. Опять облавы пошли...

– А они не согласятся кое-что сделать для меня? Заплачу.

– Троих хватит? – будничным тоном поинтересовалась Марго, сдёргивая холстину со стола.

– Вполне.

– Я подумала немного после нашего последнего разговора, вспомнила кое-что со времён одной поездки с Эгоном на карьер и решила, что вот это подойдёт лучше для вашей задумки, госпожа Вербер.

Подойдя к столу, я увидела три барабанных лебёдки с уже закреплёнными к ним тросами и крюками.

– Больше не было, а так взяла бы пять... – как бы извиняясь, произнесла Марго, показывая на них.

Кажется, моя идея насчёт треног стала воплощаться в жизнь... – Марго, напрасно вы считали, что в вашем роду не было ведьм. По крайней мере, мысли вы читать умеете.

Хозяйка трактира пожала плечами, слегка улыбнувшись: – Просто большой жизненный опыт. А вот откуда вы знаете о существовании подобных вещей, госпожа Вербер? Для той, кто большую часть времени провела в пансионе, а потом под строгим надзором родни мужа...

Но тут у меня уже был готовый ответ. Не знаю, насколько он придётся по вкусу Марго, ведь терять её расположение мне, ох, как не хотелось. С такими женщинами нужно дружить.

– Я видела такие штуки в одной из деревень, в которой останавливались, чтобы дать отдых лошадям. Там рыли новый колодец, над которым была установлена тренога с таким механизмом, с чьей помощью вытаскивали вёдра с землёй.

Марго усмехнулась: – Лебёдка. Каждая из таких «штук» называется лебёдка, госпожа Вербер. А вы на редкость наблюдательны.

– Скорее, любопытна по отношению ко всему новому, с чем раньше не имела дел.

– Хорошее качество, не теряйте его, и тогда ваша жизнь сложится наиболее удачно. Раз этот момент мы уладили, хочу уточнить ещё насчёт блоков: брать будете?

– Несомненно. Хочу использовать, закрепив на лодке, чтобы сэкономить время и силы на гребле, – я руками изобразила характерные движения, после чего Марго придвинула к лебёдкам и блоки вместе с несколькими мотками веревок.

– Похоже, что вы всё продумали, госпожа Вербер. Вот только перед тем, как что-то поднять, нужно до этого чего-то добраться...

– В пансионе нам давали несколько уроков плавания, считая, что так можно укрепить организм. Это было очень давно, но навык не утрачен, я проверяла.

В глазах Марго промелькнуло нечто вроде «сумасшедшая», после чего она опустила взгляд на мои кисти. Я отдёрнула рукава до локтей и продемонстрировала абсолютно чистую кожу, только загоревшую в тех местах, которые чаще всего оказывались на солнце.

– Были покраснения, но прошли. Я не проводила в воде слишком много времени.

– Значит, не отступитесь... – задумчиво произнесла Марго, а затем вышла за дверь.

Вскоре она вернулась в сопровождении трёх мужчин, одетых достаточно неброско, но по телосложению каждого из них легко угадывалось, что не пахарями работают и даже не водоносами. Первое, что пришло бы в голову Кристине – наёмники или вольнонаёмная охрана, но я-то знала, с кем сотрудничает хозяйка трактира.

– Имён вам знать не обязательно, но выполняют все поставленные задачи без лишних разговоров. Вам ведь треноги надобно установить?

– Верно. Инструменты есть.

Оставив моих будущих помощников на складе упаковывать мои покупки, Марго снова увела меня в кабинет. Покопавшись в шкатулке с деньгами, она отсчитала причитающиеся за камни и лом монеты и протянула мне.

– Надеюсь, что у вас всё получится, госпожа Вербер. Будут ещё какие-нибудь пожелания или заказы?

– Пусть Хэрб принесёт завтра молоко утром.

– Кристин...

– Я всё сказала.

Дольше всё равно тянуть нельзя: либо сегодня ночью, либо уже никогда.

Глава 46. Бочки

До сих пор помню, как Марго раздосадованно треснула кулаком по столу, услышав мой ответ. Потом она металась по кабинету, как загнанная в клетку дикая тигрица, проклиная стражей, слишком близко подобравшихся к территории, на которой промышляет Горст со своей шайкой, а потому задержаться в трактире разбойники не могут. В любом случае у меня не хватит денег заплатить за помощь в подъёме бочек, так как шансов погибнуть при нырянии у них много, а допустить, чтобы мой дар открылся, было нельзя. Даже если бы опутывала ядовитые ёмкости сама, то никак не смогла бы объяснить своё быстрое исцеление. По той же причине отвергла предложенный Марго вариант обратиться к Вангеру. Зато в случае успеха она нашла способ не сразу раскрывать правду о том, откуда берутся сиприны.

Один из людей Горста выяснил, что несколько лет назад один очень предприимчивый мелкий аристократ тайком вылавливал сиприн и запускал в пруд около своего дома. Он же скупал их, когда Эгон Вангер начал продавать ценную рыбу, пытаясь поправить свои дела. Видимо, надеялся, что со временем поголовье увеличится. Вот только рыба там просто жила, не размножаясь по каким-то непонятным причинам. Думаю, что какие-то нужные элементы экосистемы отсутствовали там, чтобы все стадии развития от икринки до взрослой особи был соблюден. И вот этот второй поставщик к королевскому двору временно закрыл дефицит, возникший по дурости Эгона Вангера. Но рыбы осталось не так много, а потому можно будет сбывать через проходимца сиприн Зауберерского озера. Да, по деньгам мне придётся потерять, зато выиграть время, чтобы встать на ноги, не привлекая к себе внимания Его Величества.

Разбойники молча отнесли выкупленный у Марго заказ, потом также не вымолвив ни слова, срубили подходящие для треног деревья и установили их напротив меток, хорошенько вкопав в землю. Напоследок они вбили блоки с лебёдками и, получив от меня плату за труды, исчезли в лесу. Какой закат? Они управились всего за несколько часов после моего возвращения из трактира и тем самым дали осуществить ещё одну безумную часть моего плана: вылов и лечение

оставшихся сиприн из озера. Перед тем как рухнуть в кровать, основательно подкрепившись, я вбила колья возле пруда в два ряда и отправилась набираться сил. Пока дремала, Софи тихо играла на полу с зайцем и медведем, а когда проголодалась, легла рядом со мной и начала тихонько толкать в бок. Тратить время на стояние у плиты мне не пришлось, ибо специально купила у Марго готовой еды. Так что ужин оставалось лишь разогреть после того, как достала его из погреба. На всякий случай предупредила дочь, что оставлю пирожки в спальне на утро. Уложив Софи спать, я прихватила с собой все имеющиеся сорочки, чтобы было во что переодеться после ныряний, и покинула дом.

Очень удачно вышло, что разбойники насадили рулон ткани на толстую ветку, чтобы иметь возможность нести его вдвоём на плечах. А уж выбрать два подходящих рога, пока мужчины очиняли стволы, проблемы не составило. В итоге мне достаточно было потянуть за край, чтобы рулон начал легко разматываться. Где Марго умудрилась достать такой большой отрез, ума не приложу, но её проницательности действительно можно было позавидовать. Я сделала несколько дырок по краям полотнища и, нанизав его на вбитые колья, получила своеобразную дорожку к озеру. Следующим этапом стал вылов сиприн из пруда сетью и выбрасывание их на ткань. Благодаря уклону рыба легко скользила в направлении озера, а там уже было плёвым делом собрать её вёдрами и выпустить на волю. Единственное, чего я не учла – это время. Думала, что справлюсь быстрее, но... Пару бочек, возможно, вытащить успею, а вот остальными придётся заняться завтра.

Закончив возиться с рыбой, я сняла полотнище с кольев и разрежала на пять больших кусков, достаточных для того, чтобы укрыть ими бочки полностью. Плюс ко всему на них проще было тащить по земле, когда те достигнут берега. Небольшая прогулка вдоль озера, и возле каждой из треног осталось по полотнищу с сорочкой. Чую, с дальними бочками придётся заморочиться сильнее, придумав, как быть с такими же «наборами». Пожелав себе удачи, я погрузила всё необходимое в лодку и схватилась за верёвку. Под честное слово Марго вручила мне редкий артефакт, позволяющий соединять однородные материалы вместе, как спайкой. Как же всё-таки чудно сосуществуют в этом мире технологии, пусть не настолько

продвинутые, как в моём, и магия. Длины нескольких верёвок хватило бы как раз спокойно добраться до середины озера, но пока мне было не нужно столько, поэтому я отмерила ровно столько, чтобы доплыть до первых бочек. Умница Марго ещё и дала замок-стопор, позволяющий фиксировать верёвку как по мере удаления от берега, то и при приближении, чтобы лодку не сносило. Они подобными пользовались на своём озере, если нужно было переправить какие-то грузы без участия гребца.

Добравшись до нужного места, я закрепила верёвку и дождалась, когда волны, созданные лодкой, исчезнут, сохранив лишь природные. Запомнив расположение круговоротов относительно своего местонахождения, скинула одежду и, взяв сеть, в которую уложила камень вместе с лопаткой, нырнула. Промажнувшись лишь немного, но всё-таки смогла нащупать бок бочки. Расшатать громадину, дабы просунуть край сети оказалось непросто, пришлось несколько раз всплывать, чтобы отдышаться, но я смогла. Скрепив края в узел, добралась до лодки и шлёпнулась на дно передохнуть. Кожу на теле начало неприятно пощипывать, но как только краснота более-менее исчезла, я повторила трюк со второй бочкой. С этой пришлось повозиться дольше, так как она сильнее погрузилась в илистое дно, зато удобно торчала немного под углом. На одних мысленных проклятиях Эгона Вангера и желании выжить, опутала сетью и эту. Лодка оставалась своеобразным маяком и точкой отсчёта, поэтому, воткнув лопатку глубже в почву, вынырнула и погребла к ближайшей треноге.

Несколько раз моих боков касались сиприны, так что удалось достигнуть берега вполне благополучно. Интересно, рыб привлекала моя магия или они просто понимали, что нельзя дать мне погибнуть? Станный мир с его странными волшебными обитателями. Жаль, что нет у меня помощника: вдвоём было бы намного быстрее управиться со всем этим, но, увы... Двух заплывов мне хватило, чтобы, закрепив крюк под узлом, накинуть скобу и, держа лопатку в одной руке, добраться до лодки. Надо было утащить ещё одну лодку из тех, что по-прежнему валялись на другом берегу озера. Но задним умом все умны, а я оплошала в этом моменте. Придётся днём сгонять за ней, если буду в состоянии. Какое буду?! Придётся «быть»! Отдохнув, я поплыла к треноге, а выбравшись на берег, натянула на себя сухую сорочку и

взялась за ручку лебёдки. Поначалу дело шло легко, но как только верёвка натянулась, пришлось приложить усилия, чтобы вытащить бочку.

Чередуя благодарности Марго с бранными словами в адрес Эгона Вангера, я смогла-таки дотянуть проклятую деревянную ёмкость до берега. Дальше оставалось направить бочку на ткань и оттащить к самой треноге. Сеть было жалко, но время поджимало, а потому, собрав края полотнища в подобие узелка, обмотала их верёвкой и оставила этот «подарочек» у треноги. Пришлось ждать, пока волдыри на ладонях сойдут, прежде чем снова броситься в воду. А ведь на этот раз меня ждёт не пруд с сипринами, а лишь лохань со свежевылеченными. Стало страшно. Но утром явится Хэрб, и, если я проиграю, то Марго позаботится о Софи. Она мне слово дала перед уходом, а я ей распоряжение оставила насчёт дочери. Найдёт ныряльщиков и избавится от этих проклятых бочек. До поры до времени мою гибель получится скрыть, надеюсь, что Вангер тоже войдёт в моё положение и препятствовать не станет сохранению тайны. Письмо для соседа уже лежит на кухонном столе.

Глава 47. Подстраховка

И чем я только думала, когда решила, что смогу за одну ночь вытащить все пять бочек?! Знаю, что теория всегда отличается от практики, но слишком понадеялась на собственные силы. К той минуте, когда мои ладони легли на ручку лебёдки, перед глазами уже мелькали чёрные мушки, но доделать начатое было нужно. Чем дольше буду тянуть, тем хуже для всех и нас с Софи в первую очередь. Глаза слезились так, что хотелось выковырять их и вышвырнуть прочь, а лёгкие выплюнуть на траву и скормить сипринам, но я упорно продолжала крутить эту чёртову ручку, наблюдая за рябью, возникшей из-за приближающейся бочки. Все те же манипуляции, что и с первой, проделывала уже чисто механически. Сорочку, как и предыдущую, затолкала внутрь «узелка», так как возиться с ней не имело никакого смысла. Больше времени и воды с щёлоком изведу, прежде чем удостоверюсь, что смогу безбоязненно натянуть на своё тело. В крайнем случае достану и сожгу, не сегодня... Точно не сегодня...

До лодки плыла уже в полубессознательном состоянии, и то показалось, что сиприны вынесли, а не сама добралась. Как тянула лодку к берегу, отдельная история, но смогла справиться и с этим. На кухню входила уже в полубессознательном состоянии, сдирая с себя сорочку и плюхаясь в лохань. Последнее, что помню, как заставила себя оторвать руки от бортов и опустить в воду. Кожа в тот момент уже напоминала разрозненные куски, между которыми виднелись кроваво-бордовые борозды. Всё-таки в том, что тело Кристин было гораздо меньше по параметрам моего настоящего, были свои плюсы: почти всё оно сейчас, если не считать головы и коленей, было скрыто водой, не сильно потеснив при этом сиприн, облепивших его со всех сторон.

Да, пусть я просчиталась, но к завтрашней, а вернее, уже сегодняшней ночи велики шансы, что негативное воздействие оставшихся бочек рыба сможет нейтрализовать хотя бы частично. Уперевшись затылком к бортику лохани, я в полудрёме сопоставляла количество выловленных и вылеченных сиприн, которых запустила в озеро перед тем, как заняться бочками. Если мутировавшие они способны были всё равно удерживать испарения в пределах береговой

линии, то сейчас точно способны на большее. Вытянуть бы ещё пару бочек, и тогда на несколько дней можно взять передышку. Даже если снова придётся выловить часть и привести в порядок, станет намного проще с очисткой озера.

За всеми этими мыслями не заметила, как уснула, хотя рассчитывала лишь немного восстановиться, а потом подняться в спальню. В итоге очнулась незадолго до того, как во входную дверь постучал Хэрб. После всех нагрузок и долгого нахождения в неудобном неподвижном положении тело затекло и болело при каждом движении. Раны исчезли, но краснота, похожая на сильный солнечный ожог, осталась. Ничего, хорошенько поем, и всё пройдёт. Чтобы хоть как-то избавиться от рыбного запаха, пришлось ополоснуться холодной водой в тазу. Одевшись в чистую сорочку, я прокралась в спальню, проверила спящую Софи и забрала чистое платье. К тому времени, как раздался стук в дверь, уже привела себя в порядок и была готова к появлению сына Марго.

– Доброе утро, госпожа Вербер, – поприветствовал меня Хэрб, протягивая затянутый в подобие авоськи плотно закрытый кувшин, наполненный парным молоком.

– Здравствуй, Хэрб, проходи, – я забрала глиняный сосуд, чтобы опустошить, но заметила, как юноша задержался взглядом на моих руках.

– Нужна какая-нибудь помощь, госпожа Вербер?

Я перелила молоко в чистую кастрюлю и начала ополаскивать кувшин: – Понимаю, что с моей стороны это будет выглядеть наглостью, но не мог бы ты и завтра принести свежего парного?

– Конечно, госпожа Вербер. Я предупрежу матушку о вашей просьбе. Что-нибудь ещё понадобится? – Хэрб прошёл мимо стола и уселся на свободную лавку, поглядывая по сторонам.

Ничего особенного он не мог увидеть, ведь лохань я закрыла куском холстины, как сделала это во время визита Герта. Да, с Марго мы были в каком-то роде сообщницами, но даже ей пока не готова была открыться до конца. Вытерев кувшин, я призадумалась. Молоко было своего рода условным знаком, что планирую заняться подъёмом бочек, но почему бы не попросить принести чего-нибудь ещё?

– С удовольствием купила бы пару нежирных колбас.

– Вам полностью без жирков или с малым количеством? – уточнил парень, услышав моё пожелание.

Я прикинула, насколько в состоянии буду что-нибудь приготовить после ещё одной ночи, проведённой за избавлением от токсичных бочек. Сама-то съем какую угодно, а вот для Софи пока лучше что-нибудь более подходящее для трёхлетнего ребёнка. В этом мире не особо задумываются над пользой питания с общего стола и готовностью детского организма воспринимать ту или иную пищу, но я так поступать с собственной дочерью не собиралась. Меня не волнует, что здесь отпрысков считают всего лишь маленькими взрослыми. В своё время это заблуждение стоило жизней многих: достаточно вспомнить, насколько высока была детская смертность до определённого момента. И дело было не только в отсутствии доступной медицины. Накормить можно чем угодно, вопрос только в том, какие последствия за этим последуют.

– Будет лучше, если одна колбаса окажется варёной, а вторая – обычной.

– Хорошо, госпожа Вербер. Вам точно не требуется никакая помощь? – ещё раз поинтересовался Хэрб, а потом повернул голову в направлении двери.

Прислушавшись, я поняла, что его так насторожило: топот детских ножек, приближающихся к лестнице.

– Похоже, что Софи проснулась. Подожди немного, схожу за ней, чтобы не свалилась со ступеней.

Дождавшись утвердительного кивка, я вышла из кухни и направилась к дочери. Каждый раз, когда слышала зовущий меня голос Софи, в душе у меня разливалось тепло и все проблемы отступали на второй план. Моя смышлёная сильная девочка... Солнышко моё светловолосое, которое усмешкой судьбы досталось нерадивой матери и холодному на чувства отцу, не сумевшим оценить дарованное не каждому счастье стать родителями.

– Доброе утро, радость моя. А к нам Хэрб зашёл, принёс молока, так что сегодня кашу варишь ты!

Софи радостно рассмеялась и обвила своими ручками мою шею, когда я подхватила её на руки. Увидев сидящего на кухне Хэрба, дочь сперва застеснялась, а потом потянулась к нему.

– О, как повзрослела юная леди из охотничьего домика! Настоящая принцесса! – подмигнув мне, юноша взял на руки мою дочь и слегка покружил.

– Я смотрю, дети тебя любят.

– У тётушки Ули две дочери примерно такого же возраста. Так что знаю, какие они все кокетки. Мне пора, госпожа Вербер. Надеюсь и завтра увидеть вас в добром здравии.

Я тоже надеюсь, Хэрб, я тоже... Естественно, вслух лишь пожелала передать привет Марго. Проводив юношу, мы с Софи принялись за приготовление завтрака. Оставшееся молоко оставила на окне, чтобы получилась простокваша, а там, может, и немного сливок для сметаны соберу. Время от времени я отдёргивала рукав, отмечая для себя, как быстро сходит краснота. Примерно к середине дня всё пришло в норму, а когда Софи уснула, взяла вёсла и клещи с молотком, после чего отправилась к треногам. Нужно было аккуратно вытащить лебёдки из тех, что больше не понадобятся, и приколотить к свободным. С горем пополам, но мне удалось это сделать. Гораздо больше понадобилось времени, чтобы добраться до брошенных лодок и позаимствовать на время одну из них.

Кожа на руках снова начала зудеть, поэтому, покончив со всеми приготовлениями, я опять воспользовалась сипринами. Почувствуй себя Ихтиандром, называется: не окажешься в подходящей воде – погибнешь. Сразу после возвращения зарядил противный мелкий дождик, во время которого обычно всех тянет в сон, а потому, восстановившись, я снова ополоснулась и ушла к Софи спать. Пока есть возможность восполнить силы, нужно этим пользоваться. Остаток дня занималась с Софи и готовила еду впрок, отложив все остальные дела, чтобы не особо напрягаться. После дождя над озером ненадолго образовался туман, и я с чувством полного удовлетворения отметила, что опасные испарения не только не вышли за пределы берега, но и даже чуть отступили от него.

Когда пришло время отправляться на озеро, я перевязала угнанную лодку, чтобы она двигалась вслед за моей, и схватилась за верёвку. Уже при первом погружении пришлось хорошенько потрудиться, чтобы откопать прочно засевшую в иле бочку. И, как назло, это оказалась именно та, что повредили люди Эгона Вангера, пытаюсь поднять. Хорошо ещё, что из неё ничего не сыпалось, иначе

пришлось каким-то образом прочёсывать дно, собирая токсичные куски руды, либо уповать на магические свойства сиприн.

Добраться до треноги и обратно с помощью лодки оказалось проще и быстрее, но кожа на ладонях быстро покрылась волдырями. Даже моя собственная регенерация не особо помогала. Подцепив крюком сеть, вынырнула и поняла, что удача решила повернуться ко мне не лицом, а противоположной частью: начался дождь. Доплыв до берега, затащила лодку подальше, чтобы её не унесло волнами, и побежала к треноге. Нацепив сорочку, чтобы хоть как-то согреться, хотя тонкая ткань мало чем помогала, налегла на ручку лебёдки и начала вытаскивать бочку. Руки горели огнём, но я старалась не обращать на них внимание. Уже две трети верёвки было намотано на барабан, как хлынул настоящий ливень. Почва под ногами быстро превращалась в хлюпающую топь, я несколько раз едва не поскользнулась, как вдруг ладони сорвались с ручки, а меня отбросило в сторону при попытке остановить лебёдку... От удара об землю в глазах резко потемнело, а в ушах раздался гул. Даже не сразу поняла, что шумело не у меня в голове, а какие-то звуки раздавались со стороны леса.

Глава 48. Нежданно-негаданно

Только донёсшееся до меня лошадиное ржание заставило меня открыть глаза и попытаться встать. Вот только меня опередили в этом порыве.

– Кристин! Вы с ума сошли!

Вангер осторожно просунул одну руку под мои плечи, а второй придерживал, помогая сесть.

– Мне нужно вытащить эти проклятые бочки, иначе всё так и продолжит гибнуть в округе...

Вангер нахмурился, явно не понимая, о чём речь, и положил мне ладонь на лоб: – Какие бочки? О чём вы?

– Ваш дядя спьяну приказал утопить в озере несколько бочек с ядовитыми отходами из шахт. Две я вытащила, а последнюю не смогла, – дрожащей рукой я показала на спрятанные под прочной тканью бочки, которые едва можно было различить из-за потоков воды, продолжающих литься с неба.

Надо отдать должное Вангеру, он быстро сообразил, что нужно делать, и громко выкрикнул в темноту: – Герт! К лебёдке!

Из леса выскочил второй всадник, в котором я узнала управляющего Вангера. Спрыгнув с коня практически на ходу, Герт побежал к треноге.

– Бочка ведь сейчас на другом конце верёвки, верно, Кристин? – уточнил Вангер, подхватывая меня на руки.

– Да. Только нужно быть с ней осторожнее: она повреждена. Её лучше сразу тканью обернуть, чтобы меньше дряни вытекло...

– Герт, слышал? Вытаскивай!

Управляющий взялся за ручку лебёдки и начал быстро наматывать верёвку на вал, а я попыталась освободиться из захвата Вангера: – Пустите! Нужно вытащить ещё две, иначе всё будет впустую.

– Кристин, посмотрите на себя: из ваших растерзанных ладоней сочится кровь, а кожа на руках – такое ощущение, что скоро полопается. Вам помощь нужна!

Дёрнувшись ещё раз, я посмотрела Вангеру прямо в глаза: – Если хотите помочь, тогда помогайте, а не мешайте. Умеете плавать и

нырять? А Герт? Знаете, где затоплены последние бочки?

– Не так хорошо, как хотелось бы.

– В таком случае будет лучше, если пострадает только один из нас троих, чем упустим шанс избавиться от этой дряни и озеро окончательно захиреет, а потом по подземным водам отравит остальные близлежащие водоёмы. Уже гибнет рыба возле трактира, а затем то же самое случится с другими...

Несмотря на все мои трепыхания, Вангер продолжал меня крепко удерживать в своих руках: – Кристин, вы сейчас точно не в том состоянии...

– Я справлюсь. Тут всего-то нужно подцепить ещё два крюка от лебёдок. Большую часть времени у меня как раз заняло курсирование туда-сюда, чем само ныряние и откапывание бочек. Помогите мне, Вильгельм! Это ведь и в ваших интересах тоже! Помимо отравленных вод в озёрах и ядовитых испарений над ними, вскоре почва пропитается всей этой гадостью, и тогда масштабы трагедии станут колоссальными!

Вангер продолжал сомневаться, но, видя, что я продолжаю упорствовать, осторожно опустил меня на землю. В этот момент как раз показался край бочки, и большая удача, что именно тот самый, с пробойной.

Я было рванула к куску ткани, чтобы подстелить под днище, но мужчина меня остановил: – Герт всё сделает сам. Сколько плыть до следующей бочки?

– Оставшиеся находятся почти возле дальней лодки, но ближе к тому берегу.

– Ясно, – коротко ответил Вангер и скинул с себя кожаную куртку, набросив её мне на плечи. – На Берге будет дольше добираться. Забирайтесь в лодку, а я сяду на вёсла. Скажете, где нужно будет остановиться.

Кивнув, я устроилась на скамейке, наблюдая, как он сталкивает лодку в воду, а сам запрыгивает следом.

– Как только Герт закончит, поймёт, куда ему нужно будет ехать. Кристин, у вас же дочь... О ней бы хоть подумали.

– Я подумала, потому и затеяла всё это, – несмотря на ливень, я потихоньку согрелась, чувствуя, как раны на ладонях потихоньку затягиваются, а жжение прекращается.

– Почему ко мне не обратились? Я бы прислал людей.

– Мне нечем было бы им заплатить, к тому же мало кто соглашался погружаться в воды Зауберерского озера после того, как пострадали последние ныряльщики. А ведь тогда ситуация была не настолько критичной.

– И вы решили, что сможете справиться самостоятельно... Это же чистое безумие.

– Раз взялись помогать, так не осуждайте. Быстрее покончим со всем этим, скорее сможем спать спокойно. Я только хочу попросить вас как-нибудь избавиться от бочек вместе с их содержимым безопасным способом, а не так, как поступил ваш дядя.

Лодка двигалась намного быстрее, чем когда ей управляла я, хотя Вангер налегал на вёсла без видимых усилий. Значит, скоро придётся снова нырять.

– Это даже не подлежит обсуждению: мне известно, как можно нейтрализовать эту руду, нужные реактивы, к счастью, имеются. Поступим следующим образом: вы сейчас перебираетесь вот в эту лодку, а я двинусь дальше, чтобы размотать верёвку. Ваш вес мал, но так будет всё равно быстрее, – Вангер умудрился поставить обе лодки параллельно друг к другу и помог мне перелезть через борта. После чего я получила ещё некоторую передышку. Из-за ливня испарения исчезли, так что не было счастья, да несчастье помогло. Я взглянула на свои ладони и увидела лишь несколько розовеющих кривых рубцов. Вдалеке периодически раздавались раскаты грома, и били молнии, поэтому если Вангер и заметит отсутствие ран, то решит, что ему попросту померещилось.

Кстати, вернулся он ещё быстрее, чем мы добирались до моей лодки. – Кристин, вы уверены?

– Абсолютно. Вы должны вернуться назад примерно на два корпуса лодки и остановиться. Четвёртая бочка как раз будет под днищем.

– Пронял.

Вот всегда бы так: минимум разговоров, максимум дела. Хотя мне не за что было ругаться на Вангера, ведь если бы не он, ещё неизвестно, чем дело кончилось. А так он сэкономил мне и время, и силы. Не говоря уже о том, что мне пришлось бы через Герта

связываться с ним и договариваться насчёт утилизации этих проклятых бочек.

Оказавшись в нужной точке, я по привычке начала стягивать с себя сорочку, и только потом услышала тихое бормотание: – Предупредили бы заранее...

Ойкнув, я заметила, как Вангер отвернулся. Мне по большому счёту было уже всё равно, как сейчас выгляжу, а вот он явно смутился. Ну да, ну да, другой мир, иные понятия о приличиях. Подхватив со дна лодки сеть с замотанной в неё лопаткой, я нырнула. Как и в случае с повреждённой бочкой, пришлось повозиться из-за того же илистого дна, но короткий отдых позволил мне немного восстановиться, а потому вероятность благополучного исхода была почти стопроцентная. Каждый раз, когда выныривала, чтобы глотнуть свежего воздуха, встречалась с обеспокоенным взглядом Вангера. Такое ощущение, что ещё одно погружение, и мужчина рванёт следом. Наконец, бочка оказалась обтянула сетью, узел завязан.

– Крюк!

Вангер подал мне конец верёвки, который я обмотала вокруг запястья, прежде чем снова опуститься на дно.

– Порядок. Подцепила.

Отвернув лицо в сторону, Вангер протянул мне руки и помог забраться в лодку. Меня слегка потряхивало от напряжения, но я всё-таки смогла натянуть на себя сорочку, а сверху укрыться курткой. Будь в этом мире приняты купальники, пусть и максимально закрытые, как в начале двадцатого века, не пришлось заниматься подобным идиотизмом. Но лучше так, чем иметь гребца, налегающего на вёсла вслепую. Я думала, что Вангер сцепит обе лодки, чтобы переместить мою параллельно последней треноге, но он сразу направился к берегу.

На мой немой вопрос я услышала: – Я ведь верно понимаю, что пятая бочка находится примерно напротив последней лебёдки?

– Это так.

– Сами же сказали, что, чем быстрее со всем этим разберёмся, тем будет лучше, поэтому стоит сразу отправиться за крюком.

И ведь даже не поспоришь. Пока Вангер сокращал расстояние между лодкой и берегом, я размышляла насчёт последнего места кружения сиприн. Шестая бочка или что-то иное? Эта мысль не давала мне покоя, поэтому опомнилась после того, как Вангер окликнул меня.

– Здесь или стоит чуть дальше...

– Ещё полкорпуса в сторону того берега, и будет достаточно.

А вот в этом месте дно оказалось не таким вязким, как до этого, зато подводные течения оказались намного холоднее и сильнее. Дважды ноги едва не свело судорогой, но мне удалось справиться со спазмами. Закрепив крюк на узле, я забралась в лодку, но одеваться не стала: лишь накинула сорочку на ноги, прикрыв ею нижнюю половину тела, и закуталась в куртку.

– Вильгельм, вы можете приблизиться вон туда?

Вангер посмотрел в указанном направлении и удивлённо вскинул брови: – Кристин, вы же говорили, что бочек всего пять. И мы с Гертом насчитали ровно столько же треног.

– Я не знаю, что там, возможно, ещё одна бочка, а может что-то другое. Нужно проверить.

– Кристин, у вас уже губы посинели, а сами вы находитесь на грани изнеможения, не стоит так рисковать.

– Это последняя моя просьба, и больше я вас никогда не побеспокою...

– Не говорите так! – тут же оборвал меня Вангер. – Я думаю, что всё обойдётся, и с вашим отравлением получится справиться без каких-либо последствий для здоровья.

– Я не это имела в виду.

– И об этом тоже забудьте. Моё слово по-прежнему в силе, и всё, о чём мы говорили ранее – тоже.

На этот раз я нырнула с пустыми руками, так как, обшаривая дно, легко могла лишиться и сети, и лопатки. Ничего... Снова ничего... Я хотела было уже оттолкнуться ото дна, чтобы подняться на поверхность, как кончики пальцев со всего маху больно обо что-то ударились.

Глава 49. Лечение

Сгруппировавшись, я развернулась и направилась к тому месту, где получила удар. Пошарив руками по дну, наткнулась на какую-то плоскую крышку. То ли небольшой ящик какой-то, то ли шкатулка. Вынырнув из воды, я крикнула Вангеру: – Дайте лопату и сеть!

– Кристин, может, не стоит...

– Даже не спорьте.

Чтобы откопать непонятный предмет, ушло немало времени и сил, прежде чем мои руки смогли оторвать его ото дна. Опутав находку сетью, я медленно начала подниматься вверх, так как на большую скорость уже была неспособна. Вангер попытался вытащить меня, но буквально впихнув ему в руки, стянутые в узел края, вцепилась пальцами в борт лодки, пытаюсь отдышаться. А вот как оказалась уже на скамейке, плохо помню. Вроде сама, а может, и нет. Дальше память возвращалась ко мне урывками. Вот показалась моя лодка... Потом Вангер поднял меня на руки и перенёс в неё... Затем небо замелькало так быстро...

– Кристин... Кристин!

Пришла в себя, только когда брызги коснулись моих босых ног. Оказалось, что Вангер подхватил со скамьи меня перед тем, как прыгнуть в воду у причала возле дома.

– Не надо домой, опустите меня в пруд. Нужно смыть всю эту гадость... Там вода чистая.

На самом деле мой расчёт был на то, что подрастающие сиприны, которых я не рискнула выпустить в озеро, хоть немного смогут успокоить воспалившуюся кожу.

– Кристин, вам нужен лекарь. Вы бредите...

– А он у вас есть? Не хотите нести, сама дойду!

Знаю, что наутро мне будет стыдно за такое хамское отношение, но легче извиниться, чем тратить время на разговоры. В итоге Вангер всё-таки меня послушался и отнёс к пруду, осторожно опустил в него, но продолжил поддерживать за плечи, чтобы я не утонула. Несмотря на то что вода уже остыла, постепенно озноб стал проходить, а жжение исчезать. Мальки щекотали моё тело, заставляя сдерживать улыбку,

чтобы мой спутник не решил, что я окончательно рехнулась. Почувствовав себя гораздо лучше, пошевелила руками, чтобы оттолкнуться ото дна и встать.

– Достаточно, дальше я сама дойду.

Но кто бы меня стал слушать? Вангер снова взял меня на руки и понёс в дом. Усадив в ближайшее кресло, он зажёл свет и осмотрелся. Увидев плед, оставленный на подоконнике, укутал меня в огромное вязаное полотенце.

– Кристин, вам нужно согреться. Где можно взять сухие вещи и полотенца?

– Наверху в спальне, только там Софи спит.

– Постараюсь её не разбудить.

Как только Вангер скрылся из виду, я поднялась и побрела к кухне. Как бы теперь заставить его уехать? Сиприны в лохани исцелят меня быстрее, чем мелочь из пруда. Только успела накинуть кусок холстины, чтобы спрятать рыб, как в кухню влетел запыхавшийся Вангер.

– Кристин, зачем вы встали? Я уже испугался, чтобы опять пошли к воде.

– Сами сказали, что нужно согреться, а тут теплее. Мне, правда, уже лучше. Спасибо за помощь, не хочу вас задерживать. С бочками следует разобраться как можно быстрее. А ещё с той шкатулкой.

Вангер бросил принесённый с собой ворох на лавку рядом со мной и развернул мои ладони, показывая на порезы и волдыри: – Кристин, вам нужна помощь. Я не могу вас оставить в таком состоянии.

– Тогда скажите Герт, чтобы он забрал шкатулку вместе с бочками.

Выругавшись, Вангер тут же извинился: – Простите, Кристин. Увы, Герт уже уехал за телегой, чтобы было на чём перевезти бочки к шахтам. А вот ваши руки нужно обработать, пока раны не загноились. У вас есть какие-нибудь лекарства или мази?

– Только если настойка рецедиса. Дочери им колени обрабатывала, когда она упала. А остальным как-то не озаботилась.

Естественно, никакой настойкой я так ни разу и не пользовалась с тех пор, как купила у одной знахарки по пути в охотничий домик.

– Годится.

Пришлось сказать ему, где находится пузырьёк, а потом, сцепив зубы, молчать, чтобы не заорать, пока Вангер лил едкую жидкость мне на ладони. Разорвав одно из полотенец на лоскуты, мужчина перебинтовал руки, после чего коснулся моего лба.

– Кристин, у вас жар. Вам нужно к лекарю.

– А Софи куда? Если проснётся, то хотя бы голосом смогу её успокоить.

Выругавшись снова, Вангер укутал меня ещё одним пледом, а потом вскочил на ноги.

– Я скоро вернусь!

Уф-ф-ф, неужели всё настолько просто? Я дождалась, когда он отвяжет Берга, которого, видимо, привёл к дому Герт, и скроется из виду. Ставив с себя мокрую сорочку, швырнула её в очаг и развела огонь. Туда же отправились и наложенные на руки повязки. Сколько времени понадобится Вангеру, чтобы добраться до того же Вильда? Час точно у меня есть. Я заперла дверь кухни, а затем опустилась в лохань, прополоскав в ней предварительно волосы. Можно было бы проделать то же самое и при Вангере, но раскрывать свои секреты раньше времени не хотела. Глупо? Возможно, но даже несмотря на оказанную помощь и проявленную заботу, пока не могла ему довериться. С той же Марго было намного проще, а вот недомолвки Вангера настораживали. Я понимаю, у всех есть свои секреты, и может, вполне оказаться так, что мои страхи яйца выеденного не стоят, но что-то меня останавливало.

Вангер отсутствовал гораздо дольше, чем рассчитывала. Наконец, вдалеке послышалось лошадиное ржание и пришлось вылезать из лохани. Наскоро вытершись, я натянула прямо на голое тело чистое платье, а потом замотала волосы в полотенце и укрылась сухим пледом. Как раз успела открыть дверь и усесться на лавку перед тем, как Вангер торопливо пересёк зал, а затем и кухню. Сняв с плеча кожаную сумку, он начал выставлять на стол разномастные пузырьки и флаконы. И тут я сообразила, что не замотала ладони, а потому спрятала руки под плед.

– Слава богу, успел. Пришлось мчаться в поместье, только там имеются лекарства, которые наши люди, работающие на шахтах, используют при отравлениях парами.

Удивлённая такой заботой, я только и могла, что прошелестеть: – Спасибо...

Взяв чистую кружку, Вангер вылил в неё содержимое вначале одного флакона, потом другого, взболтал и протянул мне: – Кристин, вам необходимо всё это выпить до того, как оба эликсира расслоятся.

Через плед я обхватила кружку руками и постаралась выпить получившуюся эмульсию до конца. Вот только эта жидкость, напомнившая по консистенции густой кисель, глоталась с трудом из-за своего кислого привкуса. Под конец даже закашлялась, так как горло нещадно стало драть.

– Потерпите немного, воду предложить пока не могу, иначе все полезные свойства сойдут на нет.

Поморщившись, я кивнула и прислонилась спиной к стене. Вангер тем временем разжёл плитку и поставил на огонь кастрюлю, плеснув в неё уже из трёх пузырьков и добавив около стакана воды из чайника. Когда всё закипело, мужчина обернул ручки полотенцами:

– А теперь нужно подышать этим паром, чтобы нейтрализовать действие испарений, которыми вы надышались на озере.

– Но ведь сегодня...

– Да, сегодня был ливень, но ведь вы и до этого немало времени проводили около воды.

Пришлось подчиниться и склониться над кастрюлей. Легче было вычихать свои лёгкие, чем дышать паром, поднимавшимся к моему носу. А напоследок Вангер заставил меня выпить ещё одну настойку, после чего присел передо мной на корточки и снова пощупал лоб.

– Вроде помогает... Кристин, умоляю вас, если вам в голову снова взбредёт какая-нибудь безумная идея, сразу сообщите. Даже если вас не удастся отговорить, хотя бы пришлю людей помочь или подстраховать вас.

– Как вы вообще оказались у озера?

– Мальчишка почти к полуночи принёс письмо от вас и настоял, чтобы я немедленно его прочёл, объяснив, что поступил из лучших побуждений.

После всего пережитого и, думаю, под действием лекарств, мозги в голове ворочались с трудом. Какой мальчишка? Какое письмо? Я посмотрела на стол, а потом медленно прокрутила в голове события этого дня. Утром ведь заходил Хэрб! Точно помню, как писала письмо

и оставляла его на столе перед тем, как отправиться вытаскивать первые бочки, но как убирала за ненадобностью — уже нет. Получается, что юноша его стащил, но почему тогда отнёс Вангеру так поздно? По всему выходило, что сперва письмо попало к Марго, а уже она послала сына в поместье. Правильно, Хэрб же видел мои руки и, видимо, решил, что стоит рассказать обо всём матери.

— Кристин?

— Я действительно оставляла на всякий случай письмо и для вас, если вдруг со мной что-то случится. Вот только...

— Да, мальчишка его стащил. Я знаю, он об этом тоже рассказал и пояснил, что ко мне его послала мать.

— Марго.

— Именно она. Не держите на них зла, Кристин, ведь они действовали из лучших побуждений. Даже страшно представить, что было бы, не явись мы с Гертом так вовремя.

Что было бы? Мой хладный труп на дне озера, не иначе. Моя самонадеянность вышла бы боком со всеми вытекающими. Если бы не ливень, то всё могло получиться, но, увы...

— Всё, что я делала — это только ради нас с дочерью.

— Знаю. Иначе вы бы не сидели сейчас на своей кухне, а лежали в домике ближайшей знахарки, восстанавливаясь на протяжении долгих недель. Но пугать вашу дочь снова и тем более оставлять её сиротой я не хочу. Не каждая мать готова так биться за будущее своего дитя. Поэтому ещё раз, ради вашей дочери прошу о том, чтобы вы больше так не рисковали.

У меня к горлу подступил ком, а на глазах начали наворачиваться слёзы. Родной отец так не пёкся о Софи, как совершенно посторонний ей человек.

— Кристин, не стоит. О том, что сегодня ночью произошло на озере, не узнает никто, мы же с Гертом будем молчать, ибо ни к чему распускать лишние слухи. Очень надеюсь, что ваши жертвы не были напрасны, и на озере можно будет продолжать жить, не опасаясь за своё здоровье. От отравляющих воды бочек вы избавились, но ближайшие недели постарайтесь держаться от берега подальше. Утром я закажу специальные средства, которые помогут нейтрализовать последствия воздействия руды, но в лучшем случае они приедут не раньше чем через четырнадцать, а то и семнадцать дней. Не

волнуйтесь, без вашего ведома ничего не стану выливать в озеро. Хватит того, что дядя натворил, а потом скрыл. Это ведь Маргарита Шмид вам рассказала про бочки?

– Да, она. Вы ведь и так догадались, когда Хэрб, её сын, принёс письмо.

– Верно. Даже мой отец под конец жизни признал, что дяде стоило её держаться. Умная женщина, хоть и пошла по такому пути...

– Не вам её осуждать, Марго ведь тоже стала любовницей вашего дяди из-за того, что нужно было на какие-то деньги детей растить и младшую сестру.

Услышав мой упрёк, Вангер поджал губы и шумно выдохнул, словно хотел возразить, но потом передумал. Меня же всё больше и больше клонило в сон.

– Кристин, вас отнести наверх?

– Не думаю, что мне стоит сейчас близко находиться к Софи, а вот утром уже будет понятно, как поступить.

– Как скажете...

Но ответ Вангера прозвучал уже словно сквозь пелену, потому что сон окончательно сморил меня.

Глава 50. Контроль

Утром я по привычке подскочила на рассвете и едва не свалилась с лавки, на которой, как оказалось, проспала весь остаток ночи. В теле присутствовала лёгкая ломота, но связана она была скорее с перенесёнными нагрузками, чем контактом с водой в озере. Потянувшись до хруста, я откинулась обратно на подушку. Стоп! Откуда она здесь взялась?! В принципе, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться. Очаг был потушен, но в кухне тем не менее сохранилось тепло, несмотря на то что по утрам обычно бывает несколько промозгло из-за близости сразу двух водоёмов. Закутавшись в плед, я достала спички, чтобы разжечь огонь в плите, и с удивлением обнаружила, что чайник горячий. Получается, Вангер всю ночь провёл около меня и уехал совсем недавно.

Но зачем ему это понадобилось? Из-за Софи? Вполне возможно, если учесть, с какой теплотой он к ней относится. Я усмехнулась сама себе, ведь действительно всё выглядит так, как сохранение жизни непутёвой матери для того, чтобы её кроха не осталась одна.

На столе помимо тех лекарств, что привёз ночью Вангер, лежала сложенная на манер письма записка. Развернув бумагу, я вчиталась в текст, напомнивший мне рекомендации врача с подробными описаниями, какое средство из какого флакона в каких дозировках принимать. Подобное проявление заботы не могло не греть мою душу, но как бы ни был мне симпатичен Вангер, как мужчина, позволить себе помечтать о воздушных замках не имею право. Кристин Вербер заплатила слишком дорогую цену за свои надежды на тихое семейное счастье, поэтому, будучи разведённой женщиной, я имею больше возможностей, чтобы устроить свою жизнь по своему разумению. И не только собственную, но и Софи. Ведь уже лет через пять-шесть придёт время либо определить её в какой-нибудь подходящий пансион, чего бы мне очень не хотелось, либо нанимать учителей. Так что в первую очередь наше с дочерью благополучие, желательно такое, чтобы никто не посмел его разрушить, а потом уже жизнь покажет, смогу ли довериться кому-либо мужчине настолько, чтобы пустить в свой дом, кровать и душу. К тому же Вангер до сих пор любит свою покойную

жену, а становиться тенью или заменой бывшей возлюбленной – это путь в никуда. Я не отрицаю, что можно помнить и любить людей, которые, к сожалению, ушли из жизни, но такая скорбь «считается» через эмоции несколько иначе. По Вангеру же было заметно, что его боль ещё не отгорела.

Упёршись руками в край стола, я несколько раз мотнула головой. Что-то как-то мысли совершенно не туда усакали. Ладно, сейчас я жива, бочки из озера вытащены и, надеюсь, утилизированы, еда имеется, деньги пока тоже. Остаётся понять, сколько времени понадобится сипринам, чтобы окончательно восстановить экосистему. Пока что относительным индикатором можно считать туман. Ещё, как вариант: пробные выловы рыбы и их исследование. Прислушавшись к себе, а затем осмотрев кожные покровы, я поняла, что чувствую себя вполне сносно и восстановление идёт быстрыми темпами. Закутавшись плотнее в плед, вышла на крыльцо и вгляделась в густое молочное марево, расстилающееся над озером. Пока рано что-либо говорить, но сизоватых испарений вблизи берега не наблюдалось. Правильнее было бы оценить ситуацию с воды, но рекорды моего безумия были побиты прошедшей ночью, а я ещё не настолько отчаялась, чтобы добить себя, окончательно наплевав на здравый смысл. После снадобий, которыми меня ночью накачал Вангер, дышалось легко и непринуждённо. Нет, всё-таки я правильно поступила, что решила рискнуть. Ещё немного, и даже дар, открывшийся после смерти Кристины, не помог.

Я вернулась на кухню и заварила ромашковый чай. Пока дочь спит, есть время прикинуть планы на этот день. Через несколько часов должен заглянуть Хэrb, а около полудня Герт, значит, пора привести себя в порядок. Лекарства – это, конечно, хорошо, но проверенные методы всегда в приоритете. Сиприны замерли на дне лохани, словно ожидая от меня каких-либо действий. Просто сменить воду, а потом накопать в лесу червей или? В итоге я перекидала рыбу в вёдра и выпустила в пруд, а потом нырнула в воду. Пока над долиной расстилается туман, при всём желании со стороны поместья ничего не будет видно, что творится около дома.

Делая ленивые взмахи руками, я, плыла на спине и наслаждалась царящим вокруг умиротворением. Время от времени вдоль боков ощущались прикосновения плавников, причём не только мальков, но и

взрослых сиприн. Посмотрю, как дальше дело пойдёт, может, уже через несколько дней и этих переселю в озеро.

Потихоньку туман начал рассеиваться, и пришлось вылезать на берег. После всех ночных приключений я осталась без сорочек и пары платьев, которые и так на ладан дышали. Придётся обратиться либо к Марго, либо к какой-нибудь швее из Вильда. В любом случае путь будет лежать к хозяйке трактира, ведь пока только у неё можно ткани заказать. Сомневаюсь, что после того, как Эгон Вангер практически выпил всю кровь и деньги из своих крестьян, у них достаточно ресурсов, чтобы наткать тех же простых полотнищ для рубах и сорочек для себя.

Голод напомнил о себе, а потому пришлось приложить все усилия, чтобы основательно не подточить запасы колбасы, хлеба и сыра. Кто готовит суп на завтрак, тот я! Собственно, под этим лозунгом пришлось варить сытную похлёбку дважды, потому что первая как-то незаметно испарилась, стоило попробовать лишь ложечку. Вот они, минусы владения магическим даром. Зато пока варила кашу для Софи, уже не чувствовала желания приговорить ещё и кастрюльку овсянки.

Услышав знакомое требовательно-вопросительное «мам-ма», я улыбнулась и закрыла полностью кольцами-заслонками конфорку, поставив сверху греться чайник.

Поднявшись по лестнице, подхватила радостно визжащую Софи на руки, а потом отвела переодеваться. Всего один чулок надет пяткой вперёд, зато второй старательно подвязан лентой на кривой бантик. Целуя округлившиеся щёчки дочери, я помогла ей привести одежду в порядок, а потом несколько раз показала, как следует различать, где «перед», а где «зад» при одевании. Софи пыхтела, ругалась на отказывавшуюся сгибаться как нужно ногу, но упорно шла к своей цели. Подумать только: ещё несколько недель назад она вообще не была способна хоть что-то сделать самостоятельно как из-за хилых мышц, так и по той причине, что не знала как. Да и не давали ей что-то делать, ведь послушная немая кукла, которая всегда найдётся на том самом месте, где её оставили – это так удобно! Хотя если вспомнить историю, то до сих пор удивляюсь, как человечество не вымерло с таким отношением к детям. Сейчас, конечно, ситуация изменилась, но, к сожалению, «упала» в противоположную плоскость, когда наступила эра гиперопеки, помноженная на чрезмерную занятость малышей с

самого рождения. Везде есть плюсы и минусы, а я для себя решила, что стоит придерживаться развития бытовых навыков и восстановления речи. Загрузить головку Софи ещё успею. Тем более, что образованных женщин здесь всё равно ценят в первую очередь лишь как украшение мужа, повод для хвастовства, но не более. Получится ли у меня научить Софи правильно хитрить, чтобы устроиться в этой жизни и не повторить путь своей настоящей матери? Очень надеюсь, что да.

Хэрб появился около восьми утра, робко постучав в дверь так, словно опасался нарваться на пламя двенадцатиглавого огнедышащего дракона.

– Доброе утро, госпожа Вербер, – поздоровался юноша, протягивая кувшин с молоком.

Я отошла в сторону, пропуская парня в дом: – Здравствуй, Хэрб. Проходи на кухню, только впредь со стола больше ничего не бери без спроса.

Сын Марго тут же втянул голову в плечи и засеменил через зал.

– Госпожа Вербер, я...

Софи, понимая, что её любимчику Хэрбу сейчас влетит, влезла на лавку и подёргала парня за рукав.

– Ты поступил правильно, хоть и против моей воли. Спасибо тебе за заботу и Марго тоже. Да, я недовольна, что ты стащил письмо, которое не предназначалось ни тебе, ни твоей матери, но в итоге оно сыграло положительную роль в том, что сейчас стою перед тобой, а не покоюсь на дне озера. Всё это говорю к тому, чтобы понимал, что не всегда подобное вмешательство не ударит больно по вам. Люди ведь разные бывают, не все подобны мне.

Хэрб с удивлением взглянул на меня: – То есть, вы не сердитесь, госпожа Вербер?

– Была бы круглой идиоткой, если бы позволила себе такое. И всё-таки будь осторожен. Мать хорошо тебя воспитала, и мне не хотелось, чтобы ты из-за своего добросердечия пострадал. Ответь мне лишь на один вопрос: вы с Вильгельмом Вангером договорились, чтобы ты пришёл так рано, а потом, в случае чего, позвал на помощь?

Хэрб кивнул: – А мать план одобрила.

Вот взялись на мою голову заговорщики-контролёры! Хотя могу их понять. – И как долго ты должен пробыть у меня?

Судя по тому, как юноша отвёл взгляд в сторону, ответ напрашивался сам собой: до полудня. Потому что потом приедет Герт, заберёт пустую бочку, затем привезёт уже наполненную водой, и таким образом, за чумовой хозяйкой охотничьего домика будет пригляд в течение дня.

– Можешь идти, Хэрб. Как видишь, я в полном порядке, так и передай Марго. Лекарства у меня есть, самочувствие отличное.

Юноша с сомнением на меня покосился, задержавшись взглядом на перебинтованных руках.

– Ночью ободрала ладони, не более того. Барон Вангер сам это видел, так как можешь не переживать.

Обижать парня не хотелось, но мне нужно было остаться одной, чтобы позаниматься с Софи. Дар-даром, а вот её мышцам лучше помогать руками. Равно как и наладить произношение звуков. Дочери наши занятия нравились, хотя думается мне, в первую очередь тем, что я была рядом.

В конечном счёте мне удалось убедить Хэрба в том, что никаких поводов для беспокойства нет, а как только смогу, так сама навещу Марго. Проводив юношу, мы с дочерью немного прогулялись по террасе, а потом поднялись на второй этаж. Пришлось держаться изо всех сил, чтобы не плюхнуться вслед за Софи на постель, когда через полчаса после окончания занятий дочь начала клевать носом и сама потопала к кровати. Ребёнка не смогла соблазнить даже перспектива залезть в шкаф, пока перебираю вещи, чтобы сориентироваться, как обстоят у нас дела с одеждой. Зато к приезду Герта мне не пришлось таскать дочь на себе, ведь несмотря на все принятые меры, спина и руки побаливали. Пусть для всех Софи по-прежнему пока остаётся немощной девочкой, чтобы не вызывать никаких подозрений. Слишком мало времени прошло после развода и отъезда из поместья Майеров.

– День добрый, господин Герт, – поздоровалась я с управляющим, пока он привязывал свою лошадь.

Мужчина снял шляпу, а потом слегка поклонился, отвечая на приветствие. Вот только от меня не укрылись ни его утомлённый вид, ни повязка, выглянувшая из-под рукава куртки.

Глава 51. Между совестью и тайной

– Господин Герт, может, не стоит сегодня ездить за водой? У нас ещё есть достаточный запас.

Управляющий быстро одёрнул рукав, прикрывая забинтованное запястье: – Мне поручено снабдить вас продуктами и водой, поэтому я здесь. Благодарю вас за заботу, госпожа Вербер, но этот пустяк совершенно мне не мешает выполнить мою работу.

Если Герт всю ночь проводился с лебёдками и бочками, а Вангер уехал всего несколько часов назад, то, скорее всего, мог быть не в курсе, что его управляющий получил травму. Вероятнее всего, вообще его не видел, так как мало кто после бессонной ночи останется на ногах и не выделит себе немного времени для отдыха.

– Пойдёмте в дом.

Герт вытащил из телеги объёмную корзину, доверху наполненную продуктами, но сделал это не той рукой, что была повреждена. Сложно сказать без осмотра, было ли там обычное растяжение или вывих, но при мысли, что мужчине придётся в одиночку таскать тяжеленную бочку, стало не по себе. Он и так немало сил потратил ночью. Оказавшись на кухне, управляющий поставил корзину на дальний стол и шагнул к пустой бочке, но я перегородила ему дорогу: – Господин Герт, пока не покажите, что случилось с вашим запястьем, не выпущу вас из своего дома и буду всячески препятствовать исполнению вашего поручения. Мне прекрасно известно, насколько вы сильны физически, но если попытаете отстранить меня, подниму крик, и тогда Софи проснётся, а вам придётся объясняться с бароном Вангером насчёт произошедшего.

– Госпожа Вербер, вы сами сильно пострадали минувшей ночью...

Я скрестила руки на груди и упрямо посмотрела Герту прямо в глаза: – Как видите, со мной полный порядок. К тому же мне не нужно таскать тяжести, и в любой момент могу прилечь, чтобы отдохнуть, в отличие от вас. Я ещё не забыла, сколько времени занимает дорога до Вильда, а управлять лошадью лучше тоже обеими руками.

– Ивли смирная, вы же сами видели, поэтому достаточно лишь слегка шевелить поводьями.

– Вот сейчас вы признались, пусть и не открыто, что второй рукой не можете пользоваться в полной мере. Присаживайтесь на лавку и снимайте свою повязку. У меня остались кое-какие лекарства из привезённых бароном Вангером.

Управляющий покачал головой: – Госпожа Вербер, вы всё-таки госпожа, а я...

– А вы в первую очередь человек, которому нужна помощь. И я человек, а уже потом женщина, бывшая когда-то баронессой, но лишённая этого титула. Вы ведь тоже мне жизнь спасли, как и барон Вангер, поэтому в долгу перед вами обоими. Не вижу смысла геройствовать, господин Герт, усугубляя собственное состояние. Или давайте сделаем так: поедem в Вильд вместе, но там найму людей, чтобы помогли как с наполнением бочки, так и с её доставкой. Можем заодно прокатиться до поместья, чтобы я смогла как выразить благодарность за помощь барону Вангеру, так и при этом пожаловаться на ваше легкомыслие. Он ведь не в курсе вашей травмы?

Судя по желвакам, заигравшим на щеках Герта и отведённому всего на несколько мгновений взгляду, я попала в самую точку. И как раз сейчас мужчина пытался выбрать, какую линию поведения принять.

– Можете даже попытаться меня отодвинуть и забрать бочку, но ключи от всех дверей этого дома у меня: не думаю, что вам доставит особое удовольствие пробивать себе дорогу на выход, а потом ещё и исполнять роль плотника, восстанавливая разрушенное. К тому же подобные действия ещё сильнее повредят вашему запястью...

Поняв, что я не отступлюсь, Герт развернулся и подошёл к той лавке, на которую ему указала ранее.

– Рада, что мы пришли к взаимопониманию. Снимите, пожалуйста, куртку: так будет намного удобнее заняться вашей рукой.

Я достала из коробки бинты, купленные ещё во время путешествия, но о которых напрочь забыла, когда Вангер обрабатывал мои ладони. Пока управляющий снимал куртку, облила нож настойкой рецедиса, чтобы на всякий случай продезинфицировать, а потом перерезала им узел на повязке, который всё никак не хотел развязываться. Осторожно разматывая слой за слоем, я добралась до причины, из-за которой мужчина испытывал боль. Химический ожог.

– Чем это вы так умудрились повредить кожу? Потёками из бочек?

– Нет, госпожа Вангер. Случайно попали реактивы, которые превращают руду в безопасную для применения.

– Кислота или щёлочь?

– Ни то ни другое, – автоматически произнёс Герт, а потом с удивлением прищурился.

Вот же дура! Так проколоться! Мысленно надавав себе подзатыльников, я сделала вид, что не обратила на реакцию управляющего никакого внимания. Вместо этого взяла чайник и глубокую миску, бормоча при этом себе под нос достаточно громко, чтобы мужчина слышал: – Если ни то и не другое, значит, можно промыть обычной водой... Мне так говорили...

Не знаю, сработает ли такой вариант, чтобы снять с себя подозрения, но всяко лучше, чем пытаться оправдаться. Верно ведь говорят, что на воре и шапка горит.

Пристроив миску на коленях у Герта, я полила место ожога остывшей кипячёной водой, а потом аккуратно подсушила чистым полотенцем. После этого взяла со стола мазь, оставленную Вангером и щедро зачерпнула пальцами.

– Господин барон оставил мне записку, в которой указал, что это снадобье следует наносить на язвы после купания в отравленной рудой воде. Думаю, что вам она тоже сможет помочь.

На самом деле, меня мало интересовали свойства мази, потому как всё, что я делала, в первую очередь было прикрытием, чтобы незаметно подлечить Герта. Полностью убирать последствия ожога было опасно, но поспособствовать скорейшему восстановлению повреждённых тканей вполне. Я достаточно неплохо натренировалась на Софи и себе в управлении своим даром, чтобы всё сделать как надо. Во время моих манипуляций Герт не проронил ни слова и даже не поморщился, хотя мне прекрасно было видно, насколько болезненными были мои прикосновения. Хорошо утром испробовала мазь на себе и знала, что она обладает ко всему прочему свойствами анестетика. Управляющий не такой дурак, чтобы лезть под повязку до тех пор, пока не вернётся в поместье, таким образом, можно не беспокоиться насчёт раскрытия моего маленького обмана.

– Господин Герт, а вы сказали, что вот реактивы способны сделать руду безопасной. Получается, что она теперь пригодна для чего-нибудь и больше не отравит ни почву, ни воду?

– Верно, госпожа Вербер. Раньше её таким образом обеззараживали и просто закапывали в землю, чтобы не только избавиться, но и спустя годы получить возможность найти неподалёку новые жилы или зарождения полезных металлов. Но пару лет назад был найден способ обработки и применения для изготовления крепких инструментов, использующихся при горной добыче. Так что бочки, выращенные из озера, принесли не только вред, но и пользу. Господин барон сам хотел сказать вам об этом, когда навестит в следующий раз, но раз вы так переживаете из-за токсичности бочек...

– Можете не волноваться: ваш секрет не выдам. Спасибо, что поделились. Просто не хотелось бы снова столкнуться с чем-нибудь подобным, что творилось на Зауберерском озере.

– На этот счёт вам точно не стоит беспокоиться: господин барон знает, как обращаться с подобными вещами.

– Это хорошо... Готово! – я завязала концы бинта на узелок и отстригла лишние куски, чтобы не мешались.

– Благодарю вас, госпожа Вербер, – Герт попытался встать, но был мной остановлен.

– Посидите хоть немного, чтобы мазь смогла облегчить боль. Я пока корзину разберу. Может, вам что-нибудь предложить в качестве перекуса?

– Нет-нет, не нужно беспокоиться, госпожа Вербер.

Я нарочито медленно вытаскивала продукты и рассортировывала их, убирая в соответствующие корзинки или на полки. Во-первых, странно было бы проявлять прыть после того, как ночью едва не испустила дух, во-вторых, чем больше времени пройдёт с момента перевязки, тем правдоподобнее окажется «целебный эффект» мази.

Как только корзина опустела, я отнесла её в телегу, угостив при этом терпеливую лошадку яблоком. Едва вернулась на кухню, как застала Герта, обвязывающего бочку верёвками, как в прошлый раз.

– Может, всё-таки в другой раз привезёте воду, а пока дадите своей руке отдых? Рана быстрее затянется...

Глава 52. Хозяйка

– Я благодарю вас, госпожа Вербер, за заботу, но чувствую себя достаточно хорошо, чтобы исполнить поручение господина барона.

Вздыхнув, я кивнула и распахнула дверь пошире, чтобы удобнее было пройти с такой громоздкой ношей на улицу. Ох, уж эти мужчины! Придут к врачу только тогда, когда копьё в спине будет спать мешать. Герт уехал, а я поднялась в спальню, чтобы немного вздремнуть. Несколько часов в запасе у меня есть, так зачем же пренебрегать возможностью отдохнуть? Вряд ли ошибусь, если вечером Вангер снова решит приехать, чтобы удостовериться в моём благополучии.

В итоге к возвращению управляющего мы с Софи успели не только встать и привести себя в порядок, но и накрыть на стол. Хорошо, что суп был сварен ещё утром, так как после сна особым энтузиазмом к кулинарным подвигам я не горела. Организм требовал «дня лени», и спорить с самой собой сегодня совершенно не хотелось. Мгновенно среагировав на лошадиное ржание, дочь тут же полезла на подоконник, чтобы увидеть приближение телеги. Думаю, Герт специально каждый раз слегка подстёгивал Ивли, чтобы таким образом предупредить о своём появлении.

Вообще, интересный человек этот управляющий: явно не из числа простых слуг. В поместье Майеров я достаточно насмотрелась на служивших там людей, и разница была заметна. Можно годами работать на хозяев, но такой деликатности не приобрести. В Герте чувствовалось воспитание и некоторая «внутренняя интеллигентность». Вряд ли он из обнищавших или разорившихся дворян: прослеживается хватка, характерная для привыкшего трудиться с молодых лет человека, но и на выходца из деревни не похож. Поэтому несмотря на его просьбу называть просто по имени, у меня язык не поворачивался опускать во время разговора обращение «господин», особенно после того, как узнала, кем он служит у Вангера. Ладно, возможно, со временем узнаю или пойму, что к чему. Хотя может статься, что докапываться до правды не стоит: у каждого свои скелеты в шкафу, а прошлое не всегда имеет значение в настоящем.

Я достала из шкафа ещё одну миску и ложку, а потом нарезала побольше хлеба, чтобы хватило на всех, добавив сыра и ветчины. Пусть Герт основательно подкрепитя, иначе целый день, проведённый в разъездах после бессонной ночи, на пользу здоровью не пойдут, особенно в его годы. Будь моя воля, дала бы управляющему на сегодня выходной, а чтобы наверняка не отправился заниматься какими-нибудь важными делами, подсыпала снотворного.

— Господин Герт, окажите любезность: пообедайте вместе с нами.

Увидев третью миску на столе, управляющий как-то замялся, хотя я точно знаю, что по статусу он имеет право во время трапез занимать место за столом с хозяевами дома, в котором служит. Не говоря уже о том, что у меня и титула никакого нет, одно лишь обращение «госпожа», ни к чему не обязывающее и всего лишь указывающее на вежливое обращение.

Пробормотав, что сперва займётся бочкой с водой, мужчина исчез из поля зрения. Решив, что не стоит смущать управляющего лишний раз, быстро поела сама и помогла Софи поскорее справиться с обедом, пообещав поговорить с Гертом насчёт того, чтобы он снова позволил погладить лошадь. Таким образом, когда мужчина поставил бочку на место, дочь уже тихонько играла с зайцем на дальней лавке, с любопытством поглядывая на нашего гостя.

— Господин Герт, вы всё-таки передавили повязкой свою рану... Так что, хотите или нет, но вас будет ждать очередная перевязка. Софи, мы же будем настаивать, да?

Аргумент оказался железобетонным, а потому никаких возражений ни по поводу предложенного обеда, ни насчёт перевязки не последовало. Несмотря на сбившуюся на сгибе повязку, ситуация оказалась не настолько критичной, как мне думалось. Пришлось только чуть глубже воздействовать даром, чтобы более глубокие слои тканей восстановить и бинтами зафиксировать гораздо большую площадь, дабы исключить возможность сгибания руки в запястье. Ничего, быстрее всё затянется. Я специально после того, как закончила возиться с пострадавшей рукой, «вспомнила» о том, что Софи хотела погладить Ивли. Нужно же было дать время, чтобы «мазь» подействовала. Дочь получила очередную возможность проявить любовь к лошадям, а моя душа была спокойна, что хоть как-то смогла отблагодарить Герта за помощь, пусть и не полностью убрав

последствия ожога. Правда, незаметно всё-таки смогла сунуть деньги за продукты в карман его куртки. Пообещав приехать ещё через три дня, управляющий откланялся и уехал.

«Ленивый день» вышел что надо. Мы прогулялись с дочерью вдоль пруда, а потом и до самого леса, потом немного позанимались, снова вздремнули, а вечером испекли песочный пирог с вишней. Внешне он получился немного страшненьким, зато вполне походил на творение рук девушки, которая не очень хорошо умеет готовить. Хватит, один раз уже сегодня едва не выдала себя с потрохами, а в пансионе воспитанниц всё-таки худо-бедно учили готовить чисто для понимания процесса. А иначе как хозяйка сможет проконтролировать, чего ей там прислуга к столу подаёт? Другое дело, что большинству девушек эти навыки потом не пригождались. Как раз с момента выпуска прошло не так много времени, чтобы у настоящей Кристины память отшибло напрочь, если бы она на самом деле интересовалась всеми этими тонкостями. По-хорошему, если бы не вся эти догмы насчёт единственной цели женского существования в виде выхода замуж, вбиваемые в головы юным воспитанницам пансиона, образование там можно было получить неплохое. Но всех устраивало поверхностное отношение девушек к наукам и каким-либо бытовым направлениям обучения.

Софи втихаря пыталась выковырять своими шустрыми пальчиками сочные вишни из пирога, пока тот остывал, а получив кусок, с удовольствием извасюкалась по самые уши и начала требовать ещё. Пришлось включить «строгую маму» и объяснить, что требовать с меня что-либо бесполезно, а вот научиться просить стоит. И если будет отказано, то устраивать истерики бесполезно. Хватило мне опыта работы с избалованными детьми в прошлой жизни и прекрасного примера в виде золовок в этой. Софи снова попробовала «проявить характер», но я стояла на своём. Любовь-любовью, жалость-жалостью, но не во всех вопросах можно позволить дать себе слабину. Услышав, пусть и не полностью верно произнесённую просьбу, я похвалила дочь и отрезала ещё один небольшой кусочек.

Глядя на заляпанное соком платье Софи, стало ясно, что с визитом к Марго и швее тянуть не стоит. Мало того что дочь, тьфу-тьфу, стала хорошо расти, так ещё и одежда из строя выходит очень быстро. Вот где тоска без кислородных отбеливателей и пятновыводителей! И

стиральной машины, если уж на то пошло. Даже щёлок не всегда способен справиться с такой напастью, как пятна от ягод и травы. К тому же Майеры шили платья для Софи из светлых тканей, согласно статусу, хоть она и не была желанным ребёнком в этой семье. Однако для жизни на природе в отсутствии слуг такие цвета мало пригодны. Понятное дело, что в чёрное и тёмно-коричневое дочь не одену, но точно не в бежевое или светло-голубое.

Делать нечего, пришлось искупать Софи перед сном, прежде чем уложить спать. Рассказывая очередную сказку про принцессу, я ловила себя на мысли, что если бы не высокая вероятность появления Вангера в ближайшее время, сама бы пристроилась рядом с сопящей дочерью. Мне безумно нравились наши с ней вечера, жаль, что в последнее время из-за отравленного озера приходилось выбираться из кровати и идти решать проблемы. Ничего, зато сейчас можно на несколько дней отложить прогулки вдоль берега и наблюдения за туманом.

Как я и думала, вскоре после того, как спустилась на кухню, чтобы убраться, приехал Вангер, и, судя по укоризненному взгляду, теперь на месте Софи оказалась я, и отчитывать будут уже меня. Понять бы только, за что именно.

— Добрый вечер, госпожа Вербер! Рад видеть вас в добром здравии.

Глава 53. Один-один

– Скорее, уже ночи, господин Вангер. – я жестом пригласила Вангера войти и закрыла за ним дверь. – Благодарю вас за заботу и оставленные лекарства. Какая же причина привела вас сегодня в мой дом?

Мужчина подошёл к одному из кресел, но опустился в него только после того, как я заняла своё: – В первую очередь я беспокоился о вашем самочувствии. Всё-таки вы серьёзно пострадали минувшей ночью.

– Господин Герт сегодня днём в этом убедился, к тому же я просила его передать, что никаких поводов для беспокойства нет. Жаль только, вы не дали своему управляющему отдыха, ведь он и сам получил травму этой ночью, не говоря уже о том, что немало потратил сил, помогая избавиться от бочек.

Лицо Вангера слегка посмурнело: – К сожалению, этот момент я упустил, так как Герт заверил меня в том, что не видит никаких препятствий, чтобы выполнить моё поручение, а об ожоге узнал уже после возвращения от вас, увидев повязку. Увы, у меня не очень большой штат слуг, но доверять могу только им. Посылать же к вам людей, в которых не уверен, так как знаю слишком мало, для меня недопустимо. Равно как и нарушить нашу договорённость, несмотря на то что вы сами ей который раз пренебрегаете.

Изобразив непонимание, хотя прекрасно догадывалась, о чём идёт речь, я взглянула на своего собеседника: – Что вы имеете в виду, господин Вангер?

– Во время прогулки вдоль озера, когда принёс вам свои извинения за неподобающее поведение и предложил свою помощь, я сказал, что денег с вас не возьму ни за продукты, ни за воду. Однако уже дважды вы передали деньги через Герта, – Вангер достал из кармана полотняный мешочек с монетами и, положив себе на ладонь, протянул мне.

– Я не возьму деньги обратно. Мы оба с вами находимся не в самом лучшем финансовом положении, но пользоваться вашей благосклонностью безвозмездно мне совесть не позволяет. Тем более

что вы вместе с Гертом оказали неоценимую помощь, когда очистили озеро от бочек и вывезли их. Мне напомнить вам, как вы до самого рассвета хлопотали около меня, или думаете, что не поняла, когда вы уехали?

Вангер встал со своего места и положил мешочек на полки, после чего вернулся в кресло: – Можете считать это недостатком моего воспитания, но я не привык бросать в беде тех, кому требуется помощь. Не стоит считать себя чем-либо мне обязанной, ведь действовал, как вы сами сказали ночью, в общих интересах. Отравленные воды Зауберерского озера рано или поздно погубили бы всю округу, так как руда, находящаяся в бочках, сохраняет свои токсичные свойства на протяжении многих десятилетий. К сожалению, из множества отходов от горнодобычи дядя выбрал самый опасный. Однако, госпожа Вербер, вы оказали мне неоценимую услугу этими бочками: несколько лет назад были найдены способы обработки этой руды, поэтому я, если можно так сказать, оказался в выигрыше не меньше вашего. Можете посчитать, что таким образом ничего мне не должны за помощь этой ночью, если вам так будет легче. Но и это ещё не всё...

– Что-то ещё произошло? – я насторожилась, предполагая очередные козни со стороны бывшего мужа. Мне не давала покоя мысль, что Ойген, так жаждавший вступить в брак со своей любовницей, до сих пор не сыграл свадьбу. Особенно если учесть весьма «отягчающие» обстоятельства, которые должны были поспособствовать скорейшему проведению церемонии. Если бы Ойген женился, то об этом событии непременно стало известно в Хофе, чьи жители точно поделились с Марго информацией. Однако хозяйка трактира ничего мне об этом не говорила. Да, развод состоялся, более того, я признана никчёмной женщиной, но только после того, как Ойген будет скован брачными узами, могу окончательно успокоиться.

Вангер вскочил с кресла и оказался возле меня: – Госпожа Вербер, вы так резко побледнели... Вам стало дурно?

– Просто ответьте, что случилось!

– Это касается шкатулки, которую вы вытащили самой последней.

С облегчением выдохнув, я откинулась на спинку кресла: – Господин Вангер, кажется, я говорила, что вы своей способностью

формулировать мысли и подавать информацию способны довести до сердечного приступа любого...

Мужчина немного смутился, но тут же выражение его лица сменилось на обеспокоенное, когда он дотронулся до моих пальцев, а затем ладоней: – Вам кто-то угрожает? У вас руки заledenели, как обычно бывает при сильном испуге.

Я медленно высвободила свои руки из захвата Вангера и спрятала под шалью: – Никто мне не угрожает, но вы прекрасно знаете имя человека, который никогда не упустит возможности подстроить какую-нибудь гадость бывшей жене.

– Ойген Майер?

Кивнув, я немного поправила повязки, которые до сих пор вынуждена была носить, чтобы скрыть, что раны на ладонях уже зажили.

– Как ваши руки, госпожа Вербер? Я случайно задел раны, да?

– Нет-нет, с ними всё в порядке, просто проверила, что бинты не сбились. Спасибо вам огромное за мазь, благодаря ей уже почти всё зажило. Но вы так и не ответили, что всё-таки со шкатулкой не так? Внутри оказалась ещё какая-то отравка?

Мужчина нехотя поднялся с колен и сел в кресло, не переставая при этом поглядывать за каждым моим движением. Меня такое пристальное внимание немного раздражало, но пришлось напомнить себе, что Вангер вдовец, и, скорее всего, незадолго до своей смерти его супруга болела, а потому привычка остро реагировать на изменения в состоянии остались.

– Старая история, которую я считал больше сказкой, так как никаких подтверждений, кроме рассказов о затонувшей лодке мастера, вызванного для осмотра шахт, принадлежащих семье Вангер, нет. Когда-то мой дед вызвал инженера из горной академии для оценки перспективности нескольких месторождений, но так случилось, что произошёл сильный обвал. Мастера спустя несколько дней удалось выволить, но так как он был сильно истощён, потребовалась помощь целителя. При переправе через озеро лодка перевернулась, и вещи затонули. Всё бы ничего, если бы не несколько моментов: во-первых, мастер был магом, во-вторых, настоящим фанатиком своего дела. Обнаружив несколько новых жил, но не имея при этом возможности записать данные ввиду отсутствия света, он использовал для

сотворения карты металлическую пластину, которую сам же создал, используя свой дар.

– Господин Вангер, только не говорите, что пластина была создана из той же руды, как находившаяся в бочках.

– Гораздо хуже, поэтому тот мастер и получил такое сильное истощение всего за несколько дней, хотя будучи обладателем магии земли, выбраться на поверхность для него не составило бы труда. Однако он увлёкся, ещё и часть сил потратил на преобразование пластины в карту. К сожалению, это стоило мастеру дара и здоровья. Из-за той истории другие маги отказались повторить маршрут, а технологии возведения крепей при особенностях той горной породы ещё не позволяли создать прочную конструкцию, способную обеспечить безопасность простым людям. А сейчас разработать подобные месторождения не составляет труда при должных вложениях и соблюдении соответствующих мерх предосторожности. Таким образом, госпожа Вербер, вы подарили мне шанс возродить семейное дело гораздо быстрее, чем я на то рассчитывал.

– Так это же хорошо. Значит, вы сможете поправить свои дела, несмотря на нанесённый Эгоном Вангером ущерб. Погодите, но если пластина находилась в той самой шкатулке, и металл ещё токсичнее руды, то вам самому требуется помощь!

Вангер улыбнулся, наверное, впервые не только за этот вечер, но и за всё время нашего знакомства:

– Мне приятно ваше беспокойство, госпожа Вербер, но не волнуйтесь. Я обучался горному делу в университете, а потом несколько лет работал на шахтах отца, поэтому знаю, как обращаться с подобными вещами. В свою очередь, хочу сказать: если вы так непреклонны в отношении внесения платы за продукты и воду, то считайте, что таким образом оплачиваю вам за переданную мне шкатулку и бочки с рудой. Они ведь были обнаружены в озере, принадлежащем вам, а, следовательно, вы их владелица. Надеюсь, в этом вопросе мы достигнем согласия?

Шах и мат тебе, Кристина. Тут уже глупо будет доказывать своё право на независимость, ибо все карты биты, никто никому ничего не должен. Если бы была меркантильной особой, то вполне могла возмутиться, что цена несопоставима и потребовать партнёрский

процент, но кто знает, сколько ещё времени понадобится, чтобы решить вопрос с сипринами.

– Хорошо, я согласна, господин Вангер, и принимаю ваши условия. Обещаю больше не подкидывать Герту деньги.

– Я искренне рад, что нам удалось договориться, – щёки Вангера украсили две едва заметные ямочки, когда он снова улыбнулся. – Однако время позднее, вам стоит отдохнуть, госпожа Вербер. Завтра навещу вас снова, правда, не могу сказать точно, в какое время.

– Не стоит, со мной действительно всё в порядке, а лекарств достаточно, – я поднялась, чтобы проводить его.

– Госпожа Вербер, не забывайте о такой вещи, как отсроченное действие. К сожалению, когда дело касается токсичных веществ, такое не редкость. Доброй ночи.

Не очень люблю внезапных гостей, но в словах Вангера была доля разумного: если вдруг действительно мне станет нехорошо, то будет, кому Софи успокоить. Симпатичный заботливый мужчина с высшим образованием, не оставшимся на бумажке... В другой своей жизни, наверное, позволила бы себе о таком помечтать и даже немного пофлиртовать, но не в этой. Мда... Закрыв дверь, я подошла к полке и забрала мешочек с деньгами. Странно, но его вес оказался больше, чем следовало. Решив заняться этим с утра, неожиданно почувствовала, что внутри что-то шуршит, явно какая-то записка.

Глава 54. Неделя «тишины»

Растянув в стороны завязки, я вытащила толстый бумажный «конвертик» размером с почтовую марку и развернула. «Примите благодарность, госпожа Вербер, за оказанную Герту помощь. В.Д. Вангер». И ведь даже сказать некому, что помогла управляющему от чистого сердца. Ладно, заплатил и заплатил. Ругаться бесполезно, а денег много не бывает. Потушив во всём доме огни, я отправилась спать, полюбовавшись на сладко сопящую во сне дочь пред тем, как сама отбыла в царство Морфея.

Привычка рано просыпаться сделала своё дело: снова открыла глаза вскоре после рассвета. Кутаясь в шаль, тихонько выскользнула из спальни и дошла до окна, из которого было видно озеро. Туман простирался над водой, но мне показалось, что он весь однородный, без малейших признаков ядовитых испарений. Что же... тут действительно только остаётся запастись терпением и ждать. Для себя я назначила срок в неделю после того, как были извлечены бочки. Раньше соваться на озеро не имеет смысла, ведь там такие объёмы, что сипринам наверняка потребуется немало времени, чтобы окончательно избавить его от воздействия токсичной руды.

Вспомнив, что официально вроде как являюсь больной, вернее, выздоравливающей, я дошла до кухни, съела бутерброд и приняла лекарства. Венгер ведь обещал снова заехать проведать, значит, может застать меня на кухне и заметить несоответствие между моим цветущим видом и нетронутыми пузырьками. Хоть специально себе золой под глазами синяки рисуй. Поднявшись в спальню, вспомнила, что собиралась угостить его пирогом накануне, но возможности не подвернулось. Ладно, нам же с Софи больше достанется, а вечером яблочный испеку. Всё равно для варенья лучше брать кислые сорта, чем сладкие, а дочь столько не съест, сколько привёз Герт в последний раз. Жалко будет, если испортятся.

Всё-таки сон – это лучшее лекарство! Встав одновременно с Софи, я почувствовала себя полной сил и готовности к подвигам. Даже дочь заметила разницу, сделав своеобразный комплимент, что, наконец-то её мама снова стала красивой. Вот она, детская

непосредственность! Сделав лёгкую утреннюю гимнастику, покормили риукина и отправились хозяйничать на кухню. В целом день прошёл спокойно, наполненный обычными домашними хлопотами. Разве что навели порядок в одной из запертых спален. Всё-таки дочери пора иметь собственную кровать, а ещё лучше – комнату, благо дом позволяет. Это поначалу Софи боялась оставаться одна даже на несколько минут, а сейчас спокойно относится к моему отсутствию в спальне, когда просыпается.

Вангер приехал ближе к вечеру, привёз первые скороспелые груши и покатал мою дочь на Берге. Софи была в восторге от того, что её мечта исполнилась, а я лишь следила, чтобы девочка не свалилась. Впрочем, Вангер бдительно следил за её посадкой и поправлял, если чуть съезжала. А под конец сам забрался в седло и, приняв у меня дочь, сделал круг, объехав дом. О, сколько противоречивых чувств боролись во мне! Меня пугала мысль, что дочь всё-таки упадёт с приличной высоты и вся переломается, но при этом было радостно видеть, как ей нравится кататься на Берге, тем более, нельзя не отметить пользу от этого занятия. Осталось смириться с мыслью, что уложить спать дочь сегодня будет намного труднее, чем обычно, из-за перевозбуждения. Однако опасения не оправдались: Софи уснула ещё пока Вангер нёс её на руках по лестнице. Потом мы немного поговорили на отстранённые темы, и он уехал.

На следующий день история повторилась, а к вечеру третьего дня дочь уже в нетерпении ждала появления нашего соседа. Видя, как Софи тянется с Вангеру, у меня сердце кровью обливалось, ведь поведи себя Ойген также, ничего этого бы не произошло. Но тут же отвесила самой себе подзатыльник: эти два мужчины слишком разные, и Майер точно не способен на подобные чувства и отношение. Как могла, объясняла Софи, что Вангер приезжает только из-за дел, связанных с озером, ведь раньше оно принадлежало его семье, но такие встречи не будут постоянными, ведь у хозяина поместья есть множество других забот. Дочь сразу же грустнела, но потом всё равно ждала встречи с Бергом и его хозяином.

Признаться честно, мне самой нравилось общаться с Вангером. Он немало рассказал об этих местах, хотя сам неоднократно замечал, что многое изменилось со времён его детства. Несколько раз мы с ним прогуливались возле дома и пруда, но не приближались к озеру,

понимая о необходимости дать восстановиться водам. Вангер относился к этому скептически, думая, что все сиприны выродились, и говорил о заказанных необходимых реактивах. Приходилось напоминать о нашем уговоре, что только по ситуации решим, стоит ли их применять или нет. Если туман опускался раньше, то Вангер отпускал Берга, и мы сидели на кухне или в зале. Особыми разносолами угостить мне не удавалось по причине их отсутствия, но мои «криво-косенькие» пироги мужчина уплетал с удовольствием. Сколько раз порывалась приготовить красивую выпечку, но максимум, что могла себе позволить – это «постепенно совершенствовать мастерство».

Так незаметно пролетело несколько дней. Я объяснила свою тревогу насчёт привязанности Софи, и Вангер пообещал, что постепенно сократит число визитов, чтобы сильно не ударило по девочке. Ребёнок всё-таки. Вот за понимание я была очень благодарна ему и надеялась, что в скором времени смогу отплатить как следует. Ладно, встречи с Бергом скоро сойдут на нет, зато останется Герт с его Ивли. Рука у управляющего зажила достаточно быстро, я лишь раз слегка воспользовалась своим даром, и то больше для того, чтобы проверить, как идёт восстановление. На Софи и Герте оказалось удобно тренировать возможности собственного дара, причём так, чтобы никто ничего не заметил. В целительницы идти не собиралась, а вот иметь дополнительный козырь в рукаве никогда не помешает.

В один из вечеров Вангер предупредил, что в ближайшие три дня не сможет нас навестить из-за образовавшихся дел на дальней шахте, а после того, как он уехал, я достала свои записи с планами и хорошенько их пересмотрела. Начинать в любом случае стоит с вылова «контрольных образцов», а потом уже действовать по ситуации. И сходить к Марго. Думаю, что она точно должна была заметить изменения на своём озере, а вдвоём точно что-нибудь придумаем. Все эти дни сиприны в пруду вели себя тихо и не устраивали «танцев с бубнами», как их предшественницы, из чего я сделал вывод, что те отреагировали так, когда почувствовали, как их дом гибнет. Неплохой такой природный индикатор.

Я предупредила Софи, что «господин Вангер» не сможет приезжать некоторое время, как и говорила ей дальше, но огонёк в голубых глазах дочери потух. Впрочем, тут же разгорелся с новой

силой, когда она сказала, что будет надеяться и ждать. Ох, уж эти дети. Надеюсь, что Вангер сдержит своё слово, и действительно сумеет мягко преподнести сокращение встреч. Моё состояние давно пришло в норму, и, уложив дочь спать, переоделась в самое старое платье и взяла сеть. С той ночи на моей лодке так и остались блоки, а вот треноги Герт разобрал и порубил на дрова. Так что снятые лебёдки теперь лежали в кладовой, а не ржавели под открытым небом.

Взявшись за верёвку, я начала тянуть лодку к центру озера. Дышать в густом тумане было непривычно, но никаких посторонних ощущений, как раньше не было. Оказавшись в нужном месте, сунула руку в воду, а потом тщательно пригляделась к коже, поднеся фонарь максимально близко к ладони. Чисто. И это не могло не радовать. Закрепив на нескольких ячейках приманку, закинула сеть в воду и принялась ждать, не забывая рассыпать возле одного борта мякиш с небольшими кусочками фарша. Спасибо Вангеру за эту подсказку и парочку других, когда он рассказывал о своём детстве. Почувствовав движение в воде, я начала быстро вытаскивать сеть. Две сиприны. А теперь пора домой. Для чистоты эксперимента ещё днём выловила одну рыбину из пруда. Осталось распотрошить образцы и сравнить.

Глава 55. Вот и поговорили...

Я поначалу хотела выпустить вторую рыбину, но потом решила оставить. Думаю, Марго доводилось пробовать сиприн, и она сможет сказать, изменились ли они на вкус или нет. Закрыв плотно ставни на кухне, зажгла все свечи на люстре, сделанной из обычного колеса от телеги, и поставила пару подсвечников на стол, чтобы достаточно было освещения. Внешне рыбыны, выловленные из пруда и озера, не отличались друг от друга: чешуя была одинаково блестящей и покрытой прозрачной слизью, без малейших намёков на присутствие каких-либо посторонних запахов, глаза с золотисто-зелёной радужной оболочкой «чистые», плавники идеальны. Никаких визуальных внешних дефектов не обнаружила, как ни старалась. Я запоминала каждое ощущение, сопровождающееся при осторожной разделке, но нож одинаково скользил по каждой тушке. Органы оказались абсолютно идентичны по своим формам, окраске и плотности. Чтобы окончательно убедиться в том, что сиприн из озера можно безопасно есть, «прощупала» её своим даром, но знакомых покалываний на кончиках пальцев не возникло, как обычно бывало, когда требовалось восстановить какие-либо ткани или устранить заразу.

Вот теперь мне есть с чем прийти к Марго! Остался вопрос: что делать с распотрошённой рыбой, так как особо возиться сил не было. В итоге решила попросту сварить, а заодно и попробовать. Хозяйка трактира рассказывала мне, что мясо сиприн ценится из-за своих полезных свойств, но действительно ли это так? И как вообще понять, что оно «сработало»? Ответ нашёлся достаточно быстро, причём я практически сразу пожалела о своём любопытстве, так как достаточно было съесть всего один кусочек, как усталость словно рукой сняло, а в теле появилось такое количество энергии, как будто цистерну крепкого кофе выпила. Так, ясно: Софи давать рыбу стоит лишь в первой половине дня, да и мне тоже. Иначе две деятельные барышни не только дом в порядок приведут в экстремально короткие сроки, но и на самом деле свернут горы, которые виднеются из окна. И что-то мне подсказывает, что Вангер будет не в восторге от изменений, произошедших в ландшафте на принадлежащих барону землях.

Перестирала всё грязное бельё, включая полотенца, которые только смогла найти в доме, почувствовала лёгкую усталость и ушла спать, пока ещё одно дыхание не открылось.

Утром я объявила Софи, что мы пойдём в гости к Марго и под радостные визги дочери начала собираться. Учитывая, сколько времени займёт дорога по жаре, не придумала ничего лучше, как в полотняный мешок затолкать высокий горшок и налить внутрь воды и выпустить сиприну. Надеюсь, не с мокрой спиной дотопаю до трактира. От нетерпения Софи поёрзывала на стуле и умяла завтрак быстрее, чем обычно. Я принесла из погреба кастрюлю с отваренными кусками сиприн и дала чуть-чуть дочери. Рыба пришлась по вкусу, и даже вспомнив о моих нравоучениях насчёт истерик и требований, Софи попросила добавки, вот только я не рискнула отломить ещё, пообещав угостить после возвращения. Вообще, мясо сиприн мне напомнило своим молочновато-сладковатым вкусом судака. Даже аромат оказался таким же: ненавязчиво рыбным. Не люблю, когда сильно пахнет тиной или присутствует резкий запах, как у той же селёдки, например.

До трактира Марго мы добрались на этот раз, практически не делая остановок, что не могло не радовать. По крайней мере, на себе я уже точно опробовала: никакого «отката» после кипучей деятельности, инициированной поеданием сиприн, не будет. Дочь радостно скакала около меня, лишь перед знакомым спуском согласилась забраться на руки. Увы, но пока мне пришлось учить не только тем навыкам, которыми обладают дети в её возрасте, но и скрывать, что способна ходить. Кто знает, вдруг случайно натолкнёмся на кого-нибудь, для кого не станет проблемой донести Ойгену, что дочь его выздоровела. Собственно, поэтому ждала вестей о том, что бывший муж успешно женился и теперь готовится стать счастливым отцом. Вот только задерживались что-то новости о столь знаменательных событиях. Не к добру это, ох, не к добру.

В трактире на удивление было мало посетителей, да и тех обслуживали только Хэрб и Юста, а вот Марго не было нигде видно. Хотя её громкий голос обычно звучал то из кухни, то из-за стойки.

– Здравствуй, Хэрб. У меня дело к Марго, где я могу её найти?

– Добрый день, госпожа Вербер. К сожалению, она сейчас занята, и не могу сказать точно, когда освободится. Возможно, ближе к ночи...

– ответил юноша, тщательно подбирая слова, что не могло меня не насторожить.

– Что произошло? Я могу чем-то помочь?

Хэрб поджал губы и замотал головой, но тут рядом с нами выросла Юста: – Здравствуйте, госпожа Вербер. Вы на самом деле готовы помочь?

Я кивнула, пытаюсь понять, что происходит.

Её брат тут же зашипел, но милая и хрупкая с виду девушка отвесила ему звонкий подзатыльник, став на мгновение похожей на свою мать: – О матери подумай!

Уже даже не зная, что и думать, я скосила глаза на дочь: – Только за Софи приглядите?

– Конечно, госпожа Вербер. Хэрб, займись, я сейчас вернусь, – Юста поманила меня за собой, а потом повела уже знакомой дорогой к складу.

Видимо, услышав, что кто-то приближается, из-за двери выскочила взлохмаченная Марго и привалилась к стене. Рыжие волосы женщины растрепались, а сама она едва не падала с ног от усталости. – Кристина?

– Она согласилась помочь, – коротко ответила Юста и быстро юркнула за мою спину.

– Крови боишься?

– Нет.

– Тогда пойдём. Юста, возвращайся в зал.

Только после вопроса я обратила внимание, что щека хозяйки трактира испачкана чем-то красным, а фартук покрыт бурыми пятнами. Заперев за нами дверь, Марго предупредила: – Только никому! Слышишь, ни-ко-му ни слова!

– Считай, что меня здесь не было. Всё-таки за мной должок, что передала письмо через Хэрба, сама знаешь кому.

– Добро.

Я аккуратно сняла с плеч мешок и поставила в угол, чтобы находящийся внутри горшок никто не разбил. На том самом столе, где в прошлый раз были лебёдки, лежал без сознания раненый черноволосый мужчина, прикрытый до пояса одеялом.

– Горст?

– Он самый. Кто-то сдал его лежбище... С ночи вожусь, вроде всё сделала как надо, а кровотечение всё не останавливается... – с этими словами Марго откинула край и показала на широкую повязку на животе разбойника, по которой стремительно растекалось алое пятно.

– Кристин, опять! – крикнула Марго и начала разрезать бинты.

– Похоже, что какие-то крупные сосуды задело... Есть что-нибудь, чем на руки полить можно?

Марго махнула рукой на большой кувшин, стоящий рядом с тазом, набитом окровавленными тряпками. Я закатала рукава, а потом принялась к содержимому сосуда: пахло чем-то спиртосодержащим. Годится. Тщательно обработав руки, порадовалась тому, что сохранила привычку обрезать ногти максимально коротко, и избавилась от подобия маникюра, как только приехала в охотничий домик.

Подбежав к Горсту, возле которого хлопотала Марго, замерла в ступоре, наблюдая за тем, что она делает. Я-то думала, что предупреждение, чтобы хранила молчание, касается личности мужчины, вернее, рода его занятий, а дело было совершенно в другом.

– Отойди, тут лучше мне, а ты попробуй остановить кровотечение вон там, – чуть оттолкнув сторону хозяйку трактира, я потянулась пальцами туда, куда стремился мой дар.

Измученно уставившись на мои руки, Марго, находившаяся на грани истерики, громко расхохоталась, размазывая тыльной стороной ладони текущие по щекам слёзы:

– Проклятые женщины Вангеров... Да...

Глава 56. Женщины из рода Вербер

Я пыталась добраться до самого крупного кровящего сосуда, так как, к сожалению, не до конца ещё смогла овладеть даром, который пытался одновременно залечить сразу несколько повреждений. – Марго! Ты можешь ещё хоть что-нибудь или уже выдохлась?

– Прости, психанула. Сейчас...

До настоящих практикующих хирургов нам с Марго было далеко, но мы всё-таки как-то смогли договориться и распределить свои действия с учётом сил. Хозяйка трактира сильно вымоталась, пытаясь исцелить раны Горста, а потому больше занималась сдерживанием продолжающихся открываться кровотечений.

– Если не можешь больше, попробуй восстановить силы: я там тебе сиприну на пробу принесла. Она должна помочь. Можешь просто руки в воду сунуть, тоже сработает, но чуть хуже.

Марго мазнула предплечьем по покрытому крупными каплями пота лбу, чтобы убрать мешающие пряди, и ошарашенно взглянула на меня: – Кристин, ты серьёзно?

– Абсолютно. Я не знаю, насколько твой трактир считается надёжным местом, но если вдруг нагрянут стражи, лучше к тому времени поднять Горста на ноги, а самим не вызывать лишних подозрений, иначе точно всех повяжут. Нам обеим есть, что терять и кого терять: дети. Твои хоть и почти взрослые, но им тоже нужна мать не меньше, чем моей Софи.

– Да, ты права... – тяжело вздохнула Марго и, «запечатав» ещё одну кровоточащую рану, пошатываясь, отошла от стола.

– Ты мне лучше скажи: есть в трактире ещё люди Горста, которые были с ним неотлучно? Не дозорные какие-нибудь, не наводчики...

– А зачем тебе это знать? – тут же насторожилась хозяйка трактира, перестав развязывать мой мешок.

– Я, конечно, не очень хорошо управляю своим даром, но испытываю ощущения, похожие на те, что возникали после купания в озере. Могу ошибаться, но, похоже, что Горст отравлен. Только не могу понять: с пищей ли яд попал в него или оружие стражей было смазано чем-то. Если с питьём или едой, тогда и остальные члены банды тоже

могут быть отравлены. На всякий случай стоит проверить их фляги или остатки припасов, если таковые имеются. В случае с отравленным оружием, думаю, сама догадаешься, кого проверять в первую очередь.

– Поняла тебя, можешь не продолжать. Я сейчас вернусь.

Марго выскочила через вторую дверь, а я сосредоточилась на Горсте. Это надо же так попасть: из огня, да в полымя! Только с озером разобралась, как новая напасть, причём даже если бы не согласилась помочь хозяйке трактира, всё равно попала под подозрение стражей, нагрять они сюда. За компанию достанется всем, кто когда-либо имел дела с Марго. Многие ругают судебную систему и законы, принятые в моей родной стране за несправедливость, но напрочь забывают, что в раньше дела обстояли намного хуже, особенно в Средние века. А я вот в них практически попала. Грубо говоря, уже не «Тёмные века», к счастью, но и до гуманного суда далеко. Вот посмотришь на одежду и уровень развития промышленности: вроде как эпоха Нового времени, а вспомнишь местные законы и понимаешь, что не во всех статьях «феодализм умер». Помогать разбойнику, конечно, дело последнее, но я согласна на эту «сделку с совестью». Тем более что нельзя забывать, ведь его люди тоже внесли посильный вклад в очистку озера.

С ранами Горста я разобралась самостоятельно, но накладывали бинты уже вдвоём с вернувшейся Марго. Узнавать, помогли ли хоть как-то мои предположения, не стала, равно как и интересоваться результатами. Захочет – расскажет, а нет... Меньше знаешь – крепче спишь.

– Кристин, – обратилась ко мне Марго, как только мы закончили.
– Ты точно решила отдать сиприну мне?

– Да. Можешь попросить Юсту её разделать и отварить, тогда Горста можно будет напоить бульоном, а потом и дать немного мяса. Думаю, что рыбину вполне можно будет разделить на несколько человек, чтобы восстановить силы или здоровье, хоть немного. Но тут тебе решать.

– Так и сделаю. Я сейчас у плиты могу только лечь, но никак не стоять. Как раз сиприны на всех хватит. Ты и так потратилась не меньше моего, если не больше, а тебе ещё до дома с дочкой добраться будет нужно.

Я устало отмахнулась от хозяйки трактира: – Мне лучше не рыбой, а информацией.

Марго едва слышно рассмеялась: – Считай, что сегодня информация за счёт заведения! Угощаю!

Тут даже я хихикнула, понимая комичность и даже абсурдность ситуации: – Так накрывай на стол! Хотя он, кажется, занят.

– Пойдём ко мне в кабинет: там хоть посидим по-человечески, а не на полу.

– А как же...

– За ним присмотрят и если что – позовут.

Вдвоём мы дотащили мою сумку до кухни, а там уже отдали свою ношу Юсте, возле которой крутилась Софи. Чмокнув дочь в щёчку, я предупредила, что пока буду занята, и ушла вместе с Марго в её кабинет. Как только мы разместились за столом, хозяйка трактира протянула руку к шкафу и достала из него примерно полулитровый флакон с какой-то жидкостью и два стакана.

– Общеукрепляющая настойка. Чисто травы и немного мёда из сагейтских пасек, – пояснила Марго, разделив между нами весь объём поровну. – Итак, госпожа Вербер, о чём вы хотели поговорить?

Я приподняла левую бровь, принимая свой стакан: – Вот как... Уже не «Кристин», а «госпожа Вербер»?

– Тогда были иные обстоятельства, не до церемоний.

Вспомнив, как тот же Вангер обращался ко мне ночью на озере по имени, вынуждена была согласиться: – Ну да, пока соблюдёшь все правила вежливого обращения, человек может уйти. Причём как в прямом, так и в переносном смысле.

– Именно. Но если обращение просто по имени не будет считаться оскорбительным, то в пределах этого кабинета, можно его сохранить.

– Вполне. Меня в первую очередь интересует то, что нас связывает, и как ты, думаю, догадываешься, я не о рыбе веду речь.

– «Проклятые женщины»?

– Да.

– Ты уже знаешь, что мужчины из семьи Вангер неоднократно обращали своё внимание на женщин, относящихся к роду Вербер: либо дочерей рода, либо тех, кого наследники избирали себе в супруги. Но есть ещё один нюанс, о котором в курсе многие, хотя ты вполне можешь о нём не знать в силу того, что слишком рано осталась сиротой. Целительский дар. Принято считать, что всякая женщина, имеющая отношение к роду Вербер, даже не по крови, а попав в него,

выйдя замуж за наследника, приобретает его. Но вот что могу тебе сказать: на самом деле всё гораздо «тоньше». Целительский дар передаётся строго по мужской линии, но наследуется лишь женщинами. То есть, став женой наследника, его жена рождает одарённую дочь, при этом приобретая часть её способностей. Малую часть. Я знаю, какой следующий вопрос ты мне задашь, Кристин, поэтому отвечу сразу: мы с тобой являемся родственницами, так как твой дед согрешил с моей матерью. Эту тайну мне она раскрыла, уже находясь на смертном одре. Остальные выводы я сделала уже сама, основываясь на сплетнях и наблюдениях. Так что сама того не зная, оказалась «женщиной из семьи Вербер», которую выбрал Эгон. Забавно, не правда ли? Увы, мы с тобой, Кристин, последние в своём роде, так как родить наследника, а следовательно, продолжить передачу дара, твоя мать не успела, погибнув, будучи беременной.

— Получается, что Софи уже не получит мои способности?

— Да. Думаю, если бы наш с тобой общий предок не согрешил, об этом нюансе никто бы не догадался. Ведь как принято: выходит девушка замуж, рождает детей, получает дар, который раскрывается не сразу, но со временем, всё выглядит логично. Есть у меня предположение, что спусковым крючком у дочерей для развития дара являются роды, но тут не уверена. Уточнить, как ты сама понимаешь, не у кого, да и кто бы меня допустил в благородное семейство с такими расспросами?

— А твой отец знал?

— Нет. Мать очень любила его, поэтому скрывала, что сразу после свадьбы к ней пристал старый барон Вербер, встретив в лесу во время охоты. Я внешне получилась похожей на неё, поэтому ни у кого вопросов не возникало, почему мы с моей младшей сестрой такие разные. Одна дочь пошла в мать, другая в отца — обычное дело.

— Получается, что ты моя тётка...

Марго кивнула, устало опустив голову на сцепленные перед собой руки. — Только никому не говори, хотя ведь и сама не распространяешься о даре. Я, когда поняла, что к чему, испугалась, потому как всех одарённых берут под колпак «короны», а мне такого не хотелось бы. Одно дело помогать кому-то по собственной воле, от чистого сердца, и совсем иное — стать пешкой в чужой игре, действуя по приказу.

– По этой же причине я тоже прошу никому ничего не говорить. Хватило с меня брака с бароном Майером по указке короля.

– Даже так... – хозяйка трактира резко выпрямилась и забарабанила пальцами по столу. – Наверняка этот старый жук таким образом хотел не только земли Верберов сохранить в пределах владения трёх родов сохранить, но и на тебя имел виды, Кристин. Майеры явно не просто так возвысились в последние годы... Раньше я считала удачей, что тебе досталось озеро, а тебе, боюсь, оно может тебя сгубить, но не своими ядовитыми водами...

Глава 57. Линия защиты

Я обхватила голову руками, начиная догадываться, к чему клонит Марго. Интересно, а у меня в этой жизни вообще будет что-нибудь хорошее? Не успеваю с одной проблемой разобраться, как следом валится следующая, ещё более заковыристая. – Если король, как ты говоришь, имел виды, то почему такой странный выбор?

Марго плеснула себе в стакан на этот раз чистой воды, но не выпила, а приложила к виску: – Он хитрый и привык многие вещи просчитывать заранее. Мне так Эгон говорил, а не доверять ему в таких вопросах не могу. Это потом он всяческий человеческий облик потерял и мозги пропил, а раньше голова у него работала как надо и чутьё тоже. Этим, наверное, они с Горстом похожи: чувствуют, с кем лучше дел не иметь, но иногда вынуждены.

– Совсем плохо, да?

– Хуже некуда. Король ведь на Эгона взвился потому, что всё жизнь свою продлевает до бесконечности. Никакими методами не брезгует. Тех же сиприн поедает такими маленькими порциями, что в напёрсток одна влезет, а всё потому, чтобы эффект дольше сохранялся. Боюсь, что даже наш план с посредником ненадолго отсрочит твоё появление при дворе.

– Я твоё состояние имела в виду. Но ситуация в целом вырисовывается отвратительная. Одного понять не могу: если король настолько одержим, скажем так, вечной жизнью, то почему не прибрал к своим рукам озеро раньше? Ойген ведь судился, чтобы ему карточный долг деньгами отдали, а не озером и охотничьим домиком.

– Да кто его знает? Может, побоялся тратить силы своих придворных магов... Он же вокруг себя сплошных целителей и некромантов собрал. Тратить силы на лечение пусть и нужной рыбы, когда нет гарантии в положительном исходе... Не знаю, Кристин, не знаю... Но всё это мне очень не нравится. Тебе точно нужна защита от посягательств с этой стороны. Сама подумай, что даже после развода со всеми твоими признаниями в никчёмности и якобы больной дочерью, остаёшься лакомым куском. Выдадут замуж, даже глазом моргнуть не успеешь. Барон Майер в этом отношении был очень

удобной марионеткой. Ради богатства и положения при дворе на всё согласен. Вот с этой стороны очень даже похоже на тщательно продуманный план. А король точно знает о вашем разводе?

У меня внутри всё похолодело. Если король действительно такой опытный «шахматист», то вполне может оказаться так, как говорит Марго. Чужими руками себе жар загребёт, а потом ещё и сливки снимет. Прямо хоть сейчас иди к Вангеру, рассказывай о рыбе и предлагай выкупить землю с озером и домом. Вот только денег у него пока нет, и место мне, если честно, очень нравится. Называется, пожила тихой жизнью, не привлекая внимания.

Пока мы с Марго молчали, думая каждая о своём, в дверь постучала Юста: – У меня всё готово. Что дальше делать?

Моя новоиспечённая тётка вышла из кабинета, чтобы дать указания, а я просто положила руки на стол и пристроила на них ставшую внезапно тяжёлой голову. Здесь дело было даже не в истощении после лечения Горста: слишком много информации. Чересчур. А ведь как просто всё выглядело: торговала бы себе рыбой, не только сипринами, естественно, потихоньку откладывала деньги на образование Софи и свою безбедную старость... Ладно, выздоровление Софи можно будет списать «чудодейственную силу» обитательниц озера, и в целом изменение условий жизни, в том числе питания. Но если король действительно мог придумать такую многоходовку с участием настоящей Кристины в качестве пешки, то дело плохо. Та непонятная история с помолвкой, устроенной Эгоном с наследницей Верберов тоже может говорить в эту пользу. Марго упоминала, что род Вангеров имеет какую-то особую неприкосновенность, против которой даже король ничего не может сделать. Не потому ли опеку не передали им, а поместили Кристину в пансион? Всю жизнь сторонилась политики, а тут против своей воли оказалась втянута.

Дверь отворилась и в кабинет прошла Марго с двумя мисками в руках: – Давай поедим, иначе на голодный желудок после применения дара в голове так и будет пусто. Остальных я тоже не обделила.

Я убрала кусок хлеба, которым была накрыта миска, и взялась за ложку, которую тут же едва выронила обратно, услышав брошенную вскользь фразу.

– Тебе к молодому Вангеру нужно обратиться за покровительством.

– Ты с ума сошла?!

– Да не в том смысле, в котором ты подумала! Я же не заставляю тебя в постель с ним лечь! Помнишь о привилегиях, которыми обладают Вангеры? Так вот, хочу тебе предложить распространить их на себя, попросив покровительство. Как разведённая женщина, да ещё и с ребёнком имеешь право обратиться к кому-то выше по статусу за поддержкой. Другой вопрос, что не все на такое соглашаются, ведь кому нужны чужие проблемы, но молодой Вангер вроде к тебе благосклонно относится, помогает. От него ничего, кроме подписи на бумагах, не потребуется, но и отобрать твою собственность он не сможет. Просто будет выступать кем-то вроде поручителя, а ты со своей рыбой делай что хочешь.

– Тем более, мне есть что ему предложить. Он же хотел добаться для сиприн, чтобы вылечить какого-то «дорогого ему человека». Может, согласится?

– Не попробуешь – не узнаешь. Вот только я бы так прямо в лоб к нему не лезла. Ох, знала бы, что может пригодиться, получше бы почитала одну старую книгу в их поместье. Там как раз про ту привилегию было подробно написано. А я, дура, полистала и закрыла, посчитав, раз Эгону никогда ни за что ничего не будет, то и беспокоиться не о чем!

– Ты сказала, что в поместье был пожар...

– Библиотеку он не тронул, можешь поверить на слово. Кристин, попробуй получить разрешение воспользоваться ей под каким-нибудь предлогом, а потом торгуйся.

– Для этого нужно вначале попасть в поместье. Причём так, чтобы Вангер точно был в доме. Марго, а как быстро способна одна сиприна излечить тяжелобольного человека?

– Хорошая мысль. Верная. Если молодой Вангер спустил почти всё отцовское состояние на лечение, значит, проблема действительно серьёзная. Это мы с тобой сейчам с просто силы восстанавливаем, чтобы быстро прийти в норму. Король просто поддерживает своё здоровье, продлевая тем самым жизнь... Я думаю, что одной рыбкой, если нужно кого-то вылечить, дело не обойдётся. Вот тебе и аргумент, чтобы попасть в библиотеку, а потом просить покровительства.

Вслед за Марго я через край допила остатки бульона после того, как кусок рыбы был съеден, и почувствовала, что снова полна сил. –

На самом деле, и так собиралась к Вангеру с сиприной, чтобы отблагодарить его за помощь. Вот только идти к нему с Софи, ещё и торговаться с ней на руках... Не могла моя дочь так быстро встать на ноги, если от бочек в озере мы избавились только неделю назад. Неправдоподобно слишком.

– У меня можешь оставить, а мы с Юстой присмотрим.

– Но как же Горст и его люди? Вдруг стражи нагрянут?

Марго поморщилась, словно от зубной боли: – Спасибо, что напомнила. Пока я тебе ничего не могу сказать по этому поводу, ты лучше задержись сегодня в трактире. Насчёт обратной дороги не беспокойся: проводят. Но если всё сложится так, как я думаю, то уже к завтрашней ночи он со своими людьми уйдёт, а потом устроит какой-нибудь отвлекающий манёвр, отводя подозрение от трактира и подтверждая в очередной раз миф о своей неуязвимости.

– Значит, дня через три-четыре как раз можно будет привести Софи. Было бы идеально съездить в поместье вместе с Герттом, управляющим, но тут тоже тянуть не следует. Если Вангер заедет к нам в охотничий домик, то попробую с ним поговорить на этот счёт, если нет... Сама понимаешь, что затягивать со всем этим тоже не стоит. Так что тоже не могу тебе ничего точно обещать. Если меня проводят до дома, может, ещё рыбину передать? Или мне перед уходом Горста ещё подлечить?

Марго развела руками, едва не задев пустую миску: – Тут уже только тебе решать, как поступать. Понимаешь же, что мне хотелось бы не только побыстрее поставить своего мужчину на ноги и спокойно вернуться к работе, но и настаивать не могу. То, что мы пришли с тобой к взаимопониманию, Кристин, даже без учёта условных родственных связей, не даёт никаких поводов, а тем более гарантий для проявления наглости. Я привыкла по-честному жить.

– Я помогу. Тем более что это и в моих интересах тоже, так как появление стражей в окрестностях точно никому покоя не принесёт. А раз мне всё равно придётся задержаться, то хочу обсудить ещё кое-какие вопросы, но не касающиеся ни озера, ни моего туманного будущего.

Марго тут же достала бумагу, чтобы сделать все необходимые пометки, а я рассказала о том, что как-то нужно решить вопросы с приходящей в негодность одеждой. В конце концов, мы пришли с ней

к согласию и в этом, наметив примерные сроки и обсудив финансовую сторону вопроса. Однако, как мы с «тётушкой» ни прикидывали варианты развития событий, всё снова пошло не по плану.

Глава 58. Дорогой долгою

Нет, первая часть плана очень даже удалась: Горст поднялся на ноги уже к вечеру, а потому, несмотря на все угрозы Марго закатать строптивного разбойника в бочку и втихаря утопить в своём озере, назначил отход в ту же ночь. Так что моё повторное предложение подлечить мужчину пришлось как нельзя кстати и немного успокоило растревожившуюся женщину. Вот и вышло, что пришлось нам с Софи задержаться не на несколько часов, а провести весь день в трактире. Хорошо, что Марго выделила нам одну из дальних комнат, чтобы могли немного отдохнуть, да и лишний раз не мозолить глаза постояльцам в зале. Оказался ли кто из банды «крысой» или угроза пришла извне – не знаю, но прыть, с которой засобирался в путь Горст, напрягла не только его хозяйку трактира, но и меня. Тем не менее до охотничьего домика нас с дочерью проводили, как и было обещано. Ещё и Софи всю дорогу ехала как королева: сидя на шее самого рослого из наших сопровождающих. Естественно, нести гостинцы, которыми набила доверху корзину Марго за помощь в излечении своего любовника, мне тоже не позволили, впрочем, не очень-то и хотелось. Хотя физически ощущала себя в полном порядке, морально же устала настолько за этот день, что хотелось упасть в кровать и натянуть подушку на голову, чтобы никто не смог добудиться даже при большом желании.

То, что Марго оказалась незаконнорожденной дочерью моего деда, а следовательно, моей тёткой, впечатлило меня не настолько, как озвученное предположение насчёт короля. Я почти смирилась с тем, что аристократы в Бронхедже могли творить всё что угодно ровно до тех пор, пока не пересекались с интересами короля. И, как назло, все предположения Марго послушно укладывались в одну стройную версию. Понятное дело, что при желании можно любую «сову на глобус натянуть», но эта пернатая хищница сама бодро шагала в сторону «чучела Земли». От тяжёлых мыслей, занимавших меня весь день после того, как мы так плодотворно поболтали с Марго, разболелась голова, поэтому, поблагодарив своих сопровождающих, раздела сонную Софи, а следом и сама завалилась в кровать.

Но вот утро началось отнюдь не с кружки чая и наслаждения тишиной, а с приезда Герта. Он никогда не приезжал так рано, более того, ещё ни разу не выбивался из обговоренного с Вангером графика, однако ни с того ни с сего явился на день раньше.

– Доброе утро, госпожа Вербер. Прошу простить меня за столь неожиданный визит, ещё и в такое время. Но я помню, что вы обычно рано поднимаетесь...

– Здравствуйте, господин Герт. Что-то случилось? – кутаясь в плед, я пропустила управляющего.

– У господина барона возникли неотложные дела, требующие присутствия в поместье на протяжении нескольких дней, поэтому мне необходимо будет отправиться завтра на дальние шахты. По этой же причине он просил передать свои извинения, что не сможет приехать.

– Надеюсь, что ничего серьёзного?

Герт слил всю воду в одну бочку и ухватился за верёвку: – Ничего особенного, госпожа Вербер. Вполне обычное дело, поэтому если господин барон бывает занят, то я его частично заменяю.

Вот как... Придётся пункт нашего с Марго плана, касающийся поездки вместе с управляющим в поместье, вычеркнуть. Да и вообще сдвинуть сроки реализации нашей идеи. С другой стороны, если Вангер вынужден проторчать в поместье несколько дней, то это сыграет мне на руку. Ох, придётся снова идти к Марго, чтобы оставить у неё Софи, а потом топать пешком. Увы, проделать всё это сегодня, чтобы напроситься вместе с Гертом не успею, даже если бы одна из сиприн была выловлена заранее. Однако, если необходимость оставаться дома вызвана тем, что тот самый таинственный «дорогой человек» заболел или ему стало плохо, сыграет мне на руку, чтобы попасть в библиотеку, как бы цинично это ни звучало. Ладно, время покажет, права ли я или ошибаюсь.

Пока Герт ездил за водой, я разбудила Софи и даже успела накормить завтраком. Всё-таки фраза «Хочешь увидеть Ивли?» оказалась волшебной: дочь не только не хныкнула ни разу, но и достаточно быстро привела себя в порядок, сметя свою порцию в мгновение ока. Даже несмотря на внешнее спокойствие управляющего, я заметила и его волнение, и некоторую торопливость в движениях. Что же всё-таки там случилось?

Чтобы не задерживать управляющего, мы с дочерью встретили его на крыльце и немного побыли со смирной лошадкой в то время, как её хозяин занимался бочкой. Пожелав Гертю удачи и скорейшего разрешения всех проблем, ушли в дом и занялись привычной ежедневной рутинной. Сильно заморачиваться с приготовлением еды я не стала, так как Софи всё равно почти сутки не будет дома, а я себе найду чем перекусить. Гораздо больше вопросов у меня возникло, какие вещи собрать: вроде выбор одежды у дочери был не столь велик, но вдруг испачкается. Юста-то давно выросла, сомневаюсь, что у Марго где-нибудь припрятан сундучок со старым детским приданым. Если бы «тётушка» жила поближе, было намного проще.

Что бы там ни было, но уже вечером я входила в трактир с Софи на руках и большим заплечным мешком на спине. Марго нашему визиту удивилась, но быстро поняла, в чём дело, и перепоручила мою дочь Юсте.

– Кристин, ты решила половину своего дома вынести?

– Там вещи для Софи, вдруг платье порвёт или...

В ответ я слышала звонкий, хоть и немного уставший смех «тётушки»: – Нашли бы чего-нибудь. На один день голой бы не оставили твою птаху. Я так понимаю, торговаться пойдёшь уже завтра?

– Всё верно. Управляющий сказал, что Вангер вынужден будет задержаться в поместье на несколько дней, поэтому не хочу упускать свой шанс. Будет чудно, если мы с тобой ошиблись, а нет, то тянуть не стоит, лучше подстраховаться.

– Удачи! – Марго крепко обняла меня на прощание и предупредила, что Софи могу забрать послезавтра, если вдруг задержусь у Вангера до ночи.

Дочь так рассталась со мной легко, радуясь, что остаётся в трактире, в котором столько всего интересного почти на два дня. Даже в сердце кольнуло чуть ревностью, но я быстро надавала себе подзатыльников, что ничего особенного не произошло, чтобы распускать нюни. Домой я вернулась практически на закате и, взяв сеть, отправилась добывать сиприну. Учитывая, что её предшественница перенесла дорогу к Марго спокойно, сомнений донести рыбину до Вангера целой не возникало. В крайнем случае незаметно подлечу. Идти вот так, без предупреждения было страшновато, но иного выхода всё равно я не видела.

Утром, подождав, когда туман рассеется, я надела мешок с сиприной на плечи и отправилась в путь. В лесу ещё кое-где сохранялась молочноватая дымка, поэтому идти приходилось с остановками, время от времени проверяя, что не сбилась случайно с дороги. До Вильда добралась без особых приключений, а вот дальше пришлось вспоминать всё, о чём рассказывал Герт. Заходить в самую деревню не стала, чтобы не спровоцировать лишние сплетни, а обогнула её справа, стараясь не терять ориентиров. В итоге с грехом пополам добралась до главного дома поместья Вангеров, когда солнце перевалило за полдень. Ворота были заперты, но мне ничего не помешало пройти чуть дальше и обнаружить калитку, открыть которую смогла с помощью сломанной ветки. Зато связки себе сохранила, иначе кричать пришлось бы до хрипоты, чтобы кто-нибудь меня услышал.

По той же причине стала искать что-то вроде чёрного хода, так как некогда шикарный особнячок, выглядел совершенно заброшенным и не похоже было, что в нём кто-то живёт. Однако здесь мне улыбнулась удача, когда возле одной из построек заметила мальчишку лет двенадцати, несущего охапку поленьев.

– Простите, что отвлекаю, но мне необходимо увидеть господина барона по важному делу.

Не хотела напугать, но всё-таки смогла. От неожиданности он выронил свою ношу и вытаращился на меня так, словно привидение увидел.

– Госпожа Вербер к господину барону по важному делу.

– Да-да, конечно.

Мальчишка не стал поднимать поленья, а повёл к лестнице, спускающейся в сад. Хммм... А здесь действительно растут только красные одичавшие розы...

Спохватившись, словно о чём-то вспомнил, мальчишка быстро затараторил: – Простите, госпожа Вербер, но пока идёт ремонт, через главный вход пройти невозможно.

Кивнув, я продолжила незаметно разглядывать дом. Ремонт, честно говоря, тут и не пахло как в прямом, так и в переносном смысле. Но больше всего меня поразило, что мой провожатый старался ступать совершенно бесшумно, едва ли не на цыпочках. Мы прошли несколько залов, в которых угадывались бывшая гостиная, потом

музыкальная комната с затянутым в чехол роялем, но было заметно, что ни одним из помещений давным-давно не пользовались. Остановившись перед потемневшими, а кое-где и потрескавшимися от времени дверями, мальчишка несколько раз постучал, а затем, услышав позволение войти, распахнул их.

— К вам госпожа Вербер, господин барон!

Вангер, стоявший к нам спиной, резко повернулся и удивлённо взглянул в нашу сторону. — Хельм, можешь быть свободен. Госпожа Вербер, чем обязан вашему неожиданному визиту?

Глава 59. Поиски

Не успела я ничего ответить, как последовала череда других вопросов: – А где Софи? С ней что-то случилось?

– Нет, с моей дочерью всё в порядке, сейчас за ней присматривают. У меня возникло к вам неотложное дело, а потому я не решилась отправляться вместе с ней в столь долгий путь.

Вангер захлопнул папку, которую держал в руках и подошёл к шкафу: – Присаживайтесь, госпожа Вербер, а я пока предупрежу слуг о вашем приходе. Распорядиться подать вам чай?

– Благодарю, не стоит.

– Как изволите, – мужчина покинул кабинет, оставив меня одну.

Я сняла с себя мешок и поставила его на пол рядом с креслом, и только после этого присела на самый краешек. Увы, расположиться со всеми удобствами мне не удалось по той простой причине, что за время своего путешествия всё-таки умудрилась намочить спину. Надо было всё-таки взять с собой какую-нибудь шаль, чтобы прикрыть пятно, но, как говорится: умная мысль приходит опосля. Надеюсь, что за высокой спинкой кресла не будет заметно этого конфуза. Впрочем, в кабинете было довольно-таки мрачно, несмотря на ясный день.

Единственным источником освещения были несколько канделябров, расставленных на столе и окружённых стеклянными цилиндрами, видимо, чтобы избежать случайного возгорания. Вполне разумно, если вспомнить рассказ Марго о пожаре в поместье несколько лет назад. Сюда огонь, по всей видимости, не добрался, но обстановка в кабинете была немного угнетающей. Вся обстановка ещё хранила на себе отпечатки былой роскоши, но отчаянно нуждалась в обновлении. В принципе, если пустить сюда больше света, то та же зелёная драпировка, которой были отделаны на манер обоев стены, смотрелась бы намного лучше и не вызывала такого уныния. Даже потемневшая от времени некогда бежевая обивка кресел заиграла по благородному, несмотря на свою ветхость.

Пока Вангер отсутствовал, я пригляделась к корешкам книг, расставленных в шкафах, выискивая интересующую меня книгу. Не обнаружив ничего похожего, даже немного расстроилась, но решила,

что так будет даже лучше, ведь иначе пришлось бы что-нибудь придумывать, аргументируя свой интерес.

– Прошу меня извинить за столь длительное отсутствие. Итак, госпожа Вербер, о чём вы хотели со мной поговорить? – Вангер вошёл так же бесшумно, как и до этого передвигался Хельм.

– Видите ли, господин Вангер, мне понадобилось уточнить трактовки кое-каких законов, но, к сожалению, в охотничьем домике нет никаких книг, а достать где-то поблизости нет возможности. Однако мне сказали, что в вашем поместье имеется неплохая библиотека, поэтому хотела бы попросить вашего позволения воспользоваться ей.

– Вас интересует что-то конкретное, госпожа Вербер?

Как мы и договаривались с Марго, решила ответить обтекаемо: – Пока не могу сказать абсолютно точно, но, возможно, придётся заглянуть в те, что касаются семейного права, торговых отношений и, возможно, «Общий гербовник Бронхеджа». Всё зависит от того, какую информацию найду, касающуюся интересующих меня вопросов.

– Хорошо, пойдёмте.

Что? Вот так просто? От неожиданности я даже растерялась, но быстро взяла себя в руки, решив, что как только найду ту самую книгу, то проще будет договориться насчёт покровительства. В крайнем случае отблагодарю сиприной и предложу партнёрство. Такой вариант тоже рассматривался, но только на самый крайний случай. Подхватив с собой мешок, я пошла вслед за Вангером, стараясь как можно меньше шуметь.

– Единственное, хочу вас предупредить, госпожа Вербер, к сожалению, не было времени изучить семейную библиотеку, поэтому даже не представляю, где конкретно стоят нужные книги. Придётся вам как-нибудь самостоятельно заняться поисками. К сожалению, Герт сейчас в отъезде, иначе можно было бы его попросить помочь, – тихо произнёс Вангер, открывая дверь и приглашая меня пройти внутрь первой.

Замешкавшись, я попробовала пройти бочком, но в итоге столкнулась с хозяином дома.

– Простите, госпожа Вербер, мне стоило вначале зажечь свечи, иначе тут будет слишком неудобно читать.

– Ничего страшного.

В библиотеке оказалось намного светлее, чем в кабинете, однако пара канделябров точно не помешала бы. Хотя, на мой взгляд, гораздо проще было бы убрать подвязками портьеры, зацепив кольцами за специальные крючки, как это делали в доме Майеров. Но спорить с причудами хозяина этого дома было как-то не с руки, пока не получу желаемое. Вангер зажжёт свечи, взяв с каминной полки спички, после чего ушёл. Дождавшись, когда его шаги окончательно стихнут, я всё-таки раздвинула до конца побитые молью ткани, едва сдержавшись, чтобы не чихнуть. Определённо этому дому не хватает женской руки, неважно, будь это хозяйка дома, или кто-то из старшей прислуги. Даже с минимальным количеством персонала можно потихоньку привести дом в порядок, пусть и не так быстро, как я справилась с уборкой в охотничьем домике. Ладно, нравится ему дышать пылью, так пусть и дальше так живёт, у меня же иная цель.

Естественно, с годами все обложки выгорели, однако уже знакомые тома свода законов и гербовник нашла почти без труда. Сложив их на всякий случай на столике возле кресла у окна, я продолжила вычислять красные корешки. Поиски осложнялись тем, что абсолютно отсутствовала какая-либо система, по которым одни книги соседствовали рядом с другими. Как будто прочитанный фолиант просто запихивали на первую подвернувшуюся полку, на которой было свободное место. Достав сложенную лесенку на пять ступеней, я проверила, не стало ли со временем дерево трухлявым, а затем приступила к самым верхним полкам, борясь с желанием оторвать кусок ткани от одной из нижних юбок и хорошенько всё протереть от пыли.

Наконец, мои поиски увенчались успехом, даже едва не свалилась с лестницы, подпрыгнув от радости. В принципе, Марго не сильно ошиблась, когда говорила об этой книге, так как на её обложке были выведена едва различимая надпись «Королевская милость и привилегии, дарованные Его Величеством Конрадом и его потомками». Судя по толщине и оглавлению, примерно через три поколения после правления этого монарха, либо отличившихся не стало, либо венценосные особы перестали считать кого-то достойным подобных благ. А семья Вангер не единожды оказалась упомянутой на страницах фолианта. Даже Верберы раз мелькнули, но, увы, ничего

значительного не получили, да и сейчас никакого отношения к этой семье я не имела.

Углубившись в чтение, пожалела об отсутствии закладок или чего-нибудь, что можно было вместо них использовать. Взглянув на окно, я решила, что время ещё позволяет, а потому обратилась к своду законов, ища пересечения со всем, что касалось покровительства. Не зря Марго ругалась на бывшего любовника: имея такие возможности, когда даже король не имел права заключить в тюрьму, разве что речь шла бы о заговоре или покушении на членов правящей династии, так бездарно всё промотать. В итоге я увлеклась настолько, что не заметила появления Вангера и отреагировала лишь на деликатное покашливание, раздавшееся возле двери.

– Удалось что-нибудь найти, госпожа Вербер?

– Да, спасибо вам за разрешение воспользоваться библиотекой. В свою очередь, хотела бы отблагодарить вас, – я поднялась из кресла и присела, чтобы взять мешок с сиприной.

– Госпожа Вербер, кажется, вам нужно просушить платье...

Покраснев до корней волос, я, запинаясь, произнесла: – Не стоит беспокоиться, ведь ничего страшного не произошло. Возьмите.

– Что это? – Вангер взял протянутый горшок и непонимающе на меня посмотрел.

– Там находится то, для чего вы первые два раза приезжали на озеро.

Поставив горшок на стол, с которого я быстро убрала книги, Вангер заглянул внутрь и удивлённо прошептал: – Сиприна...

– Совершенно верно, господин Вангер. Абсолютно здоровая и пригодная к употреблению. Вы говорили, что эта рыба важна для дорогого вам человека, поэтому примите этот скромный дар.

– Спасибо вам, госпожа Вербер. Вы даже не представляете, насколько он ценен и важен для меня... – пробормотал Вангер, чьё лицо озарилось невероятно милой улыбкой. Но внезапно она исчезла так же быстро, как и появилась, а я обернулась к двери и едва не выронила книги из рук.

Глава 60. Эль

На голом полу босиком стояла маленькая черноволосая девочка примерно возраста Софи, похожая на привидение, настолько прозрачной казалась её кожа, практически сливающаяся по цвету с длинной белоснежной сорочкой.

Вангер тут же бросился к ребёнку, подхватывая на руки и встревоженно трогая маленький лоб: – Эль, жар только спал, тебе лучше вернуться в кровать.

– Простите меня, господин барон! Только отошла, чтобы принести свежих полотенец и сменить воду. Ваша дочь крепко спала, и я подумала, что успею вернуться... – в библиотеку влетела пожилая женщина, но увидев меня, быстро осеклась и замолчала.

– Здесь кто-то есть ещё? У окна какая-то незнакомая тень, – едва слышно прошелестела девочка, выглядывая из-за плеча Вангера.

А у меня всё сжалось внутри, когда увидела знакомое маскообразное выражение на лице малышки: она была слепа, вернее, почти слепа, если сумела различить мою тень, хотя я стояла далеко от неё. И, скорее всего, порок был врождённый.

– Да, Эль, ко мне по важному делу приехала наша соседка, госпожа Вербер. Мы скоро закончим, и я приду к тебе, – мягко ответил Вангер, неодобрительно качая головой, когда взглянул на женщину. – Сабрина, следите, пожалуйста, лучше за Эль.

Няня приняла переданную ей девочку и, бормоча извинения за свою оплошность, быстро удалилась.

Как только Вангер плотно закрыл дверь, я подошла к нему поближе: – Значит, сиприн вы хотели добыть для дочери?

Тяжело вздохнув, мужчина кивнул: – Да. Вы сами видели, насколько у Эль хрупкое здоровье, а сейчас она ещё умудрилась каким-то образом простудиться, хотя за ней всегда зорко следит Сабрина. Сегодняшний случай – это исключение, впервые за столько лет.

– Теперь понятно, почему вы каждый раз беспокоились о моей Софи, ведь сами являетесь отцом. Но почему вы ничего не рассказали мне об Эль, когда говорили, что кому-то из ваших близких нужна помощь? Я бы могла прийти гораздо раньше... И как же вы осмелились

проделать с ней такой долгий путь, покинув Бернгрен и переехав сюда, ведь там, насколько я слышала, прекрасные целители.

Вангер тяжело опустился в свободное кресло, став похожим в какой-то момент не на молодого мужчину в самом расцвете лет, а на глубокого старика, настолько уставшего от жизни, что каждое движение давалось ему с трудом.

– Госпожа Вербер, поклянитесь, что никому не расскажете об Эль. Я избегаю сплетен и сочувственных взглядов, так как действительно нелегко со всем этим смириться... А лишние шепотки за спиной лишь ещё больше угнетают. Поймите, я люблю свою дочь и всячески стараюсь обеспечить её покой.

– Господин Вангер, клянусь, что всё услышанное в этих стенах не выйдет за их пределы. К тому же кроме вас с Гертом, а также Марго и её детьми больше ни с кем не общаюсь. Обещаю вам, что хозяйка трактира тоже ни о чём не узнает. Но если вдруг для Эль что-нибудь понадобится, то через Марго можно будет попробовать это достать.

– Спасибо. Но, к сожалению, Маргарита Шмид ничем не сможет помочь. Софи ведь сейчас у неё? Понятно. Вы спрашивали, почему я решился на столь отчаянный шаг, как переезд, имея больную дочь? Вот именно, что это было отчаяние, так как в Бернгрене ничем помочь не смогли, и вся надежда была действительно на Зауберерское озеро. Элоиза родилась семимесячной и очень слабой. Никто не давал гарантий, что она выживет, да и для жены роды дались с трудом. Эления едва не сгорела в послеродовой горячке, но всё-таки смогла выкарабкаться, однако её здоровье оказалось подорвано и, несмотря на все приложенные мной усилия, скончалась. Собственно, пытаюсь спасти жену и дочь, я растратил всё состояние, оставленное отцом на лучших врачей и целителей. Думаю, вы поняли, что Эль слепа, но ко всему прочему ещё и родилась с серьёзным пороком сердца, поэтому малейшая простуда способна её погубить. Всё, что смогли целители – это частично его исправить, но не восстановить работоспособность органа полностью. Это просто чудо, что дочь смогла дожить до трёх лет. Последний целитель, к которому я обращался, сказал, что ей осталось не больше года: организм просто не справляется...

– И поэтому, чтобы вы могли побыть рядом с дочерью, к шахтам отправился Герт...

– Именно. Вторые сутки пытаемся сбить жар, и вот когда это удалось, Эль умудрилась сбежать. Наверное, искала меня, но не увидев света в кабинете, пошла на голоса. У неё очень тонкий слух, а я ещё и дверь в библиотеку не закрыл до конца...

Пристроив книги на подоконник, я присела на его край и закрыла лицо руками. Не смогу... Я просто не смогу торговаться за жизнь ребёнка... И остаться в стороне – тоже.

– Простите, госпожа Вербер, что утомил вас своими семейными проблемами.

Но я ни слова не смогла произнести, так как к горлу подступил ком, и только отрицательно качнула головой. По скрипу и звуку шагов, поняла, что Вангер покинул кресло и направляется прямо ко мне.

– Госпожа Вербер, вы плачете? – в голосе мужчины проскользнуло удивление, но потом появились прохладные нотки. – Вас настолько растрогал мой рассказ или, узнав о существовании Эль, нарушились какие-то ваши планы? Скажите честно, зачем именно вы пришли и что именно искали в библиотеке. Откровенность за откровенность.

Я молча сползла с подоконника и вытащила из стопки книг ту самую, в выцветшем красном переплёте: – Меня интересовала в первую очередь она. После того, как Зауберерское озеро очистилось, хотела попросить у вас покровительства. Но не в том смысле, в каком при нашем знакомстве предлагали вы. Сиприны очень ценный товар, а я, будучи разведённой женщиной, привлеку слишком много ненужного внимания, если начну торговать ей. И в первую очередь короля, который наверняка просто выдаст меня замуж за удобного ему человека, как это было с Ойгеном Майером. Повторения тех страшных дней не хочу ни себе, ни тем более дочери. Вы видели Софи несколько дней назад, а теперь представьте себе, что ещё два месяца назад она выглядела немногим лучше, чем Эль.

– Но мне казалось... – уже с некоторым сомнением произнёс Вангер.

– Вот именно, что казалось. Если круглое личико Софи и способно было кого-то ввести в заблуждение, то её тело напоминало кости, обтянутые кожей, так как никому она была не нужна, раз родилась не мужского пола, и особо тратить на неё продукты никто не хотел. Могу показать документы и свидетельства осмотра,

подтверждающие, что я родила больного ребёнка, заверенные судьёй Гендринга. А Майер её вообще в монастырь хотел отправить. Думаете, что какому-нибудь отчиму она будет нужна? Сильно в этом сомневаюсь. Простите, но не могу просить вас о той услуге, которой хотела. Я не могу ставить условия и торговаться, когда речь идёт о жизни ребёнка. И к моему великому сожалению боюсь, что сиприны не помогут Эль... Ещё раз простите.

Я старалась не смотреть на Вангера, но всё равно видела, как быстро меняются эмоции на его лице по мере моего рассказа.

– Но почему вы думаете, что теперь не имеет смысла просить меня о покровительстве в деловых отношениях? Я готов пойти на эту сделку.

– В вашем случае это бессмысленно. И так разрешила бы вам брать у меня сиприн, да хоть всё озеро выловите.

– Так в чём же дело? Не понимаю...

– Я заметила на руках и щеках вашей дочери шероховатости, какие бывают у детей с аллергией. Пусть сиприны и обладают волшебными свойствами, но боюсь, что в её случае они не смогут помочь должным образом, а только ухудшат состояние. К тому же у неё слишком мало времени, чтобы рыба смогла исправить ситуацию. Марго рассказывала, что на простых людей, не обладающих каким-нибудь магическим даром, сиприны действуют гораздо медленнее.

– И всё-таки, госпожа Вербер, я предлагаю вам сделку. Моё покровительство...

Но Вангера прервал на этот раз Хельм, едва не проломивший дверь: – Господин барон, Эль опять стало плохо!

Глава 61. Тревожный вечер

Вангер тут же помчался к двери, а я за ним.

– Госпожа Вербер, вам лучше уйти или остаться здесь, не думаю что...

– Хватит! Поругаться или высказать друг другу претензии мы всегда успеем потом! Сейчас не время! Лишние руки вам точно понадобятся, учитывая, что слуг у вас не так много! – крикнула я на мужчину, а потом чуть мягче добавила. – У меня самой дочь, так что даже не спорьте! Или выставляйте из своего дома силой!

К счастью, спорить Вангер не стал, и дальше я уже едва поспевала за ним, подхватив юбки. Комната Эль находилась не так далеко, так что понятно, почему девочке удалось так быстро преодолеть расстояние между спальней, кабинетом и библиотекой. Также объяснялся и необжитый вид особняка снаружи: из-за слепоты дочери Вангера обжитым был только первый этаж и только те комнаты, что находились рядом.

В спальне тоже было очень мало света, а окна задёрнуты шторами, которые тут же захотелось сорвать и сжечь, чтобы не мешали доступу свежего воздуха. Подскочив к кровати, на которой безвольной тряпочкой лежала девочка, я заметила, что носогубный треугольник начал синеть. Но что было хуже всего, температура дала не «розовую» лихорадку, а «белую». У меня едва волосы не поседели, так как в своём мире проблема решилась бы достаточно быстро, ног где здесь найти спазмолитики, которые можно дать ребёнку, да ещё и с пороком сердца?!

– Сабрина! Не нужно обтирать Эль, этим вы только сильнее разгоняете жар! – я потрогала ледяные ладошки девочки, а потом сунула руки под одеяло и нащупала холодные стопы.

– Но нам так всегда велели делать, когда температура тела поднимается... – растерянно пробормотала няня девочки, отжимая полотенце в стоящий рядом таз. – Господин барон, но почему вы позволяете...

– Господин Вангер, вы потрогайте руки и ноги Эль, если бы это была обычная лихорадка, они стали горячими, а так выходит, что жар

заперт в теле, а растираниями и обтираниями ещё сильнее разгорается.

– Но что делать? Вы с таким уже сталкивались?

Я коснулась ладошки Эль, пытаюсь незаметно воздействовать своим даром, чтобы хоть как-то облегчить состояние ребёнка: – Нужно какое-нибудь средство, расслабляющее мышцы, а ещё на ноги надеть толстые вязаные носки, оставив на теле лишь тонкую сухую сорочку, но ни в коем случае не укутывать. Видите, что возле носа посинело, значит, сердце уже плохо справляется с нагрузкой. И воздух... Нужен свежий воздух...

– Сабрина, принесите ящик с лекарствами из моей спальни. Живо! – приказал Вангер, вскакивая на ноги.

Спорить со своим хозяином женщина не решилась и быстро выбежала из комнаты. Я плюнула на то, что платье основательно запылилось за время поисков книги в библиотеке, а сами руки стоило хорошенько вымыть, главное – не дать сейчас Эль «уйти». Тут я даже не знала, за что хвататься: сердце поддержать или попытаться сосуды расширить, которые сузились из-за спазма. Вангер быстро посрывал шторы и начал раскачивать заевшую ручку на раме. Пока на меня особо никто не глядел, я потихоньку, буквально по капле воздействовала на Эль своим даром, пытаюсь отслеживать состояние, чтобы не пропустить чего-нибудь и не сделать хуже.

Вернувшаяся Сабрина, принесла с собой длинные шерстяные чулки, наверняка вытащенные из собственного сундука, судя по размеру, и внушительную такую «аптечку».

– Господин барон, что дальше делать?

Вангер, наконец-то, справился с ручкой и чуть приоткрыл окно, заложив в качестве стопора край шторы, а потом быстро переместился к кровати Эль, опускаясь на колени: – Мне кажется, ей стало лучше...

Вопрос только в том, не начнётся ли ухудшение сразу после того, как прерву контакт. Жаль, что не умею управлять своим даром на расстоянии – это значительно бы облегчило задачу. Пока единственное, что было в моих силах – это как-то отвлекать присутствующих. Понимаю, что сильно рискую, но и бросить Эль в таком состоянии не могу, и раскрыться тоже.

– Что из принесённых лекарств действует, как расслабляющее мышцы?

– Сейчас, – Вангер подошёл к ящику с медикаментами и начал перебирать флаконы, в то время как Сабрина принялась натягивать на худенькие ножки Эль чулки.

Я посмотрела на шерстяного монстра, в которого можно было упаковать всю девочку целиком: – Простите, а ничего более подходящего по размеру нет?

Няня девочки покосилась на меня, как на странную говорящую куклу, но ответила: – У Эль слишком тонкая кожа, поэтому все целители в один голос заявляли, что шерсть нужно исключить из гардероба, так как колется.

– А на сами шерстяные вещи были реакции? Высыпания или раздражение?

Сабрина замерла в задумчивости, а потом отрицательно замотала головой: – Не припомню такого.

Хорошо, если так. Может, тогда и с рыбой обойдётся. Выдвигая предположения насчёт сиприн, я в первую очередь пыталась чуть померить пыл Вангера и его домочадцев, чтобы сразу не кинулись отпаивать Эль бульоном и кормить принесённым деликатесом. Ещё ничего, если реакция случится во время моего присутствия здесь, но что будет, когда покину пределы дома? Хорошо, что пока не выгнали и я хоть что-то могу сделать, а дальше как?

– Госпожа Вербер? – Вангер осторожно тронул меня за плечо.

– Простите, задумалась. Что вы сказали? – я повернула голову к мужчине, держащему в руках три флакона.

– Из всех лекарств, имеющихся в доме, вот эти подходят больше всего.

– А чем они различаются?

Пока Вангер перечислял свойства каждого из снадобий, я пыталась выбрать наиболее благоприятное, которое можно было быть дать Эль. Учитывая её вес, сложно даже примерно прикинуть, какое количество можно будет дать, не опасаясь последствий.

– А от жара какие лекарства до этого давали и сколько? – я потрогала для виду лоб Эль, хотя и так прекрасно понимала, что температура хоть и снижается, но слишком медленно.

Выслушав обычные рекомендованные дозировки, я готова была разреваться, понимая, что ситуация патовая. Сердце девочки если и

справлялось с нагрузкой, то лишь с моей помощью, и даже на секунду убрать руку было страшно.

– Давайте попробуем две капли из синего флакона и три жаропонижающего... Только не в холодной воде размешать, а в тёплой. И оставлять Эль без присмотра ни в коем случае нельзя.

Сабрина попыталась было возмутиться, но Вангер её остановил. Как и любой другой отчаявшийся родитель, просто цеплялся за соломинку, надеясь, что хоть что-нибудь поможет. Вот только с таким набором диагнозов действительно оставалось только уповать на чудо. Как только ворчащая няня снова испарилась, Вангер подошёл ко мне и тихо спросил:

– Всё настолько плохо, на ваш взгляд, госпожа Вербер?

– Вчера ещё было плохо, а сейчас... Если удастся сбить температуру, появится шанс. Но вы поймите, я же не целитель и даже не лекарь, чтобы что-то определённое сказать. Могу вас утешить, пообещав, что ситуация улучшится, но лгать в таких вещах просто не могу. Простите...

– Да, я понимаю, – тяжело вздохнул мужчина, опускаясь рядом на край кровати. – Вы и так задержались, а скоро стемнеет. Вас ведь ждёт Софи.

– Марго сказала, что ждёт меня за дочерью завтра, поэтому могу остаться и, честно говоря, желала бы этого. По вам обоим видно, что за прошедшую ночь глаз не сомкнули, а я хотя бы спала, следовательно, дольше смогу продержаться. Той же Сабрине дать отдых, чтобы потом сменила вас, или наоборот.

– Я не оставлю дочь ни на минуту!

– Значит, первой отдыхать уйдёт няня девочки. Я правильно понимаю, что именно она заботится об Эль? Вы говорили о паре слуг, привезённых с собой, выходит, что Сабрина – жена Герта?

– Всё так, госпожа Вербер. Помимо них в доме ещё находятся их внуки: Хельм и Дольф.

– То есть Сабрина ещё и готовит на вас всех... Вам нужна кухарка и хотя бы пара девушек в помощь уборке дома. Понимаю, что лезу не в своё дело, но в таких условиях Эль будет только хуже.

– Как раз из-за здоровья дочери пришлось ограничить прислугу: мало кто понимал, что при малейших признаках болезни следует

обратиться к лекарю, хотя настаивал на этом и был готов оплатить. Но боязнь потерять жалованье...

— Ясно. Палка о двух концах...

Вскоре появилась Сабрине и принесла кувшин тёплой воды, закутанный в большое полотенце, чтобы медленнее остывал. Вангер сам отсчитал нужное количество капель одного и второго снадобья, а затем добавил жидкость в оба стакана примерно треть от общего объёма. Вливать в рот девочки лекарства пришлось с помощью ложки, но нам удалось не пролить почти ни капли.

— Теперь остаётся только ждать...

Глава 62. Переломная ночь

С трудом, но нам удалось убедить Сабрину отправиться отдыхать, пообещав, что если вдруг... В общем, обязательно разбудим и позовём. Напоследок Вангер попросил забрать из библиотеки горшок с сиприной. К счастью, няня знала, что это за рыба, а потому тратить лишнее время на объяснения не пришлось.

– Часто у Эль случаются приступы? – я чуть склонилась над девочкой, делая вид, что трогаю покрытый испариной лоб, а на самом деле незаметно перемещая правую руку поближе к сердцу.

– В последние месяцы участились, хотя я старался создать все условия, не допускать волнений и нагрузок. Но Эль всего три года, и она хочет быть, как другие дети...

В голосе Вангера было столько затаённой боли, что у самой снова слёзы начали наворачиваться на глаза. Словно наяву передо мной мелькали картинки, на которых впервые увидела Софи, похожую на хрупкую фарфоровую куклу, потом как она делала первые шаги, смешно пыхтела, пытаясь самостоятельно одеться, как воевала с ложкой, а потом и вилок... А ведь это было ещё совсем недавно... Сейчас эта егюза скачет, как горная козочка по скалам, крепко держась на ногах. С речью, конечно, по-прежнему есть некоторые проблемы, но для её возраста и длительного молчания – невероятный прогресс.

– Господин Вангер, вы действительно готовы на всё ради дочери?

– Да, как я уже вам сказал раньше, готов взять над вами покровительство. Кроме того, в записях дяди я нашёл контакты аптекарей и лекарей, с которыми он сотрудничал раньше. Это достойные люди, и через них вы также сможете продавать сиприн...

– Я сейчас не об этом, господин Вангер. Дом необходимо хорошенько отмыть, всё перестирать, в общем, навести чистоту. Вы старались ограничить контакты Эль с посторонними, поэтому предлагаю вам её на время отправить ко мне в охотничий домик, а в ближайшей деревне нанять девушек для уборки. Потом поддерживать чистоту будет намного проще. Клянусь, что не причиню вашей дочери вреда, если опасаетесь за её благополучие, то для Сабрины тоже найдётся место, ведь комнат несколько и все они пустуют, кроме

спальни, которую занимаем мы с Софи. Как только дом приведут в порядок, Эль сразу же вернётся. Дышать всей этой пылью, да ещё и при заколоченных окнах, которые невозможно лишний раз открыть для девочки не менее губительно, чем присутствие посторонних людей. Если не больше... Вы сами знаете, что к нам никто не ходит, и тот же Херб навещал только из-за Софи на тот случай, если вдруг не смогу выбраться из озера или...

– Госпожа Вербер, благодарю за попытку принять участие в судьбе Эль, но всё это мало что изменит. Я не готов разлучиться с дочерью. Она – последнее дорогое, что осталось в моей жизни.

– Понимаю, что моё предложение сейчас прозвучит ещё более двусмысленным, чем ваш визит с красными розами... Днём вы и так частенько в отъезде, а вечером могли бы приезжать в охотничий домик и оставаться до утра. Та же Сабрина подтвердит всегда, что ничего аморального не происходило, а такие визиты, как и переезд Эль – временная мера.

– Нет, госпожа Вербер. Это мало, что изменит.

Я пыталась под нейтральным предлогом добиться переезда Эль в охотничий домик, чтобы потихоньку исправить все её проблемы со здоровьем, ведь за один раз привести в нормальное состояние то же сердце мне не под силу. Вангер хороший человек и любящий отец, но раскрыть перед ним тайну о наличии у меня дара было страшно. Сколько раз я шла навстречу родителям больных детей, занималась с ними дополнительно, пробовала новые методики или другие приёмы, а потом, когда всё получалось и ребёнок показывал успехи, получала ушат помоев, вылитых на голову, кучу жалоб. Обиднее всего было за доносы, в которых говорилось, что за дополнительную плату занимаюсь частной практикой, хотя ни копейки не брала за те сеансы. Это в моменты отчаяния люди готовы на всё, а потом всё добро сразу как-то забывается. Дети – моё слабое место, а потому раз за разом наступала на одни и те же грабли и в итоге вынуждена была уволиться и идти работать в зоомагазин.

Я прикрыла Эль тонкой простышкой и отошла от кровати: – Господин Вангер, у вас есть нож?

Понятное дело, что в комнате, в которой жила практически слепая девочка, не было острых предметов, поэтому иных вариантов, как задать этот вопрос, не видела.

– Госпожа Вербер, что вы задумали? – Вангер не спеша поднялся с кровати и медленно сделал несколько шагов в мою сторону.

– Явно не то, о чём вы сейчас подумали, господин Вангер. Поклянитесь: никто никогда не узнает о том, что вы сейчас увидите. Жизнью дочери клянитесь, потому что мне дорога моей.

Я вытащила из уложенной на затылке косы шпильку и крепко зажала в руке. Не самый лучший вариант, но единственный из доступных. Старинные шпильки отличались от тех, к которым привыкли все мои современники, острыми концами, а не закруглёнными с напаянными на них шариками.

Вангер сделал ещё один шаг, приподнимая руки на уровень груди: – Госпожа Вербер... Кристин... Не делайте глупостей. Я клянусь жизнью и здоровьем Эль в том, что бы ни случилось в пределах этой комнаты, не узнает никто...

Кивнув мужчине, я с силой полоснула шпилькой по левой ладони так, чтобы Вангер видел: всё происходит по-настоящему, без каких-либо уловок. А в итоге едва не оказалась сбитой с ног. Шпилька со звоном упала на пол, выбитая из руки.

– На рану смотрите, господин Вангер! – прошипела я, даже не пытаясь вырваться, иначе внимание мужчины будет сконцентрировано не на том, что мне было нужно. – Вот та причина, по которой требовала с вас клятву.

Вангер перевёл взгляд на мою ладонь, с которой постепенно переставала сочиться кровь, а неровные распоротые края кожи стягивались.

– Но... – удивление его было столь велико, как если бы на моём лбу выросли рога, а за спиной распахнулись кожистые крылья с острыми когтями на изгибах.

– Как видите, я не настолько безрассудна, а тем более – безумная, как вы могли подумать. Вот та самая причина, по которой рискнула лезть в озеро, не заручившись поддержкой в надежде выкарабкаться самостоятельно. Если бы не та гроза, всё получилось и без вашей помощи. Софи тоже поправилась не под влиянием смены обстановки или за несколько дней благодаря сипринам.

– Простите, госпожа Вербер... – пробормотал всё ещё пребывающий в глубоком шоке Вангер, продолжая разглядывать мою ладонь. – Вам точно не требуется помощь?

– Нет. Скоро рана зарубцуется, а к полудню точно ни следа не останется. Обычно всё происходит быстрее, но я поддерживала сердце и сосуды Эль, поэтому, возможно, ещё чуть дольше времени понадобится. После происшествия на озере повязки на моих руках были лишь для отвода глаз. Думаю, вам не нужно напоминать, как на территории Бронхеджа относятся к одарённым?

– Они дополнительно присягают на верность королю и подчиняются его приказам. Неповиновение сразу же означает вынесение смертного приговора на месте.

Я кивнула: – Вот именно, господин Вангер. Надеюсь, вы не нарушите данной мне клятвы, в противном случае пострадаю не только я, но и Софи. Ведь так удобно управлять кем-либо, кто уязвим. Отпустите меня, пожалуйста.

– Простите меня ещё раз, госпожа Вербер. Так вы настаивали на переезде Эль не только из-за уборки дома?

Всплеснув руками и стараясь не сильно повышать голоса, я присела: – Естественно! Или вы думаете, у меня настолько каменное сердце, что смогу оставить несчастную больную девочку и спокойно уйти домой?! Раз уж ножа пожалели, может, тряпку дадите? Немного крови всё-таки попало на пол.

А что я ещё могла сказать, чтобы переключить Вангера? Иначе он так и продолжал бы извиняться до самого рассвета, но время не бесконечно, и следует всё-таки решить вопрос с Эль, пока та же Сабрина не появилась, переживая за свою воспитанницу. Подобрав с пола шпильку, я ополоснула её в тазу с полотенцами, радуясь, что вода не окрасится, следовательно, лишних вопросов не возникнет.

Вангер достал носовой платок и протянул мне, чтобы замить следы, а потом кинул его в камин.

– С ума сошли? В комнате и так дышать почти нечем, а сейчас ещё и горелой тканью запахнет, – запоздало прошипела я, наблюдая, как пламя охватило испачканный в бурых пятнах кусок материи.

Зато Вангер более-менее пришёл в себя, начав понимать, о чём всё это время ему толковала. – Рана Герта затянулась так быстро тоже с вашей помощью?

– Да. Мне было жаль, что он пострадал из-за меня, ещё и больше суток провёл на ногах... – я снова подошла к кровати и проверила Эль.

Пока поводов для беспокойства не было: температура понизилась до нормальной, и девочка просто спала. Прикрыв слегка одеялом, положила правую ладонь ей на грудь, направляя свой дар к наиболее деформированному клапану. Если часть нарушений прежние целители смогли убрать, то почему не вылечили до конца? Ведь девочке уже три года, а за это время можно было попробовать даже зрение восстановить.

— Госпожа Вербер, вы сможете помочь моей дочери?

— Давайте сразу начистоту, чтобы не морочить друг друга бесполезными обещаниями. Я могу вас воодушевить, что вскоре Элоиза ничем не станет отличаться от Софи, но не буду. Потому что не знаю, как всё сложится. Но со своей стороны постараюсь сделать всё возможное, чтобы облегчить существование девочки. Надеюсь, вы теперь понимаете, почему я пыталась настоять на её переезде в охотничий домик? Чем меньше людей будет в курсе моих способностей, тем лучше. Даже согласна на присутствие Сабрины, хотя прекрасно вижу, с какой настороженностью она относится ко мне. Однако если рассудить здраво, то она сможет больше уделить внимания Эль, когда мне нужно будет заняться обычными домашними делами или хотя бы банально поспать.

— Я согласен на все ваши условия, госпожа Вербер. Что ещё от меня потребуется?

Глава 63. Благими намерениями

Почти до самого утра мы обсуждали с Вангером детали переезда и действия на случай возможных непредвиденных ситуаций. Но всё зависело от того, в каком состоянии проснётся Эль и получится ли без осложнений перевезти её в охотничий домик. Всё усугублялось тем, что непонятно было, когда вернётся Герт: если проблему, возникшую в одной из шахт, получится решить быстро, то уже получается, уже сегодня, а нет – завтра. И тут возникал вопрос, как поступить с Софи: попросить Марго ещё на день приглядеть за моей дочерью, но тогда без расспросов не обойтись, а посвящать хозяйку трактира в своё горе Вангер отказался. «Тётушка» моя не лыком шита: вмиг догадается, что не просто так молчу и избегаю подробностей своего похода «за покровительством». Тогда точно пришлёт Херба проверить, всё ли в порядке. Забрать Софи и сходить в охотничьем домике с ума от неизвестности – ещё хуже. Перебраться в поместье до того момента, когда возможен будет отъезд – тоже вопрос спорный, имеющий множество подводных камней. Незнакомое мрачное место, мать, постоянно находящаяся рядом с какой-то девочкой...

В общем, Сабрина застала нас с Вангером спящими по обе стороны от Эль. Сложно сказать, в какой момент нас сморил сон: вроде только что на часах было пять утра, а потом сразу семь. И то няня девочки долго извинялась, что встала позже обычного. Зато подскочивший при её появлении Вангер распорядился принести нам обоим чая и чего-нибудь перекусить. Меня эти оба будить не стали, но я сама сквозь полудрёму слышала, о чём они говорят. В принципе, ничего нового из того, что ночью обсуждалось, не узнала. Больше всего переживала, как Вангер обойдёт скользкую тему насчёт моего дара, но мужчина достаточно неплохо списал всё на необходимость уборки и близость к озеру, оговорив, что намного лучше него разбираюсь, как и в каких пропорциях пробовать давать рыбу. Чувствую, придётся мне ещё ни один бой выдержать на своей территории с Сабриной. Перечить своему хозяину она не осмелится, а вот повставлять палки в колёса вполне способна. Сталкивалась уже с такими «бабушками старой закалки» среди сопровождающих моих

пациентов. Здесь придётся действовать тонко, чтобы не нажить себе врага, ведь подобные защищают своих воспитанников ещё сильнее, чем матери родных детей, думая, что лучше всех всё знают.

– Доброе утро, госпожа Вербер. Можете не притворяться: я знаю, что вы не спите, – тихо обратился ко мне Вангер, как только Сабрина унесла таз.

– И вам тоже. Просто не хотела вам мешать, а тем более смущать няню Эль, – я приподнялась, едва сдерживаясь от проклятий на местную моду, диктовавшую обязательное ношение корсета.

– Я отлучусь ненадолго, а вы можете привести себя в порядок вон за той дверью, – Вангер поцеловал дочь в висок и действительно покинул комнату.

У меня в голове заработал таймер обратного отсчёта. Сколько примерно времени требуется на то, чтобы разжечь плиту, вскипятить чайник и нарезать бутерброды, примерно знала, но всё равно стоило поторопиться. Не хотелось бы лишний раз вызвать неудовольствие Сабрины своим помятым видом, не говоря уже об остальных мелочах. Хорошо, что водопровод исправно работал, а котёл за ночь не сильно остыл. В итоге возле кровати Эль мы оказались с Вангером практически одновременно.

– Прошу меня извинить, что не могу оказать гостеприимный приём и попросить Сабрину накрыть в столовой...

– Господин Вангер, я прекрасно знаю, что вы получили достойное воспитание, но прошу вас – не стоит извиняться или просить прощение за каждый сделанный вами шаг. Сейчас действительно не время для церемоний и раскланиваний. Поверьте мне: я не расстроюсь, не обижусь и тем более не устрою сцену из-за того, что завтрак не будет подан в столовую, мне не предоставили гостевую комнату и так далее и тому подобное. В первую очередь беспокоюсь о девочках. Поэтому, чем тратить впустую время, соблюдая все правила этикета и хорошего тона, а потом бегать по дому, если вдруг Эль станет хуже или срок, озвученный Марго выйдет, предпочту минимальный комфорт и действие.

Вангер сразу как-то смягчился и указал на столик у окна с корзинкой, доверху заполненной клубками шерсти и ещё какой-то недовязанной вещью: – Благодарю за понимание, госпожа Вербер. Предлагаю пока разместиться здесь.

Едва мы переложили рукоделие на подоконник, как вошла сама няня с подносом в руках. Я благоразумно держалась чуть в стороне от Вангера, наблюдая за женщиной, чьи поджатые губы выражали явное неодобрение по поводу моего присутствия. Такие, как Сабрина, редко когда вслух высказывают свои чувства, зато прекрасно справляются с этим невербально. Перешнуровать корсет и платье возможности у меня не было, поэтому сесть за стол так и не решилась, оставшись стоять. А вскоре няня снова появилась на пороге комнаты, держа в руках тот же поднос с дымящейся кружкой, из которой я уловила знакомые ароматы. С удивлением посмотрев на Вангера, я перевела взгляд на Сабрину.

– Пора будить Эль. Из-за проблем с сердцем целители не рекомендовали давать ей долго спать ночью, иначе оно разленится и станет работать ещё хуже.

У меня едва кусок колбасы изо рта не выпал после пояснения няни. Как?! Вот как можно будить больную девочку, которая ночью едва не отправилась на тот свет, ещё и следуя таким чудовищным рекомендациям. Но ещё больше меня беспокоило содержимое кружки.

– Простите, Сабрина, а там завтрак для Эль?

– Да, госпожа Вербер, целители рекомендовали при грудном кашле давать вначале горячее молоко с мёдом и топлёным жиром. Хорошее средство: сразу так сильно всю хворь вытягивает наружу, что Эль даже дышать не может, а потом сразу облегчение возникает. Плохо, когда её тошнить начинает, приходится настаивать на повторном приёме.

И всё-таки я подавилась, вспомнив шершавые руки и ноги Эль и соотнеся симптомы, описанные Сабриной.

Вангер тут же подскочил и несколько раз стукнул меня по спине: – Воды?

Я прокашлялась и взяла протянутый стакан. Следом опустошила чашку с чаем и только тогда смогла хоть что-то сказать.

– Сабрина, а разве у Эль вчера был кашель? Но ведь она в библиотеке ни разу не кашлянула, а голос был чист, насколько могу судить. За ночь также ни единого приступа подобного рода не случилось.

Сообразив, что что-то не так, Сабрина чуть поумерила свой пыл: – Но так помогало ведь всегда...

– Вам точно целители говорили каждый раз, как только Эль простужается, давать этот напиток?

Вангер озадаченно переводил взгляд то на меня, то на няню, не понимая, что происходит и почему я прицепилась к вполне безобидному содержимому кружки.

– Нет, только при грудном кашле, но...

Я сжала переносицу двумя пальцами, пытаюсь успокоиться, потому что криком сейчас смогу лишь ещё сильнее настроить женщину против себя.

– Каждое средство оказывает пользу только в свой черёд, в остальных случаях – вредит. Раз кашля у Эль нет, то не стоит поить её смесью молока, мёда и жира. Ночь выдалась беспокойной, поэтому дайте, пожалуйста, девочке хорошенько поспать и восстановиться. Сердце не разленится во время сна, поверьте. Чтобы оно работало, достаточно обычной нагрузки вроде ходьбы в период бодрствования. Лучше сварить пока жидкой каши на воде, чтобы Эль получила лёгкую пищу для начала, а потом уже можно будет подумать над чем-нибудь посытнее.

– Кашля действительно не было. Сабрина, не стоит давать Эль молоко с мёдом, действительно, лучше сварите кашу, – поддержал меня Вангер, оставив при этом последнее слово за собой.

Няня тихо произнесла, что всё будет сделано, и ушла.

– Госпожа Вербер, вы ведь не просто так забраковали напиток?

– Всё верно. Меня по-прежнему беспокоят пятна на коже Эль. Можете сейчас проверить: их нет. К тому же все эти упоминания об удушье и тошноте наводят на мысль об аллергии. Скорее всего, на мёд, но может быть и на молоко. Вы сами говорили: Эль родилась раньше срока и слабенькой, поэтому есть вероятность, что имеет непереносимость каких-то продуктов. Как бы это сказать... Считайте, что не доросла в утробе до тех возможностей, которыми обладают рождённые в срок дети.

Вангер коснулся хрупкой ручки Эль и укрыл одеялом: – С едой действительно были проблемы, от некоторых продуктов сразу всё тело корками покрывалось. Они трескались, воспалялись... Страшно даже вспомнить, как Эль мучилась. А если учесть, что она привыкла ориентироваться в первую очередь на ощупь...

Тяжело вздохнув, я присела рядом: – Ещё и возраст такой, когда пальчики снуют везде, и просить не чесать зудящее место бесполезно. А чем до этого обрабатывали повреждённые места?

– Водой от череды и календулы. Мази сейчас покажу.

Мне хотелось постучаться головой об стену и посочувствовать Эль, что она родилась в этом мире, а не в моём родном. Травяные отвары для купания играют скверную вещь для детей, имеющих проблемную кожу, которая обладает повышенной проницаемостью и практически не выполняет барьерную функцию. То есть любые раздражающие частички так легко проникают внутрь и со временем возникает повышенная чувствительность к аллергенам. Вангер протянул мне две баночки с мазями.

– Можно мне чистую ложку или лопаточку какую-нибудь?

По удивлённому взгляду Вангера я поняла, что в банки лезли сразу руками, и это могло дополнительно играть отрицательную роль при дерматите. Ещё и оба средства отличались жирностью, но никак не увлажняющими свойствами. Как жаль, что я не фармацевт, и все мои познания о детских болезнях больше связаны с рассказами родителей моих маленьких пациентов. Такое порой слышала, что волосы дыбом вставали. Пока я перебирала в голове, что же можно найти более подходящее из доступного, Эль проснулась. Чтобы не напугать дочь, Вангер первым подошёл к ней и, пожелав доброго утра, пояснил моё присутствие заботой о её здоровьем. Я держалась чуть поодаль, наблюдая за девочкой, но в отличие от запуганной Софи, Эль с любопытством крутила головой по сторонам, пытаюсь угадать, где нахожусь. В целом всё шло хорошо, даже Сабрина принесла сваренную на воде овсяную кашу.

– Пойдёмте, госпожа Вербер, не будем мешать, – обратился ко мне Вангер, а потом подошёл к окну. – Кажется, Герт приехал.

Чтобы не стеснять ни девочку, ни её няню во время утренних гигиенических процедур, мы покинули комнату и пошли встречать Герта. Моё появление в доме управляющий воспринял сперва так же, как и Вангер, предположив, что что-то случилось с Софи, и тут же поинтересовался состоянием Эль. Такое отношение к своему хозяину и его дочери не могло не радовать, особенно если провести параллель, как вели с моей домочадцы и прислуга в доме Майеров. Втроём мы переместились в кабинет, чтобы, пользуясь возможностью обсудить

детали переезда. Говорил только Вангер, лишь изредка уточняя у меня какие-то моменты, а вот внутри меня нарастала неясная тревога. Под конец разговора, я извинилась и поднялась из кресла.

— Что-то не так, госпожа Вербер?

— Мне кажется, что стоит проверить Эль. Прошу меня извинить за мою наглость.

Выскочив из кабинета, я побежала к спальне девочки, чувствуя беду. Распахнув дверь, увидела задыхающуюся Эль, которую продолжала поить чем-то из кружки Сабрина. Хотя и так ясно чем.

Глава 64. Казнить или помиловать

Внутри меня поднялась такая ярость, что готова была разорвать в клочья упёртую няньку, но не до разборок сейчас было. Совсем не до них.

Только испуганное бормотание Сабрины немного охладило мой пыл: – Как же так... Раньше же помогало... Я не хотела причинить вред Эль...

Шлёпнувшись на кровать рядом с девочкой, я коснулась опухающей прямо на глазах шеи. Отёк Квинке... Смертный приговор даже в моём мире, если сразу не принять серьёзные меры. Опоздав всего на несколько мгновений, вслед за мной в двери влетели Вангер вместе с управляющим. Если бы не реакция Сабрины при моём появлении, не стала их останавливать, но сосредоточиваясь на Эль, успела крикнуть: – Герт, уведите жену! Господин Вангер...

Управляющему не пришлось повторять дважды, и он сразу подхватил Сабрину и едва ли не силком вывел из спальни. Зато Вангер чуть замешкался и остался, верно отреагировав на мой кивок. Иначе боюсь, если этих двоих не развести в разные стороны, точно начнётся смертоубийство, а у Герта, надеюсь, хватит выдержки, чтобы удержать жену подальше от спальни Эль. Лечить раны или исправлять какие-то дефекты в тканях я научилась, а вот со стремительными проявлениями сильнейшей аллергии столкнулась впервые. Дар бесновался, не понимая, чего от него хочу, но выход нашёлся, когда просто начала как бы «рассеивать» свою силу, вначале направив её на увеличение просвета в трахее, а потом уже на отёчность, потихоньку убирая шаг за шагом.

– Что... Что я могу сделать? Чем помочь? – в отчаянии замер Вангер у кровати, боясь даже присесть на край.

– Не трогайте Сабрину, дайте мне просто потом переговорить с ней. И если можно, воды мне попить... Побольше... – поглаживая лёгкими касаниями начавшую приходить в нормальное состояние шею Эль, я взглянула на графин.

Воды осталось лишь на пару глотков, а, значит, Вангер будет пока занят и точно не пойдёт к Сабрине. Сомневаюсь, что он станет тратить

время на отлавливание Хельма или Дольфа, чтобы отправить на кухню. Мне же и так было непросто успокоить Эль, плачущую и пытающуюся кричать от страха. На молотящие по мне кулачки старалась и вовсе не обращать внимания.

– Сейчас всё пройдёт, Эль. Это я, госпожа Вербер. Твой папа сейчас принесёт воды и останется с тобой...

Не знаю, смогла ли девочка меня расслышать, но я повторяла эти несколько фраз постоянно, стараясь сохранять спокойную интонацию. И так для полуслепого ребёнка обилие шума в момент начала приступа сильно дезориентировало. Ещё и паника няни сыграла злую роль, разогнав истерику до высоких оборотов. К тому же снова начала подниматься температура.

– Эль, давай я тебя вот так возьму... – я кое-как подхватила девочку и усадила себе на колени, стараясь не убирать надолго руки.

Продолжая успокаивать Эль, «переключилась» на сосуды, а потом сердце. На появление Вангера я никак не отреагировала, всецело занятой девочкой, которая постепенно приходила в себя и даже зацепившись за выскочивший из пучка кончик косы, отвлеклась на него. Теперь предстояла не менее сложная задача: заставить Эль выпить воды. Окажись на её месте Софи, достаточно было просто продемонстрировать, что в стакане обычная вода, а не молоко с добавками. Показав взглядом Вангеру, чтобы налил воды, чуть склонилась к уху девочки:

– Эль, сейчас твой папа наливает воду из кувшина, и тебе нужно её выпить. В молоко, наверное, что-то попало, поэтому тебе стало трудно дышать. А водичка как раз всё смывает. Можешь даже пополоскать ей рот. Знаешь как? Я тебя сейчас научу...

С грехом пополам и мягко действуя уговорами с обеих сторон мы смогли добиться, чтобы Эль сделала первый глоток, потом второй. Боже, если бы не Вангер, боюсь, биться в глухую стену отказа мне пришлось долго. Когда кризис миновал, последствия, вызванные молоком и мёдом, окончательно прошли, а температура нормализовалась, я чувствовала себя выжатой, как лимон. Передав Эль Вангеру, сказала ему продолжать поить девочку и, пошатываясь, вышла из спальни.

– Герт! Где вы?

Мне срочно нужно было переговорить с Сабриной, пока она себе чего-нибудь не вообразила, обвиняя себя в своей упёртости. Неплохо изучив управляющего, я склонялась к тому, что с круглой душой он бы не прожил столько лет. Тем более нельзя забывать, что благодаря заботе няни и своего отца Эль прожила столько лет вопреки прогнозам целителей. Ошибиться может любой, а вот сдержать эмоции, когда дело касается ребёнка – единицы. Если уж у меня кровавое забрало едва не упало на глаза, что говорить о Вангере и самой Сабрине. Услышав, как открывается одна из дверей и до меня начинают доноситься звуки рыданий, я направилась в ту сторону.

– Господин Герт, выслушайте меня, я сейчас всё вам объясню. Но потом мне нужно будет поговорить с вашей женой наедине. Будет лучше, если вы будете поблизости от спальни Эль на тот случай, вдруг господину барону или его дочери что-нибудь понадобится.

Управляющий пропустил меня внутрь и снова плотно прикрыл дверь. Я чуть прошла вперёд и увидела зарёванную Сабрину, которую буквально трясло от рыданий.

– Скажите, господин Герт, что успела рассказать вам ваша жена?

– Я... я нарушила приказание господина барона и напоила Эль молоком с мёдом, а ей стало хуже! Это я во всём виновата! Из-за меня Эль умирает!

Мужчина молчал, неодобрительно поглядывая на свою жену.

– Господин Герт, не делайте, пожалуйста, поспешных выводов, и тем более не нужно винить Сабрину. Потому как она действительно хотела как лучше, но не учла, что некоторые лекарства и средства со временем не только перестают помогать, но и начинают вредить. Такой вариант мы предположили с господином бароном, и, к сожалению, оказались правы. Сейчас с Эль всё хорошо, насколько это возможно в её состоянии. Увы, не всегда старые и проверенные средства подходят абсолютно всем, особенно если ребёнок болезненный.

Герт задумался, продолжая бросать на жену укоризненные взгляды, но потом его суровое выражение лица смягчилось: – Стечение обстоятельств, которое никто не мог абсолютно точно предугадать?

– Можно и так сказать. Либо Эль начала бы задыхаться, либо нет.

Прислушиваясь к нашему разговору, Сабрина потихоньку погасила сама свою истерику и лишь периодически сморкалась в

платок.

– В таком случае я пойду к господину барону, госпожа Вербер, – Герт чуть поклонился, а потом действительно вышел.

Я же просто опустила на ближайший сундук, так как стоять становилось всё труднее из-за усталости.

– Почему вы называли несколько раз моего мужа «господином»? – настороженно глядя исподлобья, спросила Сабрина.

– Потому что господин Герт обладает теми самыми благородными качествами, которые не позволяют мне относиться к нему, как к простому слуге. К тому же я и сама не имею никаких титулов, которые запрещали бы мне такое обращение. Так что никакого второго дна не ищите: просто очень уважаю вашего мужа, как и господина барона, которые выручили меня в весьма непростой ситуации. На самом деле у нас с вами не так много времени для разговора, ведь скоро ваша помощь понадобится Эль. Я примерно догадываюсь, к каким выводам вы могли прийти, увидев меня в библиотеке господина барона, а потом и спальне Эль. Могу лишь сказать, что пришла в поместье для решения одного вопроса, касающегося бывших земель Вангеров, отошедших мне после развода. Никаких иных отношений между нами, кроме деловых, не существует. Что же касается Эль...

У меня самой дочь её возраста, поэтому остаться в стороне просто не могла. Вы сами мать и даже уже бабушка, так что, надеюсь, поймёте. Я даже в мыслях не имела настаивать господина барона против вас. Понимаю, вам сложно принять, как какая-то незнакомая девка командует, как относиться к вашей воспитаннице, ведь и сама с настороженностью отнеслась, если бы кто-то начал мне указывать, что делать с Софи. Из благих побуждений я дала несколько советов, вы по той же причине поступили по-своему. К сожалению, мне приходилось сталкиваться с тем, что некоторые продукты, вполне безобидные для большинства людей и даже детей, вызывают негативную реакцию организма. Но не сразу, а накапливают в себе это отторжение, и в один прекрасный момент выплёскивают его убивая. Вы, когда рассказали, что Эль и до этого задыхалась от молочной смеси от бронхита, я заподозрила неладное. Поэтому и попросила больше её не давать. Я постараюсь ещё раз объяснить это господину барону «помягче», ведь он очень любит Эль и мысль, что вы едва не убили девочку, могут сказаться на отношении к вам.

– Меня теперь уволят? – в голосе Сабрины почувствовались знакомые до боли нотки отчаяния.

– Не я вас нанимала на работу. Могу лишь сказать, что постараюсь убедить господина барона не делать скоропалительных выводов и горячиться. В конце концов, вы ведь столько лет помогали ему с Эль и если бы не ваша забота, девочка столько бы не протянула. Наверняка ведь среди целителей даже с громкими именами находились шарлатаны или откровенные бездари?

Сабрина громко шмыгнула носом, прикладывая к нему платок: – Были и такие. Один предлагал лечить Эль кровопусканиями, говоря, что, ещё больше ослабив организм, можно заставить его бороться с удвоенной силой. Дескать, откроются спящие силы и помогут излечиться.

Я откинулась назад, стукнувшись затылком об стену. Если бы не присутствие Сабрины, постучалась бы несколько раз, громко крича, чтобы выплеснуть всё скопившееся раздражение по спорным методам лечения.

– Эль всё-таки пустили кровь?

– Нет, я успела привести господина барона, и тот выставил целителя прочь. К сожалению, так, как репутация того целителя была весьма высока, то он сильно обиделся за такое обхождение. Начал распускать слухи, как мы все намеренно делаем вид, что хотим спасти Эль, а на самом деле медленно убиваем её. Поэтому некоторые целители и лекари стали отказывать, когда их просили посмотреть девочку.

Вот вроде миры разные, а ситуации очень схожие: когда раскрученные «светила» от альтернативной медицины ловко разводили отчаявшихся родителей на деньги, а после попадания детей к настоящим специалистам, поливали грязью ту или иную семью. При наличии интернета и ведении блогов или каналов в мессенджерах сделать не так трудно. Знаю, что некоторые даже грозились подать в суд за клевету, натравливая своих адвокатов на несчастных, посмеявшихся написать отрицательный отзыв. Информационная война – дело такое...

– Сабрина, может, вы знаете, почему Эль так и не смогли вылечить до конца сердце и восстановить зрение? Мне не довелось побывать в Бернгрене, но слышала, что целители там сильные и обладающих магическим даром на порядок больше.

Сабрина пожала плечами:

– Ничего определённого сказать не могу. Взрослых людей там действительно хорошо лечат, а вот детей... Мало кто за них берётся почему-то. Я краем уха слышала, как один целитель говорил своему помощнику, что обычными воздействиями можно случайно убить Эль, а эксперименты могут негативно сказаться на репутации...

Видимо, тут та же ситуация, что с дозировками лекарств: на взрослых опробовано, а как на детей рассчитать без множественных исследований – непонятно. Думаю, целители привыкли «лупить» даром, скажем так, во взрослой дозировке, а вот подстроить под хрупкую Эль не смогли. Ну да, у каждого врача есть своё маленькое кладбище, поэтому многие стараются избежать его увеличения. А я профан, причём абсолютный, поэтому действую медленно и осторожно, рука ведь не набита. Если всё дело именно в этом, то у меня высокие шансы не только поправить деформированное сердце, но и вернуть Эль утраченное зрение.

– Сабрина, нам с вами придётся жить некоторое время в одном доме, поэтому очень надеюсь, что мои слова вы услышали и примете хотя бы часть из них к сведению. Я не собираюсь занять ваше место и тем более покойной жены господина барона, а вот помочь искренне хочу. Поверьте, в моей жизни и так достаточно проблем, и лезть в постель к Вангеру не собираюсь.

Да, няне девочки придётся смириться с решением своего хозяина, но думаю, что сможем найти общий язык. Не сразу, но всё-таки.

– А теперь пойдёмте к Эль, думаю, уже пора её переодеть и помочь «освежиться».

Остаётся теперь утащить Вангера на беседу тет-а-тет и попытаться ему растолковать, что Сабрина сглупила, но больше не будет.

Глава 65. Понимающие

Мне всё-таки удалось убедить Вангера не рубить сгоряча и дать Сабрине шанс. Хотя увести его от дочери и позволить няне остаться с девочкой наедине оказалось той ещё задачкой. Во всей этой ситуации, если отбросить в сторону тот факт, что Эль едва не погибла, один плюс всё-таки я для себя нашла. Пока Сабрину мучит чувство вины, вероятность, что женщина снова решит перечить указаниям, остаётся низкой. И этим следует воспользоваться. Терпеть не могу манипулировать людьми, и никогда себе подобного не позволяла, особенно прикрываясь детьми, но на такой войне все средства хороши. Чтобы не возникало никаких противоречий с тем, что я сказала Эль, а также пресечь очередные покаянные речи няни, объяснила Сабрине про уловку, как что-то попало в молоко. Надеюсь, что получится избавить девочку и от аллергии, поэтому лучше предупредить этот страх. В крайнем случае всегда можно будет мягко убедить, что и этот продукт употреблять не стоит.

Ближе к полудню все окончательно успокоились, а я была готова уже нырнуть в кувшин с сиприной с головой, только бы не свалиться от усталости. Но в отношении с Эль решили пока не рисковать с рыбой, а все эксперименты перенести уже на время пребывания в охотничьем домике. Так что рыбину поделили по-братски между всеми обитателями поместья. У меня хотя бы появились силы, чтобы дойти до Марго и забрать Софи, ведь дружественные, а теперь уже и родственные отношения – это одно, а вот наглеть не стоит. Под моим присмотром Эль накормили простеньким супчиком на мясном бульоне и небольшим количеством курицы. Пока температура больше не поднималась, да и в целом состояние было удовлетворительное, насколько это возможно, поэтому решили всё-таки устроить переезд сегодня.

Я собиралась уже на выход, как меня догнал Вангер: – Госпожа Вербер, я провожу вас до Маргариты Шмид. Так будет намного быстрее, чем пешком или на телеге Герта.

– Но как же Эль?

– Я ещё раз поговорил с Сабриной и Гертом, так что больше никаких инициатив в моё отсутствие не будет. По крайней мере, пару часов мы точно выиграем, а какие лекарства давать, если вдруг снова начнёт подниматься температура, оставил записку. Герт в этом отношении абсолютно исполнительен и не даст жене что-то изменить или добавить.

– Тут уже вам решать, господин Вангер.

Так что вскоре мы уже вдвоём мчались верхом на Бране по дороге к Марго. Разговор не клеился, да и говорить, когда только ветер в ушах свистит непросто. Даже ту часть долины, которая принадлежит мне, пересекли достаточно быстро. Я только успела крикнуть, чтобы к трактиру Вангер не подъезжал, а подождал меня неподалёку от обрыва. В конце концов, нам обоим не нужно было, чтобы нас видели вместе. Когда Бран остановился, я едва не свалилась, настолько непривычным было мчаться с такой скоростью, а потом внезапно ощутить под ногами твёрдую землю.

– Может, вас всё-таки проводить, госпожа Вербер? – Вангер подхватил меня под руку и придержал за талию, не давая упасть.

– Не стоит. Сейчас приду в себя и отправлюсь к Марго. Просто очень быстро конь мчал...

– Простите, надо было чуть сбавить скорость.

– Ничего, я всё понимаю. Наоборот, спасибо, иначе сюда добралась часа через четыре, не раньше. Единственное, о чём хочу предупредить: придётся меня немного подождать, чтобы немного переговорить с Марго и не вызвать у неё лишних подозрений. Честно говоря, не хочу оказаться между двух огней, так как и с ней, и с вами меня связывают, скажем так, дружеские отношения.

– Понимаю.

Отряхнув одежду, я начала спускаться по тропинке. В трактире царила привычная суэта, Херб сновал с подносами, пока Марго разливала напитки за стойкой.

– Добрый день, Марго! А где...

– Они на заднем дворе с Юстой коз кормят. Пойдём к ним, заодно и перемолвимся словечком.

Увидев меня, Софи тут же забыла о козе, которой, собиралась дать пучок травы с клевером, быстро сунула ей в зубы угощение и помчалась мне навстречу с громкими криками. Я даже не подозревала,

насколько могла соскучиться менее чем за двое суток, а почувствовав, как крепко обхватили мою шею маленькие ручки, едва сдержала слёзы.

– Вот видишь, Кристин, всё с твоей красавицей в порядке, – довольно сказала Марго, отсылая жестом Юсту в зал. – Не обижена, не голодна и вполне довольна жизнью. Но по тебе скучала, хоть и старалась не подавать вида.

– Спасибо, что выручила. За мной должок.

– Не бери в голову. Лучше скажи, удалось осуществить хоть часть из задуманного нами?

– Я нашла ту самую книгу, поэтому могу подтвердить, что ты не зря на неё указала. У Вангеров действительно очень мощная защита от короны, лишиться которой они смогут лишь в крайнем случае. Но Вильгельм точно не из тех, кто решится участвовать в дворцовых интригах и переворотах.

– Вот и чудно. Что насчёт второй части плана? Удалось договориться?

Я не собиралась ни обманывать Марго, ни нарушать слова, данного Вангеру, поэтому решила ответить обтекаемо: – Почти. Он согласился оказать поддержку в том ключе, в каком мы с тобой хотели. Даже сказал, что нашёл в записях Эгона имена аптекарей, которым он ранее продавал сиприн. Поэтому многое необходимо будет обсудить и решить, как выстроить отношения.

Марго задумалась, теребя подбородок: – Разумно. В таком случае действительно слишком спешить не стоит. Как раз тот случай, когда спешка может навредить, несмотря на то, что время может поджимать. В любом случае, Кристин, ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь или совет. По крайней мере, уже хорошо, что молодой Вангер тебя проводил.

– Марго?

Тётушка рассмеялась и шепнула мне на ухо: – От тебя пахнет лошадью, Кристин. Это твоё дело и голова на плечах у тебя есть, поэтому тебе и решать, как строить свою жизнь. Даже если речь идёт о простом знаке внимания, то это неплохо характеризует Вангера, как человека.

– Спасибо, Марго. Но нам действительно пора. Спасибо тебе за помощь!

Мы обнялись напоследок, и я, подхватив Софи на руки, поспешила к Вангеру. По дороге я попросила дочь сделать кое-что, когда мы окажемся подальше от обрыва. Увидев Брана, Софи едва не забыла о моих наставлениях, завизжав так, что у меня чуть уши не заложило.

– Вы быстро управились, госпожа Вербер. Давайте помогу вам сесть на коня, а потом подам Софи.

– Подождите немного. Только держите Брана крепко.

Не понимая, чем вызвана моя просьба, Вангер взял коня под уздцы, а я поставила дочь на землю и крикнула ей: – Беги!

Софи легко подпрыгнула на месте, а затем быстро понеслась прочь, перепрыгивая через корни деревьев, встречающиеся по пути.

– Госпожа Вербер...

– Можете не беспокоиться, господин Вангер, моя дочь достаточно владеет своим телом согласно своему возрасту. Шишки, естественно, набивает с такой же частотой, как и любой другой ребёнок, но это нормально. Надеюсь, вы помните, что ещё совсем недавно Софи даже с кресла сползти нормально не могла? Когда отвезёте нас домой, я хочу попросить вас ненадолго задержаться, чтобы вы могли ознакомиться с заключением осмотра, сделанного в день развода с Ойгеном Майером и заверенного судьёй Гендринга. Там подробно расписано, что моя дочь неспособна ходить, говорить и вообще выражать какие-либо эмоции. В присутствии посторонних я прошу Софи не проявлять всей прыти, хотя для ребёнка её возраста это непросто. Для вас же я специально попросила устроить это представление, чтобы показать, насколько возможно помочь девочке, которую до этого считали практически инвалидом. Несомненно, моя дочь не имела тех дефектов, с какими родилась Эль, но верю, что и в этом случае можно помочь.

Вангер с тревогой поглядывал на мелькающую между деревьями Софи: – Я и так вам верю, госпожа Вербер.

– Просто я не привыкла быть голословной, господин Вангер. Однако, если вы меня спросите, откуда мне известно, как лечить детей или каким образом собираюсь заняться здоровьем Эль, мне просто нечего будет вам ответить.

– Мне не нужно ничего объяснять, госпожа Вербер. У тех, в ком целительский дар пробуждается не с самого рождения, частенько

приходит осознание в особенностях лечения тех или иных болезней, а также понимание функционирования человеческого организма. Я слышал о таком ещё во времена учёбы в университете, так как из-за особенностей моей специальности частенько приходилось контактировать с корпусом целителей. Всё-таки горное дело – одна из самых непростых профессий в плане сохранения здоровья.

Даже так... Что же, это весьма удачно вышло насчёт особенностей взаимосвязи дара и знаний. Всё меньше расспросов будет, откуда серая мышь, не видевшая ничего, кроме стен пансиона и поместья мужа, вдруг начала разбираться в пропедевтике детских болезней.

– Софи! Хочешь покататься на Бране? – окрикнула я дочь, зная, что эта волшебная фраза в мгновение ока заставит девочку вернуться.

Вскоре Вангер, посадив меня на коня, протягивал мне Софи. Ехать втроём было не очень удобно, но мужчина правил одной рукой уверенно и крепко держал меня свободной рукой за талию. Само собой, с такой скоростью, как до этого Брана он уже не пустил, но всё равно до охотничьего домика добрались мы достаточно быстро. Привязав коня возле крыльца, Вангер подождал, когда я открою дверь и приглашу его внутрь. Софи с радостью помчалась к любимому креслу и забралась на него, всем своим видом выражая блаженство путника, вернувшегося, наконец-то, домой после долгой отлучки. Зная, что теперь на четверть часа можно спокойно оставить дочь без присмотра, я поманила за собой Вангера на второй этаж.

– Здесь три спальни, одну из которых занимаем мы с Софи, поэтому вот этих двух предлагаю разместиться Эль с Сабриной и вам на период ночёвок. Как видите, кровати здесь есть, а вот постельных принадлежностей нет. Не предполагала, что кто-то может ещё ночевать в доме, кроме нас двоих. Но я вам ещё ночью об этом сказала.

Вангер осмотрел вначале первую из свободных комнат, затем вторую, слегка пошатал обе кровати, чтобы убедиться в их прочности, а потом повернулся ко мне: – Не вижу никаких проблем. Мебель крепкая, а всё необходимое привезёт Герт. Если что-то понадобится дополнительно, вы только скажите, и это тоже доставят.

– Хорошо. Но думаю, что мы ночью и так всё обсудили. Вот документы, которые я хотела вам показать. Прошу вас их просмотреть: мне так просто будет спокойнее, – я вручила Вангеру все документы,

которые забрала у судьи в день развода и вышла на лестницу, чтобы посмотреть, чем занята Софи.

Дочь времени зря не теряла: стащила из плошки, стоящей на круглом столике, яблоко и с удовольствием уничтожала сочный плод. Сколько времени займёт поездка за Эль и весь переезд? Часа полтора-два? Маловато, конечно, ведь мне нужно будет объяснить Софи, что в нашем доме поселится ещё одна маленькая девочка, да ещё и с особенностями. Как справиться с простым детским любопытством и возможной ревностью, ведь дочери Вангера придётся уделять больше внимания, чем собственной? Вот в том числе и по этой причине мне нужна была Сабрина, иначе одна с двумя детьми я точно могу не справиться. В итоге так сильно погрузилась в размышления, что пропустила появление Вангера.

– И с того самого дня он так ни разу и не навестил вас?

Вздрогнув, я вцепилась руками в перила, чтобы случайно не упасть.

– Простите, не хотел вас напугать, госпожа Вербер.

– Ничего, это моя вина. Задумалась. Да, со дня отъезда из поместья Майеров ни я, ни Софи не видели никого из представителей той семьи. Они избавились от обузы, тяготившей их несколько лет, так зачем же тратить время и деньги на бесполезные разъезды? Тем более что у главы рода к тому моменту уже имелась беременная любовница, обещавшая подарить своему возлюбленному наследника. Странно только, что об их свадьбе до сих пор не было объявлено, ведь в таком случае я смогла бы окончательно вздохнуть полной грудью. Но в любом случае, что бы я ни делала, всё направлено на благополучие Софи. Больше меня ничто не интересует.

Честно говоря, не думала, что увижу такое выражение лица у Вангера, когда речь зашла о безразличии Майера к родной дочери. Впрочем, мужчина мерил по себе, и я вполне могу его понять. В то время как Вильгельм потратил почти всё своё состояние, чтобы сохранить жизнь и здоровье жене и дочери, Ойген всячески игнорировал присутствие Софи в доме, да и моё тоже.

– Возьмите, госпожа Вербер. И спасибо за доверие. Думаю, мы с Эль приедем первыми, а следом уже Герт и Сабрина.

– Как вам будет угодно. Надеюсь, что за время вашего отсутствия ничего не произошло. На всякий случай я оставлю входную дверь не

запертой, чтобы вам не пришлось ждать на крыльце.

Я проводила Вангера, а затем присела на подлокотник кресла: – Софи, мне понадобится твоя помощь...

Глава 66. Две дочери

В теории всегда всё выглядит просто, и даже сложные вещи легко дробятся на несколько составляющих, позволяя превратить невыполнимое во вполне достижимое. На практике же подводные камни, которые, казалось бы, просчитаны, оказываются лежащими так же прочно на своих местах, как и до составления плана, когда дело касается маленьких детей. Прикидывая примерные реакции Софи на появление в нашем доме Эль, я совершенно упустила из вида, что моя дочь никогда в своей жизни не общалась с другими детьми, и поэтому просто показать издалека наследницу Вангеров оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить её любопытство. Здесь же возник такой интерес, что даже переключить надолго внимание не удавалось. К тому, что мне придётся уделять больше внимания кому-то другому, кстати, Софи отнеслась спокойно. По её детской логике это прекрасно вписалось в картину мира: раз ножки и язычок мама лечила долго, то и тут, наверное, будет то же самое. А утверждения, что Эль дочь Вангера оказалось достаточным, чтобы Софи сделала для себя вывод: на меня новый ребёнок претендовать не станет. Естественно, сказано это было по-простому, зато предельно понятно и без каких-либо двойных смыслов. Я, когда это услышала, замерла, пребывая в лёгком шоке. С другой стороны, тоже логично: у меня своя дочь, у Вангера – своя, каждой девочке по собственному родителю. Гораздо больше Софи охала, совсем как маленькая старушка, узнав, что Эль ничего не видит. Подозреваю, что жесты и выражение лица дочь переняла от кухарки Марго, ведь дети те ещё мартышки, любящие копировать всё, что показалось им интересным.

В общем, приезда Вангера и Эль я ждала как на иголках. Не помогла даже уборка спален. Там хоть и было чисто, но пыль смахнуть и полы протереть не мешало. Дочь елозила тряпкой по стене рядом, старательно изображая из себя хозяйку. Даже маленький веник притащила из кладовки и пыхтела, ругаясь на никак не желающий сметаться в совок песок. Я надеялась, что Софи утомится и ляжет поспать, но не тут-то было! Она даже появление Брана почувствовала раньше, чем мы обе слышали конское ржание. Вангер ехал аккуратно

и медленно, поэтому нам даже удалось переодеться в чистые платья. Жаль, конечно, что пошить новую одежду так и не удалось, но на данный момент это не самая большая проблема. А может, и проблема.

На этот раз Эль оказалась укутана в лёгкий плащик, под которым оказалось миленькое платье тёмного цвета, Вследствие чего она ещё больше походила на хрупкую фарфоровую куколку. Уж на что Софи даже сейчас не походила на пухленького херувимчика со старинных картин, но на фоне дочери Вангера смотрелась настоящим крепышом. Вот уж действительно всё познаётся в сравнении.

– Здравствуйте, господин Вангер, здравствуй, Эль.

Софи, несмотря на то что ещё несколько часов назад беспечно вела себя в присутствии нашего соседа, юркнула за меня и настороженно выглядывала из-за юбки.

Вангер немного замялся, словно спрашивая, куда дальше двигаться, пока Эль, пробормотавшая приветствие, прислушивалась ко всему, что происходит вокруг.

– Пока комната не готова, можно разместиться либо здесь, либо подняться в нашу спальню. Наверху, думаю, даже будет лучше, ведь тогда Эль сможет отдохнуть после поездки. Температура больше не поднималась?

– Нет, к счастью, нет, – ответил Вангер, развязывая ленточки на капоре дочери. – Вскоре должны прибыть Герт с Сабриной, так что вашу спальню мы ненадолго займём.

Ох, уж эти мужчины! Вечно им кажется, что разложить вещи и застелить кровать – это сиюминутное дело, даже если этим заниматься вдвоём или втроём. Естественно, я помогу Сабрине и Герту, тем более что до завтрашнего утра Вангер останется в доме и сможет присмотреть за Эль. Это завтра у меня начнётся «весёлая жизнь» с двумя маленькими девочками и одной строптивой нянькой, которая, надеюсь, поумерит свой пыл.

Вангер отнёс дочь в нашу с Софи спальню и, сняв верхнюю одежду, а также ботиночки, опустил на кровать. Эль провела ладошкой по покрывалу, а потом замерла.

– А кто тут ещё?

– Это Софи, моя дочь.

И тут моё чудо проскользнуло вперёд и заявило: – У меня заяц есть.

– Что?

Не успела я и глазом моргнуть, как Софи вытащила из-под подушки свою любимую игрушку и буквально впихнула Эль в руки. У меня уже с языка рвалось «не толкать, не дёргать, не обижать», как Вангер, заметив мою панику, сделал движение рукой, что всё в порядке. Кажется, ему самому было интересно посмотреть, как девочки отреагируют друг на друга. Заяц был тщательно ощупан, помят и потискан за уши.

– Ещё медведь есть! – Софи взлетела на кровать, едва не опрокинув Эль, которую придержал Вангер.

Не понимая, что имеет в виду моя дочь, девочка повернула голову, словно пытаясь различить, куда поползла её новая знакомая. К зайцу присоединился медведь, выращенный уже из-за второй подушки.

– У него уши короче! – с видом знатока сказала Софи и подсунула сшитого мной монстрика под ладонь Эль.

Теперь уже обе игрушки подверглись тщательному изучению и сравнению. У меня в голове набатом стучало «только бы не подрались, только бы не подрались». Но в итоге всё происходило более-менее мирно. Вслед за своими любимцами исследованию подверглась уже Софи, которая в обмен на «дай пощупать платье» предоставила свои косички. Вангер только забавно таращил глаза и жестами умолял меня не вмешиваться, хотя я очень боялась, что либо одна девочка, либо вторая может ткнуть другую куда-то не туда, и тогда конфликта не избежать. В конечном счёте мы, как две гончие замерли возле кровати, готовые сорваться в любой момент, чтобы предотвратить беду, если девочки чего-нибудь не поделят. Но те напрочь забыли о нашем существовании, занятые друг другом, а потом утомились и начали клевать носами. Так их обеих и уложили спать, тихонько устроившись рядом на стульях.

– Вроде не испугались друг друга... – прошептал Вангер, вытирая испарину со лба.

– Я предупредила Софи, что Эль не видит, но...

– Дети...

В ответ я только угукнула и потрогала лоб Эль, проверяя, что с ней всё в порядке, и накрывая обеих девочек краем покрывала.

– Я постараюсь проследить, чтобы Софи не сильно докучала своим вниманием вашу дочь.

– Спасибо, госпожа Вербер, но мне кажется, Эль только будет рада, что рядом будет кто-то одного возраста с ней. Она ведь, кроме нас с Сабриной, Гертом, Хельмом и Дольфом, больше ни с кем не общалась. Если не считать целителей...

– Рано пока делать какие-либо выводы, время покажет.

– Тоже верно... – вздохнул Вангер, погладив дочь по макушке. – Так странно видеть здесь аквариум.

– Я забрала из дома бывшего мужа всё, что мне дорого: дочь и золотую рыбку. На большее рассчитывать не могла. Барон Майер и так посчитал, что развод обошёлся ему слишком дорого. Но давайте не будем об этом, не хочу вспоминать.

Вангер кивнул, а потом тихонько поинтересовался:

– Могу я отлучиться ненадолго? Мне кажется, что вот-вот уже Герт подъедет.

– Да, конечно. Я присмотрю за девочками.

Вскоре действительно внизу раздался шум, характерный для присутствия нескольких человек. Я думала, что Вангер просто покажет, кому какая комната предназначается, однако он вместе с Сабриной и Гертом принялся носить вещи. Забавно: ещё совсем недавно с подобными тюками пришлось возиться мне, а теперь в охотничьем домике появились ещё жильцы, хоть и ненадолго. Надеюсь, что ненадолго: как-то привыкла уже жить вдвоём с Софи и менять, ставший привычным уклад, не хотелось. Прикрыв дверь в спальню до конца, чтобы шум не разбудил девочек, я села рядом с Эль и положила правую ладонь ей на грудь.

После ночных бдений возле дочери Вангера я уже имела представление, как воздействовать на крохотное сердечко, напоминающее мне больше раздавленный злобным великаном комочек, чем орган, который неоднократно видела в анатомическом атласе. Понять бы ещё, что именно привело к такой патологии: просто стечение обстоятельств или наследственная предрасположенность. Вполне может оказаться, что и у матери Эль были проблемы с сердцем, ведь молодая здоровая женщина не могла угаснуть только из-за трудных родов. Впрочем, если вспомнить, что настоящая Кристина и сама едва не умерла три года назад, рожая Софи... Только жена Вангера ещё и разрешилась семимесячным ребёнком, что тоже могло случиться просто так. А причин может быть множество: от

несчастливого случая вроде падения до какой-нибудь инфекции. По хорошему стоит расспросить Вангера, но ковырять старую рану ох, как не хочется. Попробую, но не в ближайшие дни. В крайнем случае попытаюсь донести до него, что нечто подобное может повториться в будущем и с Эль, поэтому стоит быть настороже. Как вариант, можно будет поинтересоваться у Сабрины, но тоже спустя какое-то время.

Дверь тихонько приоткрылась, и в спальню заглянул Вангер: – Госпожа Вербер, можно вас?

Глава 67. Мой дом - мои правила

Я вышла в коридор: – Что-то случилось?

Вангер понизил голос, так как дверь в спальню по-прежнему оставалась чуть приоткрытой: – Я показал Сабрине, где какая спальня находится, но она спрашивает, не лучше ли будет разместить их с Эль внизу? По тем же причинам, почему в поместье обжит только первый этаж. Госпожа Вербер, в собственном доме я вправе решать такие вопросы, но тут моей власти нет. Как скажете, так и будет.

– Могу я поговорить с Сабриной? Думаю, что напрямую быстрее получится договориться, чем согласовывать все нюансы через вас.

– Конечно. Я присмотрю за девочками.

Вот и чудно. Всё-таки благодаря деликатности Вангера у меня появилась возможность снова пообщаться с Сабриной и объяснить свою позицию. Гораздо хуже было бы сыграть в «испорченный телефон», тем более это действительно мой дом и здесь действуют мои правила. Няня Эль как раз разбирала один из узлов с вещами в соседней комнате.

– Господин барон передал мне ваш вопрос, поэтому на правах хозяйки этого дома готова на него ответить. Учитывая особенности зрения Эль, было бы логичнее разместить вас с ней на первом этаже. Но это только на первый взгляд. Во-первых, если вашей воспитаннице вдруг станет плохо, то мне из соседней комнаты будет гораздо проще и быстрее до неё добраться, чтобы помочь справиться с недугом. Во-вторых, первый этаж охотничьего домика гораздо опаснее, чем в поместье. Не забывайте, что совсем близко располагаются озеро и пруд. Даже заперев все окна и двери, сохранится вероятность, что Эль может незаметно выскользнуть на улицу, если кто-то из нас отвлечётся или замешкается, и утонуть. Девочка передвигается практически бесшумно, а нахождение спальни на первом этаже может создать иллюзию безопасности. Сейчас лето, и очень жаркие дни нередки, поэтому окна распахиваются, чтобы обеспечить приток свежего воздуха. На втором этаже рамы разворачиваются так, что ребёнок не пролезет.

– Но близость лестницы, госпожа Вербер... – попыталась возразить женщина. – Если Эль вдруг упадёт...

– Значит, следите за ней непрерывно. Здесь нет такого количества человек, ради которых вам придётся значительное время проводить у плиты. Как видите, слуг у меня нет, я привыкла обходиться собственными силами. Если же вдруг моя стряпня вас не устроит, то мы всегда можем поменяться с вами на время. К тому же если от недосыпа во время очередной болезни Эль с лестницы упаду я, пытаюсь сбежать вниз как можно быстрее, то последствия будут гораздо серьезнее. Однажды уже имела удовольствие свернуть себе шею при падении и смею вас заверить: мне очень это не понравилось.

Сабрина в ужасе прикрыла рот ладонью, услышав от меня такое откровение.

– Можете не беспокоиться: я не настолько неуклюжа, чтобы спотыкаться на ступенях. Просто мою бывшую свекровь крайне не устраивало моё присутствие в её доме, – я произнесла всё это таким прохладным тоном, что Сабрина не осмелилась настаивать на своём желании перебраться на первый этаж.

В принципе, возле зала находится бывшая спальня для прислуги, но разместить там дочь Вангера вместе с няней, мне совесть не позволит. Там ведь даже нормального окна нет, а вдоль стен прибиты нары. Конечно, не как тюремные, но всё-таки. Для девочки, ориентирующейся на разницу между светом и тьмой, там будет очень некомфортно.

– Надеюсь, мои доводы, почему именно эту спальню отвела для Эль и вас, достаточно убедительны? Хочу также напомнить, что господин барон время от времени будет ночевать здесь и ему тоже будет намного удобнее быть поблизости от дочери, чем бегать по этажам.

– Простите, госпожа Вербер, – извинилась Сабрина и принялась с ещё большим усердием застилать кровать.

Я выудила из стопки чистого белья наволочку и подхватила лежащую на стуле подушку: – Не думайте, что я собираюсь занять ваше место или, наоборот, переложить на вас все домашние хлопоты, включая присмотр за моей дочерью. Если вы перестанете видеть во мне врага, то мы легко сможем договориться о том, чтобы подменять

друг друга и иметь возможность спокойно поесть, приготовить еду, отдохнуть и так далее. Просто подумайте над этим.

Подушка с натянутой на неё наволочкой улетела на кровать, а я взялась за вторую. Всё равно девочки пока спят, а вдвоём мы быстрее разберём привезённые вещи. Возражений от Сабрины не последовало, хотя по-хорошему мне стоило сперва предложить свою помощь. Одеял было тоже два, так что каждая из нас успешно выиграла битву с пододеяльником.

— Госпожа Вербер...

— Да? У вас появились ещё какие-то вопросы?

— Нет, но мне неловко, что вы помогаете.

— Зато мы немного сэкономили время. Сейчас обе девочки спят, но вскоре могут проснуться, и тогда придётся уже разрываться между разборкой вещей и присмотром за каждой из них. Впрочем, настаивать на своём участии не могу. Если господин барон вдруг поинтересуется о моём местонахождении, передайте, чтобы искал на кухне. Он знает, где это, а вам покажу чуть позже.

Для Сабрины, видимо, до сих пор было удивительным, что я сама привыкла справляться со всем без посторонней помощи. Ничего, привыкнет. Либо смирится.

Управляющего я встретила на кухне, когда он оценивал количество воды в бочках.

— Можете не беспокоиться, господин Герт: со времени вашего последнего визита я почти ничего не использовала. Дня на два точно хватит, даже с учётом увеличения количества жильцов в доме. К тому же вода теперь что в озере, что в пруду чистая.

— В таком случае, госпожа Вербер, когда скажете, тогда и съезжу в Вильд. Господин барон распорядился привезти с собой ещё продуктов. Куда их убрать? — управляющий показал на три огромные корзины, набитые доверху.

— Сейчас покажу. Мясо необходимо в погребе разместить, чтобы не испортилось. А с овощами я сейчас сама разберусь.

В итоге Герт не только отнёс корзину с мясом на указанную полку, но и помог начистить овощей для супа. Судя по тому, как ловко змеилась стружка между его пальцев, управляющий частенько помогал своей супруге на кухне. Учитывая, что народа в доме прибавилось, а почти с самого утра никто из нас так нормально не поел, я выбрала для

бульона две куриных тушки, потому что свинину, а тем более говядину, варить пришлось бы намного дольше. Когда суп практически сварился, к нам присоединилась Сабрина, закончившая разбирать вещи. Пришлось провести для неё небольшую экскурсию по дому, чтобы показать что где находится. Вот тут с ней общаться оказалось намного проще, так как в ней «проснулась хозяйка», заставившая женщину сосредоточиться на бытовых вещах. Если не будет взбрыкивать, то нам действительно получится разумно распределить обязанности без ущерба для интересов обеих.

Когда суп был готов, я наполнила три миски и к ужасу Сабрины уселась вместе с ней и Гертом за один стол.

— Если вас что-то смущает, считайте, что меня здесь нет. Господину барону тоже следует подкрепиться, поэтому будет гораздо разумнее пообедать нам троим сейчас. Извините, столовой в охотничьем домике не предусмотрено. Так что, если хотите соблюсти правила хорошего тона, поднимусь к девочкам и позову вашего хозяина.

Так и поступила, пока няня с управляющим переваривали тот факт, что я не побрезговала сидеть с ними за одним столом. В конце концов, чему тут удивляться, если по статусу практически ничем от них не отличаюсь? На всякий случай показала Сабрине, где лежат кухонные полотенца, и затем ушла.

Вангер немного поупрямился, когда предложила ему пообедать, но потом всё-таки отправился на кухню. Если бы не все эти дурацкие правила приличия, общаться со всеми тремя было намного проще. Сейчас же догмы, вбитые много лет назад в этих взрослых людей, здорово тормозили и создавали массу неудобств.

Подкрепившись, я почувствовала прилив сил и снова применила свой дар к Эль. Девочка спала хоть и беспокойно, но крепко. Хоть какой-то плюс, ведь пугать слепого ребёнка в мои планы совершенно не входило. От простуды не осталось и следа, поэтому, когда обе девочки проснулись, я взяла на себя смелость помочь Эль спуститься на первый этаж. Причём сделала она это самостоятельно, пусть и с небольшими передышками.

Не знаю, что сказал Вангер в моё отсутствие, но какого-либо негатива от Сабрины при нашем появлении на кухне я не почувствовала. В целом остаток дня прошёл достаточно мирно, хотя

ближе к ночи меня начала накрывать лёгкая паника: боялась, вдруг Эль станет хуже, но всё обошлось.

А рано утром Вангер вместе с Гертом уехали в поместье. Закрыв за ними дверь, я обернулась и неожиданно наткнулась на Сабрину.

Глава 68. Две хозяйки

– Доброе утро, Сабрина. Что-то с Эль?

– Нет, она спит, и ночь прошла спокойно. Я всегда поднимаюсь в это время, – ответила женщина.

Пусть Сабрина и произнесла эти фразы достаточно спокойно, но в её интонации проскользнула некоторая неловкость. Как будто женщина хотела о чём-то спросить или попросить, но не могла подобрать нужные слова. Я молчала, прислушиваясь к звукам, доносящимся со второго этажа. Софи в это время всегда спит, а вот как может отреагировать Эль, очнувшись в незнакомом месте, не знает никто.

Наконец, Сабрина переборола себя и тихо произнесла: – Могу я чем-нибудь помочь, госпожа Вербер?

– Честно говоря, не знаю. Я привыкла как-то сама справляться. Завтраком господина барона и вашего мужа накормила, сейчас хотела заняться заготовками для обеда, а там и кашу пора будет варить.

– А хлеб?

– Вот что не умею готовить, так это его, поэтому обычно покупаю сразу пару штук и делю на несколько дней.

– В таком случае, если вы не возражаете, могу заняться опарой, госпожа Вербер...

Предложение Сабрины пришлось мне по душе, ведь таким образом некоторое время она будет отсутствовать рядом с Эль, и у меня появится возможность продолжить лечение девочки. Кроме того, я хотела попробовать выловить несколько сиприн и дать девочке хотя бы подержать в руках, чтобы посмотреть реакцию кожных покровов и в целом. Проявления аллергии виделись мне как специфические воспаления внутри организма, спутать с другими которые было невозможно. В общем, Сабрина ушла на кухню, а я поднялась к Эль. К тому времени, когда почувствовала сильную усталость, заглянула Софи и к обычными утренними хлопотами пришлось заниматься уже с обеими девочками.

Дочь прожужжала все уши своей новой подруге о том, какие красивые и объёмные косы плетёт ей мама, то есть я, так что ко всему прочему добавились причёски. Эль сидела, замерев, пока я

расчёсывала её иссиня-чёрные пряди, кажется, даже дышала через раз. Зато потом с какой интересной смесью эмоций на лице ощупывала свою голову, не пропуская ни одной пряди. Обычно у слепых детей вырабатывается с годами особая «мимическая маска», у дочери же Вангера она явно начала «рушиться». К тому же три года – не такой большой срок, чтобы эмоционально «застыть».

Появившаяся в дверях Сабрина увидела, что обе девочки готовы к тому, чтобы спуститься на завтрак, а потому сказала, что ко всему прочему сварила кашу на всех, но на воде. Такое небольшое самоуправство меня слегка покорило, но ведь не из дурных побуждений няня Эль взяла на себя готовку. Придётся мне как-то смириться с тем, что на кухне временно будет две хозяйки. На обед оставалась ещё похлёбка, сваренная накануне, а вот на ужин стоило приготовить что-нибудь посытнее. Приедет ли Герт вечером – неизвестно, а вот Вангер точно. Договорившись с Сабриной кто из нас в какое время, чем займётся, я выдохнула. Во-первых, терпеть не могу конфликтные ситуации, а во-вторых, няня Эль чуть поумерила свою враждебность по отношению ко мне.

Днём, пока девочки за руку прогуливались по террасе, я взяла сеть и ушла к пруду, чтобы выловить нескольких сиприн. Купать Эль ни в первом, ни во втором водоёме пока не решалась, посчитав, что достаточно устроить эксперимент возле лохани. Боже, что устроили девочки на кухне, стоило им предложить поизучать рыбу! По уши мокрыми оказались не только они, но и мы с Сабриной. Няня Эль с надеждой наблюдала за тем, как её воспитанница, опустив ручки почти по локоть в лохань, гладила серебристые спинки сиприн, даже не пытающихся от неё ускользнуть. К счастью, никакой аллергии я не выявила, но шепнула Сабрине, что одного раза будет мало, чтобы стал заметен хоть какой-нибудь результат. Но то, с какой лёгкостью потом Эль поднялась на второй этаж, смогло убедить женщину насчёт целесообразности задуманного мной.

Часть дневного сна я снова лечила дочь Вангера, пока Софи сопела рядом: разлучить девочек оказалось невозможно. Надеюсь, что когда дело дойдёт до восстановления зрения, интерес к Эль поутихнет. Всё-таки при всём желании видаться часто с Вангерами потом не получится. Потом... Я искренне верила, что это самое «потом» у нас будет. Единственное, с чем пришлось считаться, так это с тем, как

организм Эль в какие-то моменты начинал противиться моему дару. Вначале не могла понять, в чём дело, а потом сообразила: таким образом даёт сигнал, что ему нужно самостоятельно адаптироваться к новым обстоятельствам. Чудно, конечно, но в мире, где существует магия, возможно всё что угодно.

Ближе к вечеру мы уже вдвоём с Сабриной занимались приготовлением ужина, запекая мясо и следя за тушащимися овощами, пока две юные естествоиспытательницы старались не утонуть в лохани. За этим занятием и застал нас всех Вангер. Эль уже по звуку шагов догадалась о приходе отца и кинулась ему навстречу, едва не опрокинув Софи, оказавшуюся на её пути. Дочь оценила ситуацию и, одёрнув платье, прошлёпала ко мне, подскакивая на руки. Ну да, каждому ребёнку по родителю.

Сабрина отчиталась перед Вангером, как прошёл день, а он по большей части слушал её вполуха, не выпуская Эль из объятий. Когда я уже уложила Софи и собиралась прибраться на кухне, а заодно проверить припасы, чтобы распланировать меню на следующий день.

– Госпожа Вербер, я привёз соглашение о покровительстве. Ознакомьтесь, пожалуйста, со всеми пунктами, и если что-то хотите добавить, скажите, – Вангер протянул мне папку.

– Господин Вангер, я ведь сказала, что не буду использовать помощь Эль в своих интересах.

– И тем не менее я настаиваю на соглашении. Считайте это не только моей благодарностью за участие в судьбе Эль, но и из-за расположения к вам и Софи.

Дальше спорить было глупо, и я присела за стол, чтобы ознакомиться с документом. Даже не имея юридического образования и зная местные законы поверхностно, могу сказать, что соглашение давало мне как свободу действий, так и защищало в случае каких-либо форс-мажоров. Самое главное – Вангер мог «заморозить» от своего имени любую сделку на неопределённый период, если таковая могла иметь неоднозначное толкование с точки зрения закона. На первый взгляд звучит неоднозначно, однако возобновить её можно после получения заключения от трёх нотариусов или судей. Таким образом, можно было не только выиграть время, если возникали какие-либо сомнения, но и обезопасить себя от сомнительной сделки. Такая «подстраховка» не могла не радовать. Естественно, ни в какие

авантюры я лезть не собиралась, но чем чёрт не шутит, вдруг действительно напасть может приключиться. На последнем листе было указано несколько фамилий с адресами.

– Это те самые аптекари, с которыми некогда сотрудничал ваш дядя?

– Всё верно, госпожа Вербер. Если желаете, могу отправить им предложение о возобновлении отношений от вашего имени.

Предложение Вангера было заманчивым, ведь уповать на честность того самого «посредника-поставщика», на которого вышли люди Горста, не приходилось. Учитывая, что дело зашло далеко, и назад дороги нет, я рассказала о нашем с Марго плане.

Идея не особо нравилась ни мне, ни Вангеру, но мы также оба понимали: торговать сипринами в обход Его Величества не получится, так что придётся рискнуть.

– Давно пора познакомиться с Маргаритой Шмид, а здесь без этого не получится. Госпожа Вербер, я съезжу к ней в ближайшие дни: хочу поговорить насчёт этого «посредника». Завтра и послезавтра точно нет, так как придут нанятые для уборки дома женщины и нужно будет проследить за ними. Ещё одну из шахт необходимо посетить...

– Когда сможете. Я не могу тут настаивать, ведь у вас действительно своих дел предостаточно, – я принесла письменные принадлежности и подписала соглашение в трёх экземплярах. Первый остался у меня, оставшиеся забрал Вангер, чтобы один из них спокойно предъявлять в суде, если возникнет такая необходимость. Через несколько дней Вильгельм действительно съездил к Марго, но не просто обсудил с ней вариант с посредником, но и совершенно неожиданно привёз мою тётушку с собой, сказав, что ей необходимо переговорить со мной о чём-то важном. *** По-прежнему болеем все троём, так что постараюсь не сильно пропускать выход глав

Глава 69. Привет от бывшего

Честно говоря, когда Вильгельм вернулся после визита к Марго и сказал, что она меня ждёт в перелеске, я сперва сильно удивилась, а потом испугалась. Она никогда не стала бы просто так оставлять свой трактир без присмотра, даже когда Горст навещал её. Увидев мою растерянность, Вильгельм успокоил меня и сказал, чтобы ни о чём не волновалась, так как вместе с Сабриной присмотрят за девочками. С колотящимся от волнения сердцем, я шла к лесу, пытаюсь догадаться, что же такого случилось.

– Здравствуй, Кристин. Извини, что вот так, без предупреждения, но барон Вангер любезно согласился меня подвезти, поэтому я решила воспользоваться его предложением.

– Здравствуй, Марго. Что случилось? – я отошла подальше от кромки леса, понимая, что не просто так тётушка не доехала до леса.

– Появились новости о твоём бывшем муже. К сожалению, на уровне сплетен, но если хорошенько подумать, то недалеко они от правды. По крайней мере, если учесть, что из себя представляют барон Майер и его невеста, – при их упоминании Марго скривилась так, словно ей в рот выдавили целый лимон. – Свадьба отложена.

От неожиданности я споткнулась и едва не упала, успев ухватиться за торчащую ветку: – Но как же так? Насколько мне известно, Линда была беременна, причём срок был такой, что Ойгену пришлось торопиться, чтобы не возникло сплетен о её «интересном положении». По идее, у неё уже живот должен быть настолько приличным, что никаким свободным платьем не скроешь. На такой «позор» ни Ойген, ни тем более его мать, Доротея, никогда бы не согласились. А уж с их любовью к пафосу...

– Вот именно, Кристин, вот именно, – усмехнулась Марго и пнула носком туфли камень. – Однако они не учли одного: Линда Вайлет тоже привыкла к красивым торжествам, чтобы показать себя во всей красе. Как и большинство девушек, привыкших, что все их желания исполняются по щелчку пальцев, она не могла допустить того, чтобы на собственной свадьбе мелькнуть несколько раз, а затем удалиться,

сославшись на плохое самочувствие из-за волнения. Тем более, пропустить танцы!

– Марго! Какие танцы в её положении?! Даже если взять какой-нибудь медленный, то сам свадебный наряд весит немало, плюс вероятность обморока из-за духоты... Да много чего, не говоря уже о том, что всегда сохраняется риск потерять ребёнка... Конечно, первая треть срока прошла, но всё-таки. Она что, совсем без мозгов?

– Похоже, что да. Не беременна она теперь.

– В смысле? Ты хочешь сказать, что она избавилась от ребёнка? – у меня в голове не укладывалось, как так можно было променять возможность стать матерью на какие-то танцы.

– Именно. Официально, ну, насколько так можно сказать по отношению к тому, что тщательно скрывается, из-за нервов и переживаний насчёт статуса будущего мужа, произошёл выкидыш. В принципе в это можно было бы поверить, но... Одна швея проболталась, что подвенечное платье с очень узким корсетом было заказано ещё в день вашего развода с бароном Майером.

– Ты шутишь? – я всё-таки остановилась и прислонилась спиной к дубу, чувствуя, как стало не хватать воздуха в груди.

– Ни капли. Ведь в ту же ночь случилось непоправимое... И так «удачно», что гонец от барона Майера прибыл только на следующий день. Видимо, настолько сильным было волнение, что не дождалась Линда счастливой вести о том, как её возлюбленный стал свободен.

– Что-то слишком много совпадений, чтобы закрыть на них глаза. Линда наверняка ведь знала дату нашего развода.

– Даже не сомневаюсь. Прислуга, конечно, в числах не очень ориентируется, но если сопоставить, как менялось настроение Линды после каждого письма от барона Майера, то на то и выходит. Но это была только первая часть спектакля. Потом она усиленно изображала из себя больную, хотя, несмотря на срок, оправилась достаточно быстро...

– Крепка девица, однако...

– И не говори. Любая деревенская баба позавидует. Уж на что моя Ули крепкая, а и то после первых родов только к вечеру встала, и уж точно не для того, чтобы покрутиться перед зеркалом, выбирая наряды. Зато твой примчался быстрее ветра, чтобы поддержать

любовницу, и провёл у её постели несколько дней, утешая и обещая наказать тебя, послужившую причиной трагедии.

– То есть я ещё и виновата в эгоистичности этой особы? А ничего, что, будучи в браке, Ойген сам создал неоднозначную ситуацию, пойдя на измену, да ещё и с незамужней девушкой?! погоди, Марго... Это получается, что письмо, отправленное старосте Хофа, и было тем наказанием? А я всё думала, почему Ойген так поздно спохватился со своей мелочной мстостью...

Марго ненадолго замолчала, а потом пожала плечами: – Скорее всего. Вполне похоже на его гнилую натуру. Смотри сама, Кристин: за жизнь неродившегося ребёнка и страдания невесты заставить медленно погибать бывшую жену и ненужного ребёнка – вполне достойная и равноценная кара. С его точки зрения.

– Интересно, а Ойгену в голову не пришло, что всё подстроено? Неужели тебе удалось раздобыть эту информацию, а ему – нет?

– Здесь мне просто повезло, что один из людей Горста удачно споил конюха Вайлетов, который имеет виды на личную служанку Линды. Я лишь как-то упомянула, что не прочь была бы разжиться информацией о невесте барона Майера. Сама понимаешь, что мужики – те ещё сплетники, особенно когда разговор касается «горяченьких» тем. Так-то прислуге Вайлетов платят столько, что те под пытками ни в чём не сознаются. Но креплёные напитки способны развязать языки даже немым, – Марго усмехнулась. – В общем, отыграв роль несчастной, потерявшей ребёнка от любимого человека, Линда потихоньку не только выторговала, не без поддержки брата, конечно, проведение пышных торжеств, но и увеличение собственного содержания. А ещё богатые подарки в качестве компенсации за «перенесённые страдания».

– Удивительно, что Доротея не докопалась до правды. Это с её-то хваткой...

– Она, кстати, тоже приезжала к Вайлетам, но всё время проводила рядом с будущей невесткой, потакая её малейшим прихотям. Видимо, настолько заинтересована в этом браке, что готова на многое закрыть глаза. Это ты её не устраивала несмотря на земли, полученные в качестве приданого, а там всё-таки старинный род, уважаемая фамилия...

– Марго, наш с тобой не менее древний, однако этот факт вообще никак не повлиял на отношение ни ко мне, ни к Софи. Ты ведь знаешь, чего стоил мне развод и что ему предшествовало.

– Конечно, но, несмотря ни на что, семейству Майеров ты не приглянулась. Скорее всего, сыграл свою роль приказ Его Величества. Знаешь, есть такие люди, которые терпеть не могут навязывание чужой воли, даже если в итоге выиграют от этого. Та же Линда год обхаживала барона Майера, стелилась перед ним, как кошка по весне, добиваясь своего. Если бы твой бывший муж был против, то все её уловки не сработали, помяни моё слово. А тут взаимная выгода при обоюдной симпатии и совпадении интересов.

– Согласна, Ойген никак не походит на невинную жертву коварных женских чар. Развод с ним – это лучшее, что произошло за всё время моего брака. Но свадьба между этими двумя нарциссами точно состоится?

Марго кивнула, поворачивая обратно к охотничьему домику: – Несомненно. Там уже столько денег вложено, что никто не отступится. Насколько мне известно, торжество назначено через три недели.

– Они там что, светильники из золота отливают и паркет по дощечке выкрашивают и драгоценными камнями инкрустируют?

Расхохотавшись, Марго вытерла выступившие на глазах слёзы: – Не удивлюсь, если так оно и есть. Более того: празднество начнётся в родовом замке Вайлетов, а потом уже переместится в особняк Майеров в столице! Пара очень надеется быть приглашённой во дворец на один из грядущих балов, чтобы блеснуть во всей красе!

– Мне кажется, что я окончательно успокоюсь, только когда на безымянном пальце Линды окажется обручальное кольцо Ойгена. Вот вроде столько времени о нём ни слуху ни духу, а всё жду какой-нибудь гадости.

– Три недели, Кристин, всего три недели! Если хочешь, могу рассказать, как сварить успокоительный отвар или прислать чего поадрёнее с Хербом.

– Спасибо, но я как-нибудь сама. Я так понимаю, это всё, что ты хотела мне сказать?

– Абсолютно. Можешь звать своего барона Вангера, так как он обещал отвезти меня обратно.

Глава 70. Прогресс

За всё время, что Эль жила в охотничьем домике, мне удалось окончательно исправить все дефекты в её крошечном деформированном сердечке. Только убедившись, что на внутренние органы мой дар откликается как нужно, позволила себе провести эксперимент с купанием в пруду. Эль вначале испугалась, оказавшись в воде и не имея возможности дотронуться ни до дна, ни до берега, хотя далеко заплывать с ней на руках я всё-таки не рискнула. Сабрине пришлось приложить немало усилий, чтобы отвлечь Софи, иначе двоих девочек точно не смогла бы проконтролировать в воде. Вскоре после купания няня уложила Эль отдохнуть, а я переключилась на Софи. В конце концов, умение плавать ещё никогда никому не мешало в жизни.

А вечером нас всех ждал сюрприз в виде Эль, сосредоточенно уткнувшейся в след от спиленного сучка. На светлой столешнице, покрытой маслом, он заметно выделялся, будучи намного темнее. Сабрина замерла, не веря своим глазам, а я осторожно забрала у Софи зайца и подсунула его дочери Вильгельма. Эль обвела пальцем контуры полуоторванных ушей, а потом уверенно тыкнула в чёрный вышитый глаз. Для начала результат был просто фантастическим! А сколько счастья было у Вильгельма, когда на следующий день его дочь начала изучать вышивку на его жилете не только с помощью пальцев! Пока что разглядеть что-либо девочка могла либо, низко склонившись над заинтересовавшей вещью, либо поднеся почти к самому носу. Поэтому уже со следующего дня я осторожно начала восстанавливать её глаза, а также слегка прорабатывать лицевые мышцы.

Сабрину на это время отсылала с каким-нибудь поручением или просила присмотреть за Софи. К счастью, постепенно нам удалось найти с няней общий язык, и все мои действия уже не воспринимались в штыки. Даже пыталась меня остановить, когда я налила стакан молока и дала Эль. Такой скорости могли позавидовать даже мастера восточных единоборств. Но никаких реакций ни на молочные продукты, ни на мёд не последовало. Даже на простых карасей из озера не возникло ни малейшего проявления. Победа, это была

однозначная победа! Потом уже с лёгкой душой приготовила сиприну и стала понемногу добавлять в рацион девочки.

Спасибо Марго за её рассказы, каким образом действует целебная сила этой рыбы, ведь начини сразу с включения в рацион Эль филе, результат мог оказаться плачевным. Ведь из и без того хрупкого организма началось бы «вытягивание» последних ресурсов. Да, в целом бы всё наладилось, но из-за этого круговорота, когда «достраивались» нужные функции и органы, потом укреплялись, затем снова всё уходило на восстановление, дело пошло намного медленнее и необходимо было ограничивать девочку даже в простых движениях. То есть периодически мы бы имели подобие «хрустального» ребёнка, но уже с хрупкостью не только костей, но и вообще всех тканей и сосудов.

С глазами тем не менее пришлось действовать предельно аккуратно в силу их специфического строения, чтобы случайно не спровоцировать повторную отслойку. Ретинопатия недоношенных и так достаточно серьёзная патология, плохо поддающаяся лечению из-за воздействия целого ряда факторов, которые нарушили в своё время правильное созревание сосудов сетчатки и привели к слепоте. Мне же приходилось буквально по миллиметру выискивать нужные точки приложения своей силы, чтобы найти тот самый необходимый баланс.

Я действовала чисто интуитивно, опираясь, как на визуальную оценку, так и на дар. И что немаловажно, верность принятого мной решения подтвердил первый из аптекарей, который откликнулся на письмо Вильгельма. Грубо говоря, изначально должен иметься некоторый запас жизненных сил и здоровья в целом, чтобы сиприны помогли восстановить утраченное или справиться с какой-нибудь тяжёлой болезнью, иначе всё сводилось бы к банальному паллиативу. Собственно, именно этого я и стремилась избежать. Господин Раннеборг с удовольствием поделился информацией, как можно использовать различные части сиприн в целебных свойствах и выкупил сразу три рыбины. Ещё и предложил свои услуги в плане заказа необходимых лекарственных средств. Причём достаточно было всего лишь отправить письмо с перечнем необходимого или описания симптомов, чтобы он смог подобрать нужные лекарства.

Отказываться от такого щедрого предложения я не стала: дар-даром, а подстраховка всегда должна быть. К тому же не вечно Софи

будет рядом со мной, и ей точно пригодятся знания, как с какой хворью можно будет справиться. Второй аптекарь, господин Гринберг обещал заехать через неделю. Так что первые деньги я получила, причём весьма неплохие. По договору, заключённому с господином Раннеборгом, раз в месяц либо он сам, либо его помощник будет приезжать за тремя сипринами, но в случае необходимости это количество может быть увеличено. Теперь можно выдохнуть хоть немного и не беспокоиться насчёт того, на что нам с дочерью жить дальше.

Новости об Ойгене, полученные от Марго, встревожили не только меня, но и Вильгельма. Цинизм, с которым Линда добила «праздника своей мечты», просто ужасал. Я было предположила, что беременность любовницы Ойгена являлась фикцией, но по взгляду Марго стало ясно: никаких уловок не было. И даже на случайно оборонённую мной фразу «а был ли мальчик», получила утвердительный ответ. Конечно, срок ещё был не настолько велик, но по всем признакам выходило, что Ойген и в самом деле лишился наследника.

Так что известий о бракосочетании барона Майера и Линды Вайлет ждали уже мы оба. И дело даже не столько в том, что мой бывший муж способен выкинуть какой-нибудь фортель, а я не успела бы к тому времени долечить Эль. Как-то незаметно вечера на кухне, когда дети уже спали, стали некой потребностью для нас обоих. Нам просто было хорошо вместе. Незаметно, когда мы оставались наедине, «господин Вангер» превратился в Вильгельма, а «госпожа Вербер» в Кристин или Кристину. Причём забавно было отмечать, когда при обращении ко мне использовалось окончание, а когда нет.

Казалось бы: какие могут быть темы для разговоров у меня, практически ничего не знающей об этом мире, и Вильгельма, проведшего большую часть своей жизни в другой стране, но они находились. А когда ночь опускалась на долину, мы просто гуляли вдоль озера или около пруда. Нас явно тянуло друг к другу, но каждый раз словно что-то останавливало, не давало сказать больше, чем хотелось. Может, преградой был мой страх вступить в новые отношения после собственного многократного неудачного опыта в прошлой жизни и воспоминаний Кристины, чем закончился её брак.

Сложно сказать. Даже понимая, что Вильгельм совершенно другой, не такой, как Ойген, ничего не могла с собой поделать. А ещё страшно было разочаровать его, если возникнет вопрос о ребёнке. Конечно, смешно строить планы и заглядывать так далеко, но если вспомнить всё, что я пережила до этого, вынуждена была признаться себе: та старая рана так и не зажила. Да, у меня теперь другое тело, да мне удалось привести его в порядок, и оно больше не напоминает тот скелет, обтянутый кожей, все физиологические функции восстановились, но...

В общем, я пребывала в некотором смятении и совершенно не понимала, как себя вести и что вообще делать. Что останавливало Вильгельма, тоже не знаю. Может, боль, по первой супруге, лишь немного утихшая за пару лет, может, тоже нежелание рубить сплеча и как-то давить на меня. Хотя вполне вероятно, что всё вместе. Вот даже жаль, что в этом мире развод – дело непростое, ещё и влекущее за собой определённые последствия. Один мне условно простят, когда вопрос зайдёт о будущем Софи, но два уже нет, приравняв мою репутацию практически к гулящей женщине. Увы, дочерей здесь оценивают в первую очередь по матери. Юсте в этом отношении повезло гораздо больше, ведь если кто заикнётся о том, что она незаконнорожденная, голова тут же слетит с плеч. Причём тесак в руках будет держать даже не Горст, который относится к «падчерице», как к родной, а сама Марго. Но у них и ситуация, и положение чуть иное, чем у нас с Софи.

Вот и сегодня, обминая тесто, чтобы утром можно было испечь сдобные булочки, погрузилась в свои мысли настолько, что не услышала, как вошёл Вильгельм. Ему пришлось задержаться в поместье допоздна, поэтому приехав, он направился сразу к Эль, чтобы успеть с ней пообщаться до того, как она уснёт.

– Кристин? Тебя что-то тревожит? – Вильгельм подошёл сзади и накрыл своими ладонями мои припорошённые мукой руки.

Глава 71. Почти семья

– Прости, задумалась. Кажется, из этого теперь получатся лишь сладкие лепёшки, – я посмотрела на блин под своими ладонями, понимая, что тесто безнадёжно испорчено, но сказать вслух обо всём творящемся в душе, язык не повернулся.

Развернув меня к себе, Вильгельм пальцами провёл пальцами по моей щеке, видимо, стирая след от муки: – Мы можем сколько угодно прятаться за отговорками, переводя беседу на посторонние темы, но, Кристин, делу это не поможет. Я же вижу, что тебя сильно угнетает вся эта история с отложенной женитьбой барона Майера. Скоро всё закончится, а если он вздумает снова предпринять какие-нибудь шаги, чтобы навредить вам с Софи, это будет уже моя забота. Учитывая, что соглашение о покровительстве имеет пункты о партнёрстве, то твои интересы оно тоже защищает, ведь можно провести любую атаку, как потенциальный ущерб благосостоянию.

– Ойген очень любит судиться, так что дело может усложниться, если он решит выставить какую-нибудь претензию... Подобного рода разбирательства очень дорого обходятся, – я вспомнила, сколько долговых расписок и уведомлений из различных судебных инстанций обнаружила когда-то в сейфе.

– Кристин... – Вильгельм прижал меня к себе. – Мне очень стыдно за то, что у меня нет возможности решать такие проблемы так же легко, как раньше: просто заплатив парочке юристов, которые представляли мои интересы в суде или иных инстанциях.

– Ты с ума сошёл? О каком стыде говоришь? Ты же ведь всё, что у тебя было, тратил на Эль и Элению, чтобы им помочь. Нельзя себя в таком винить!

Вильгельм грустно улыбнулся: – И я не жалею об этом. Просто мужчина должен защищать тех, кто ему дорог, как бы ни складывались обстоятельства. Я же пока в этом несколько ограничен. Но тебе не о чем беспокоиться: это на выкуп твоих земель у меня не хватило бы денег, а на судебные издержки найти их не проблема. Ты же сама знаешь, что первые две шахты уже работают, скоро лесопилка откроется. И не забывай о той карте, что обнаружилась в шкатулке,

поднятой со дна озера. На ту руду уже нашлись покупатели. Кстати, послезавтра должен приехать тот самый посредник, о котором говорила Маргарита и выкупить десяток сиприн. Таким образом, до весны можно будет о нём забыть. О том, что это на самом деле твоя рыба, конечно, догадаются чуть раньше, но всё-таки какая-никакая отсрочка. К тому времени, когда Его Величество заинтересуется твоей персоной, у нас будет возможность подготовиться.

Я уткнулась лбом в рубашку Вильгельма: – Вил, я устала бояться... Получив развод, надеялась стать свободной, но до сих пор остаётся ощущение, что нахожусь в подвешенном состоянии, постоянно ожидая удара исподтишка в самый неподходящий момент.

– Осталось потерпеть всего ничего, и барон Майер сменит свой статус холостяка. А там этим двоим явно не до тебя станет, учитывая их грандиозные планы на эту жизнь. Знаешь, Эль сегодня впервые задала вопрос, что же будет, когда в поместье закончится ремонт и нужно будет туда вернуться.

Моё сердце пропустило удар, так как, несмотря на все мои старания абстрагироваться от дочери Вильгельма, относясь к ней просто как к очередной пациентке, которых у меня было немало, привязалась к ней. Она была совершенно непохожа на Софи, своей некоторой «взрословатостью», на которую, несомненно, наложили отпечаток и слепота, и бесконечные болезни, но в то же время имела больше детской непосредственности по сравнению с моей дочерью. Обе девочки действительно были как день, и ночь не только внешне. Они не только подружились, но и умудрялись учить друг друга чему-то новому и даже пытались проказничать несмотря на ворчания Сабрины или мои замечания.

– Кристин, у тебя сейчас такой вид, словно ожидаешь вынесение смертного приговора. Я прекрасно помню всё, что ты говорила о том, как не готова впускать в свою жизнь и жизнь Софи кого-то... Мне тоже казалось, что после смерти Элени все мои интересы будут сосредоточены на благополучии дочери, но... – Вильгельм замолчал, но я чувствовала, что и его сердце колотится от волнения не меньше моего. – Возможно, это будет слишком самонадеянно, но я ответил Эль, что ближе ко времени отъезда стоит обсудить этот вопрос. Могу ошибаться, но мне кажется, что, поторопив события, мы можем что-то упустить, поэтому пусть всё идёт своим чередом.

Пусть слова Вильгельма и не были похожи ни на признание в любви, ни тем более на предложение руки и сердца, но я выдохнула с облегчением. Если бы вопрос действительно касался бы только нас двоих, было чуть проще, однако отношение девочек к нам обоим нельзя было не учитывать.

– Спасибо. Я действительно не хочу, чтобы моё присутствие негативно повлияло на вас с Эль, да и Софи может понять в силу возраста и воспоминаний о жизни в доме Майеров, как-то не так...

– Ты напрасно беспокоишься: несмотря на то, что Эль знает о своей матери, которую почти не помнит, ты ей нравишься. Она сама мне об этом сказала. Мне даже пришлось позорно сбежать из их с Сабриной спальни, чтобы история с волосами не повторилась.

Я озадаченно посмотрела на Вильгельма, не понимая, о каких волосах идёт речь.

– Из-за переезда как-то не обратил внимание, как волосы отрасли, а Сабрина мимоходом заметила, что неплохо было бы их привести в порядок. Ещё и Эль тогда опять болела... В общем, она как-то умудрилась стащить ножницы из корзинки с рукоделием и, пока я спал, отрезала все волосы, которые были длиннее её кулачка. «Чтобы папа был опрятный». Сабрине тогда стоило больших трудов, чтобы изобразить из остатков что-то более-менее приличное.

Приложив ладонь ко рту, я охнула: – Так это поэтому ты в день нашего знакомства был так странно коротко острижен? Мужчины же в Бронхедже носят причёски с удлинёнными волосами. Даже Ойген время от времени собирал волосы у основания шеи под ленту.

Улыбнувшись, Вильгельм развёл руками: – Эль просто хотела, чтобы я был самым лучшим и самым красивым. Хорошо хоть сама не поранилась, ведь стригла она на ощупь.

– Дети... – не выдержав, я и сама тихонько рассмеялась. – Прости, я, кажется, тебя испачкала всего в муке.

Мужчина действительно оказался весь припорошен белыми разводами. Пришлось срочно спасать и его сюртук, и жилет при помощи щётки. Пока возились, припомнили несколько забавных случаев из числа «помощи любимых дочерей родителям». Только раздавшийся скрип половицы в коридоре оборвал наше веселье.

Испуганно посмотрев на дверь, я отскочила в сторону: – Кажется, мы разбудили Сабрину... Что теперь она подумает?

– Думаю, она теперь с ещё большим рвением начнёт напоминать мне, что не стоит хоронить себя в столь молодом возрасте.

– Что?! Да она меня была готова меня взглядом испепелить каждый раз, когда приближалась к тебе то в поместье, то уже здесь! – я выглянула за дверь, но никого не увидела.

Вильгельм аккуратно отодвинул меня в сторону и закрыл дверь:

– Кристин, Сабрина очень любит Эль и боялась, что ты станешь относиться к девочке, как любая другая мачеха: просто сделаешь жизнь невыносимой и перетянешь всё моё внимание на себя и Софи. И даже твоё беспокойство за здоровье Эль считала фальшивым, просто как попытку изобразить заботу и, таким образом, поближе подобраться ко мне. Не вини Сабрину, Кристин. У них с Гертом жизнь тоже непросто складывалась. Кстати, он хочет завтра остаться переночевать, так как соскучился по жене, хоть и виду не подаёт. Но официально преподнёс, как помощь в вылове сиприн на продажу. Могу ему передать, что ты непротив?

– Конечно, о чём речь? Если что, могу забрать Эль к нам с Софи в спальню, чтобы он нормально выспался, ведь на лавке в кухне ночевать не очень удобно.

– Я думал уступить ему свою, а самому остаться в поместье, но если для тебя такой вариант приемлем...

– Одну ночь внуки Сабрины и Герта спокойно переночуют и без вашего присмотра. Всё хотела спросить, но не решалась: как так получилось, что они живут с вами? Где их родители?

– По официальной версии: на них напали разбойники в дороге. А по факту... Сын Герта осмелился требовать наследство для своего отца, и этот необдуманный поступок привёл к трагическим последствиям.

Глава 72. Минусы на плюсы

История Герта повергла меня в глубокий шок. Зато мне окончательно стало понятно, почему Сабрина так отреагировала, услышав, как я сказала её мужу «господин»: он ведь имел некогда право на такое обращение.

Вильгельм отошёл к окну и поманил меня к себе: – История старая, но не хотелось бы, чтобы Сабрина слышала: слишком болезненная для неё тема. Всё дело в том, что Герт – незаконнорожденный сын одного графа, бастард, одним словом. Его изначально воспитывали, как будущего управляющего, поэтому отец дал ему соответствующее образование. Однако супруге этого графа крайне беспокоило существование признанного бастарда, а потому, как только её муж скончался, она поспособствовала тому, чтобы Герта обвинили в крупном хищении и отправили на рудники. Ты прекрасно знаешь моего управляющего, чтобы понять: не способен он ни на хищение, ни на предательство. И хоть ему присудили всего пять лет, за взятки находились постоянные нарушения и срок продлевался. Таким образом, он провёл на рудниках почти двенадцать лет, сумел не только выжить, но и даже зарекомендовать в качестве исполнительного работника.

Собственно, там мой отец и встретил Герта, когда вместе с одним из своих инженеров приехал оценить случайно обнаруженную жилу по просьбе одного высокопоставленного чиновника. На рудниках Бернгрена же только добывают руду, но не обрабатывают. В общем, мой отец выкупил «приглянувшегося ему каторжника» у начальника рудника. С тех пор Герт служит моей семье, разыскал жену с сыном и забрал к нам. Представляешь, он даже не знал, что у него ребёнок родился. Хорошо, что Сабрина ушла из поместья в тот же день, как Герта схватили, а об их женитьбе никто не знал, иначе и их могло не быть к тому времени на свете. Ему же около двадцати лет было, когда произошла вся эта история. Естественно, ни на пересмотр дела, ни на компенсацию Герт не подавал, хотя там всё было шито белыми нитками. А вот Рихард считал несправедливым, как поступили с отцом, и захотел справедливости. Уже сам женат был, как раз Дольф

только родился... В общем, не придумали ничего лучше, как под предлогом «съездить на главную ярмарку», отправиться в дом деда.

Я прислонилась спиной к стене и закрыла лицо руками: – Ой, дура-а-ак...

– Именно. Их тела нашли как раз неподалёку от тракта, по которому можно добраться до графского поместья. И то на розыск ушло время, и к тому моменту, когда мой отец нашёл упоминание в полицейских сводках, Рихарда и Агнес уже похоронили в общем рве на кладбище для бедных. Увы, судебная система Бернгрена такова, что там больше соревнование толщины кошелька, чем вершение правосудия. А уж из-за двух молодых слуг, которые по глупости ночью отправились в дорогу через лес, никто шевелиться не стал. Я разговаривал по этому поводу с отцом, но даже с нашими связями невозможно было что-либо сделать, так как, сама понимаешь, по статусу та семья была намного выше нашей.

– Это просто чудовищно, Вильгельм.

– Увы, не существует идеальных мест, где бы соблюдались законы и всё было во благо. Так что здесь у меня больше преимуществ и свобод, чем в Бернгрене. С другой стороны, если бы отец с дядей не рассорились, ещё неизвестно, как всё обернулось.

Вспомнив старый разговор с Марго, я всё-таки решилась задать ещё один вопрос, который не давал мне покоя:

– А ты знаешь, почему они поругались?

Вильгельм кивнул: – Конечно. Из-за Маргариты, а также нашей с тобой помолвки. На правах главы рода дядя подписал с твоим отцом помолвочное соглашение, согласно которому нам с тобой предстояло стать женихом и невестой по достижении совершеннолетия. Отца такой расклад совершенно не устроил, к тому же он был против таких predetermined с детства браков. Кажется, он потом всё-таки оспорил его в одном из судов Бернгрена, но я никогда не интересовался этим вопросом, тем более что твой брак оказался заключён раньше, чем мой, а это юридически развязало руки моей семье. Кристин, конкретно против тебя или твоей семьи никто ничего не имел и не имеет против, причиной разлада именно поступок дяди, который посчитал, что может решать судьбу собственного племянника. Несмотря на все законы и традиции. Если бы я был его сыном, тогда другой разговор.

После ответа Вильгельма у меня камень с души упал. Забавно всё-таки вышло, что в итоге мы с ним не только встретились, но и... Даже не знаю, как охарактеризовать наши отношения, которые вроде как бы есть, но вроде и нет. Ладно, время покажет.

– Кристин, если ты волновалась, что стала камнем преткновения в конфликте моего отца и дяди, то напрасно, – Вильгельм приблизился и обхватил ладонями мои плечи. – Если тебя ещё что-то беспокоит, то спрашивай, я отвечу. Мне хватило нелепостей, сделанных мной в день нашего знакомства.

– Если бы ты сразу объяснил, зачем тебе понадобилось Зауберерское озеро, а также для кого, я бы поняла. А так пришлось самостоятельно копаться во всей этой ситуации с гибелью и вырождением рыбы. Но ты ведь тоже не знал, кто я такая и что из себя представляю. Особенно после писем Ойгена, ославившего мою персону на всю округу.

– Всё так. Видя, как Эль становится всё хуже, болеть она стала чаще, а последний шанс на её излечение превратился в ничто, я просто потерял голову и наделал немало ошибок. Надеюсь, тогда у озера мы окончательно уладили тот промах.

Я щёлкнула ногтем по пуговице на жилете, а потом провела пальцами по жаккардовому рисунку на ткани: – Но всё равно чувство неловкости до сих пор осталось, да? Забудь. Твоя помощь нам с Софи и отношение к нам обоим давным-давно нивелировали и тот букет, и неоднозначное предложение. А глупости совершают все.

– Кристин, пообещай мне, что больше никогда не станешь рисковать собой, как в ту ночь на озере. Я чуть с ума не сошёл, когда увидел тебя там почти бездыханную. До сих пор не пойму, как тебе удалось меня уговорить продолжить вытаскивать те проклятые бочки, когда единственным желанием было схватить тебя в охапку и утащить к местной знахарке.

Почувствовав, как краска начинает заливать лицо, я опустила голову: – У меня не было другого выхода. Иначе неизвестно, сколько удалось бы нам с Софи здесь протянуть. Да и Эль рыба помогает...

– Пока ты не дашь мне слово, я не отступлюсь, Кристина. Прошу! Видела бы себя тогда со стороны: одни глаза на мертвенно-бледном лице и покрывающаяся язвами кожа. Герт потому после шахты сразу

помчался, чтобы удостовериться, что с тобой всё по-прежнему в порядке после моего отъезда из охотничьего домика.

– Обещаю. Тем более что самое сложное позади, и мне действительно рисковать жизнью и здоровьем больше не придётся.

Вильгельм крепко меня обнял и поцеловал в макушку: – Спасибо. Я не хочу больше терять никого из близких. Мне и так каждый раз становится не по себе, когда Сабрина рассказывает об успехах Эль: всё кажется, ещё немного, и ты надорвёшься. Слышал рассказы целителей о том, как у некоторых из их коллег выгорал дар, а потом начинал вытягивать жизненные силы. Я безмерно благодарен тебе за помощь дочери, но не хочу, чтобы из-за неё ты пострадала. Вроде должен радоваться, что проблемы Эль, с которыми приходилось бороться едва ли не каждый день, исчезают, но и страшно при этом.

Я тихонько рассмеялась и убрала упавшую на лоб Вильгельма чёлку, пропустив между пальцами светло-русые пряди: – Похоже, что теперь мне придётся брать с тебя слово. Только не насчёт риска, а чрезмерных волнений. Поверь, Вил, я не делаю ничего такого, что причинило вред моему дару или мне. Не только с помощью силы лечу Эль, но и сиприны на самом деле немало помогают. Со стороны кажется, что проделана колоссальная работа, а на самом деле всё происходит постепенно и комплексно. Я искренне рада, что способна помочь твоей дочери, ведь девочка не заслужила испытывать такие муки с самого рождения, просто так сложились обстоятельства. Думаю, если бы она родилась в срок, то была зрячей, а порок сердца, унаследованный, думаю, от её матери, оказался не таким сложным. Скажи, у Элени ведь была бледная кожа и губы отливали чуть лиловым или бледно-фиолетовым оттенком?

Не понимая, к чему я клоню, Вильгельм озадаченно пробормотал: – Да. Но откуда ты об этом знаешь? Сабрина рассказала?

– Нет. Просто у людей, имеющих серьёзные проблемы с сердцем, есть эти признаки. Ещё может сереть или синеть кожа вокруг носа, в районе ногтей. Когда сердце работает плохо, то организму может не хватать кислорода, и вот такое изменение цвета кожных покровов, как раз свидетельствует об этом. К сожалению, предрасположенность к подобным заболеваниям может передаваться по наследству. У тебя я не заметила ничего такого ни разу, из чего сделала вывод, что у твоей жены могли быть такие же проблемы, как у Эль. Тем более что роды

она перенесла с трудом, долго болела и так и не смогла оправиться. Прости, если, напомнив о ней, причинила тебе боль, просто думаю, что стоит об этом знать. Эления, к сожалению, умерла, но ведь и у Эль когда-нибудь тоже будут дети, поэтому стоит учитывать такой нюанс, чтобы вовремя оказать им помощь или обратиться к целителю.

– Но Эления никогда не жаловалась на плохое самочувствие...

– Думаю, она очень любила тебя и не хотела расстраивать, считая, что раз серьёзных приступов не было, то всё образуется. Но я не могу сказать наверняка, ведь эту тайну она унесла с собой. Не вини ни её, ни себя. Просто учти на будущее, когда речь зайдёт о браке Эль.

– Кристин...

Глава 73. Своим чередом

Та ночь откровений на кухне позволила нам с Вильгельмом понять друг друга намного лучше. Часть барьеров, тормозившая нас, рассыпалась в прах, остальные стали заметно тоньше и прозрачнее, если можно так сказать. Пусть мы кое-где и криво, но всё-таки признались друг другу в том, что дороги друг другу и не готовы поставить крест на совместном будущем. Вильгельм всё-таки корил себя, что не придавал значения особенностям внешности Элени, но мне удалось подобрать нужные слова и объяснить, как человеку, ранее не сталкивавшемуся с подобными проявлениями, сложно понять, что к чему. Зато теперь, зная, что и у детей Эль возможны проблемы с сердцем, легче будет своевременно принять меры. Как бы в дальнейшем не сложились наши отношения, но я буду готова помочь и им. В одном мы пришли к одному решению: не торопить события и ориентироваться по ситуации.

На следующий день Эль уже сама, опираясь только на одну мою руку, спустилась в пруд и уселась неподалёку от берега, ожидая, когда сиприны подплывут к ней. Если раньше прикосновения рыб немного пугали её, то сейчас страх окончательно ушёл, появилось любопытство и желание хорошенько разглядеть каждую серебристую особь. Напоминать о том, чтобы девочка не напрягала зрение, было бесполезно, но поглядывая время от времени на меня, она тут же выпрямлялась, увеличивая расстояние между своим носом и водной гладью.

Как примерно выглядит таблица для проверки зрения, я примерно помнила, поэтому попыталась изобразить нечто подобное, но вместо букв используя схематичные изображения, понятные Софи, а значит, и Эль. В клинике видела детские варианты, но особо не обращала на них внимание. Помню только, что там точно были гриб, звезда и машина, но в этом мире пришлось рисовать зайца, медведя, кастрюлю и тому подобное. Ещё и несколько листов использовать, чтобы не было привыкания и запоминания порядка расположения рисунков. Ну да, чередовала картинки по разным строчкам. Ориентировалась на себя и Софи, когда прикидывала расстояние от стула до «таблицы».

Потихоньку количество строк, пройденных Эль сверху вниз увеличивалось, и это не могло не радовать. А ещё мимоходом выяснилось, что и восприятие цветов улучшалось.

В тот день, когда Вильгельм привёз Марго, он пришёл с двумя какими-то большими мотками, завёрнутыми в обычные холщовые куски. Вот только там оказалась ткань, из которой Сабрина тайком сшила нам с Софи по два платья каждой. Я как-то совершенно забыла, что заказывала у Марго отрезы, а вот тётушка помнила и между делом сказала Вильгельму, как в моих планах было обновить гардероб, да, видимо, решила отложить свою задумку на более поздний срок. В общем, вручая мне новые платья, Сабрина сказала, что постаралась сделать их похожими на мои прежние, а вот Эль уверенно заявила: старые всё-таки чуть-чуть светлее. Хотя различие между цветом тканей было не таким уж и сильным.

Честно говоря, не ожидала, что у женщины настолько намётан глаз, ведь она сумела обойтись даже без примерки, только призналась, как с первой выкройкой бегала на задний двор, где сушилась одежда. Я настолько растрогалась, что едва не расплакалась. На все мои попытки заплатить за работу, Сабрина отвечала жёстким отказом и обещала тщательно проверять каждый день спальню, чтобы мне не удалось провернуть тот же трюк, что с Гертом. На мой бубнёж, насколько мне неудобно, Вильгельм лишь улыбнулся и сказал, что это малое, чем они могут меня отблагодарить за лечение Эль. По официальной версии, по-прежнему вся заслуга в исцелении девочке принадлежала сипринам. Пришлось даже придумать, что использую примочки из сошкрябанной слизи с рыбьей чешуи, чтобы завуалировать лечение глаз. Хотя у меня имелись подозрения насчёт того, что толчком к прозрению стали как раз те самые потирания руками Эль лица во время первого купания. Она ведь, не поняв, что это возле неё такое непонятное скользит, попыталась ухватить сиприн.

Герт, оставшийся ночевать после моего разрешения, действительно помог наловить нужное количество рыбы на продажу «к королевскому двору» и даже присутствовал при заключении сделки. Глядя на управляющего Вильгельма, я не могла не поразиться, каким же сильным духом обладает этот мужчина, которого не смогли сломить ни рудники, ни смерть единственного сына. К сожалению, больше детей у них с Сабриной не получилось родить, хотя когда он вернулся,

возраст ещё позволял. Скорее всего, сыграло роль то, что молодой женщине приходилось много трудиться в тяжёлых условиях, чтобы заработать денег на жизнь себе и новорожденному ребёнку. Мало ведь кто согласится на помощницу «с довеском» и сейчас, а тогда нравы были ещё строже. Да и самой Сабрине можно поставить памятник, что не только смогла пережить все невзгоды, но и сохранить чувства к мужу за столько лет. Конечно, таких явных проявлений, какие я привыкла в своём мире видеть у людей в возрасте, не было, но они легко читались в мелких деталях. Даже в том, как она подавала ему тарелку или полотенце.

Господин Гедрих, тот самый посредник, мне очень не понравился, и если бы не присутствие Вильгельма и Герта рядом, упала бы духом. Настолько неприятный тип, что даже после того, как он уехал, осталось чувство омерзения. Радовало лишь то, что нескоро его увижу снова. Время я выиграла, а там дальше уже видно будет, как дело пойдёт. О существовании Эль Марго по-прежнему не знала, но Вильгельм ещё несколько раз ездил к ней. Тётушка передала, что кое-кто из людей Горста «присмотрит» за Гедрихом и сообщит, если тот начнёт себя как-нибудь странно вести. По крайней мере, лишняя подстраховка не помешает. Инициатива главаря банды была своего образа благодарностью за помощь в участии при его лечении. Так что от моего дара была тоже своеобразная «финансовая» выгода.

Чем больше приближалась дата свадьбы Ойгена и Линды, тем сильнее я нервничала, хотя и пыталась убедить себя, что мне ничего не грозит и бракосочетание бывшего мужа – лишь простая формальность. Видя моё состояние, Вильгельм вытаскивал меня погулять вдоль озера, чтобы хоть немного развеялась. Но как же было уютно идти с ним в обнимку и даже сквозь шаль, чувствовать тепло его тела. К вечеру уже заметно холодало, частенько набегали тучи, таким образом, можно было не бояться, что безлунной ночью нас кто-то увидит.

Дела в шахтах и плавильном цеху шли просто отлично, лесопилка позволила обеспечить дровами на зиму уже несколько деревень, принадлежащих Вильгельму, а к началу отопительного сезона оставшиеся. Даже по самым скромным расчётам, часть древесины можно будет выставить на продажу, а это тоже неплохая статья дохода. К сожалению, о продаже шерсти и мяса на осенних и зимних ярмарках в этом году речи быть не может, ведь в первую очередь нужно

обеспечить людей Вангеров, но на следующий год и эти позиции принесут деньги. Здесь очень удачно пригодился опыт Герта, как управляющего, а также бывшего каторжника с рудников, и Вильгельма, получившего знания, необходимые не только как наследнику состояния, но и инженера. Впрочем, на мой взгляд, его осведомлённость в горном деле была намного шире, чем включает специальность.

Я делилась тем, какие успехи делает Эль, Вильгельм своими делами в поместье и шахтах. В итоге после каждой прогулки валилась без сил в кровать, чувствуя физическое и моральное опустошение, но не тягостное, выпивающее последние силы, а позволяющее разгрузить и тело, и голову. Этакая приятная усталость, позволяющая забыть о тяжёлых мыслях. На четвёртый день после того, как должна была пройти свадебная церемония, Вильгельм приехал вскоре после обеда, когда девочки спали, а Сабрина что-то в очередной раз тихонько шила, приглядывая за ними.

– Кристин! Свершилось!

Глава 74. Свобода

– Вильгельм? – я вытерла руки о передник и посмотрела на замершего в дверях мужчину, сжимающего в кулаке какие-то бумаги.

– Свадьба барона Ойгена Ристофа Майера и Линды Каталины Вайлет, сестры барона Герхарда Вайлета, состоялась! Даже брачный договор подписан и зарегистрирован, – Вильгельм протянул мне слегка скомканные листы. – Я попросил людей Маргариты, которые приглядывают за поместьем Вайлетов сразу писать мне, если что-то случится. Думаю, она уже тоже в курсе, так как письмо получил буквально час назад.

Дрожащими от волнения руками я взяла бумаги и вчиталась в текст. Всё прошло именно так, как хотела Линда: пафосно и помпезно, с кучей гостей и роскошным застольем. К концу второго дня молодые укатали в столичный дом Майеров.

– Даже не верится, что теперь об Ойгене можно забыть... – я опустила на лавку и откинулась назад, чтобы иметь опору в виде стены, так как силы разом покинули меня.

– Да, Кристин, да, – Вильгельм присел рядом и приобнял меня за плечи. – Теперь твоему бывшему мужу не будет до тебя и Софи никакого дела. Думаю, барон Майер сейчас будет очень занят, устраивая свою жизнь при дворе, ведь он так этого хотел. Думаю, что попытается сделать это в том числе через свою жену: сейчас как раз освободилось несколько мест при малом дворе – кронпринцесса выразила желание расширить штат фрейлин. Учитывая семейное положение, у Линды как есть все перспективы занять место среди старших фрейлин, а там и до статс-дамы недалеко.

– Откуда ты всё это знаешь? – осведомлённость Вильгельма о том, что творится не только в столице, но и во дворце немало меня удивила.

– Несмотря на то что большую часть своей жизни я провёл в Бернгрене, у меня остался друг детства в Бронхедже, с которым до сих пор поддерживаем отношения. И он как раз занимает должность камергера при канцелярии Его Величества, поэтому неплохо осведомлён о том, что происходит во дворце. Естественно, абсолютно

всё не может рассказать в своих письмах, но в общих чертах о том, что не является тайной при дворе, вполне.

– В таком случае информации от него можно доверять. Если всё будет обстоять, как ты думаешь, то Ойгену действительно будет не до какой-то там бывшей жены. К тому же ему придётся быть осмотрительнее в своих поступках, чтобы не замарать свою репутацию, ведь за придворными всегда пристально следят и не прощают промахов. Сразу пойдут сплетни, косые взгляды, перешёптывания в кулуарах.

– В этом ты абсолютно права, Кристин. Сейчас для Майеров самое благоприятное время, чтобы заявить о себе: Его Величество отправился на воды, дабы поправить своё здоровье, и малый двор обосновался на время Его отсутствия в королевском дворце. Следовательно, кронпринц будет устраивать балы и маскарады, ведь король не выносит лишнего шума и редко устраивает праздники, сократив их до минимума, положенного по этикету.

Вспомнив, на что пошла Линда, чтобы иметь возможность блистать на собственной свадьбе, я невольно вздрогнула.

– Всё, больше никаких разговоров о Майерах! Пусть эти павлины сами варятся в своей новой жизни, распушая хвосты!

Вильгельм рассмеялся, услышав моё сравнение: – Лучше и не скажешь. Кристин, я ещё вот о чём хотел с тобой поговорить: мой дом в поместье давно приведён в порядок, ты окончательно излечила Эль, и она хочет вернуться домой, чтобы увидеть всё своими глазами. Задерживаться в охотничьем домике больше нет никаких причин...

Моё сердце пропустило удар, хотя я и так прекрасно понимала, что последнюю неделю присутствие Эль и Сабрины в моём доме было лишь предлогом, чтобы Вильгельм имел возможность меня поддержать.

– Когда вы уезжаете?

– Думаю, дня через три. Но это ещё не всё. Как ты смотришь на то, чтобы ближе к зиме перебраться в поместье?

– А... Э-э-э...

– За это время Эль освоится в новом доме, я смогу удалить кое-какие дела, чтобы в холодный сезон реже отлучаться из поместья и больше уделять тебе внимания, – Вильгельм полез в карман сюртука и

достал бархатную коробочку. – Кристина Вильгемина Вербер, не откажите ли мне стать моей женой?

От неожиданности у меня дар речи пропал, и я, как дурочка, могла лишь хлопать ресницами, глядя на золотое помолвочное кольцо, переливающееся гранями, среди которых различила дорожку в виде крохотных звёздочек. Когда пришла в себя, посмотрела в серые глаза, в которых не осталось ни капли прежнего веселья:

– Но как же Эль, ты ведь сам говорил, что...

– Она привыкла к тебе и Софи, поэтому только будет рада. Первым вопросом Эль, когда сказал ей, что скоро вернёмся в поместье, был о вас двоих. Она так и спросила, поедет ли госпожа Вербер с нами, а когда услышала от меня, что для этого нужно твоё согласие и весьма веская причина, сильно расстроилась и предложила мне жениться на тебе. Кристин, ты не думай, что делаю тебе предложение исключительно из-за дочери. Я люблю тебя и хочу, чтобы мы были вместе. Если тебе кажется, что тороплю события, ведь изначально договаривались о другом, то готов ждать столько, сколько понадобится.

– Я согласна, – протянув руку к кольцу, замерла, так его и не коснувшись. – Вил, хочу только предупредить кое о чём. Это действительно имеет важное значение и касается не только нас обоих, но и тебя в первую очередь. Не хочу, чтобы ты разочаровался.

Лицо Вильгельма сразу приняло взволнованно-серьёзное выражение: – Что-то случилось, Кристина?

Прикусив нижнюю губу, я опустила взгляд, понимая, что всё сказанное мной может разрушить наши отношения: – Рождение Софи далось мне нелегко, поэтому лекари запрещали снова беременеть. Боюсь, может получиться так, что не смогу родить тебе наследника.

Вильгельм выдохнул с облегчением, а затем крепко прижал меня к себе: – Не пугай так, Кристин. Я уже не знал, что и подумать, решив, случилось что-то непоправимое. Ты дорога мне, и был бы счастлив, если у нас появился общий ребёнок, но если обстоятельства сложатся так, как говоришь, то ни в коем случае не стану тебя винить или упрекать. Однажды я уже потерял жену и пережить снова подобное не хочу. У нас есть две прекрасные дочери, поэтому даже не думай о том, что откажусь от тебя после сказанного тобой.

– А Ойген был одержим рождением сына и был крайне недоволен тем, что на свет появилась Софи...

– Кристин, когда женщину любят, то неважно родит ли она сына или нет. Ребёнок любого пола от неё будет желанным! Неужели ты думаешь, что я любил бы Эль чуть больше, если бы она оказалась мальчиком?

– Нет, но...

– Никаких «но», Кристин! Я тебе своё мнение сказал на этот счёт и менять не собираюсь.

У меня в носу внезапно засвербело, а на глаза навернулись слёзы.

– Ну, что ты? Не плачь, я сделаю всё, чтобы ты была счастлива, – Вильгельм достал из коробочки кольцо и надел мне его на безымянный палец левой руки, как положено в этом мире.

Потом, после свадьбы оно либо займёт своё место под обручальным на правой, либо так и останется. В общем, день, когда стало известно о женитьбе Ойгена, стал для меня счастливым вдвойне. Да, придётся выждать несколько месяцев, как полагается, прежде чем можно будет сыграть свадьбу, но это такой пустяк. Это мой бывший муж торопился узаконить отношения с Линдой, выдержав минимальный срок после развода, а нас время не поджимало и можно было спокойно ко всему подготовиться. К тому же меньше сплетен будет по поводу скоропалительной женитьбы. Помимо всего прочего, Вильгельм сказал, что после свадьбы подаст документы в суд на удочерение Софи, чтобы она не чувствовала себя лишней в семье, нося мою девичью фамилию. После этого заявления я всё-таки не выдержала и разрыдалась. Моя дочь, которая не была нужна с самого рождения родному отцу, мало того, что получила от совершенно постороннего мужчины участие в своей жизни, так ещё и станет не просто падчерицей для мужа матери.

Заметившая на моей руке кольцо Сабрина не только поздравила меня с помолвкой, но и почти деликатно вытолкала из кухни, чтобы заняться приготовлением праздничного пирога. Девочкам было решено сказать, что Вильгельм сделал мне предложение чуть позднее, когда пройдёт немного времени. Хотя мне кажется, что они и так начали догадываться об изменениях, которые грядут в их жизни. Осталось как-то дождаться декабря.

Глава 75. Тишь да гладь

После отъезда Вангеров в охотничьем домике стало сразу как-то непривычно тихо. Словно часть жизни ушла из его стен. Даже утреннего ворчания Сабрины не хватало, если она обнаруживала, что я встала раньше неё и занялась приготовлением завтрака. Софи скучала по Эль и Вильгельму и сожалела, что до их дома не так просто добраться, как до того же трактира. Через несколько дней, как остались с дочерью вдвоём, мы решили навестить Марго. Тётушка несказанно нам обрадовалась, даже Юсту не сразу позвала, чтобы та присмотрела за Софи. Зато нашей помолвке с Вильгельмом Марго совершенно не удивилась, ехидно заметив, что, наконец-то, двое, притворявшиеся слепыми, прозрели. Хорошо, что Вильгельм рассказал ей и о смерти жены, и об Эль, таким образом, мне не пришлось изворачиваться и пытаться обойти «острые углы». Терпеть не могу врать, а уж тем более людям, которые протянули в своё время руку помощи.

Тот поход в гости немного развеял тоску Софи по Эль, но как же она обрадовалась Вильгельму, которого мы встретили в лесу на обратном пути! Но если дочери досталась его улыбка и расспросы о том, как мы жили и чем занимались все эти дни, то меня ждали укоризненный взгляд и слегка негодующая интонация, которой мне тихо сообщили, что кое-кто едва с ума не пошёл, обнаружив пустой запёртый охотничий домик. Пришлось извиниться и пообещать впредь сообщать об отлучках к Марго или ещё куда-нибудь. Жаль, что способов для быстрой связи в этом мире пока не изобрели, но я предложила оставлять записки и запасной ключ от охотничьего домика, чтобы Вильгельм или Герт, когда приедут проведать нас, могли переждать в тепле до нашего возвращения, если вдруг настигнет непогода.

Как нельзя лучше здесь пригодился импровизированный тайник, в виде углубления под дощечкой около одной из стоек, поддерживающих крышу террасы. Я всё забывала приколотить гвоздями отходящую деревяшку, а здесь так удачно всё совпало. Очень удобным оказалось просто сдвинуть дощечку, положить под неё

записку, а потом вернуть на место. И гораздо надёжнее, чем просто воткнуть в дверной косяк, ведь тогда ни дождь, ни ветер не могли повредить бумаге или смыть чернила. А ключ оттуда даже не доставала, закрепив на гвоздике, чтобы не потерялся. Разбирать крышу как-то не хотелось, да и заказывать дубликат у кузнеца то ещё приключение.

Герт по-прежнему приводил нам продукты и с удовольствием рассказывал об Эль, которая с интересом облазила все углы в поместье и продолжала изучать всё вокруг. Так что теперь не только Сабрине пришлось с утроенной силой следить за своей воспитанницей, но и брать в помощь то одного внука, то второго. Эти новости не могли меня не радовать, ведь несмотря на то, что я вылечила Эль и восстановила её зрение, всё равно беспокоилась, как бы ещё чего не приключилось с её здоровьем.

К счастью, после возвращения в поместье девочка даже ни разу не чихнула. Ещё и заявила Дольфу и Хельму, что тем не понять девчачьих увлечений, попросив Сабрину сшить ей игрушку наподобие приглянувшегося зайца Софи. А когда отец привёз ей из города настоящую куклу, пожалела, что у подруги из охотничьего домика такой нет. Благо Вильгельм предусмотрительно купил сразу две и вручил вторую Софи, когда мы приехали к ним в гости. Сказать, что дом значительно преобразился с тех пор, как я впервые его увидела – это ничего не сказать. Все комнаты и помещения оказались приведены в порядок и больше не закрывались, на окнах вместо старых пыльных портьер появились светлые лёгкие шторы, дублирующие сверху более плотными, чтобы рассветное солнце не будило раньше времени. На кухне хлопотала постоянная кухарка с помощницей – жительницы соседней деревни, так что Сабрине больше не нужно было разрываться одной между присмотром за Эль и приготовлением еды. Плюс ко всему в доме жили три горничные и прачка, занимающиеся поддержанием порядка.

Пока девочки с упоением «разносили детскую по кирпичику», мы с Вильгельмом вначале прогулялись по поместью, а потом ещё долго сидели в гостиной возле камина, наслаждаясь возможностью побыть вдвоём. Наше уединение осмелился прервать лишь Герт, напомнивший, что солнце садится и пора отправляться в путь. Слишком часто появляться в поместье было неприлично по местным

меркам, да и дорога занимала значительное время, хотя управляющий всякий раз приезжал за нами, но раз в две недели мы всё-таки навещали Вангеров. В последний наш визит, Эль долго не хотела нас отпускать, упрашивая задержаться на несколько лет, и даже Софи скорчила такую просящую моську, что нам с Вильгельмом еле удалось убедить девочек подождать.

Осень медленно, но верно вступала в свои права, окрашивая листву на деревьях в золотые и багряные тона. Я так и не смогла вычислить, когда сиприны уходят на нерест, но увеличение их количества заметила. Такое ощущение, что почувствовав себя вольготно в чистых водах, рыба стремилась восстановить свою численность до какой-то определённой величины. Помощники аптекарей чётко являлись в обозначенные в договорах дни, забирали нужное количество сиприн и даже оставляли образцы лекарств. Пришлось даже завести отдельную тетрадку, в которую записывала их свойства, дозировки и способы применения. Некоторые из них я передавала с Гертом, чтобы Вильгельм обратил внимание и мог заказать для нужд рабочих и деревенских.

Господин Гринберг предложил отправить на службу в поместье своего второго сына, как только тот окончит своё обучение и получит необходимые для практики бумаги. Перспективы у молодого человека были неплохие, но в городе высокая конкуренция, а на землях Вильгельма всегда найдётся чем заняться, учитывая, сколько людей на них проживает. Идея была поддержана и одобрена, всё-таки медицинская помощь никогда не бывает лишней, а в этом мире аптекари ещё и владеют теми же знаниями, что и лекари. Я вообще мало находила различий между этими двумя профессиями, узнав об особенностях каждой. Грубо говоря, аптекарь может стать лекарем, получив специальную лицензию после сдачи профильного экзамена. Последний, кстати, не представлял никакого труда для тех, кто активно практиковал. Если всё сложится хорошо, то Вильгельм обещал помочь с оплатой лицензии, которая, к слову сказать, стоила не так уж и дёшево. Так что господин Гринберг верно оценил шансы «выбиться в люди» для своего второго сына.

Таким образом, у Вильгельма в скором времени появится не просто аптекарь, но будущий лекарь. А после того как шахты заработали в полную мощь, появилась потребность не только в

медикаментах, но и квалифицированной медицинской помощи. Одной знахарки здесь было мало. Хотя все нормы безопасности строго соблюдались, но от форс-мажоров никто никогда не застрахован. Обеспечение минимальных социальных потребностей только на пользу развитию поместья пойдёт. Вильгельму действительно приходилось уезжать периодически на несколько дней, чтобы наладить сбыт металлов и побочных от добычи руд.

Всё шло своим чередом, пока однажды утром входная дверь охотничьего домика не содрогнулась от череды сильных ударов. Поинтересовавшись, кого же там принесло, я с удивлением услышала голос Ойгена, а потом увидела его перекошенное от ярости лицо, заглядывающее в окно: – Немедленно собирайся!

Глава 76. На круги своя

Естественно, ни открывать дверь, ни куда-либо ехать с этим мерзавцем я не собиралась. Хорошо хоть засов был крепким, а Ойген в отличие от Вильгельма постучать громко может, а вот разбивать кулаки в кровь – нет, слишком уж любит и ценит себя.

– Уезжай, откуда приехал! Ты к нам больше не имеешь никакого отношения!

– Ошибаешься, Кристин! Теперь ты снова моя жена: своим указом король аннулировал наш развод! – прошипел Ойген, стукнув по раме так, что стёкла жалобно задрезжали.

Новость об отмене развода меня ошеломила настолько, что ноги подкосились. Опустившись на скамейку, я только и смогла, что крикнуть осипшим от шока голосом: – Лжёшь!

Вместо того чтобы ответить, Ойген нервно расхохотался и приложил к окну какую-то бумагу, внизу которой красовалась гербовая королевская печать. Я успела лишь разглядеть фразу о том, что развод действительно отменён, как указ исчез из поля зрения.

– Ну что, убедилась? Открывай немедленно, иначе вышибу эту дверь! – пригрозил Ойген, после чего в дверь снова ожесточённо заколотили кулаками.

У меня в голове лихорадочно проносились мысли, не давая ни единой возможности сконцентрироваться. Если король отменил наш развод, то тут даже Вильгельм помочь не сможет. Официально о помолвке ведь мы не объявляли, да и шанс на неприкосновенность возможен был только в том случае, если бы мы успели заключить брак. Забаррикадироваться в доме тоже не выход: легко проникнуть в дом, выбив окно, а сбежать через вторую дверь, имея Софи на руках, не выйдет. Входная тем временем трещала, грозя рухнуть с минуты на минуту.

– А если ты надеешься на помощь своего любовничка, то ему вряд ли удастся потягаться со мной, когда расписки на шахты окажутся в суде! Останется без штанов на своей разорённой земле!

Какие расписки?! Я ведь точно помню: в сейфе Ойгена больше не было никаких расписок от Эгона Вангера, а Вильгельм однозначно

никогда бы не уселся за один игральный стол с моим бывшем мужем хотя бы по той причине, что терпеть не мог азартные игры, не говоря уже о том, как к нему относится после всех его выходов.

Ойген тем временем не унимался: – Если поедешь со мной добровольно, я отдам их тебе.

В такое великодушие бывшего мужа я не верила. Чтобы Ойген да лишил себя возможности урвать кусок пожирнее? В жизни такого не случится. Однажды я уже смогла вскрыть его сейф, стоит попытаться счастья снова. Если Вильгельм лишится шахт, то им с Эль придётся туго, да и остальным жителям его земель – тоже. Одной лесопилкой сыт не будешь. Не успела я даже окончательно смириться тем, что открыть Ойгену всё-таки придётся, как на кухне слетела с петель дверь. Метнувшись к лестнице, опоздала лишь немного: незнакомый мужчина опередил меня, стремительно вбежавший в дом.

– Кристин, открывай, иначе эту дверь тоже вынесем. Не глупи, и тогда твоя дочь не пострадает.

Вот же сволочь! Подстраховался, взяв с собой подручных для грязной работы. С одним Ойгеном я бы ещё как-нибудь справилась, но с двумя мужчинами, а то и тремя – не знаю, скольких привёл бывший муж, уже нет. Наверху истошно закричала Софи, поэтому я быстро отодвинула засов, а потом побежала на второй этаж.

– Вот видишь, какая ты глупая, Кристин. Открыла бы сразу, и никто не пострадал, – глумливо произнёс Ойген за моей спиной. На верхней площадке появился тот самый незнакомец, неся подмышкой визжащую и брыкающуюся Софи.

– Надо же... Жив ещё этот крысёныш по недоразумению родившийся девкой...

Слова Ойгена больно резанули меня по сердцу. Как так можно о ребёнке?! Ещё и о своей родной дочери?!

– Отпустите!

– Э-нет, Кристин. Она побудет с Йенсом, чтобы ты не наделала глупостей.

Сжав кулаки от бессилия, я повернулась к бывшему мужу: – Хочу видеть королевский указ.

Ойген надменно ухмыльнулся и демонстративно медленно развернул бумагу, после чего на вытянутых руках предъявил мне. Увы, никакой ошибки не было: король действительно отменил наш развод,

указав в качестве причины отсутствие Его согласия, как старшего свидетеля и инициатора церемонии. Даже если бумаг, подтверждающих этот факт, нет, то ничего не мешало составить задним числом – на всё воля Его Величества.

– Но как же твой брак с Линдой? Двоежёнство в Бронхедже запрещено.

Ох, как после моих речей перекосило Ойгена! – Его тоже аннулировали и заставили меня не только вернуть приданое, но и выплатить баснословную сумму не только Линде, но и её семье в качестве компенсации! Это всё из-за тебя, Кристин! Лучше бы ты сдохла тогда, при падении с лестницы!

Как же ты близок к истине, «милый», даже не представляешь насколько. Вот только правды ты никогда не узнаешь.

– Если моё общество настолько тебе омерзительно, может, оставим как есть? Ты уедешь в поместье Майеров, а мы с дочерью останемся здесь. Никто никому не станет мозолить глаза и раздражать. Если потребуются где-нибудь появиться вместе, то приеду.

– Да как ты не понимаешь?! Мне нужен наследник! – рявкнул этот негодяй, да так, что глаза кровью налились.

– И ты так уверен, что я смогу его тебе родить? Сам ведь знаешь, что говорили лекари все эти годы после того, как родилась Софи!

Ойген резко схватил меня за руку и притянул к себе: – Не сумеешь ты, всегда найдётся другая, более здоровая и плодовитая! Причём быстрее, чем ты думаешь!

От шипения бывшего мужа и плача Софи мне окончательно поплохело. Эта одержимость наследником окончательно сделала из Ойгена натурального психа. А нехорошие предчувствия, что как только он заполучит желаемое, то от меня наверняка избавятся, добились.

– Хочешь выдать своего ублюдка за нашего совместного? Ты это задумал?

– Надо же... А ты не такая идиотка, какой казалась. Так что не глупи: глядишь, проживёшь подольше! А теперь собирайся и без глупостей! Через час-два уже приедет карета. И помни: один неверный шаг, и девчонке придётся туго!

– Дайте хоть одеть ребёнка или собираетесь везти прямо в одной ночной сорочке?

– Йенс, Олаф, глаз с неё не спускать до тех пор, пока я не вернусь!
– Ойген грубо оттолкнул меня, а затем сунул королевский указ за пазуху и направился к выходу из охотничьего домика. – Впрочем... Олаф, налови-ка побольше рыбы из этого чудесного озера: деньги лишними не будут, да и моей семье она на пользу пойдёт.

Мразь, просто мразь! Йенс так и не отдал мне Софи, протопав вместе с ней до спальни. Мне едва удалось его убедить в том, что мытьё и переодевание маленькой девочки – это не то зрелище, которое стоит видеть взрослому мужчине. Скрипя зубами, этот здоровяк всё-таки согласился, а я быстро закрыла за ним дверь и обняла Софи.

– Не бойся, солнышко, мама рядом. Я не позволю, чтобы с тобой сделали что-нибудь плохое.

Мне потребовалось немало времени, чтобы успокоить испуганную дочь. Зато, пользуясь возможностью, успела одной рукой быстро набросать письмо для Вильгельма, в которой вкратце объяснила причину своего отъезда, а также упомянула про расписки, которыми может шантажировать его Ойген. Пока чернила сохли, положила бумагу на шкаф, а сама вышла из комнаты.

– Мне нужна горячая вода и лохань... Не нужно было вам «настолько» пугать ребёнка.

Мужчина брезгливо поморщился, но к Софи подходить не стал, проследовал за мной на кухню. Естественно, ничего такого не было, мне просто нужен был предлог, чтобы успеть написать ещё одно письмо, но уже для Марго. На кухне Йенс зорко следил за каждым моим действием, так что пришлось исхитриться, дабы незаметно замотать в полотенце несколько пузырьков, полученных от аптекарей. Объёмы там, конечно, были небольшие, но даже такие пригодиться могут. Пока дочь плескалась на дне лохани, пытаюсь поймать ускользающий кусочек мыла, я аккуратно написала два прошения, а потом отрезала прядь своих волос и небольшой локон у Софи. Не факт, что удастся провернуть мою задумку, но попытаться стоит. Тщательно сложив оба письма так, чтобы они влезли в тайник, я ополоснула дочь и одела.

Стоило нам показаться на пороге, как дочь у меня снова забрали и напомнили, что время, данное на сборы, скоро истечёт.

– Нужно дверь на место поставить, иначе любой легко проникнет в дом и обчистит его. Не думаю, что барону Майеру это понравится.

Йенс был крайне недоволен, что из него пытаются сделать плотника, однако забрал инструменты. Софи при этом он усадил так, чтобы мне не удалось до неё добраться. А мне именно это и было нужно. Взяв пустую корзинку, я вышла на улицу и начала снимать сушившееся на верёвках бельё. Улучив момент, вытащила из-за корсета письма и сунула в тайник. Ни Йенс, ни Олаф ничего не видели, так как я находилась вне поля их зрения. Судя по ругани второго подручного Ойгена, доносящейся с озера, рыба ни в какую не хотела ловиться. Ну хоть в чём-то мой бывший муж потерпит фиаско. Хотя боюсь, прикажет рыбакам из Хофа заняться сипринами уже после нашего отъезда.

Вещей у нас Софи было не так много, я дольше убирала продукты, чтобы не испортились, а просто замёрзли, в погреб. Разводить огонь, чтобы сжечь лишнее, Йенс запретил. Сам отъезд напомнил тот, когда уезжала из поместья Майеров: Ойген перевернул все вещи, благо под юбку ко мне не полез, да и в аквариум к риукину – тоже.

– А где деньги, Кристина?!

Изобразив невинное выражение лица, я поинтересовалась: – Какие?

– Ты же продавала рыбу, даже Его Величество это подтвердил!

– Нет ничего. Отдавала долги тем, кто помог очистить озеро.

Осыпая меня проклятиями, Ойген скомандовал погрузиться в лодку, а сам вскочил на своего жеребца и отправился берегом. К сожалению, а может быть и, к счастью, карета не могла проехать вдоль озера из-за особенностей береговой линии, мелких кустарников и другой растительности. Это пешком или верхом на лошади легко добраться до охотничьего домика.

– Только ты не обольщайся, жё-нуш-ка, остановок не будет, чтобы ты никаких фортелей не выкинула, – предупредил Ойген, когда вещи перенесли в карету, а мы с Софи разместились на сиденье.

Глава 77. Как снежный ком

Если я до этого думала, что дорога от поместья Майеров до охотничьего домика была похожа на ад, то после обратной резко пересмотрела своё мнение. Ойген торопился так, словно за ним черти гнались, и причину этой спешки мне выяснить, к сожалению, не удалось. Вначале я думала, что всё дело в желании бывшего мужа изолировать меня от внешних контактов, но здесь явно было что-то другое. Даже во время коротких вынужденных остановок, он заметно нервничал и подгонял как меня, так и Софи. Хорошо его природная брезгливость победила, когда я в красках расписала, во что превратится карета изнутри, если кучер не сбавит скорость, и нам не дадут возможности «прогуляться до кустов». Но всё это было крайне странно.

За время пути я пыталась просчитать варианты, как действовать дальше, но всё упиралось в Софи. Увы, пришлось признать, что она – моя «ахиллесова пята», удобный инструмент для манипуляций, которым уже успешно воспользовался Ойген. Что бы я ни сделала, пострадать может моя дочь. Нужно хоть как-то вывести её из игры! Тонкость, которая меня не на шутку тревожила – это то, что король отменил наш развод, но о признании Софи юридически дочерью Ойгена не было. Таким образом, её положение было где-то на уровне бастарда, и вероятность отсылки в какой-нибудь монастырь или приют была весьма высока. Если бы Марго согласилась ввязаться в авантюру, которую я ей предложила, это серьёзно облегчило ситуацию и развязало руки. Увы, связаться с ней теперь нет никакой возможности, а когда обнаружат мои письма в тайнике, и то загадка, ведь Герт только накануне приезда Ойгена привозил продукты, следовательно, появится снова лишь дня через три-четыре. А у Вильгельма какая-то крупная сделка в городе, и отсутствовать он будет около недели, так как требуется длительное согласование со второй стороной всех нюансов.

Когда впереди показалась дорога, ведущая к поместью Майеров, мы с Софи были измотаны настолько, что едва могли сидеть. Пророчно вообще не говорю, ибо корсет впился в мои бока, словно хотел отслоить мясо от костей на каждой кочке или ухабе. Но мне пришлось

сцепить зубы и собраться, так как впереди нас наверняка ждала «радушная встреча» с «вновь приобретёнными» родственниками. Будь моя воля – собственноручно насыпала бы яду в чашку каждому за все их предыдущие заслуги. Вот только болтаться на виселице не хотелось, ибо жизнь хоть и сложна, но многогранна и интересна. И мне есть ради кого жить.

– Ну, здравствуй, Кристина, – радостно прошипела Доротея, стоило нам только выйти из кареты. – Ойген, ты посмотри, в какую корову превратилась твоя жена за эти месяцы!

Позади свекрови глумливо захихикали Айталь, Эрсель и Лойза, подурневшие за время моего отсутствия ещё больше, хотя вот кто-кто как сыр в масле катался, а не выживал все эти месяцы. Окажись каждая из них в охотничьем домике в тех же условиях, что и я, уже через несколько дней начали молить о пощаде.

На слова своей матери Ойген ничего не ответил, процедив, чтобы та вела себя посдержаннее. Это было удивительно, ведь до этого он всецело соглашался с мнением Доротеи и поддерживал все её решения. Что же, выходит, моя персона имеет для него некую ценность и даже не в том ключе, о котором тогда проболтался, когда речь зашла о наследнике. Этим однозначно стоит воспользоваться и разузнать, в чём дело. Не просто же так король отменил наш развод, вопрос только в том, было ли его целью сохранение Зауберерского озера во владении Ойгена или, как мы предположили с Марго, вопрос в моём даре.

– Девчонку нужно убрать куда-нибудь подальше, – продолжила Доротея, не обратив никакого внимания на замечание сына.

Крепко сжав руку Софи, я посмотрела свекрови прямо в глаза и отчеканила: – Моя дочь останется со мной и будет жить в моей комнате. Если только попыбуете нас разлучить – результат вам не понравится.

Доротею перекосило так, будто она увидела ядовитую змею перед собой: – Так не принято!

– Значит, будет сделано исключение! – в своём решении я была непреклонна и уступать не собиралась. Хватит с этого серпентария всех их попыток уморить как Софи, так и меня.

– Но ребёнок будет мешать! – взвилась Доротея, наступая на меня, как будто пытаясь задавить не только своим авторитетом, но и массой.

– Я тоже вам всем мешаю, так что не вижу никаких проблем. На этом разговор окончен!

– Да пусть делает что хочет! – рявкнул Ойген. – Потом разберёмся!

Маленькая победа – это всё-таки победа. Заблокировать дверь, ведущую в спальню этого мерзавца, я всегда найду чем, замучаются плотника вызывать, если решат взламывать раз за разом. Нас проводили в мои бывшую комнату, куда тут же внесли все вещи из кареты. Подхватив дрожащую от страха Софи на руки, я подошла к аквариуму и посмотрела на риукина: раз жив, значит, ни один из пузырьков не разбился по дороге. Этикетки, к сожалению, пришлось отклеить, но господа аптекари оказали мне неоценимую услугу тем, что помимо них делали специальные отметки на крышечках, таким образом, перепутать снадобья при всём желании не получится.

Я взяла с собой только несколько видов снотворных, чтобы попытаться без проблем проникнуть в кабинет Ойгена. Вопрос только в том, как бы изолировать остальных обитателей дома. Пройти в спальню бывшего мужа и подлить ему в графин с водой содержимое одного из пузырьков не проблема, даже обыскать «благоверного» не составит труда, чтобы найти ключи, а вот случайные свидетели могут помешать делу. Вот только количества снотворного на всех не хватит, да и как подлить его незаметно в пищу или питьё перед сном? За каждым моим шагом наверняка будут следить, а мне необходимо сделать так, чтобы никто не оказался случайно в коридоре ночью. Господи, дожила: рассуждаю, как прожжённая рецидивистка. Но иного выхода, кроме как побороться за благополучие тех, кто мне дорог и наши жизни с Софи, нет.

Дочь вцепилась в меня намертво, и мне потребовалось немало усилий и уговоров, чтобы уложить её поспать. Но даже во сне, моя девочка плакала и вздрагивала. Твари. Ну за что нам всё это?!

В поместье Майеров мы приехали уже после обеда, значит, до ужина нас вряд ли побеспокоят. Разве что Ойгену или Доротее в голову взбредёт очередная светлая мысль закатить скандал и попытаться «вернуть прежнюю робкую Кристин». Удобную для всех и молча проглатывающую все тычки и замечания. На всякий случай я заблокировала обе двери стульями, чтобы никто не смог войти в спальню, а кочергу пристроила возле кровати. Вроде и защита какая-

никакая, а лишний раз и её применять страшно. Ойгену ничего не стоит объявить меня сумасшедшей и социально опасной, отослав в какой-нибудь «Дом скорби» или тот же монастырь, в котором меня продержат в живых ровно до того момента, пока не появится наследник. Понять бы ещё, кому он ребёнка заделал. Если той же Линде, то она знает, как решить проблему, а даже если родит, то Ойген просто признает отцовство, а аннулированный брак с ней всё равно не создаст тех проблем, какие юридически возникли у Софи. Ту же дело в отказе от прав, а зачатие произошло во после заключённого брака. Или нет?

Если учесть, как стремилась Линда к тому, чтобы ничто не омрачило день её бракосочетания с Ойгеном, сомневаюсь, что она второй раз наступила бы на эти грабли в виде беременности. Хотя... Я присела на край кровати, массируя занывшие от боли виски. Если вспомнить тот подслушанный разговор между Доротеей и Ойгеном, посчитать сроки... В голове набатом зазвучало «Пару-тройку месяцев не показывать ребёнка, и прекрасно всё совпадёт по срокам...» Учитывая, древние методы диагностики, немного ошибиться по срокам легко, если не знать точную дату зачатия, да и некоторые нюансы. Вот и получается, что Линда вышла бы замуж, будучи примерно на третьем-четвёртом месяце. С её любовью к узким платьям, действительно «катастрофа». А если эти двое действительно до свадьбы поразвлекались, то...

Достроить свои версии я не успела, услышав какой-то шум в коридоре, а затем визг незнакомой мне женщины. Скандал явно нарастал несмотря на все уговоры Ойгена. Чтобы мой бывший муж, да пытался урезонить кого-то, кроме своих сестёр – это нонсенс! Тихонько прокравшись к двери, я отодвинула стул и выглянула в коридор, оказавшись случайной свидетельницей не только безобразной сцены, но и получив ответы на часть моих вопросов.

Глава 78. Дом, "милый" дом

Прямо в паре метров от меня какая-то бледная и осунувшаяся молодая женщина, облачённая в домашнее платье, больше похожее на халат, размахивала руками, аки ветряная мельница лопастями. Заметив меня, незнакомка резко изменилась в лице, став похожей на оскалившуюся гиену: – Как ты посмел притащить её сюда?! В дом, где живу я?

– Линда! Да послушай же меня и успокойся! Обстоятельства так сложились, что я вынужден был привезти её сюда! Ты же сама виновата в том, что утаила своё положение, а в итоге порушила все мои планы! У меня были такие шикарные возможности закрепиться при дворе! Но беременных во фрейлины к кронпринцессе не берут, ты сама ведь призналась только после того, как нам шепнули об обязательном осмотре у лекаря перед приёмом в штат! И чем, чем всё это закончилось?! Ты хоть подумала, какие последствия могли возникнуть из-за твоего молчания? Лекарь непременно доложил бы кронпринцессе, затем слухи дошли до короля, который навсегда закрыл нам двери в высший свет! Его Величество крайне негативно относится к связям до брака, а тут ещё и с «последствиями»! И неважно, вышла ли ты за меня потом замуж или нет!

Лицо Линды исказилось ещё больше после этих обвинений: – Ах, вот как ты заговорил! «Последствия», а раньше радовался тому, что рожу тебе, наконец-то, наследника, в отличие от этой малахольной, которая почему-то выглядит намного здоровее меня! Ты мог хотя бы меня предупредить о своих грандиозных планах и не отвечать на мои ласки в спальне до свадьбы!

Как я смогла удержаться от того, чтобы не присвистнуть от удивления, не знаю. Будь моя воля, ещё и ведёрко с попкорном взяла бы в руки, чтобы вдоволь насладиться разыгравшейся передо мной мелодрамой в лучших традициях бразильских сериалов, от которых млели все воспитательницы детдома во времена моего детства. Но если без шуток, то безрассудство Линды, а также её похоть в итоге вышли всем нам троим боком. Ойген очень не любит, когда его планы рушатся, а уж тем более такие претенциозные! Значит, покоя в этом

доме однозначно не жди, как ни старайся: будет носиться, как петух с подпалённым хвостом. Судя по всему, Линде вторая беременность, особенно наступившая через столь короткий промежуток времени после инициированного выкидыша, даётся непросто, что только дополнительно добавит нервозности для всех.

А моё положение так и вовсе из шаткого превратилось в перспективу сорваться в пропасть в любую минуту. Случись что с Линдой, априори виновата буду я, как и в прошлый раз. А как только она благополучно разрешится от бремени, баронесса Кристина Вильгемина Вербер-Майер проживёт месяц-два, а затем «внезапно» скончается после преждевременных тяжёлых родов или родовой горячки, оставив безутешного вдовца с младенцем на руках. Здесь, в принципе, даже уже неважно будет, какого пола появится ребёнок на свет, ведь в результате помеха в моём лице окончательно исчезнет. Даже интерес короля ко мне, если таковой и имеется, не спасёт – материнская смертность здесь очень высока. Малыша отдадут кормилицам и нянькам, путь во дворец окажется снова открыт.

Но оговорочка Линды немало сказала о её натуре, ведь выходит, что это даже не Ойген к невесте в кровать лез до свадьбы, а она сама. Одного не пойму, почему не воспользовалась каким-нибудь средством, предотвращающим нежелательную беременность? Да, в этом мире они существуют, пусть и не в такой разнообразии, как в моём, даже в образцах, присланных мне, парочка таких имеется. Конечно, их применение официально порицается, но все, у кого есть такая необходимость, ими пользуются. Кристина ведь принимала отвар из специального травяного сбора после рождения Софи. С другой стороны, гормональный фон после выкидышей может долго приходить в норму, а это уже высокий риск уменьшения неэффективности средств.

– Чего вытаращилась?! Да, я ношу под сердцем сына Ойгена! – Линда специально руками натянула одежду на себе, показывая округлившийся животик.

Была бы она не астенического телосложения, а хотя бы нормостенического, беременность была не так заметна на этом сроке. А так...

С видом полнейшего превосходства Линда погладила себя в районе пупка: – А тебе лишний раз мне вообще на глаза лучше не

показываться, чтобы не вызвать чрезмерных волнений, которые могут не только испортить мне настроение, но и привести к негативным последствиям.

Намёк Ойген воспринял по-своему, громко проскрежетав зубами. Зато я за своими держать язык не собиралась: – Это каким таким образом? Как в прошлый раз, когда «специальное» снадобье позволило влезть в день свадьбы в узкое платье? Неужели ты думаешь, что если такие слухи дошли до той глубинки, где я жила после развода, то более крупные поселения миновали? Открою страшную тайну: слуги, сколько им ни заплати, всё равно жутко болтливы. Даже если кому-то скажут по большому секрету, не факт, что этот кто-то станет держать язык за зубами.

– Какое такое «специальное» снадобье?! – прогремел как гром посреди ясного неба голос Доротеи, появившейся в самом начале коридора.

– Она лжёт! Специально, чтобы опорочить меня! – взвизгнула Линда, бросаясь на меня с кулаками, вот только её удержал Ойген.

– Не верите? Расспросите хорошенько служанку этой особы, а также конюхов Вайлетов, думаю, много чего интересного узнаете. Или девушку уже заменили?

До Ойгена, кажется, начало «доходить», о чём сейчас идёт речь, потому что он сперва нахмурился, а затем пробормотал: – Так вот почему твой брат запретил почти всей прислуге покидать замок и так тщательно следил за тобой, что тебе приходилось опаивать служанок снотворным и пробираться в мою спальню тайком, когда приезжал к вам...

Я вначале хотела промолчать, но потом решила, что стоит попробовать отвести от меня внимание, переключив Ойгена и Доротею на Линду. Да и в самом деле, пусть лучше прислуга в доме следит за ней, чтобы абы чего не вышло. Всё меньше шансов будет обвинить меня в кознях против этой стервы с зашкаливающим либидо. Чем больше свободы у меня будет, даже если она окажется равна жизни взаперти, тем лучше. В конце концов, потрачу всё снотворное на Ойгена, чтобы через его комнату выбраться. Вот, наверное, впервые с момента обнаружения у себя целительских способностей, я пожалела о том, что бонусом не получила дара гипноза. Он бы мне сейчас, ох, как пригодился. А что если...

Я задумалась настолько, что не с первой попытки услышала крик Доротеи: – Кристин! Уйди!

Скрывшись обратно в спальне, дослушала концовку разыгравшегося представления через дверь. В принципе, больше ничего особо ценного не узнала, лишь ухмыльнулась, разобрав, как Доротея потребовала у Ойгена, чтобы всю прислугу, привезённую Линдой заменили на «своих». Для начала очень даже неплохо. Пока эти двое согласуют между собой свой выбор, пока суть да дело...

После пробуждения Софи вначале испугалась, не сообразив, где находится, а потом снова расплакалась. Так я до самого ужина занималась тем, что успокаивала дочь, всячески отвлекая её. Однако вместо обычного приглашения служанка, которую до этого не видела ни разу в доме Майеров, просто принесла поднос с тремя тарелками. Просто невиданная щедрость, учитывая, насколько обычно разнообразен здесь стол в плане блюд.

– Как вас зовут?

– Анна, – коротко ответила девушка, намереваясь оставить поднос на столе.

Я подошла к ней так, чтобы нас не видела Софи, и коснулась ладонью левой лопатки. Правда, поняв собственную ошибку, пришлось придержать тяжёлую ношу свободной рукой. – Что с вами, Анна, вам нехорошо?

Глава 79. Права и требования

Первые дни еду нам с Софи приносили в комнату, а стоило мне отвести дочь, чтобы показать ей библиотеку, как тут же столкнулась с недовольством откуда ни возьмись появившейся Эрсель. Золовка подняла такой визг, словно я у неё серёжки из ушей вырвала, отбила жениха, а затем толкнула в навозную кучу. Немного уговорить эту горлопанку удалось только жёстко напомнив, что пока все этом доме нянчатся с "любовницей-недоженой" Ойгена, официальной супругой считаюсь я. На права хозяйки дома по-прежнему не претендую, но на сохранение прежних условий проживания рассчитываю. Как мать, соответственно, за свою дочь несу ответственность, включая предотвращение порчи имущества Майеров. Новый виток истерики Эрсель пресёк мой бывший муж, заявив, что криков в доме не потерпит и за порванные Софи книги вычтет из моего содержания. Ха, как будто до развода я хоть раз получала эти деньги!

Следующим этапом напоминания о своих правах стало требование разрешить прогулки с дочерью в саду. Доротея шипела и плевалась ядом, но потом уступила под давлением Ойгена, осыпающего проклятиями всех подряд. Пока Майеры соглашались на всё ради спокойствия Линды, которую я больше не встречала ни разу после того скандала в коридоре, стоило этим пользоваться. А заодно вычислила, где находится её комната. Честно говоря, если бы не вынужденное переселение, ей было всё равно на мой приезд, однако по-другому ни Ойген, ни Доротея поступить не могли. Да, даже оставив Линду в поместье под предлогом, что аннулирование брака стало для неё сильным ударом, пошатнувшим здоровье, уступить ей комнату жены барона, было нельзя. Даже удалив всю прислугу со второго этажа и поручив им уборку в определённые часы, а не когда кто-то из членов семьи Майер покидал свои комнаты, скрыть, кто где живёт, невозможно. Лишние слухи никому не нужны, хотя мне все эти меры напоминали мышиную возню, которая ни к чему не приведёт, но Ойген и Доротея имели своё мнение на этот счёт.

По этой же причине по дому Линда практически не передвигалась, принимала пищу только у себя, на улицу не выходила.

При ней находились неотлучно только выделенные слуги, которым еда также приносилась отдельно. В общем, Линда оказалась вынужденной пленницей собственного положения. Да и по моим расчётам, мне свободой наслаждаться недолго осталось: вот-вот настанут заморозки, и даже подкладывание подушки под платье не спасёт, чтобы поддержать легенду – беременных же в благородных домах не принято выпускать на улицу, когда скользко, дабы избежать вероятности несчастного случая, который может привести к потере наследника. А о том, что Ойген в ближайшее время объявит о моём «интересном положении», у меня не было ни малейших сомнений, не просто же продумал эту чудовищную комбинацию с подменой.

С одной стороны, хорошо, что он ко мне даже на расстояние вытянутой руки не приближался, а с другой, так и не удавалось с ним поговорить. Все мои попытки не увенчались успехом: бывший муж, которого действующим у меня язык не поворачивался назвать, то торчал у ненаглядной Линды, сумевшей всё-таки каким-то образом убедить его не посылать людей к брату для разъяснения истории про выкидыш, то торчал в кабинете, заперевшись на ключ изнутри. Похоже, что выплата компенсации семье Вайлет сильно ударила по благосостоянию Майеров, раз Ойген настолько закопался в документах. Свадьбы обеих старших сестёр откладывались под разными благовидными предлогами, но мне удалось услышать краем уха, что главный вопрос стоял именно в выплате приданого, ведь выдав одну замуж, тут же вторая подняла бы вой, окончательно подпортив репутацию Ойгена.

Соответственно, пару балов, которые были аналогичны «дебютантским», но для тех, кто постарше, Лойзе пришлось пропустить, в связи с чем ещё и она подливала масла в огонь. В итоге во всей этой напряжённой обстановке лишь мы с Софи не доставляли никаких неудобств, тихо перемещаясь по дому или саду. Дочь немного пришла в себя и прекратила вскакивать по ночам, боясь, что нас разлучат, а я, в свою очередь, никуда её от себя не отпускала. Во-первых, боясь, что отправят куда-нибудь, воспользовавшись ситуацией, а во-вторых...

За время пребывания в доме Майеров я так и не увидела новых лиц среди прислуги, за исключением Анны, хотя по шепоткам прислуги знала, что Линда привезла с собой не менее пяти человек.

Четырёх служанок и кучера, который должен был присматривать за её любимой кобылой. После того скандала никто поместья не покидал точно, так что даже страшно было подумать, куда они сгинули. Я с удовольствием подкупила бы какую-нибудь из служанок, чтобы получить информацию о том, что происходит в доме и какие слухи бродят, но приходилось быть осторожной. Естественно, Ойгену в день отъезда из охотничьего домика наврала о деньгах, незаметно прихватив их с собой, но после случая с Анной служанки побаивались оставаться со мной наедине.

Нет, девушка не пострадала и даже пришла в себя быстро, но перепугалась сильно. А от недалёкого ума расписала всё так, словно «едва внезапно не скончалась, побывав в комнате новой старой жены господина барона». Поэтому тренироваться останавливать сердце или замедлять жизненные процессы на каждой попавшейся на глаза служанке было чревато, чтобы не проследили связь между мной и каждой, кому внезапно «поплохело». Тем не менее несколько «жертв» обратной стороны целительского дара уже числилось на моей совести. В жизни бы не стала заниматься подобными экспериментами, но на кону стояло слишком много. Была у меня идея, как вывести из строя семейство Майеров и попасть в кабинет, осталось только улучшить момент, когда они все вместе соберутся на «вечерний чай» в гостиной. Ойген только на днях начал присоединяться к матери и сёстрам, проводя обычно остаток дня у Линды. Но в последнее время она стала совершенно невыносима со всеми своими капризами, так что её бывший-будущий муж попросту сбегал, предпочитая откупаться подарками. Не удивлюсь, если таким образом приданое всех трёх сестёр Майер вскоре бесследно растает.

Гуляя с Софи по саду, я выбирала привычные маршруты, доходя до той самой беседки, где несколько месяцев назад натолкнулась на Бинди. Увы, ни малейшего шанса сбежать через высокую изгородь не было, да и догонят быстро. Даже передать весточку Марго не было никакой возможности, так как после аннулирования брака Ойгена и Линды и моего появления прислуге запрещалось покидать пределы поместья. Даже в свои законные выходные, будучи свободными от работы, просто сидели в общей «мужской» или «женской» комнате. Не поместье, а прямо тюрьма какая-то! Прошло две с половиной недели с

тех пор, как приехала сюда, но пока я лишь мелкими шажочками приближалась к своей цели.

Вдоволь потоптавшись по садовым дорожкам, мы с Софи дошли до беседки и присели на лавку. Вот как не помянуть добрым словом Вильгельма, который предусмотрительно привёз нам с дочерью тёплые пальто незадолго до «явления Ойгена». Бывшему мужу даже в голову не пришло обеспечить соответствующей сезону тёплой одеждой.

– Я уже было заждался вас, госпожа Вербер... – раздался позади нас хрипловатый мужской голос.

Глава 80. Назад дороги нет

Вздвогнув от неожиданности, я тут же закрыла уши Софи ладонями, чтобы она ничего не слышала. Успела только шепнуть, что это друг, ничего бояться не нужно. Ойген и так каждый раз морщится, когда видит помолвочное кольцо Вильгельма, но снимать украшение отказывалась наотрез, предложив сразу отрубить вместе с ним безымянный палец.

– Горст?! – хоть я и не была уверена, что это он, но это был единственный из всех моих знакомых, обладающий похожим тембром голоса. С тех пор как мне удалось спасти любимого мужчину тётушки, больше ни разу его не видела, но раз слышала небольшой отрывок их перепалки с Марго.

– Неприятно, когда тебя узнают, – усмехнулся разбойник. – Но вы – исключение, госпожа Вербер. Вам привет от Марго.

– Умоляю, Горст, заберите Софи и отвезите её к Марго!

– Тише-тише, госпожа Вербер. Не сегодня. Нам нужны документы на Софи, иначе возникнут сложности. Сможете в ближайшие два-три дня это устроить? Чем дольше задерживаюсь здесь, тем выше шанс, что кто-нибудь сможет меня случайно увидеть.

– Да-да, конечно... – пробормотала я в ответ, просчитывая в уме все возможные варианты развития событий.

Если Софи исчезнет, то у меня однозначно возникнут проблемы с тем, чтобы проникнуть незамеченной в кабинет. Значит, придётся всё делать одновременно.

– Горст, можете к сегодняшней вечерней прогулке или завтрашней дневной раздобыть пару флаконов эрхальтского снотворного? В таком случае смогу передать не только документы на Софи, но и кое-какие бумаги, очень важные для барона Вангера.

– Сделаю всё возможное. Я так понимаю, что лучше в нескольких небольших флаконах, чем тащить одну большую бутылку?

– Всё так. В таком случае до вечера, либо до завтра. Нам уже пора возвращаться, чтобы никто ничего не заподозрил.

Распрощавшись с Горстом, я поцеловала Софи и попросила молчать о незнакомце в беседе. Всю дорогу до дома обдумывала свои

последующие шаги, надеясь, что уже к вечеру снотворное будет у меня. Здесь действительно лучше всего действовать максимально быстро. Получается, что просидеть в кабинете до рассвета, как в прошлый раз не выйдет, ведь чем раньше Горст увезёт Софи, тем большее расстояние успеет преодолеть, чтобы оказаться подальше от этого проклятого поместья Майеров. Не думаю, что вся банда где-то прячется в окрестностях, но нескольких человек точно её главарь взял с собой. Особо не надеясь на успех, я на всякий случай сложила все вещи Софи на одной полке, чтобы можно было быстро их запихнуть в мешок, не тратя время на сборы. В остальном остаток дня до вечерней прогулки прошёл своим чередом.

О том, что у Горста всё получилось, сказали миниатюрные бутылочки, стоящие на лавке. Заметив их, я попросила Софи собрать веточки с дорожки, а сама быстро расстегнула пальто, и пока дочь была увлечена поручением, быстро спрятала снотворное в декольте и карманах платья.

– Думаете усыпить семейство Майеров или ограбить барона? – снова послышался позади меня голос Горста, стоявшего, как и днём возле задней стены беседки.

– Очень надеюсь на первое, а насчёт второго... У меня есть деньги, оставляю их на лавке. Заберёте, как только мы уйдём. Сможете эту ночь провести здесь? Не уверена, что всё получится, но...

– Буду. В любом случае девочки быстрее хватятся днём, если вы вернётесь одна с прогулки, а ночью будет фора. А деньги оставьте себе, они вам ещё пригодятся. Марго пообещала мне голову открутить, если возьму с вас хоть одну медную монетку.

Узнаю тётушку. Если она что-либо для себя решила, то спорить бесполезно: непременно выполнит все свои угрозы, ещё и добавит от души.

– В таком случае встретимся ночью.

Я едва успела застегнуть верхнюю пуговицу пальто, как Софи вернулась с охалкой хвороста. Предложив завтра днём попробовать соорудить из веточек шалашик для птиц, забрала у дочери ношу и свалила на лавке. Всю обратную дорогу Софи радостно строила планы и предвкушала, как пернатым понравится новое жильё. Теперь, если что, прислуга донесёт о наших планах Доротее и никто ничего не заподозрит.

После ужина мы с дочерью немного прогулялись от комнаты до библиотеки, и надо же случиться такому «несчастью»: любимый заяц Софи не просто упал на пол, а проскочил между балясинами, оказавшись в итоге на первом этаже. «Пришлось» спуститься по лестнице, «искать» потрёпанную жизнью игрушку, а потом Софи «внезапно» расшалилась и побежала в нужном мне направлении. Знаете, очень удобно, когда имеются определённые привычки у людей и распорядок дня. Я не просто так попросила достать Горста именно эрхальтское снотворное, ибо оно имеет очень сильный, но мягкий отсроченный эффект. Дочь меня не подвела: толкнула служанку, несущую поднос с заварником и посудой как раз в тот момент, когда я оказалась поблизости.

– Прошу меня простить. Не говорите только Доротее, что от меня дочь убежала, – подставив руку под поднос, я коснулась пальцев девушки.

По туманящемуся взгляду поняла, что пора. На то, чтобы ногтем сбить пробковую крышку с пузырька, а затем влить всё снотворное в заварник, ушло несколько секунд, которые я продолжала тараторить тихие извинения. Несколько раз моргнув, девушка кивнула, поправила чуть съехавшие с блюдец чашки и удалилась.

– Мамочка, а у меня для тебя подарочек есть! – дёрнула меня за юбку Софи и протянула крошечную крышечку.

Упс... Вот так и прокалываются неопытные преступники. Забрав улику, я поцеловала дочь в щёчку и повела наверх. Читая ей более-менее подходящий роман и заменяя на ходу недопустимые куски вымышленными, дождалась, когда Софи уснёт, и погасила весь свет в комнате. Характерную поступь каждого из Майеров я хорошо изучила, даже настроение могла по ней определить. Вот служанки покинули комнаты сестёр Ойгена, потом ушла Грейта, прислуживающая Доротее на протяжении последних пятнадцати лет... Осталось дожидаться Марии, которая теперь вместо Берты делает вечерний обход, проверяя, чтобы все свечи были потушены. Параллельно прислушивалась к шагам Ойгена, всё не желающего ложиться.

Наконец, все звуки постепенно стихли, дом погрузился в тишину. Единственным человеком, проживающим на втором этаже, способным доставить мне неприятности, была Линда. Но на её счёт я не особо беспокоилась, услышав, как Ойген просил лекаря давать ей

успокоительные капли перед сном. Поднявшись с пола, так как всё это время просидела возле двери, сняла туфли и тихонечко подошла к той, что разделяла обе хозяйские спальни. В замочную скважину было мало что видно, но в лунном свете, проникающем через неплотно задёрнутые портьеры, смогла разглядеть очертания Ойгена, лежащего в кровати. Похоже, что снотворное его сморило не в самый подходящий момент, так как уснул, лёжа на спине и не закинув ноги на перину.

Убрав стул из-под ручки, нащупала в кармане платья крохотный пузырёк с ещё одним убойным снадобьем, которое должно было усилить крепость сна, но не вызвало бы остановку сердца при этом. Красться по чужой комнате было страшно, но упустить шанс спасти Софи и Вильгельма – ещё больше. Чем ближе оказывалась к Ойгену, тем сильнее колотилось от волнения сердце. Как вливала очередное снотворное в его рот, плохо помню, относительно пришла в себя, когда доставала ключи от кабинета и сейфа из кармана жилета. Заодно утащила связку из сюртука и заперла дверь, соединяющую наши комнаты. Обратный путь мне это усложнит, но хотя бы Софи откажется в относительной безопасности.

Пока шла до коридора, молилась, чтобы ни одна половица под ногами не скрипнула. Комната Линды находится далеко отсюда и выходит окнами на северо-запад, в то время как сад и главный вход дом располагаются на южной стороне, но ночью все звуки становятся ярче. Лишь оказавшись в кабинете, аккуратно закрыла за собой дверь, и лишь тогда смогла перевести дух. В остальном действовать было уже намного проще, чем после пожара. Никаких проблем с сейфом не возникло. Рассматривать бумаги при тусклом свете свечи было не очень удобно, зато выяснилось, сколько Ойген заплатил Вайлетам помимо возврата приданого Линды. На эти деньги я смогла бы не только очистить озеро, меняя ныряльщиков как перчатки, но и выкупить земли Вангеров и Верберов вместе взятых. Со всеми шахтами, источниками и прочим. Учитывая жадность Ойгена, Линду он отсюда до новой свадьбы однозначно не выпустит, а затем постарается вернуть утраченное.

Если бы не достаточно жёсткое законодательство, по которому к сбежавшим жёнам применяются самые суровые наказания, напросилась бы с Горстом. Однако, сколько ни скрывайся, а рано или

поздно правда о том, кто мы с Софи, всплывёт наружу, а так как срока давности по таким преследованиям не существует, даже через двадцать лет кара настигнет в виде тех же рудников, Дома скорби или удалённого монастыря с самым жёстким уставом. Да и Ойген землю зубами рыть станет для того, чтобы найти меня и избавиться. Вздрагивать до конца своих дней не хочу, да и не смогу.

Добравшись до шкатулки, в которой бывший муж хранил расписки о карточных долгах, немало удивилась тому, что чисто визуально бумаг значительно прибавилось. Пока искала знакомую фамилию «Вангер», глаз зацепился за совершенно другую, показавшуюся знакомой. Вытащив расписку, быстро пробежалась глазами по тексту, а потом обратила внимание на дату. Мои брови от удивления поползли вверх, так как точно помню, в какое время в день нашего с Ойгеном развода уехала из поместья, а добраться до графа Ландерса бывший муж однозначно бы не успел по причине огромного расстояния между землями. Ни один конь не смог бы его преодолеть после нашего с Софи отбытия. Заодно и вспомнила, как Вильгельм рассказывал о кое-каких привычках старого графа, который хоть и не против был провести время за игральным столом, но все вечера заканчивал до полуночи. А ещё у Ландерса недавно случился удар, и все со дня на день ожидали его кончины.

А ведь Вильгельм думал, что Ойген подделал расписку дяди... Неужели этот ничтожный мерзавец действительно подделывал бумаги, а потом, дождавшись кончины «должника» и вступления наследников в наследство, подавал в суд? Даже если сразу после объявления о смерти предъявить права, пока бюрократическая машина раскрутится, то да сё... Действительно, кто вспомнит, в какой именно день Ойген садился за один стол с почившим? Я снова пересмотрела все расписки, которые до этого отложила в сторону. Абсолютно все аристократические фамилии не были мне известны, но ещё одна привлекла моё внимание. И надо же, какое «совпадение», что барон Эренбах тоже готовился в ближайшее время отправиться к праотцам. А ещё он всегда сразу платил по долгам и никогда не накапливал обязательств, даже несмотря на весьма преклонный возраст. Почему в таком случае Ойген не требовал долг раньше?

Доротей же как-то наругала сильно одну из служанок, оставившую криво висеть одну из картин на лестнице, возмущаясь,

что никакого уважения к раннему творчеству хозяина дома нет ни малейшего уважения. Пейзаж, выполненный масляными красками, был изображён, к слову сказать, весьма умело. Если Ойген так хорошо в юности рисовал, то что мешает ему подделать чужой почерк и подпись? Ответ напрашивался сам собой. Добравшись до расписки Эгона Вангера, в которой он обязывался передать две шахты Ойгену в счёт уплаты карточного долга, отложила в сторону и её. Изначально я планировала забрать лишь их, а остальные оставить в неприкосновенности, но после обнаружения бумаг за подписью Ландерса и Эренбаха передумала. Вот он, один из ключей к разводу, ну, или к моей смерти, а также подстраховка для Вильгельма и Эль. Ойген любит судебные войны? Он их получит!

Собрав все расписки, кроме четырёх, в кучу, я засунула опустошённую шкатулку обратно в сейф. Разорвав достаточное количество писчей бумаги в нужном количестве, сунула обрывки в камин и подожгла от пламени свечи. Ещё и хорошенько перемешала кочергой, чтобы остатки рассыпались пеплом, и никто не смог понять, что сгорели чистые листы. Потом уже демонстративно опалила оторванный ранее кусок расписки некоего барона Либхера и пристроила в угол камина. Оставшаяся часть сгинула в огне ранее. Прибрав за собой, я покинула кабинет и тем же путём, что и ранее, оказалась в своей комнате, не забыв вернуть ключи от комнаты Ойгена, кабинета и сейфа обратно в жилет. Связка мне ещё пригодится, чтобы выбраться из дома.

Перед тем как разбудить Софи, быстро набросала ещё одну записку для Вильгельма к тому письму, что написала после встречи с Гостом, завернула расписки и собрала вещи. Из дома мы с ней выбрались без приключений, а потом понеслись по дорожкам к беседке.

Глава 81. Кошки-мышки

Наверное, впервые с момента возвращения в дом Майеров, я смогла прекрасно выспаться. Расставаться с Софи было больно, но необходимо, как и лгать. Насколько смогла, объяснила, что Горст и его люди отвезут её к Марго, а я приеду после того, как улажу все дела с Майерами. Лишь упоминание имени тётушки смогло успокоить мою дочь, а любимая лента Юсты, которую она любила повязывать на косу, дополнительно сыграла свою роль. Горст пообещал хранить переданные ему бумаги, как зеницу ока, а затем вручить Марго, а если что-нибудь произойдёт по дороге, то Вильгельму. Как только Софи окажется у тётушки, под крышей беседки в заранее оговорённом месте появится лента. Но даже при самом благоприятном исходе это случится не ранее, чем через три недели, а так мне предстоит месяц томительного ожидания. Но лучше так, чем постоянно следить за тем, чтобы с Софи чего-нибудь не произошло.

Утро выдалось настолько пасмурным, что вылезать из кровати совершенно не хотелось. Зная, что вскоре появится одна из служанок, чтобы принести завтрак, я скрутила на второй половине кровати одеяло так, словно там спит укутавшийся по самые брови ребёнок. Сама же, заслышав шаги в коридоре, накинула на сорочку сверху домашнее платье, изображая, будто только что встала. Учítывая, что Майеры сегодня тоже не торопились распахнуть глаза, чтобы увидеть новый день, вполне естественно вышло. «Сонная» погода, сонные люди, ползающие по дому, как осенние мухи по стеклу. Как только дверь отворилась, я приложила указательный палец к губам и забрала поднос. Сомневаюсь, что служанка успела хорошо рассмотреть «куклу», зато у Горста появятся ещё несколько часов форы. Чем позже обнаружат пропажу Софи – тем лучше.

С непривычки еда еле влезла, ведь раньше на дочь не рассчитывали, приходилось мне делиться. Да-да, чадолюбивые «родственнички» и тут не изменили своей привычке экономить. Но прогнозируя грозу, которая вскоре разразится, стоит лишь Ойгену обнаружить пропажу ненужного ребёнка, а потом и долговых расписок, хлеб есть не стала, оставив на сухари. Жаль, что кашу так

засушить не получится: банально скиснет в процессе, а так хоть какие-то припасы на неумолимо грядущий чёрный день. К возвращению служанки за грязной посудой я заперлась в ванне и открыла воду, выиграв таким образом ещё несколько часов, а потом разразилась гроза. Правда, настоящая. Надеюсь, что Горст к этому времени нашёл где остановиться. Зато ни у кого не возникнет вопросов, почему мы с Софи проигнорировали прогулку.

Игры с «куклой» я продолжила в обед, снова расстелив кровать, которую привела в порядок сразу после завтрака, ещё и кинула сверху на покрывало чулок дочери для достоверности. Ребёнок испачкался во время еды, и его повели отмываться в ванную. Логично? Более чем. На дождливую погоду девочку сморил сон раньше времени? Бывает. Я и сама с удовольствием немного подремала после того, как отдала служанке поднос. Линда устроила очередной концерт, после которого всё семейство Майеров плясало возле её комнаты, уговаривая на что-то. Сей занимательный «радиоспектакль» я слушать не стала, решив, что лучше отдохну хорошенько.

Зато ближе к ужину в доме стало не в пример оживлённо и шумно, хотя Ойген до этого пресекал малейшие скандалы, ратуя за тишину ради благополучия матери будущего ребёнка. Похоже, что кто-то обнаружил пропажу долговых расписок. Громогласный голос Доротеи донёсся даже до второго этажа. Наверное, построили всю прислугу в холле и устроили допрос. Ничего, пусть развлекаются, надеюсь найти пропажу. Пока сообразят, что к чему, ещё время пройдёт. Я была совершенно спокойна, даже внутренний таймер, запустившийся самопроизвольно после расставания с Софи, монотонно отмерял время, не беспокоя ни сердце, ни душу. Лучше так, чем накручивать себя, сходя с ума от беспокойства и моменту, когда в головах Ойгена и Доротеи щёлкнет, кого ещё стоит допросить, превратиться сжатую до предела пружину.

Даже с ужином припозднились, выискивая паршивую овцу в упакованном в форму стаде. Отчасти меня это забавляло: всё-таки утереть нос Майерам дорогого стоило. Пусть понервничают, даже если потом растерзают. Поднос с едой появился как раз в тот момент, когда я разыгрывала очередную сцену в ванной. Даже на два голоса, правда, потом связки чуть подсели, но чего не сделаешь ради дочери, а также тех, кто дорог сердцу.

Ойген ворвался в мою комнату как раз в тот момент, когда третья по счёту служанка собиралась унести поднос.

– Кристин! Это твоих рук дело?!

Изобразив самую невинность, я поднялась из-за стола: – Что произошло?

– Не корчи из себя идиотку! Я о расписках! – рявкнул Ойген так, что его лицо моментально покраснело от прилившей к нему крови.

Никогда никому не желала зла, но с сожалением подумала, что была бы отнюдь не против, чтобы не барона Ландерса хватил удар, а этого «неблагодарного».

Продолжая играть роль ничего не понимающей дурочки, я развела руками, пожимая при этом плечами: – О каких именно расписках идёт речь? Ты решил мне отдать те, что обещал ещё в охотничьем домике?

Багровое лицо «недомужа» пошло не менее красочными пятнами, напомнив мне пятнистого оленя, хотя и иного колера, чем задумывала природа: – Из моего кабинета пропали абсолютно все долговые расписки! Иначе я буду разорён!

Да плевать мне на благосостояние семьи Майер. Надо же... А ведь ещё сравнительно недавно кое-кто кичился тем, какой он успешный землевладелец и вообще рачительный хозяин.

– Кристин, что ты стоишь и хлопаешь глазами?!

– Пытаюсь понять, чего ты от меня хочешь.

Чем спокойнее я отвечала, тем бешенее становился Ойген. На всякий случай далеко от стола не отходила, чтобы иметь возможность швырнуть в бушующего мужчину стулом или тем же канделябром.

– Отдай расписки по-хорошему, Кристин!

– У меня их нет.

И ведь даже не соврала ни на грамм. Столь вожаделенные Ойгеном расписки уже находятся почти в сутках езды от дома Майеров.

– Да что ты её слушаешь, сын?! Нужно обыскать комнаты, а заодно и библиотеку, ведь больше она нигде не бывала.

О, а вот и свекобрушка пожаловала! Ну как же в таком щепетильном деле обойтись без Доротеи?! Это попросту невозможно. Но больше всего меня веселило то, что ни разу, вот просто ни на секунду никто не вспомнил о Софи, которая всегда неотлучно была при мне.

Взяв со стола яблоко, которое так и не успела спрятать, я с демонстративным хрустом откусила кусок: – Ищите.

Айताल, Эрсель и Лойза, с любопытством выглядывающие до этого из-за спины матери, ринулись за служанками. Хмм... Неужели сестрички не в курсе были, каким образом зарабатывает на свой кусок булки с чёрной икрой их драгоценный братец? Зато моя свекровушка однозначно посвящена во все тонкости пополнения счетов Майеров. Приведённые служанки по приказу Доротеи начали методично перерывать мою комнату вверх дном. Ищите-ищите, всё равно ничего не найдёте. Я, конечно, не подумала о том, что Ойген, наверняка попросил служанку разжечь камин в кабинете, как только решил заняться делами, но не настолько глупа, чтобы оставлять улики у себя. Яблоки, хлеб, деньги и даже пузырьки со снотворным спрятала в спальне бывшего мужа, пока тот отсутствовал.

– Никаких бумаг, госпожа Доротея, кроме чистой писчей, мы не нашли, госпожа Доротея.

– Обыщите её, они наверняка при ней! – без малейшего зазрения совести отдала приказ Доротея.

Девушки на несколько мгновений оторопели, но под гневным взглядом своей хозяйки повиновались. Я только расставила руки в стороны, откусив последний кусок яблока, с которым не торопилась расставаться, пока обыскивали комнату. Естественно, ничего служанки не нашли.

– В библиотеку! – скомандовал Ойген, хотя вполне мог послать туда ещё раньше прислугу.

И только занеся ногу над порогом, Доротея замерла, а потом резко обернулась: – А где девчонка?

Глава 81. В поисках утраченного

– Какая?

Честно говоря, Доротея меня сейчас удивила. Они все настолько были ослеплены желанием добраться до возжеленных расписок, что даже не обратили внимание на отсутствие Софи. Думала, о ней уже не вспомнят.

– Девка твоя где? – Доротея повернулась ко мне лицом и, прищурившись, внимательно оглядела разгромленную комнату. – Лойза! Посмотри под кроватью!

Младшая из золовок появившаяся на пороге, скривилась и брезгливо передёрнула плечами: – А если она меня укусит?

Я, конечно, всё понимаю, девочка никогда никому не нужна была, но вот такое отношение, как к какой-то дикой зверушке, оскорбило до глубины души.

Но Доротее было, видимо, глубоко плевать на опасения дочери, так как она её просто толкнула вперёд. Кряхтя, «жертва материнского произвола» опустилась на колени и заглянула под мою кровать. Даже не поленилась дотянуться до кочерги, которую обернула носовым платком, чтобы не испачкать рук. Повозив её туда-сюда и не получив должного результата, Лойза растерянно посмотрела на мать:

– Там никого нет...

– Где твой выродок, Кристина?! – гневно раздувая ноздри, Доротея приблизилась ко мне и схватила за обе руки чуть выше локтей. – Куда ты её дела?!

– Вы верно заметили: моя дочь – это действительно только моя дочь, поэтому только я решаю все связанные с ней вопросы. Так что вас абсолютно не должно волновать, где находится МОЯ девочка. И отпустите меня! – я резко подняла ладони вверх и ударила ими по рукам Доротеи, вынуждая выпустить мои плечи из захвата.

Такого бесцеремонного отношения к себе свекобра не стерпела и попыталась снова дёрнуть меня за руки.

– Даже не думайте! – прошипела я в ответ, поправляя начинающее сползать с правого плеча платье.

Лойза, наблюдавшая в оцепенении за этой короткой перепалкой, заохала и выбежала прочь из моей спальни. Никак понеслась любимому старшему братцу докладывать, что маменька более не справляется со своей обычной ролью. Как же я ненавижу этот серпентарий! Вскоре в коридоре раздался приказ Ойгена обыскать не только весь дом, но и поместье, чтобы найти Софи. Ничего, пусть побегают, выдохнутся, поездят туда-сюда, докладывая своему хозяину о том, что ничего обнаружить не удалось. Принимая во внимание, чем занимается Горст и сколько лет ему удаётся уходить от стражей невредимым, упорно избегая виселицы раз за разом, шансов у подручных Ойгена не было никаких.

Дождавшись, когда Доротея покинет мою комнату, я заперла за ней дверь и, не раздеваясь, прямо в одежде завалилась в кровать. Лежать в корсете и плотно облегающей верхней частью платья такое себе удовольствие, но готова побиться об заклад, что этой ночью отдохнуть так не дадут, и вскоре Майеры в полном составе снова заявятся ко мне. И прыгать в одной сорочке перед ними совершенно не хочется. Впрочем, как и щеголять в домашнем платье. Кто знает, в какую сторону свернутся мозги Ойгена, учитывая плохое самочувствие и «интересное положение» Линды. Каким бы похотливым козлом ни был мой бывший муж, однако страстное желание занять наследника отправило на второй план обладание любимой женщиной. Становиться временной «постельной грелкой» мне совершенно не хотелось.

К веселью, начавшемуся в моей спальне, добавилось не только перерывание библиотеки сверху донизу, но и поиски Софи по всему дому, пристройкам и саду. Так что «Шоу блуждающих во тьме огней» продолжалось практически до самого рассвета. Ойген всё ещё не верил, что кто-то мог помочь сбегать Софи. Смешной такой... Ведь какой смысл прятать на территории поместья трёхлетнего ребёнка?

«Второе явление Ойгена» произошло около трёх часов ночи. — Кристина, куда ты спрятала расписки и где Софи?! Отдай бумаги по хорошему!

— Я же сказала, что их у меня нет, — встав с того края кровати, который был ближе к столу, отошла подальше. — Можешь перекопать не только сад, но и все земли Майеров и Верберов, но результат будет тот же. Даже хоть весь Бронхедж — ничего не изменится. Нет бумаг —

нет проблем. Ты своего слова не сдержал, пришлось самой обо всём позаботиться.

– Позаботиться говоришь... – глаза Ойгена опасно сузились, и он начал медленно ко мне приближаться. – Софи ведь нет в поместье, так? Ты выкрала бумаги, а кто-то помог тебе отослать девчонку вместе с ними подальше? Где она?! Я ведь всё равно узнаю!

– Моя дочь в безопасном месте. Осмелюсь напомнить тебе, что от Софии Анналейсы ты отказался, обратно права свои на неё не признал, следовательно, никакого отношения к девочке не имеешь. Тем более что и так планировал от девочки избавиться. Как видишь, я значительно облегчила тебе жизнь. Искать Софи тебе не имеет никакого смысла, ведь расписок при ней нет. Их вообще нет. Нигде.

– Ты же не настолько дурная, чтобы избавиться от расписок! Признавайся, Кристин, куда их дела?

– А в камине, который находится в кабинете, ты хорошо смотрел? Правда, сомневаюсь, что на обуглившейся дочерна бумаге можно будет хоть что-то прочесть...

Попытившись от меня, словно от прокажённой, Ойген быстро развернулся и опрометью бросился в кабинет. Уже через пару минут оттуда раздался рёв раненого вепря, а вскоре в комнате появился перепачканный в золе Ойген, держащий ещё больше обуглившийся обрывок той самой расписки, что я специально оставила ночью.

– Ты же не могла спалить их все! Это ведь колоссальные деньги!

– А ты думаешь, что у меня было время сидеть и перебирать каждую бумажку в твоём сейфе? Зачем усложнять себе жизнь, если можно сразу избавиться от проблемы и избавить других?

– Ты хоть понимаешь, что наделала, идиотка?! Я разорён! Теперь я окончательно разорён! – Ойген тряс обугленным клочком, словно заведённая обезьянка. – Ты специально это сделала, да?! Чтобы не только позлить меня, но и отомстить?!

Я положила ладони на спинку стула, чтобы иметь возможность кинуть им в Ойгена: – Можешь думать что угодно, мне добавить нечего. Возможно, вместо того, чтобы протирать штаны за игральным столом, займёшься обычными обязанностями владельца сразу двух баронств? Говорят, если хорошо работать, то потом реально получить неплохой доход.

– Если ты думаешь, что твой любовник сможет как-то помешать мне, то глубоко заблуждаешься. Наверняка Софи он забрал, таким образом, за похищение ребёнка моей законной жены, предстанет перед судом!

– А ты какого именно имеешь в виду? Если Вангера, то Софи не у него. Или ты думаешь, что кому-то нужен чужой ребёнок? Ещё и девочка... – я путала Ойгена, как могла, ожидая, когда он сообразит, каким образом смогла пробраться не только в кабинет, но и в его сейф.

Мой вопрос про любовников явно привёл бывшего мужа в замешательство. Точно не ожидал, что пушусь во все тяжкие после развода. Незачем ему знать, что и к Вильгельму долго присматривалась, прежде чем открыть свои чувства. Очень удачно, что в девяносто пяти процентах люди оценивают других по себе: вот и сейчас, выругавшись и начав осыпать меня проклятиями, Ойген громко хлопнул дверью. Вскоре на улице раздался его голос, приказавший продолжить поиски, только на этот раз не Софи, а следов постороннего проникновения на территорию. Воспользовавшись ситуацией, я быстро проникла в спальню Ойгена, забрала спрятанный ключ от смежной двери, который до этого сняла со связки, и вернулась к себе. Жаль только, что запасного от спальни бывшего мужа на ней не было, но иметь возможность перемещаться вот так уже неплохо.

Если какие-то следы возле беседки и могли остаться на земле, то ливень их точно смыл. Отправлять кого-нибудь в погоню ночью, даже не зная, какой дорогой могли увезти Софи, бессмысленно. Что может сделать бывший муж? Написать Вильгельму? Так он будет молчать, даже если Марго поделилась с ним планами. Добраться до трактира и искать там Софи? Тётушка прекрасно знает, что из себя представляет биологический отец девочки, так что наверняка придумала, где её спрятать. И всё-таки почему Ойген так и не перешёл к активным действиям? До развода он размазал бы меня по стене в два счёта, а сейчас только кулаки сжимает и потрясает ими в воздухе. Впрочем, и на этот вопрос ответ нашёлся спустя две недели. Причём ночью.

Глава 82. Карты на стол

После обнаружения пропажи долговых расписок и Софи Ойген практически носом землю рыл, пытаясь найти хоть какие-то следы. Но тщетно. Никто ничего не видел и не слышал. Все расспросы приводили к тому, что я продолжала морочить их со свекровью, отвечая правдиво, но достаточно обтекаемо. Дом Майеров превратился в гудящий улей, в котором уже никто не вспоминал о тишине и покое. Прислугу тщательно опрашивали в лучших традициях подвалов Лубянки советского времени, едва ли не обыскивали до начала рабочего дня и перед отходом ко сну. Принося мне еду, служанки с опаской оставляли поднос на стуле возле двери и быстро уходили, не забыв запереть на ключ дверь. Меня факт ограничения передвижения по дому не особо огорчил, учитывая, что погода с каждым днём портилась всё больше, а приведение библиотеки в порядок заняло несколько дней.

Золовки устраивали скандалы всё чаще, не гнушаясь даже вламываться к нему в спальню, Ойген на них рявкал и обещал сослать в монастырь, если не уймутся. Следом всегда прибегала Доротея, дабы уговорить сына не делать поспешных распоряжений и не обижать сестёр. Даже о своём плохом самочувствии забывала, только чтобы её малюток не обижали. У свекрови после той ночи вообще резко здоровье пошатнулось, и она подолгу проводила время в кровати. Надеюсь, не испытываемая мной в тот момент я злость была тому причиной, а свекровь просто перенервничала, осознав, что один из источников дохода утрачен. Ойген отмахивался от матери, а несколько дней назад пришёл ко мне с претензиями, что его людям ни одной сиприны выловить не удалось. Я просто сказала, что похолодало, вот рыба и ушла на дно, где вода более тёплая. А чего он от меня хотел? Что прикажу сипринам в его сети запрыгивать? Смешно. Я же не повелительница озера – такое даже в этом мире только в сказках бывает.

Но честно говоря, и этот промах Ойгена с рыбой меня немало порадовал. Чтобы заключить новые договоры на продажу рыбы, потребуется моя подпись или согласие Вильгельма. Чисто

теоретически, мою можно подделать, но нужно угадать, какую именно ставить, ещё и сделку можно оспорить через суд. Я специально в письме, переданном через Горста, предупредила Вангера о том, что никакие документы насчёт сиприн и охотничьего домика подписывать не собираюсь. Ойгена же продажи в малых объёмах не удовлетворяют. Ушла рыба и ушла. С аптекарями до конца весны все отношения всё равно поставлены на паузу, так как они в последний раз уехали, выкупив сиприн с расчётом на холодный период.

Не знаю, что случилось, но получив сегодня утреннюю почту, Ойген сорвался даже на Доротею. Кричал так, что я из своей комнаты услышала, жаль, без подробностей. Но решила всё-таки быть настороже, потому что последний раз бывший муж бушевал, когда обнаружил обгоревший кусок расписки. Я уж было подумала, что всё обошлось, но ближе к полуночи стул, подпиравший смежную дверь, загрохотал, подпрыгивая на месте. Вскочив с кровати, я набросила на себя домашнее платье и отскочила к окну, повязывая на ходу пояс. Со второго сильного удара несчастный предмет мебели отлетел в сторону, а дверь распахнулась, громко стукнув об стену.

На пороге, сильно покачиваясь, стоял Ойген в полурасстёгнутой рубашке. Трясущимися руками я со второй попытки смогла попасть спичкой по коробку и зажечь свечу, а потом и вторую.

– Что тебе здесь нужно?!

– Ты... – Ойген тыкнул в меня указательным пальцем. – Ты никуда не поедешь!

Не понимая, о чём речь, я осторожно произнесла: – Я и не собиралась. Если хочешь что-то обсудить, лучше проспись, а утром поговорим.

– Э-нет, Кристин... Я тебя отсюда никуда не выпущу до тех пор, пока не понесёшь! – обдавая всё вокруг мерзкими до тошноты винными парами, оскалился Ойген.

– Зачем тебе это, ты ведь ждёшь появления наследника от Линды! – обхватив основание канделябра, я смотрела на приближающееся подобие мужчины и прикидывала, куда лучше ударить, чтобы случайно не прикончить, но при этом успеть убежать.

Набравшийся горячительными напитками по самые брови Ойген скривился: – Ещё неизвестно, чем всё закончится. Если доносит до срока, уже чудом будет. Я очень рассчитывал на твою

чудодейственную рыбу, но и здесь ты смогла мне подгадить, тварь! А ведь речь идёт о ещё неродившемся ребёнке! Могла бы и пожалеть... Линда одного уже по твоей милости потеряла, перепутав от волнения лекарства... Но не о ней сейчас речь, а о тебе, Кристина! Одни проблемы с тех пор, как ты появилась в моей жизни! Что в первый раз, что сейчас! Одного не пойму, чего король в тебя так вцепился... Ещё и любовничек твой воду мутит, не давая ничего сделать ни с озером, ни с охотничьим домиком... Прощения какие-то пишет...

Новость о том, что Вильгельм всё-таки усложнил Ойгену жизнь в отношении моей земли, согрела душу, но моё внимание в первую очередь зацепилось за другое.

– А при чём здесь король?

– Мало того что аннулировал наш с тобой развод и брак с Линдой, так ещё и запретил даже пальцем трогать! Пообещал устроить тщательное расследование, если с твоей головы хоть волос упадёт без Его ведома! – промахиваясь пальцами мимо пуговиц, Ойген принялся расстёгивать рубашку.

– Тем более уходи отсюда, раз король запретил меня даже пальцем трогать.

Похабно ухмыльнувшись, бывший муж сделал ещё один неуверенный шаг вперёд: – Так я и не пальцем собираюсь...

Держа обеими руками ножку канделябра, я приподняла его до уровня груди: – Ойген, если тебе поставили такие условия, тем более уходи!

– Не-е-е-т, Кристина, я выполню то, что задумал! Ты будешь сидеть дома и растить пузо, а не по дворцам шляться! Не знаю, зачем ты понадобилась королю, но никуда тебя не пущу! Сам одной ногой в могиле стоит, а всё чужих жён требует!

У меня внутри всё похолодело: неужели и на этот раз наши с Марго предположения попали в точку? До этого король уезжал на воды... Потом аннулировал наш развод... А теперь хочет меня видеть во дворце? Явно не для того, чтобы пофлиртовать на смертном одре с женой какого-то мелкого барона, не имеющего никакого веса на политической арене.

– О каком дворце ты говоришь, Ойген?

– А то сама не знаешь?! Не заговаривай мне зубы, бесстыжая дрянь! Кто подал в королевский суд прошение о разводе?! Захотела в

фаворитки метнуться? Не выйде-е-е-ет! Король уже давным-давно никого к себе даже за стол не берёт на завтраки и ужины, не говоря уже о постели!

Что же, за Софи теперь могу быть спокойна: значит, Горст добрался с ней до Марго и передал письма! Готовясь к побегу Софи и краже расписок из сейфа, я написала прошение о разводе, не особо надеясь на успех, но попытка не пытка. Всё лучше, чем сидеть сложа руки. Настоящая Кристина уже «посидела», надеясь на любимого мужа, что тот сможет защитить её от нападок свекрови.

– Если Его Величество аннулировал развод, имея какие-то свои интересы в сохранении нашего брака, то почему ты так уверен, что не проигнорирует это прошение?

– Да потому что не позднее чем через две недели мы должны явиться во дворец на заседание о рассмотрении дела! Я не дам тебе наставить мне рога! Я должен быть уверен, что мне не придётся воспитывать чьего-нибудь ублюдка! К тому же на первых месяцах путешествовать опасно... И кто посмеет удовлетворить твоё прошение о разводе, если нас будет связывать ребёнок? Даже присланный из столицы лекарь подтвердит, что моё заявление не голословно, а имеет основание! Веское... – Ойген сбросил с себя рубашку и кинул на пол.

– Не подходи! Последний раз предупреждаю!

Этот хмельной мерзавец сделал ещё один шаг, и тогда я ударила наотмашь. А потом ещё раз.

Глава 83. Лиха беда начало

Крик Ойгена потом ещё долго стоял в моих ушах. Во время первого удара я не только опалила его, но и немного облила горячим воском обнажённый торс, Так что вторым лишь добавила страданий, попав тяжёлым канделябром на свежие ожоги. Но холёному изнеженному телу Ойгена и этого было достаточно, чтобы мужчина повалился на пол и заорал так, словно я всю «мужскую гордость» открутила. Пока бывший муж корчился на полу, я кое-как перебралась через него и побежала в его спальню, заперев смежную дверь на торчащий из замочной скважины ключ. Канделябр пришлось бросить сразу после второго удара, потому что даже для моего окрепшего тела ноша была тяжеловата, но с тумбочки возле кровати Ойгена прихватила подсвечник и метнулась к входной двери. Привычка бывшего мужа оставлять в ней ключ позволила мне беспрепятственно выскочить в коридор, где сразу же наткнулась на бегущих золовок и свекровь, пытающуюся быстрым шагом догнать дочерей.

– Что здесь происходит?!

Стараясь держаться от них на расстоянии, отдышавшись, я ответила: – Ойген вломился ко мне только что в спальню... В сильном подпитии... Был похож на зверя...

Айтадь глумливо хихикнула: – Жена должна принимать мужа любым!

Однако Доротея быстро заставила среднюю дочь замолчать, пихнув локтем в бок: – Быстро принеси мне ключи! Говорила же ему, что не стоит идти в таком виде к Кристине!

Из-за моей двери раздался очередной полухрип-полукрик Ойгена, заставивший свекровь поторопить свою старшую дочь. Прибежавшая обратно Айтадь трясущимися руками не сразу смогла попасть в замочную скважину, а как только замок щёлкнул, все ринулись в спальню.

– Убила! Убила! Она его убила! – заверещала Эрсель, падая в обморок, при этом нисколько не промахнувшись мимо кресла.

– Замолчи, дура! – рывкнула Доротея на неё, бросаясь к сыну. – Если ты, мерзавка, покалечила его, то берегись! Твоя жизнь в моём

доме до развода покажется мёдом!

Да плевать, мне бы только как-нибудь дотянуть до того, когда настанет срок отъезда во дворец, а там видно будет. Даже если Ойген пойдёт на гнусность и привяжет к кровати, ничего у него не выйдет: перед отъездом из охотничьего домика я приняла меры, на месяц действия должно хватить, а потом ещё один пузырёк в запасе есть. Потом уже придётся решать проблемы по мере поступления. Но я всё-таки надеялась узнать, чего от меня хочет король, и добиться повторного расторжения брака. Главное, чтобы ему не взбрело в голову выдать тут же меня снова замуж.

Доротея было сунулась к сыну, но только отлетела в сторону, когда тот пытался подняться. На деле же он не был настолько пьян, как прикидывался, больше играл на публику, изо всех сил изображая пострадавшего. Прямо как маленький мальчик, привыкший, что все вокруг него ходят на цырлах при малейшей жалобе. Весь этот цирк продолжился, когда появился сонный мэтр Жилло и начал оказывать первую помощь пострадавшему. Хорошо хоть уговорил весь этот кудахчущий курятник переместиться в комнату Ойгена для большего удобства.

Два дня бывший муж отлёживался, зализывая раны, а потом, наконец, покинул свою комнату. Я же старалась спать урывками, чтобы не пропустить появления кого-нибудь из Майеров у себя. С едой тоже стала предельно осторожна, пробуя с помощью дара проверять хотя бы фрукты. Одного раза хватило, чтобы понять, что отказаться от своего плана удержать меня в поместье, Ойген не готов. Но теперь в моём распоряжении были оба ключа от смежной двери и плотно вогнанный упор, вбитый в паркет и мешающий открытию двери. Пришлось, правда, потрудиться, чтобы аккуратно разломать один из стульев и получить пригодные гвозди и доски.

Ещё дня через четыре Ойген всё-таки решил появиться у меня снова. Как и в прошлый раз, я старалась держаться от него подальше, а к подоконнику, на котором лежала ножка стула с торчащими из неё гвоздями, поближе.

– Чего тебе нужно? Последнего визита ко мне было мало?

Ойген мрачно глянул на меня из-под бровей: – Погорячился, с кем не бывает. Долго собираешься свою голодовку продолжать?

– Столько, сколько потребуется. Лучше тебе ко мне не приближаться, всё равно найду способ, как тебе воспрепятствовать! Хоть всю мебель вынесите, оставив голый матрас, меня это не остановит, – я едва не добавила, что в случае чего и сердце ему остановлю, если дело зайдёт настолько далеко, но сдержалась. – Убирайся прочь!

– Ты же так хотела моей любви, Кристин. Я готов тебе её дать!

От возмущения у меня слова застряли в горле, а рука сама потянулась к канделябру, погнувшемуся при падении, но по-прежнему стоящему на столе.

– Ты окончательно с ума сошёл?! Вначале говоришь, что мне придётся принять на своё имя ребёнка Линды, а теперь заявляешь о любви? «Готов дать»! Отсыпать кусочек для отвергнутой жены! Какая неслыханная щедрость! Ойген, по-хорошему прошу: уходи, если не хочешь лишиться глаз, которые я тебе выцарапаю при первой же возможности!

Если раньше я считала Ойгена обычным садистом и нарциссом, то теперь всё больше убеждалась в его безумии. Ну не может нормальный человек, если это словосочетание применимо к этому мерзавцу, так лихо перескакивать с одного на другое и надеяться, что его простят. Если план с условным бастардом не был каким-то удивительным для этого мира, ведь не раз жёны аристократов были вынуждены молча принимать нагулянных супругом на стороне детей, то желание Ойгена до последнего сохранить наш никчёмный брак, чтобы обеспечить законность появления ребёнка от Линды начинала раздражать.

– Ты хорошенько подумай, Кристин, дадут ли тебе ту свободу, на которую ты рассчитываешь? А так ты бы признала нашего с Линдой ребёнка, родила нашего общего, а потом я дал тебе денег, и ты, сменив имя, тихонько бы уехала за пределы Бронхеджа... Для всех официально просто бы умерла. Годик-другой минет, спокойно вернёшься к своему любовнику, или сколько их там у тебя.

Я расхохоталась, придвигая канделябр к себе: – Нет, ты точно сбрендил! Даже если вдруг случится чудо, и я забеременею, то кто мне даст доходить до срока?! Вы же меня тут же в могилу отправите, причём самую настоящую! Или ты забыл, что говорил ночью несколько дней назад? Я хорошо помню. Равно как и то, как ты

корчился, получив вот этим. Свечки зажечь, чтобы память освежить в подробностях?

Ойген прыгнул вперёд, намереваясь отнять канделябр, но только получил им хорошенько в лоб. Откинув тяжёлый предмет, он попытался снова накинуться на меня, но замер, увидев в опасной от себя близости торчащие из ножки гвозди.

– Я не помню, что тогда наговорил, но прошу прощения, Кристин!

– Убирайся!

– Ты ещё об этом пожалеешь, Кристина! – Ойген медленно отступил, а затем покинул мою спальню.

Если вспомнить карту Бронхеджа, то путь от поместья Майеров до столицы займёт примерно неделю, значит, со дня на день придётся выезжать, чтобы не навлечь на себя гнев Его Величества. Моих скромных запасов сухарей и сушёных яблок пока хватало на то, чтобы продержаться, но дни шли, подносы с едой перестали приносить, дрова закончились. Хорошо хоть спичек пока хватало. На растопку камина пошёл сперва один стул, потом другие. На то, чтобы прогреть всю комнату этого было мало, но я сэкономила, пытаюсь разгадать, каким образом Ойген сумел проигнорировать приглашение короля. Объявил о моей беременности? Тогда дело плохо...

Однако через неделю в мою комнату снова попытался ворваться Ойген, но потерпел неудачу.

– Кристин, выходи! Ты своего добила: король требует в ближайшее время явиться во дворец и не желает слушать никаких отговорок!

– Очередная ложь, чтобы запудрить мне мозги? Не трать моё время, иди к Линде.

Но попытки проникнуть в комнату не прекратились: – Я сейчас взломаю эту чёртову дверь, если не откроешь! Его Величество приказал доставить тебя во дворец во чтобы то ни стало! Независимо от твоего состояния!

– А какое такое у меня состояние? Что, успел похвастаться об успехах на поприще продолжения рода раньше времени?

– Я написал ему о том, что ты больна, и попросил отложить поездку, однако он и слышать об этом ничего не хочет!

– Хочу видеть письмо, а то на словах ты горазд пообещать золотые горы, а потом сделать по-своему.

Под дверью зашуршало, и начал показываться кончик какой-то бумаги. Даже если Ойген и подделывал подписи на долговых расписках, то королевскую печать точно не сумеет: для этого нужно быть не только сумасшедшим, чтобы надеяться избежать плахи, но и обладать магическим даром, как у секретаря Его Величества. Я развернула письмо и пробежалась глазами по тексту. Король и в самом деле требовал нашей немедленной явки во дворец и даже выслал небольшой отряд для нашего сопровождения, который должен прибыть не позднее, чем завтра в полдень, если я правильно подсчитывала даты на листе бумаги. Причём отправиться в путь требовалось сразу, как только гвардейцы появятся у ворот поместья.

Ойген продолжил меня уговаривать через дверь, мешая, словно назойливая муха. Неожиданно в коридоре я услышала голос Линды, а затем раздался болезненный вскрик. Я соскочила с кровати и подбежала к двери. Ойген и Линда могут быть сколько угодно сволочами, но их будущий ребёнок ведь не виноват в алчности и безмозглости своих родителей. Если получится, то смогу ему помочь. Однако реальность оказалась намного страшнее, чем я предполагала.

Глава 84. Сколь верёвочке ни виться

Я сидела в карете, изредка бросая взгляд на мрачного Ойгена. Он так до сих пор и не понял, что его ждёт впереди, вернее, чего ждать не следует. Почти неделя миновала, а Линда мне всё мерещится перед глазами. Идиотка, какая же она идиотка!

Почувяв беду, я тогда раскидала возведённые баррикады и толкнула уже отпертую Ойгеном дверь. На полу неподалёку лежала Линда, возле которой хлопотала служанка, пытаюсь поднять. От моего бывшего мужа толку не было никакого, а перемещать его любовницу чревато. Кое-как заставив Ойгена соображать, вытолкала его в сторону лестницы, чтобы позвал мэтра Жилло. Как назло, именно в это время Доротея с дочерьми была на прогулке. Крикнув служанке, чтобы та принесла воды, я склонилась над Линдой, осторожно касаясь её живота. Если начался выкидыш, то хотела попробовать предотвратить неизбежное, хотя такого рода практики применения дара у меня ещё ни разу не было. Одно дело восстановить какой-то уже существующий орган, пусть и дефектный, в организме взрослого или ребёнка, и совсем иное – воздействовать на плод или пошедшие вразнос гормоны.

Честно говоря, не знаю, в какой момент у меня произошёл скачок, позволивший не просто почувствовать, что происходит внутри, но и «увидеть», однако открывшаяся мне картина ужаснула. Уж насколько считала себя человеком с крепкой психикой, и то едва не отпрянула от Линды. Там было такое количество пороков развития, что сдержать эмоции было сложно. Анэнцефалия, незаращение твёрдого нёба, спинномозговые грыжи, серьёзные нарушения развития желудочно-кишечного тракта... Практически полный набор, как по учебнику. Направила свою силу к плоду, но ничего не произошло. Мой дар расценил его условно мёртвым, абсолютно нежизнеспособным, а потому не подлежащим коррекции. Я ничего, абсолютно ничего не могла с этим всем поделать!

– Что? Что ты пила?!

– Сегодня ничего, кроме воды.

– До этого! Когда узнала о беременности или в первые месяцы!

Линда попыталась приподняться, а когда я её уложила обратно, огрызнулась: – Да не должно было быть никакой беременности во время подготовки к свадьбе! Я специально пила Санненский эликсир! Но он не помог! Точнее, я думала, что помог. Потом только, когда срок его воздействия вышел, поняла, что он не сработал!

Услышав это название, у меня в глазах потемнело. Из всех средств для предотвращения наступления нежелательной беременности Линда выбрала самое токсичное из существующих в этом мире, если можно так сказать. Когда помощник господина Гринберга в очередной раз объяснял мне, что за образцы снадобий привёз, то упомянул о Санненском эликсире, пользовавшемся в своё время бешеной популярностью у продажных женщин. От них аптекари и узнали всё о побочных свойствах. В принципе, средство неплохое, на организм женщины не оказывает практически никаких побочных эффектов, при постоянном приёме гарантирует стопроцентную защиту от зачатия. Однако имеет одно колоссальное «но». Если женщина не знает, что беременна или после предыдущих родов, а также избавления от плода, прошло слишком мало времени, то не только не сработает, но и приведёт к порокам развития будущего ребёнка. Поэтому даже в «Домах утех» этим средством в последнее время пользовались только самые отчаянные и безбашенные, но армия поклонниц среди обычных женщин отнюдь не поредела, эликсир продолжали изготавливать в домашних условиях, как их матери и бабки.

– Сколько раз ты его пила?

– Дважды. С перерывом в месяц, – прошептала синеющими губами Линда.

Всё, что я могла – это только поддержать её сердце и остановить кровотечение. Как бы цинично это ни звучало, но сейчас я просто хотела покинуть этот дом и, чтобы всё произошло само собой, когда Ойген окажется подальше от поместья. Если организм стал отторгать плод на таком сроке, после того как женщина принимала эликсир на раннем, то ситуация вскоре повторится. Это всё я тоже выяснила у помощника господина Гринберга, когда пыталась понять, что за отвар когда-то пила Кристина. К счастью, бывшая хозяйка моего тела использовала вполне безобидный для здоровья набор трав, к тому же применяла его на постоянной основе.

Старый Жилло, появившийся спустя вечность, несказанно обрадовался тому, что кровь остановилась, и посоветовал своей пациентке постельный режим. На моё замечание, что Линда пила Санненский эликсир, ни лекарь, ни Ойген не обратили никакого внимания. Ну да, это ведь я вселенское зло во плоти, из-за которой постоянно страдает невинная, практически святая молодая женщина. Вразумить ни одного, ни второго мне не удалось, хотя по-хорошему, следовало бы вычислить ту, что поставляла Линде «специфические средства», и остановить, чтобы не загубила ещё чью-нибудь жизнь.

После всей этой истории на душе было погано и хотелось выть. Всё-таки тема детей для меня до сих пор очень болезненна, хотя и немало приложила усилий, посещая психолога, чтобы снизить остроту реагирования. В ситуации с Линдой я познала ещё одну грань своего дара: если повреждён или отсутствует мозг, то сила не откликается на исцеление, даже когда организм жив, пусть и питается за счёт материнского. Сколько ещё граней моих способностей предстоит открыть, не знаю, и, откровенно говоря, порой они меня пугают.

Карета замедлила ход, а затем остановилась для проверки документов. Один из гвардейцев, сопровождающих нас подъехал к окну, возле которого сидел Ойген и сообщил: – Впереди ещё два поста, а затем вы прибудете во дворец, где вас проведут в отведённые вам покои. Отдельные.

Меня эта новость немного порадовала, а вот судя по взгляду бывшего мужа, меня с удовольствием бы придушили ещё во время одной из предыдущих стоянок. Даже не знаю, что именно больше бесило Ойгена: то, что его план с бастардом от Линды рушился на глазах, или перспектива дать фору маралу по ветвистости рогов. И ладно бы я дала хоть раз реальный повод, кроме упоминания мифических любовников, когда хотела заморочить, но... Чем быстрее мы приближались к королевскому дворцу, тем нервнее становился бывший муж. Если бы не ехавшие рядом с каретой гвардейцы, наверняка совершил фатальную глупость, а так лишний раз даже не рисковал рот открыть. Впрочем, меня такое положение вещей абсолютно устраивало.

Во дворец мы приехали уже к вечеру, а потому я надеялась хотя бы ночь провести спокойно, тем более что Ойгена можно было не опасаться. У него мозги, конечно, поехали в последние недели

капитально, но не настолько, чтобы пытаться прорваться через стражников, которых выставили у моих дверей. Такая охрана меня немало удивила, ведь ничего противозаконного лично я в отношении «короны» не совершала. Да и незачем выставять практически «почётный караул» возле покоев жены мелкого барона, к тому же самой подавшей прошение о разводе. Если бы было наоборот, ещё поняла, а так...

Как Ойген ни пытался протащить в поездку одну из служанок Майеров, главный из гвардейцев пресёк все попытки, сказав, что во дворце баронессе Вербер-Майер предоставят всё необходимое. Поэтому в покоях меня уже ждала личная служанка по имени Магда, наполненная горячей водой ванна, а также гардероб, набитый туалетами. После долгой дороги я с удовольствием разрешила освободить себя от одежды и позволила себе погрузиться в ароматную пену. Пока девушка распоряжалась насчёт лёгкого ужина, мне удалось провести несколько восхитительных минут, наслаждаясь одиночеством и покоем. Увидев мою худобу, Магда извинилась и вышла, чтобы приказать принести что-нибудь поплотнее. Ну да, на сухариках, воде и сушёных яблоках наращенный в охотничьем домике жирок быстро сошёл. Но такой рацион всяко лучше, чем один раз поесть, а затем очнуться одурманенной в одной кровати с Ойгеном.

Оказаться абсолютно обнажённой перед незнакомой девушкой было не очень приятно, но я настолько устала, что помощь Магды оказалась как нельзя кстати. Хотя бы мышцы перестали ощущаться деревянным после того, как она прошла по ним мочалкой. Да и с просушкой волос служанка справилась намного быстрее, чем это смогла бы сделать я. В гостиной меня уже ждал накрытый стол, блюдами с которого можно было накормить не только меня. Такого количества еды хватило бы и на Вильгельма, и на Сабрину, и на Герта, не говоря уже о девочках. При воспоминаниях о совместных ужинах в охотничьем домике на глаза непроизвольно навернулись слёзы. Я бы всё отдала, чтобы повернуть время вспять и снова оказаться там. Но назад дороги нет, Вильгельм вместе с Эль находятся в своём поместье, Софи у Марго, а мне придётся разбираться с тем, что будет дальше.

Заметив моё состояние, Магда не на шутку переполошилась: — Госпожа баронесса, вам не понравился вкус блюд?

– Нет, всё в порядке, Магда. Просто я немного устала и хотела бы отдохнуть.

– Мне приказано подготовить вас к встрече.

Что? Неужели король решил увидеть нас с Ойгеном на ночь глядя, накануне заседания? Или только меня?

Ответ нашёлся вскоре после того, как Магда помогла мне переодеться в новое платье и уложила волосы в причёску. Вернее, пришёл сам.

Глава 85. Ультиматум

Я ожидала всего, чего угодно, но не того, что король придёт в мои покои сам. Когда в гостиной едва слышно что-то скрипнуло, подумала, что просто сквозняк пошевелил малую створку окна, приоткрытую наподобие форточки Магдой, так как топили во дворце очень хорошо. И только по тому, как низко присела хлопотавшая передо мной девушка, поняла, что мне стоит обернуться и тоже изобразить подобие реверанса. Хорошо хоть тело не забыло, как правильно следует приветствовать короля.

– Поди прочь! – раздался надтреснутый, похожий на карканье старческий голос.

Даже находясь в полусогнутом положении, я заметила, как Магда на полусогнутых ногах покинула гостиную, плотно закрыв за собой двери. Раз визит ко мне изначально планировался, тогда понятно, к чему стражники у дверей моих покоев. Неважно, кого решил почтить своим появлением король, он должен быть уверен в своей безопасности.

– Поднимись, дитя! – властно приказал король закашлявшись.

Я исполнила его волю, но выпрямившись, опустила глаза, зная, что смотреть на монарха без его позволения равносильно оскорблению на грани дерзости. Однако успела заметить, что выглядит правитель Бронхеджа, мягко говоря, не очень. Откровенно говоря, он напомнил мне живого мертвеца: глубоко запавшие глаза, прикрытые наполовину истончившимися с годами веками, пергаментный оттенок кожи, неестественная худоба...

– Ты знаешь, зачем ты здесь?

– Могу лишь догадываться, Ваше Величество. Я подавала в королевский суд прошение на развод с бароном Ойгеном Ристофом Майером. Слушание вначале было перенесено, а затем назначено на завтра в полдень.

– Не только... – король медленно обошёл меня, словно хотел рассмотреть со всех сторон. – Поставлю вопрос по-другому: ты знаешь, зачем я здесь?

Покачивая головой, я тут же спохватилась и коротко ответила: – Нет.

– Взгляни на меня.

Я перевела взгляд на короля, не понимая, но догадываясь, чего именно он от меня хочет.

– Ты знаешь, какими способностями обладали твои мать и бабушка?

От осознания того, что сейчас придётся пройти по очень тонкой грани, я снова ответила отрицательно. В конце концов, Марго говорила, каким даром обладают женщины, имеющие отношение к роду Вербер, но достоверно мне не было известно, был ли подобный у моих родственников.

Король внимательно посмотрел на меня своими выцветшими почти до прозрачности горного хрусталя глазами, а затем, заложив руки за спину, подошёл к камину. Оказавшись возле него, Его Величество протянул ладони к огню и потёр их, словно они озябли.

– Все женщины по линии твоего отца, как рождённые в его роду, так и вошедшие в него, обладали очень нужным мне даром... К сожалению, у большинства моих целителей подобный выгорел и восстановлению не подлежит.

После этих слов у меня на спине проступил холодный пот. Неужели в погоне за продолжительностью жизни король буквально опустошил своих целителей?! По какой причине происходит выгорание дара, мне пояснил Вильгельм, когда рассказывал про ту самую пластину из шкатулки. Это ведь нужно постоянно использовать дар, не имея возможности восстановиться. Батарейки... Все целители, которых собрал вокруг себя король, попросту батарейки для него...

– Продли мне жизнь, Кристина Вильгемина, и тогда ты до конца своих дней будешь купаться в роскоши, любая твоя прихоть исполняться без промедления, не станешь знать ни горя, ни забот!

Вот только этот заманивающий своими сладкими речами человек, действительно стоящий одной ногой в могиле, забыл упомянуть, что такая моя жизнь вряд ли продлится дольше, чем если бы у Линды родился здоровый ребёнок.

Король спрятал обратно свои руки в рукава мантии и начал медленно приближаться ко мне: – Почему ты молчишь? Моё предложение кажется тебе не столь соблазнительным, как хотелось?

– Я просто не знаю как, Ваше Величество.

– Даже так... Ты никогда ничего подобного не делала?

– Нет, Ваше Величество.

– Это несложно – достаточно просто захотеть. Возраст у тебя подходящий, ребёнок давно имеется, так что дар должен быть в самом расцвете сил, – король подходил всё ближе и ближе, не сводя с меня взгляда, словно удав, пытающийся загипнотизировать кролика.

– Я правда не знаю, как продлить Вам жизнь.

Пожевав нижнюю губу, имеющую синюшно-бардовый оттенок, король медленно, будто пребывая в некоторой задумчивости, произнёс: – Наверное, мне стоило бы по-другому вызвать у тебя желание помочь мне. Подтолкнуть к принятию нужного решения. У тебя ведь есть дочь София, опеку над которой недавно оформила чета Вальтер. К сожалению, мне слишком поздно об этом сообщили, когда документы уже прошли одобрение. Не знал, что у Верберов, а также Альвенхофов ещё остались какие-то родственники, думал, ты – последняя представительница. Но это уже вопрос к главе моей тайной службы. Однако не об этом речь... Ты же понимаешь, что мне ничего не стоит приказать разыскать Вальтеров и заставить их привезти девчонку во дворец.

Стараясь сделать Софи недостижимой для Ойгена, чтобы он не смог манипулировать мной, я не учла более сильного игрока. Получается, что, попросив Марго позаботиться о своей дочери, подставила не только её, но и Юсту вместе с Хэрбом под удар. Дети – это всегда уязвимое место всех любящих родителей. За своих тётушка готова любого порвать в клочья собственноручно.

Внезапно король схватил меня за левое запястье: – Ну же! Пока я ещё по-хорошему предлагаю тебе одуматься и исполнить то, за чем привёз во дворец!

Как бы мне ни был омерзителен этот старик, но я попыталась призвать дар. Даже глаза закрыла, стараясь сосредоточиться, но ничего не вышло.

– Неужели пустышка? – раздражённо пробормотал король. – Никому ничего доверить нельзя. Столько трудов, и всё впустую... Видимо, действительно придётся разыскать твою дочь и забрать во дворец. Сколько ей сейчас? Три года? Полутора десятков лет у меня точно нет... Но ничего, некоторые и в четырнадцать лет замуж выходят по «особому распоряжению». Подберу подходящего мужа, а там, глядишь, и дар активируется.

При мысли о том, что это чудовище планирует сделать с Софи, у меня ноги подкосились. – У моей дочери не проявятся целительские способности. Дар передаётся только по мужской линии через старших наследников рода. Если бы у меня был брат, то его супруга и дочь получили умение исцелять. Жёны приобретают способности только из-за того, что вынашивают либо одарённого ребёнка, либо наследника. Даже на бастардов это не распространяется.

Король прищурился: – А говорила, что не знаешь насчёт дара. Осмелилась обмануть меня? Напрасно, Кристина, ох, напрасно.

– Но я сказала правду! Ни своей матери, ни тем более бабушки, я не помню и не знаю, обладали ли они способностями. Уже после развода с Ойгеном Майером и отъезда из поместья от местных жителей слышала, что есть некоторая особенность у женщин, принадлежащих роду Вербер. Что могли залечивать небольшие травмы, и всё. Но продлевали ли они кому-нибудь жизнь, такого никто упоминал!

– Надо же... Простые крестьяне оказались полезнее всех моих советников в отношении получения информации. О такой тонкости с наследованием дара даже твоя мать Аделина о ней умолчала. Если бы сказала, всё обернулось совершенно по-другому. Раз ты последняя из одарённых рода Вербер, значит, старайся лучше! Иначе вместо роскошных покоев увидишь, как твоя дочь погибает в подземельях дворца! Подумай о Софии! Ты просто должна захотеть мне помочь, искреннее захотеть! Такая малость...

И я захотела, выдавливая из себя дар буквально по капле. Готова была сделать всё что угодно, чтобы это чудовище не трогало Софи. Но перед глазами упорно возникали картинки возможного будущего дочери, если король решит на практике проверить всё сказанное мной. Вот только результат получился совсем не такой, которого эта венценосная мумия от меня ожидала.

– Что ты сделала?!

Я перевела взгляд на руку короля, которая ещё больше покрылась коричневыми пигментными пятнами.

Отшвырнув меня на ковёр, Его Величество крикнул стражникам, дежурящим у дверей: – Приведите сюда барона Майера! Живо!

Глава 86. Проигрыш шахматиста

При чём тут мой бывший муж, я не поняла, но когда смогла подняться, его уже приволокли стражники и, грубо толкнув вперёд, снова скрылись за дверями.

– Что это такое?! Я тебя спрашиваю! – король воздел вверх свои руки и потряс ими перед Ойгеном.

А я с ужасом увидела, как та из них, которая до этого держала меня, стала выглядеть намного тоньше, словно внезапно иссохла.

– Я... Я не понимаю Вас, Ваше Величество... – растерянно пробормотал Ойген.

– Почему в твоей жене открылась тёмная сторона дара? Ты разве не видишь, что она сделала? – продолжил наступать на него король, протягивая вперёд изувеченную конечность, выглядевшую так, словно стоит чуть пошевелить пальцами, и она рассыпется в прах.

Мой бывший муж не на шутку испугался и запаниковал, отступая к закрытым снаружи дверям: – Какой дар? При чём здесь Кристина?

Но король разъярился ещё больше и прошипел: – После того, что натворил твой отец, я сделал всё, дабы этот брак состоялся! И этим ваше семейство отплатило за моё доверие?! Ни одно из моих поручений ни ты, ни твой отец не смогли выполнить, хотя всё было до банального просто! Что старший, что младший... Два недоумка! Твой отец лишил меня таких перспектив, едва не загубил весь план, но у меня был запасной, который ты должен был претворить в жизнь! А в итоге оба лишили меня всего!

Не знаю, что там умудрился натворить отец Ойгена, ведь его Кристина уже не застала в живых, да и Доротея о почившем супруге ни разу не упоминала, разве что вскользь, говоря, как благодаря ему семье Майеров удалось вознестись. Но можно ли было верить её словам, когда свекровь любым упоминанием о достижениях предков Ойгена старалась уколоть род Верберов, не представляющий собой, по её словам, ничего особенного и не способный похвастать ничем, кроме давности своего происхождения. А вот мой муж явно был в курсе, о чём говорит король, так как лицо его резко побледнело, а глаза забегали, как у нашкодившего ребёнка.

– Тебе всего лишь нужно было вскружить девчонке голову, жениться на ней и постараться, чтобы она родила наследника!

– Но Кристина смогла произвести на свет лишь девочку, моей вины в этом нет никакой... – продолжил лепетать Ойген, бросая негодующие взгляды в мою сторону, считая, что лишь моя вина в рождении Софи.

– Неважно! – рявкнул король, пряча руки в широкие рукава мантии. – Пол ребёнка не так важен! Она родила, это должно было послужить нужным толчком! А что в итоге?! Разве тебе не известно, что в женщинах из рода Вербер пробуждается целительский дар?!

– Но на Кристине мелкие ссадины быстро стали заживать, да.

– Ссадины?! – в голосе короля прозвучала такая ярость, что я буквально физически ощутила её накатывающие волны. – Ты ещё и поколачивал жену?! Она должна была жить, радуясь светлым моментам, а не выживать! Ты так до сих пор и не понял, к чему это привело?!

После слов Его Величества в моей голове стали стремительно складываться воедино разрозненные фрагменты как из воспоминаний настоящей Кристины, так и моих после того, как я оказалась в её теле. Молодая женщина действительно едва не умерла после тяжёлых родов, но желание жить, чтобы увидеть собственное дитя, заставляло её балансировать на грани жизни и смерти. И благодаря этой тоненькой ниточке смогла выкарабкаться. Вот только вся радость мигом померкла, когда Ойген заявился к жене и обвинил в никчёмности из-за рождения дочери, а не сына. А потом почти три года подряд масла в огонь подливал не только он, но и его мать вместе с сёстрами. Огонёк, загоревшийся в Кристине, начал не только тлеть, но и окрашиваться в чёрный цвет. Так может, не просто так я оказалась на её месте? Ведь сперва мной двигало желание жить, а потом, увидев Софи, загорелась мыслью не только самой выбраться из этого серпентария, но и спасти её, дать то, чего девочка была лишена всю свою маленькую жизнь...

Там, у подножья лестницы, у меня были все шансы умереть, но внутренний протест на голос Доротей, послуживший сильным раздражителем, заставил держаться из последних сил, хотя тело и память Кристины ещё возобладали надо мной. И ускоренная регенерация запустилась вскоре после этого... А дар начал проявляться

после общения с Софи... От моего искреннего желания помочь стал развиваться всё больше, а вот тёмная сторона проявила себя, когда сильно разозлили. Получается, в болезни Доротеи тоже есть моя вина, так же как и сейчас с королём. Нельзя меня заставлять исцелять против воли или выводить на сильные негативные эмоции, иначе проявляется отрицательная сторона дара. Моё появление переломило ситуацию, уравнило пробуждающийся дар. Ведь Кристина не видела никакого просвета в своей жизни, жила в постоянном страхе и тревоге, не любила свою дочь и пыталась угодить всем, получая в ответ лишь насмешки и укоры. А я даже в самые мрачные периоды с упорством ледокола шла вперёд, стремясь сделать счастливыми себя и Софи.

– В роду Верберов у женщин в большинстве случаев проявлялся светлый целительский дар, направленный на созидание, а не разрушение, хотя и такие случаи были, но крайне редко. И раз в несколько поколений рождалась именно та, в которой он проявлялся особенно сильно! Если ты до сих пор этого не понял, щенок, то именно Кристина должна была превзойти своих предшественниц! А что в итоге?! Она не только не способна исцелять, но и может лишиться здоровья, убить! Даже не умеет управлять собой, ведь стоило мне всего чуть-чуть надавить на неё, как произошло вот ЭТО! – перед носом Ойгена снова появилась высохшая рука.

– Но Вы... Вы приказали, чтобы моя жена родила наследника! Я старался как мог! – пытался оправдаться мой бывший муж. – Даже женился на более подходящей девушке...

– Именно ЭТА жена должна была тебе родить без разницы КАКОГО наследника! – окончательно сорвался король, а затем сильно закашлялся.

– Но почему Вы меня не предупредили, Ваше Величество, тогда бы я пылинки с Кристины сдувал... – не оставлял попыток свалить всю вину с себя Ойген.

– Да чтобы ты ничего не испортил, идиот! Но верно говорят в народе, что услужливый дурак опаснее врага!

Неожиданно король замолчал, а потом расхохотался, словно безумный. Опытный шахматист переиграл самого себя. И он это понял. Видимо, так боялся, как моим даром начнёт пользоваться Ойген, что решил утаить от него истинную причину организованного брака с наследницей Верберов. Потому Вангеру и не дали

возможности претендовать на опеку. Не в пьянстве и распутстве Эгона было дело, а в том самом старом законе и дарованной некогда предкам привилегии. Ведь заставить подчиниться Вангеров своей воле, даже привезти меня во дворец, если бы те не захотели, было невозможно. Горько усмехнувшись, я покрутила на пальце помолвочное кольцо Вильгельма. Если бы мы знали наверняка, что за всем этим стоит король, не стали тянуть со свадьбой, и тогда ничего этого не произошло. Я жила бы с ним, вместе с Софи и Эль...

– Мало того что ты лишил меня безоблачного будущего, сил и здоровья, так ещё и подставил своими необдуманными поступками!

– А если убить Кристину? Может, тогда её способности перейдут к нашей общей дочери? – внёс «дельное» предложение Ойген.

– Ты совсем рехнулся?! Не перейдут! Или в твоей голове ни капли разума не осталось?! – снова раздухарился король, раздражённо запахивая полы мантии. – Или до конца не понимаешь, что когда речь идёт о королевском суде, то собирают всех! Малейшее подозрение, и я окажусь без поддержки! Я не готов лишиться власти на закате своей жизни! Или ты до сих пор не знаешь, что помимо прошения Кристины о разводе, в суд поступило несколько ходатайств в его поддержку! И там готовы предъявить некоторые бумаги, содержимое которых узнать не удалось, как я ни пытался. Их даже выкрасть не смогли!

Неужели Вильгельм начал свою игру и решил предъявить долговые расписки? Но это же чистое безумие, ведь наверняка нельзя быть уверенными, что они поддельные!

– Ваше Величество, барон Ойген не смог добыть сиприн, но я знаю, как их можно выловить даже в это время года, – я осторожно обошла мужчин и встала так, чтобы меня было видно. – Вы ведь сами знаете, какими свойствами обладает эта рыба...

– Да что с неё толку сейчас?! Она перестала работать так, как нужно! Даже купание в её слизи не помогает! – король нервно дёрнул подбородком. – Такое ощущение, что рыба, наоборот, стала вытягивать из меня все силы, как это сделала ты! Но это уже не самая большая проблема на сегодняшний день... Завтра станет ясно, что делать с вами двоими: либо всё останется как есть, либо я вынужден буду одобрить развод. Ты хоть о больной дочери нормально заботился?

– В доме Майер Софи даже не кормили должным образом и причинили немало страданий. Так что родственников по этой линии

боится до сих пор, несмотря на свой малый возраст, – решила я вставить шпильку в адрес бывшего мужа. – А сама я решилась подать на развод после того, как Доротея Эления Майер столкнула меня с лестницы по приказу своего сына.

Лицо короля пошло крупными красными пятнами, а испещрённые сосудами щёки налились кровью: – Ты и здесь умудрился мне подгадить, мерзавец! Всё, к чему прикасался сам и твоя семья превратилось в... в... Даже если твоя жена сказала правду насчёт правил наследования дара, то по твоей милости через десяток лет появится ещё одна, в чьих жилах течёт кровь рода Вербер, у которой проявится тёмная сторона дара! Ничего, посидишь эту ночь под замком, чтобы снова ничего не учудить. Стража! В темницу барона Майера!

Я и глазом моргнуть не успела, как сопротивляющегося Ойгена уволокли прочь, а следом, бросив на меня ненавидящий взгляд, ушёл король, воспользовавшись тем же путём, каким пришёл. Опустившись в кресло, я закрыла лицо руками, зарываясь пальцами в волосы. Чего же теперь ожидать завтра? До суда мне сохранили жизнь, но что будет после и чем всё обернётся?

Глава 87. Заседание

Утром я собиралась на заседание, как на эшафот. Как проходит заседание королевского суда в общих чертах знала, но будет ли оно открытым или закрытым в моём случае – нет. При любом исходе публичность обеспечена, ведь о результатах всё равно сообщают всем судьям рангом ниже, а также представителей аристократических родов. Магда принесла целый поднос еды, который я про себя окрестила последним завтраком смертника. Король точно не простит мне своего увечья и найдёт способ поквитаться. Ладно, хотя бы в отношении Софи можно немного расслабиться. Если у целительского дара женщин из рода Вербер есть такая «полярность» в проявлении, то интерес к моей дочери должен угаснуть и, значит, ранее замужество ей не грозит. Если король до сих пор не нашёл «Вальтеров», то есть шанс, что это нескоро произойдёт. Сомневаюсь, что тётушка решится сунуться в свой трактир в ближайшее время, да и Горст – мастер уходить от слежки и погони.

Вопреки всем попыткам Магды облачить меня в один из нарядов, которыми был буквально забит гардероб, я выбрала платье, в котором приехала. Как раз его принесли после чистки, пока завтракала. После встречи с королём мне откровенно было противно прикасаться ко всему, что находилось в покоех, а тем более надевать на себя. Даже падая в кровать от усталости, некоторое время вертелась на простыни, борясь с отвращением. Всё чудилось, как меня снова касаются ледяные суховатые пальцы. По моим ощущениям королю не так долго осталось, но кто знает, насколько ему ещё удастся продлить свою агонию, иначе такую жизнь назвать не могу, с помощью целителей, которые у него остались? Если сиприны уже неспособны повлиять на его состояние, значит, все внутренние жизненные ресурсы исчерпаны. Впрочем, это и по внешнему виду было заметно.

Ближе к полудню за мной пришли, и на этот раз уже не Ойген, а я передвигалась в сопровождении конвоя. Сам зал для заседаний находился в административной части дворца, предназначенный как раз для решения рабочих вопросов. Это то немногое, что мне удалось выяснить у Магды, шепнувшей также, про зал заседаний, в который

имеется короткий путь из подземелий. Заключив Ойгена в темницу, король действительно таким образом подстраховал себя, изолировав моего бывшего мужа от внешнего мира. Кто знает, какие связи у этого негодяя, если он действительно метил обосноваться во дворце?

Особых эмоций по поводу заседания я не испытывала, словно во мне всё умерло ещё вчера. Пожалуй, только две вещи меня немного волновали, напоминая, что ещё во мне сохранились какие-то признаки жизни. Первая – не полез ли Вильгельм во всё это. Конечно, ещё с детства каждая девочка, читавшая сказки, мечтала о принце на белом коне. Том самом, который в нужный момент ворвётся в жизнь, спасёт от опасности, женится, а затем наступит долгожданное «и жили они долго и счастливо». Вот только настоящая жизнь, даже в мире, где существует магия, далека от сказки. Дабы пойти против короля, одной привилегии рода Вангеров мало, здесь нужны железобетонные основания, причём такие, чтобы не подкопаться было со всех сторон и не оказаться при этом обвинённым в государственной измене.

Вторая – это брошенная королём фраза насчёт некого плана, и то, что Его Величество был знаком с матерью Кристины. Имел ли он или отец Ойгена какое-то отношение к смерти родителей девушки? Марго упоминала, что мать Кристины погибла, будучи беременной, но в подробности не вдавалась, а я в тот день была не в том состоянии, чтобы расспрашивать. Всё думала, потом поинтересуюсь, да как-то из головы вылетело. Но если отец Ойгена приложил к этому руку, то бывший муж ни за какие коврижки не расскажет, боясь за свою репутацию. А если в этом деле замешан король, то тем более. Покровительства монарха Ойген однозначно лишился, поэтому подставлять свою шею под топор точно не станет, даже если поклянусь молчать.

В зале заседания оказалось около трёх десятков человек, среди которых я заметила Вильгельма, причём сидел он в первом ряду. На моё появление он никак не отреагировал, но так было даже лучше, ведь ситуация сложилась неоднозначная: будучи юридически замужем, любое проявление расположения может быть расценено, а затем приравнено к измене. И к сожалению, послужить дополнительным основанием для моего развода с Ойгеном не могло. Меня вполне могли лишить права голоса, как лицо неблагонадёжное, а Вильгельму присудить штраф за нанесённое оскорбление барону Майеру. Хорошо

хоть дуэли в Бронхедже давно не в фаворе. Меня проводили к предназначенному для истца креслу и оставили в компании двух конвоиров. Какой жирный намёк, показывающий, на чью сторону не стоит становиться. При рассмотрении гражданских дел стража присутствовала лишь в тех случаях, когда кто-то из участников процесса мог представлять собой опасность для окружающих. А ещё таким образом «клеймили» изменниц, распутных женщин, не состоящих в браке, и жён, целенаправленно уклоняющихся от священного долга продолжения рода мужа без веских на то причин.

При желании всё вышеперечисленное можно вменить и мне, так как последняя встреча с Вильгельмом произошла после аннулирования нашего с Ойгеном развода, и неважно, что об этом стало известно намного позднее. Дата на документе есть? Есть! А кто-нибудь из деревенских жителей или работников лесопилки легко подтвердит, что барон Вангер ездил в охотничий домик уже после того, как его дочь вернулась в поместье. Даже точный день и положение солнца на небе в тот момент вспомнят, если хорошенько расспросить. Особенно если вопросы будет задавать кто-нибудь из числа «особых дознавателей», как вполне невинно именуют штатных палачей, занимающихся допросами. Это последнюю точку в жизненном пути приговорённых ставят обычные «работники топора и верёвки».

Уловка сработала: время от времени я ловила на себе пристальные взгляды присутствующих. Но мне-то что? Это настоящая Кристина могла растеряться, а я пережила столько родительских собраний и педсоветов, что не страшно.

Вскоре на пороге зала появился Ойген, вот только в отличие от меня, без сопровождения. Бывший муж выглядел бледновато, но ничто более не говорило о том, где именно он провёл эту ночь. Интересно, с каких пор в темнице выдают идеально отглаженную чистую одежду, а ещё бритвенные принадлежности? Или король пришёл к какому-то определённомu решению насчёт нашего развода и теперь открыто демонстрирует, что ждать мне положительного решения бессмысленно? Ойген вольготно расположился в кресле неподалёку от камина, явно чувствуя себя хозяином положения. Неужели Его Величество действительно сменило гнев на милость?

Двери в зал закрылись, и из коридора раздалось, что заседание начинается, а потому более никто не имеет права сюда входить.

Естественно, этот запрет не касался судебной коллегии, состоящей из трёх человек, которые появились из боковой дверцы и заняли свои места за столом. А вот вслед за ними из-за панели, располагающейся справа от трона, появился сам король. Хоть суд и называется «королевским», окончательное решение выносится Верховным королевским судьёй, и присутствие монарха является обязательным только, если задеты его интересы. После того как все выразили почтение Его Величеству, секретарь объявил о начале слушания.

– Нам было передано прошение от баронессы Кристины Вильгельмины Вербер-Майер, в девичестве Вербер, а после расторжения брака с бароном Майером именовавшейся госпожой Вербер, о повторном расторжении брака, признанного ранее действительным из-за аннулирования постановления, вынесенного судьёй города Гендринга. Его действия были признаны скоропалительными и не имевшими должных оснований для принятия положительного решения. Ввиду того что истица на момент заключения брачного соглашения являлась сиротой, в качестве её представителя выступал Его Величество Людвиг четвёртый. Таким образом, при рассмотрении дела о расторжении брака между баронессой Вербер-Майер и бароном Майером в мае сего года не были учтены интересы этой стороны. Всем присутствующим ясны причины аннулирования свидетельства о расторжении брака?

Возражающих не обнаружилось, а мне хотелось закричать от отчаяния. Всё-таки король выступал тогда в качестве представителя...

– Баронесса Вербер-Майер, поведайте, пожалуйста, королевскому суду о причинах, которые заставили вас повторно просить о расторжении брака с вашим мужем, бароном Майером.

Встав со своего места, я заговорила: – Я родила больного ребёнка – дочь Софию Анналейсу, и не смогла впоследствии воспроизвести на свет наследника барону Майеру по состоянию своего здоровья. Обе этих причины послужили причиной невозможного дальнейшего существования нашего брака. Барон Майер полностью поддержал решение о расторжении брака и подписал официальный отказ от отцовства. Нemoцность Софии Анналейсы была подтверждена осмотром и засвидетельствована в суде города Гендринга.

Верховный королевский судья хотел задать ещё один вопрос, но был остановлен жестом короля.

– И всё-таки я считаю то решение скоропалительным. Всё течёт, всё меняется. Да, девочка была признана немошной, но многочисленные свидетели утверждают, что сейчас она вполне здорова и ничем не отличается от своих ровесников. Возможно, всё дело было в смене обстановки, и в таком случае признать вас, Кристина, неподходящей для брака женой невозможно. Вы готовы предъявить суду Софию Анналейсу, чтобы все могли удостовериться в том, что она больна?

А вот это был удар под дых! После последних событий я костью лягу, чтобы Софи оставалась как можно дальше и от Ойгена, и от короля. Моего бывшего мужа при упоминании дочери перекосило так, словно ему в рот жабу, облитую уксусом, засунули. Ответить мне на вопрос Его Величества было нечего, поэтому я промолчала.

Король, выждав минутную паузу, продолжил: – Однако если барон Майер не пожелал восстановиться в родительских правах, возможно, на то он имеет веские причины или собирался сделать это позднее, но не успел. В любом случае прошу считать эту причину для расторжения брака ничтожной. Что же касается вашего состояния здоровья, Кристина, то готов предоставить одного из своих целителей, чтобы он дал полную оценку. Однако и на первый взгляд вижу, как вы крепки и вполне способны подарить наследника своему супругу, а, возможно, и нескольким.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Хорошо, что из-за широких складок на юбке, которые заложила Сабрина, моих рук не было видно, иначе точно посчитали бы оскорблением мнения короля.

– Молчите? Значит, вам нечего возразить. Барон Майер, а вы сейчас готовы подтвердить ваши ранние намерения по поводу расторжения брака со своей женой?

Ойген одёрнул сюртук, и неспеша поднялся: – У меня нет оснований для того, чтобы настаивать на бракоразводном процессе с баронессой Вербер-Майер.

Удовлетворённо кивнув, король зорко проследил за тем, чтобы секретарь суда внёс слова Ойгена в протокол. Мой бывший муж с чувством собственного превосходства одарил меня ядовитой улыбкой. Как же! Ведь его план, находившийся на грани провала, сейчас имел все шансы воплотиться в жизнь!

– Имеются ли у кого-нибудь из присутствующих возражения или дополнительные сведения, относящиеся к делу? – обратился Верховный королевский судья

Глава 88. Нарушители

Я не особо надеялась на то, что кто-то посмеет пойти против короля, поэтому, взвесив все «за», и «против», снова поднялась. Всё равно мне терять уже нечего, а так хотя бы Ойгену жизнь сказкой перестанет казаться.

– Мне есть что добавить, Ваше Величество. Будучи воспитанной в строгих канонах, навсегда запомнила: репутацию стоит сохранять во что бы то ни стало. Однако в данный момент у меня нет иного выбора, как рассказать о том, что истинной причиной развода с бароном Майером послужило его распутство. Ещё будучи в браке со мной, мой муж нашёл утешение у Линды Каталины Вайлет, которая от него забеременела. Единственным препятствием к их счастливому будущему была я, и по совету своего сына Доротея Майер несколько раз предприняла попытки от меня избавиться. К счастью, неудачные.

Просто расторгнуть брак барону Майеру было невыгодно, так как он не хотел лишаться земель, принадлежавших ранее роду Вербер и перешедших к нему после свадьбы со мной. Из опасений за свою жизнь я предложила выход, который всех устроил: согласиться признать себя никчёмной женой, родившей больного ребёнка. Таким образом, готова была лишиться титула, земель и полагающегося Софи содержания. В качестве отступных барон Майер выплатил содержание, полагающееся мне, как его жене, и которое ни разу за эти годы не получала. Из этой суммы были удержаны средства, затраченные на нас Софи с момента появления обеих в доме Майеров.

На оставшиеся деньги я купила охотничий домик вместе с Зауберерским озером и прилегающими землями, которые Ойген любезно предложил мне продать, не посчитав доходными и не желая тратиться на очистку загрязнённой воды, – в зале раздался ропот, но я продолжила. – Однако барон Майер не удовлетворился тем, что получил при расторжении брака всё. Он запретил всяческое сотрудничество и общение со мной жителям близлежащих деревень, находящихся на землях, принадлежавших ранее семье Вербер, оставив таким образом меня и мою дочь без возможности покупать чистую воду и пропитание.

Ещё и очернил мою репутацию в письмах, направленных старостам, обвинив в распутстве. И это несмотря на то, что после расторжения нашего брака Линда Вайлет избавилась от беременности, на момент заключения брака с бароном Майером она снова оказалась от него же беременной. Кстати, именно по этой причине эта особа до сих пор проживает в поместье семьи Майер, скрывая собственное положение. Причём состояние женщины оставляет желать лучшего: новая беременность даётся ей тяжело. Однако никто так и не позаботился о том, чтобы приставить к ней хорошего целителя, ограничившись домашним лекарем. Состояние этой молодой женщины ухудшилось ещё до моего возвращения в поместье Майеров.

– Лживая тварь! – Ойген сорвался со своего места, но один из стражников преградил ему путь и, грубо схватив за руку, вернул обратно.

– Зато мне был поставлен ультиматум бароном Майером, чтобы после рождения этого "недобастарда" я признала своим ребёнком. Учитывая многолетнюю страсть Ойгена к Линде Вайлет, сомневаюсь, что после рождения её ребёнка, мне позволят долго радоваться белому свету. Если же и эта беременность окончится неудачно, то как и в прошлый раз, меня снова обвинят во всех грехах. Хотя с моей стороны действий не было никаких. Ведь это Линда Валет сама избавилась от беременности, приняв специальное для таких случаев снадобье. Даже свидетели и участники тому были, правда, не знаю, живы ли они сейчас, или от них избавились точно так же, как от слуг семьи Вайлет. Всю прислугу Линды, привезённую из дома Вайлет, заменили по приказу Ойгена и Доротеи Майер. И больше тех людей никто не видел, хотя пределов поместья они точно не покидали.

Периферийным зрением я увидела, как кто-то вскочил со своего места, однако, повинувшись жесту короля, снова опустился на скамью.

– Поэтому прошу расторгнуть наш брак с бароном Ойгеном Ристофом Майером. Эта парочка давних любовников всё равно добьётся тем или иным способом того, чтобы быть вместе, а я хочу жить, не опасаясь за свою жизнь.

– Мы не только поддерживаем желание баронессы Вербер-Майер расторгнуть её брак с бароном Майером, но и имеем веские доказательства, подтверждающие, что он был заключён с нарушениями. Помимо этого, у нас есть веские доказательства того,

что интересы рода Вангер неоднократно пострадали от действий некоторых лиц.

Я повернула голову, услышав незнакомый голос, и увидела, как одновременно с Видьгельмом поднялся какой-то пожилой мужчина с папкой в руках. Открыв её, он передал Вангеру какую-то бумагу, после чего оба направились в центр зала. Король сразу напрягся и даже чуть подался вперёд, жадно пожирая глазами документ. Пока секретарь забирал папку, Вильгельм оказался очень близко к Ойгену и как будто нарочито медленно расправлял лист, демонстрируя при этом его всем присутствующим.

– В бумагах своего дяди Эгона Густава Вангера я обнаружил зарегистрированное помолвочное соглашение, заключённое между ним и Хардмутом Эбертом Вербером в отношении Кристины Вильгемины Вербер и Вильгельма Дейтера Вангера. Таким образом, между двумя семьями был заключён союз, должный окончательно подтвердиться заключением брака. Мой нотариус, господин Вильдермар, проверил, что соглашение не было по сей день ни опротестовано, ни расторгнуто.

– Этого не может быть! Все оригиналы были уничтожены! Это гнусная подделка!

Похоже, что нервы Ойгена сдали, и он, вырвав соглашение из рук Вильгельма, швырнул бумагу в огонь, успев разорвать её на четыре части.

Вангер нахмурился и, снова поклонившись королю, мрачно поцедил: – К сожалению, это был последний экземпляр, но действия и слова барона Майера лишь подтверждают, что соглашение до сих пор имеет силу. Соответственно, брак Кристины Вильгемины Вербер с этим человеком изначально не был законным. Господин Вильдермар по моей просьбе сделал запросы во все регистрационные органы Бронхеджа и Бернгрена о расторжении помолвочного соглашения и получил отказы. Да, я и моя семья могли опротестовать брак с бароном Майером, но так как нас заверили, что здесь имели место чувства, то, желая счастья молодожёнам, не стали давать ход делу. Однако судя по рассказу госпожи баронессы, не таким безоблачным оказалось её замужество. А также согласно письму, в котором Ваше Величество настаивало на этом браке, похоже, что в королевской канцелярии проигнорировали или попросту потеряли второй экземпляр

помолвочного соглашения, отправленный туда, как полагается, сразу после заключения. Кто-то ввёл Вас в заблуждение, Ваше Величество, заставив косвенно нарушить не только закон, но и права рода Вангер.

У меня резко заболело сердце, не давая ни вдохнуть, ни выдохнуть. Да, Вильгельм очень тонко прошёл по грани, обвинив короля в правонарушении, но при этом ловко спихнув всю ответственность на работников канцелярии. Но всё равно сунул голову в петлю.

— Так как слушание открытое, и здесь присутствуют представители всех двадцати четырёх земель Бронхеджа, пятеро родов, из которых обладают теми же привилегиями, что и семья Вангер, хочу узнать королевскую волю насчёт восстановления моих прав.

А вот этот тот самый удар под дых, которого боялся король. Если сейчас Его Величество проигнорирует требование семьи Вангер, то однозначно лишится поддержки, как минимум семнадцати родов. Это насколько я могу судить по бурным обсуждениям, начавшимся в зале. Аристократов в Бронхедже хватает, но всё королевство разделено на двадцать четыре земли, во главе каждой из которых стоит граф, герцог или барон, остальные же, даже владея наделами в пределах основной территории, обязаны им подчиняться. Чего уж греха таить, если у короля не останется наследников, то старший из этих двадцати четырёх родов имеет право заявить свои требования на престол — такое вот здесь законодательство. И хотя несколько столетий подряд подобной необходимости не возникало, но с мнением представителей земель приходилось считаться, ведь каждый из них потенциальный кронпринц. Если права одного из привилегированных нарушат, то веры королю, что законы будут соблюдаться в отношении остальных, не будет. А это уже перспектива гражданской войны.

— Кто ещё требует оглашения королевской воли? — прокрипел король, испепеляя взглядом Ойгена.

Один за другим начали подниматься представители. Судя по одежде и некоторым деталям, кто-то прислал своих поверенных, но были и те, что приехал сам. Двадцать один из двадцати четырёх. Трое воздержались, включая Ойгена, до которого стало доходить, что натворил.

– Но она сама! Сама легла под этого Вангера, когда брак уже был восстановлен! – сделал попытку обелить себя мой бывший муж. – Разве можно верить словам этой распутной женщины?!

– Незадолго до аннулирования развода между бароном Майером и баронессой Вербер-Майер, будучи с юридической точки зрения абсолютно свободными людьми, мы заключили помолвку. И в отличие от вас мы соблюдали все правила приличия, сохраняя репутацию до проведения брачной церемонии, – спокойно парировал Вильгельм. – За оскорбление моей невесты я требую ответа и компенсации у вас, господин барон.

Однако король ухватился за эту ниточку, чтобы хоть как-то выкрутиться из ситуации: – Было ли объявлено о помолвке? Чем можете подтвердить свои слова? *** Возникли проблемы технического характера, из-за которых на несколько дней выпала из работы. Сейчас всё исправлено и по линии связи и решены вопросы с переходниками и носителями.

Глава 89. Решение

Во мне только затеплилась надежда, что получится всё-таки избавиться от ненавистного брака, как тут же испарилась без следа. Мы ведь с Вильгельмом не объявляли о помолвке в отличие от того же Ойгена и Линды, разославших уведомления куда только можно. Оказалось, что не всегда «счастье любит тишину», порой необходимо было о нём прокричать во всеуслышание. Откуда он вообще взял помолвочное соглашение?

Вильгельм даже бровью не повёл, словно давным-давно просчитал и отработал все ходы, а теперь просто использует наиболее выигрышную комбинацию. – Делать официальные заявления мы не стали. Ведь какой смысл, если более ранняя договорённость, достигнутая ещё нашими старшими родственниками, осталась в силе? Близкое окружение, естественно, в курсе, но кто-то из присутствующих здесь может усомниться в данном факте, заподозрить подкуп. Однако у меня есть серьёзное доказательство, что помолвка состоялась и до сих пор не была расторгнута в одностороннем порядке. Баронесса Вербер-Майер, продемонстрируйте, пожалуйста, суду своё кольцо.

Не понимая, каким образом оно может помочь делу, ведь при желании любое можно надеть на безымянный палец левой руки и сказать, что это помолвочное, я подняла руку. Ойген заскрежетал зубами, но от обвинений и резких движений воздержался.

– Что написано на внутренней стороне ободка? – спросил Вильгельм, наблюдая за тем, как господин Вильдермар что-то шепнул секретарю суда, после чего тот направился в мою сторону.

Честно говоря, с тех пор, как Вильгельм надел мне кольцо на палец, я украшение ни разу не снимала. Собственно, именно поэтому вообще не была в курсе, имеется ли какая-либо гравировка или нет. С небольшим усилием, но мне удалось снять кольцо, так как руки в такой духоте немного отекли. На пальце осталась тонкая полоска белой незагоревшей кожи.

– Как можете удостовериться: кольцо носится уже достаточно давно, – взял слово господин Вильдермар. – А пока секретарь передаёт

его многоуважаемым судьям, могу с уверенностью сказать, что на внутреннем ободке сделана гравировка «В знак любви и верности Кристине В. Вербер. Вильгельм Д. Вангер». Вот бланк заказа ювелиру с точной формулировкой гравировки и датой. Также здесь указано, когда работа была выполнена и кольцо передано заказчику.

Покрутив в руках переданный секретарём золотой ободок, судьи начали совещаться. Время от времени каждый из них бросал вопрошающий взгляд на короля, который, казалось, отрешился ото всего происходящего вокруг. При желании любой довод Вильгельма или его нотариуса можно было оспорить, но в присутствии представителей других земель... В зале повисла такая тишина, что было слышно, как трещат поленья в камине.

Неожиданно голос подал господин Вильдермар: – Пользуясь случаем, я хотел бы зарегистрировать ходатайство от имени барона Вангера о проверке на подлинность расписок, якобы данных Эгоном Густавом Вангером на имя барона Ойгена Ристофа Майера, согласно которым произошло отчуждение Зауберерского озера, расположенного на его берегу охотничьего домика и части земель. У нас возникли веские подозрения по этому поводу, в связи с тем, что позднее попали некоторые бумаги, подлинность которых также хотелось установить.

Если до этого состояние Ойгена выдавал нервный тик, то после заявления нотариуса Вильгельма с моим бывшем мужем случилась истерика. Таких оскорбительных эпитетов я не слышала даже в трактире у Марго от сильно перебравших постояльцев.

– Баронесса, вы понимаете, что после всех этих заявлений вы лишаетесь всего? Ваша дочь будет считаться незаконнорожденной. А принадлежащее вам имущество, приобретённое после развода в мае этого года, перейдёт обратно к барону Вангеру, если артефакты подтвердят факт подделки? В случае согласия на брак по помолвочному соглашению земли Верберов перейдут к вашему новому супругу... – ледяным тоном произнёс король, которого явно утомил шум, производимый Ойгеном.

– Я всецело осознаю все риски и продолжаю настаивать на своём решении. Тем более что барон Майер, отказавшись в своё время от прав на Софию Анналейсу, так и не восстановил себя в них. Для моей дочери не изменится ничего.

– В таком случае вот моя королевская воля: с учётом всех обстоятельств я признаю брак, заключённый между Ойгеном Ристофом Майером и Кристиной Вильгеминой Вербер недействительным. Ходатайство о расторжении брака оставить без удовлетворения, претензию барона Вангера к барону Майеру рассмотреть. В связи с этим все участники предстоящего процесса должны явиться на первое слушание завтра в полдень, ответчику запрещено покидать пределы королевского дворца. В противном случае нарушители будут заключены под стражу, в том числе и за неуважение к суду.

Что именно имел в виду король, я не поняла, но потому, как хищно изогнулись его губы в конце, он точно задумал какую-то гадость. Встав со своего места, он скрылся за той же дверью, из которой появился перед началом заседания.

– Я этого так не оставлю! Если думаешь, что для тебя всё закончилось, то клянусь: всё ещё только начинается! – подскочил ко мне Ойген, брызгая слюнями, но путь ему на этот раз преградил Вильгельм.

– Прошу зафиксировать угрозы в адрес моей будущей жены, и в том случае, если в ближайшее время с ней произойдёт какое-либо несчастье, проверку начать с барона Ойгена Майера.

Секретарь кивнул и тут же застрочил по бумаге.

– Пойдём. Чем быстрее покинем эти стены, тем лучше, – шепнул Вильгельм мне на ухо перед тем, как предложить руку. – Дальше уже господин Вильдермар всё сделает и без нас.

Едва мы вышли в коридор, как раздался совершенно безумный хохот Ойгена. Оглядевшись по сторонам, я увидела бывшего мужа, привалившегося спиной к стене, из рук которого выпал какое-то письмо.

– Тварь... Ты знала! Ты всё знала! Линда родила уродца!

От покидающих зал отделился мужчина и направился напрямиком к Ойгену.

– Брат Линды? – шёпотом поинтересовалась я у Вильгельма.

– Он самый. Думаю, пользуясь возможностью, к завтрашнему утру подаст заявление о возмещении ущерба, причинённого репутации семьи Вайлет.

– погоди, ты, случайно, не взял с собой те бумаги, что я передавала с последним письмом?

– Они здесь, в городе, а что?

– Ты можешь показать мне представителей семей Ландерс и Эренбах?

– Конечно. Вот тот мужчина средних лет в тёмно-фиолетовом костюме – старший сын графа Ландерса, а вот тот господин у колонны – поверенный барона Эренбаха.

– Если мне удастся заручиться их поддержкой или хотя бы получить рекомендательные письма к главам семейств, мы успеем вернуться во дворец до начала заседания?

– Вполне. Если начнём с Эренбаха, то он имеет право потребовать отсрочки заседания на сутки, а то и больше. В таком случае о переносе уведомляют до назначенного времени. Хочешь окончательно разорить Ойгена?

– Прости, но чтобы его свалить окончательно, нужна сила посерьёзнее. Я так понимаю, ты ознакомился с присланными бумагами?

– Несомненно. Не до соблюдения приличий было: время стремительно утекало, а действовать приходилось быстро, используя все доступные средства.

Извинившись перед Вильгельмом, я подошла к интересующим меня мужчинам и попросила уделить немного внимания. После ходатайства семьи Вангер насчёт проверки на подлинность старых расписок Эгона оба согласились с тем, что стоит предъявить выкраденные мной у Ойгена долговые документы главам родов. У поверенного при себе оказалась чистая писчая бумага, поэтому прямо в коридоре я получила рекомендательные письма.

Вернувшись к Вильгельму, просто кивнула, показав, что получила желаемое и можно отправляться в путь. Свернув за угол, он увлёк меня за одну из колонн и постучал несколько раз по стене. Фальшь-панель отъехала в сторону, открыв потайной ход.

– Удобно иметь друзей, служащих во дворце... – усмехнулся Вильгельм, пропуская меня вперёд.

Вскоре и я сама увидела примерно одного с ним возраста незнакомого мужчину, ожидавшего нас с лампой в руках. Идти пришлось не так долго. И вскоре, поблагодарив нашего

сопровождающего, мы сели в ожидающую нас карету без каких-либо опознавательных знаков.

Оказавшись наедине с Вильгельмом, я не выдержала и разрыдалась, чувствуя, как с каждой слезой наружу выходит напряжение, накопившееся за последние недели.

– Всё, Кристина, всё... – меня нежно обняли и прижали к себе сильные мужские руки. – Больше никто между нами не встанет. Ещё по пути сделаем одно дело и успеем покинуть столицу до того, как у ворот начнёт скапливаться торговцы из ближайших предместий, спешащие вернуться домой затемно.

Продолжая всхлипывать, я уткнулась Вильгельму в грудь: – Откуда ты только взял то старое помолвочное соглашение? Я до сих пор боюсь, как бы король не изменил своё решение, заявив, что утрата оригинала поставит под сомнение твои слова, несмотря на безумный поступок Ойгена.

– Не было никакого оригинала. Я его подделал.

– ЧТО?!

Глава 90. Шельмы

– Я перевернул все архивы дяди, а затем и отца, но не нашёл и следа соглашения. Думаю, что все экземпляры были уничтожены по приказу короля ещё во время подготовки всей этой аферы с твоим браком. Пришлось привлечь господина Вильдермара, когда-то представлявшего интересы моего отца в Бернгрене, чтобы тот занялся рассылкой запросов о подтверждении расторжения соглашения во все соответствующие инстанции обоих государств. Косвенно это могло послужить подтверждением, что соглашение могло существовать. Когда мы получили все письма с отказами, я решил, что можно попробовать сыграть на эмоциях Ойгена.

Перепортил кучу старой бумаги и извёл почти все запасы разведённых высохших чернил, прежде чем смог добиться максимального сходства с подписями дяди и твоего отца, – пояснил Вильгельм, целуя меня в макушку. – Зато обрати внимание: у Ойгена ни на секунду не возникло сомнений в подлинности документа! Мало того, тем самым подтвердил, что такой документ был ему знаком, но и выдал себя, как фальсификатора. Ты вот знаешь, как выглядела подпись твоего отца?

– Нет... Но послушай, ты с ума сошёл, когда решился на подделку документов! Это же прямой путь на каторгу! Допустим, тебе наплевать на себя, меня и мои чувства, но как же Эль?! Ты столько сделал для того, чтобы не только вернуть ей здоровье, но и не дать почувствовать обделённой...

– Я готов был рискнуть и не проиграл. Если всегда довольствоваться только доводами разума, так можно потерять всё ценное, что есть в жизни, а потом и саму жизнь, продолжив существование пустой оболочкой.

– Сумасшедший... – пробормотала я в ответ, но договорить так и не смогла, ибо губы любимого мужчины накрыли мои.

Мы настолько истосковались друг по другу, что, казалось, поцелуй будет длиться бесконечно. Наши пальцы то сплетались, то скользили по одежде, алча избавиться от неё и сдерживаясь от этого порыва в последний момент. Более страстного и в то же время

преисполненного нежности поцелуя я ещё ни разу в своей жизни не испытывала. Голова начала кружиться, но не от нехватки воздуха, а из-за испытываемой феерии чувств.

– Ради тебя и семьи я готов на любое безрассудство, чтобы защитить от любой напасти. А мы с тобой – семья! Кстати, ты так торопилась, что забыла кое-что важное, – с этими словами Вильгельм залез в карман сюртука и достал помолвочное кольцо. – Негоже невесте расхаживать без опознавательного знака. Вдруг ещё кто-нибудь успеет попытаться посягнуть на не принадлежащее другому мужчине.

– Но ведь это ты меня торопил! – изобразив поддельное возмущение, я с удовольствием смотрела, как кольцо занимает прежнее место на моей руке.

– Однако я его забрать успел! – язвительно усмехнулся Вильгельм. – Правда, недолго ему красоваться на тебе. Ты ведь не очень расстроишься, если мы поженимся прямо сейчас?

Карета действительно остановилась около небольшой часовни, хотя я думала, что мы едем за расписками.

– Нет, но...

Вильгельм бережно взял мою руку за кончики пальцев и коснулся губами: – Не лишай меня, пожалуйста, удовольствия не только увидеть тебя в скорейшем времени своей женой, но и щёлкнуть по носу Его Величество. Что бы они ни задумал, к тому времени, когда решит реализовать очередную пакость, ты уже будешь под защитой моего имени. Учитывая, сколько шума наделало обсуждение того, встанет ли король на сторону закона, или нарушит его, лучше подстраховаться. Его Величество точно не рассчитывает на то, что нам удастся сегодня провести церемонию бракосочетания.

– Конечно же, я согласна! Но почему ты сказал, что с церемонией могут возникнуть проблемы? – оперевшись на предложенную руку, я вышла из кареты и посмотрела на часовню.

– Не в целом, а именно сегодня. Дело в том, что в столице нельзя обвенчаться день в день. Как минимум требуется накануне известить служителя. Это связано и с большой загруженностью, ведь в столице проживает огромное количество народа, и с тем, чтобы желающие заключить брак имели время на обдумывание, дабы исключить спонтанное решение. Но ты можешь не волноваться, Кристин: мне

подказали насчёт этой часовни, и я заранее оплатил добровольное пожертвование, гарантирующее проведение обряда в любое время в течение двух месяцев с даты первого заседания. Так что нас ждут.

– Вильгельм, но это же бешеные деньги... Плюс затраты на услуги господина Вильдермара, почтовые расходы...

– Тебя это совершенно не должно волновать. Я продал оставшуюся недвижимость в Бернгрене, так как возвращаться туда не собираюсь. Сохранил лишь маленькое поместье для Эль, принадлежавшее некогда Эленин. Если дочь захочет когда-нибудь перебраться в Бенгрэн, то будет где обосноваться.

Спорить с Вильгельмом было бесполезно, да и не очень хотелось. Я больше переживала, что вся подготовка к суду и прочие издержки могли вынудить продать его поместье. И тогда они с Эль, Гертм и Сабриной оказались на улице. Мне в этом отношении немного больше повезло, ведь размер пошлин зависит от статуса истца, а после расторжения брака с Ойгеном снова стала госпожой Вербер. Юридическая несправедливость: аннулировать развод можно, а вот заявление о признании никчёмности с законодательной точки зрения – нет. Поэтому ни титул, полученный по праву рождения, ни земли Верберов ко мне не вернулись. А денег, привезённых из охотничьего домика, вполне хватило в случае удовлетворения ходатайства о разводе. В случае Вильгельма суммы могут оказаться астрономическими. По сути, он и так сейчас заплатит за мой развод ввиду аннулирования брака.

Оказавшись внутри часовни, я удивилась, что в такое время здесь кто-то находится. С ближайшей к алтарю скамьи приподнялась тёмная фигура какого-то мужчины, и знакомый голос произнёс:

– Секретарь магистрата получил постановление суда на основании воли Его Величества и вскоре будет здесь.

– Герт?! – от удивления я чуть не споткнулась, но Вильгельм меня удержал от падения.

Вслед за управляющим в широкий проход вышли Сабрина, Марго, Горст, Юста и Хэрб, а последними соскочили Софи и Эль.

– Мама!!!

– Папа!!!

Присев, я поймала в объятия дочь, по которой успела безумно соскучиться, а следом и Эль, потянувшейся ко мне после того, как

Вильгельм получил свою порцию любви.

– Но как же это...

– А что тебя так удивляет? – рассмеялся Вильгельм. – Обычное сборище каторжников: бывших, потенциальных и неудавшихся! Где же ещё всем нам быть, как не здесь, чтобы очистить свои души и встать на путь истинный?!

– Может, начнём уже? – пробурчала тётушка, украдкой смахивая слезу. – Я из-за тебя, Кристина, вынуждена была замуж выйти! Причём в ускоренном порядке! У тебя хоть капелька совести есть?!

– За господина Вальтера, я так понимаю? – кивнув на Горста, я отпустила девочек и обняла Марго.

– За кого же ещё?! В таких делах нельзя полагаться на первого встречного, а выбирать стоит проверенного мужчину! А ещё продать трактир! – продолжала ворчать тётушка, покосившись на мужа, а потом шепнула мне на ухо. – Но ты не волнуйся – документы у него самые что ни на есть настоящие. Никто при всём желании не подкопается. А то имя... Детское прозвище.

– Петер Вальтер, – представился Горст. – Мне кажется, что действительно пора начинать – уже священнослужитель пришёл.

– Как вы всё это успели?! – у вопросов, роящихся в моей голове, казалось, не было ни конца, ни края.

– А ты знала, что у господина Вальтера самые быстрые кони и весьма шустрые помощники?

Догадываясь, откуда такое богатство взялось у моего новоиспечённого дядюшки, я промолчала, так как в первую очередь стоило исполнить то, ради чего мы здесь собрались. Девочки, которым Сабрина вручила подушечки для колец, замерли неподалёку от алтаря, преисполнившись важностью данного им поручения. Сама церемония заняла не так много времени, зато после её окончания нас с Вильгельмом едва не задушили в объятьях родные и близкие люди. Теперь у нас на руках была не только выписка из церковной книги, но и свидетельство, заверенное секретарём магистрата.

Горст, а вернее, господин Вальтер, выпалив поздравление, помчался сразу за долговыми расписками, пообещав доставить их к городским воротам или нагнать уже нас чуть позже. Все остальные отправились в дом, который снял Вильгельм в сопровождении надёжной охраны. Реши Ойген нанять кого-нибудь расправиться с

нами, затея заранее была проигрышной: легализовавшиеся разбойники из банды Горста в своё время страже противостоять умудрялись, что говорить о каких-то наёмниках, привыкших просто убивать?

– Поспи немного, Кристин, я тебя разбужу, когда настанет время, – муж вытащил плед из ящика, расположенного под сиденьем, и пару подушечек.

– Спасибо за то, что ты есть...

Устроившись полулёжа, я поймала себя на мысли: после объявления королевской воли почти не выпускала руку Вильгельма, словно боялась его исчезновения. Осталось выдержать последний бой, а затем начать новую жизнь рядом с любимым человеком и дочерьми. А ещё кучей новоприобретённых родственников, разительно отличавшихся от тех, которые достались изначально при попадании в этот мир.

Глава 91. Союзники

По поручению Вильгельма Петер привёз не только долговые расписки графа Ландерса и барона Эренбаха, но и все остальные. Когда Герт обнаружил моё исчезновение, а затем и письма в тайнике, то сразу помчался в поместье. В тот же день, пока Вильгельм с Марго пытались выстроить свои дальнейшие действия, наловил в малую бочку, которую я использовала обычно для замачивания белья, сиприн. Так что к обоим будущим оппонентам Ойгена мы отправились не с пустыми руками, а прихватив с собой рыбу. Благо всё это время сиприны находились в состоянии, близкому к зимовальному оцепению.

Тихонько, пока Вильгельм перетягивал внимание на себя, я немного поправила состояние барона Эренбаха, оставив рекомендации по тому, как с помощью сиприн поддержать здоровье. Старый вояка не жаждал вечной жизни в отличие от короля. Зато несказанно обрадовался тому, что на некоторое время перестанет быть обузой для родных и успеет привести в порядок те дела, которые задумал, но оказался неспособен довести до конца из-за беспокоящих всё чаще старых ран. Он когда-то дослужился до звания генерала, участвовал в боевых действиях и ушёл в отставку, почувствовав, что пора уступить дорогу молодым. Если бы не острая необходимость успеть до полуночи добраться до графа Ландерса, с удовольствием продолжили бы общение с этим потрясающим человеком.

Ойген действительно подделал подпись барона Эренбаха, чем вызвал неопиcуемый гнев у старика. Оказывается, не появившись я с расписками, мой уже дважды бывший муж всё равно попал бы под подозрение с фальшивой распиской. В погоне за крупной наживой он серьёзно просчитался: об ухудшении здоровья главы семейства информацию долго скрывали, и на званых вечерах тот появлялся буквально на несколько минут, чтобы соблюсти приличия, а затем удалялся тут же отдохнуть. Таким образом, просидеть несколько часов за игральным столом в тот день, когда якобы была составлена расписка, однозначно был уже не в состоянии. Подтвердить это легко могли заключения семейного лекаря, который вёл подробные записи на

каждого своего пациента. Так что Ойген нажил серьёзного врага в лице барона Эренбаха, захотевшего собственноручно размазать по стенке «зарвавшегося юнца». Еле смогли упросить старика просто поспособствовать разорению Майеров.

Здесь у меня сработала не только старая присказка «Хочешь наказать врага — лиши его самого дорогого», но и желание не подпустить к нашим с Вильгельмом землям чужаков. Ведь земли Верберов, должны перейти под управление моего мужа, по-прежнему граничат с принадлежащими Майерам. Лишившись «кормильца», Доротея начала бы потихоньку закладывать и распродавать всю недвижимость по кусочкам, чтобы не только выдать дочерей замуж, но и сохранить привычный образ жизни на прежнем уровне. Мы же решили сыграть «втёмную»: с учётом того, какой ущерб присудят Вильгельму, взять не деньгами, а землёй, остальные угодья согласился выкупить «с молотка», когда начнутся торги, через своих поверенных барон Эренбах.

Вырученной с аукциона суммы должно хватить, чтобы рассчитаться с остальными «пострадавшими» от мошеннических действий Ойгена, включая графа Ландерса и семьи Вайлет. По предварительному соглашению, оформленному по всем правилам, несмотря на поздний час, земли, которые барон Эренбах запросит в качестве компенсации, а также выкупленные им, отойдут к нам с Вильгельмом. Просто на протяжении нескольких лет будем погашать долг, договорившись о рассрочке.

На первый взгляд сделка была не очень выгодна барону, ведь с недвижимости можно получить доход намного больше, чем с купли-продажи, но здесь сыграла свою роль удалённость земель Майеров. Таким образом, для наведения порядка и должного контроля потребуются вложения, а так деньги станут перечисляться Вильгельмом на специальный счёт, открытый на имя младшей дочери барона. К тому времени, когда девочка достигнет совершеннолетия, она окажется обеспеченной приданым, намного превышающим затраты её отца на выкуп земель Майеров. Поздний ребёнок, последняя радость и гордость барона Эренбаха. Сейчас девочке семь лет, следовательно, у нас в запасе одиннадцать, чтобы окончательно рассчитаться. Даже при самом неблагоприятном раскладе мы рассчитывали исполнить все обязательства в течении шести-семи.

Хоть состояние здоровья барона Эренбаха и оставляло желать лучшего, но ум его был по-прежнему остр. Старик быстро просчитал все варианты, прикинул свою выгоду и поддержал наш план по разорению Майеров. Несмотря на то что титул барона по иерархической лестнице титул барона ниже графского, влияние в обществе Эренбаха намного сильнее Ландерса. Как из-за привилегии, так и вследствие боевого прошлого. Мы не зря начали переговоры с самого серьёзного игрока. А то, что своим появлением избавили от будущих хлопот наследников барона, связанных с судебными тяжбами из-за долговой расписки, и дали надежду с помощью сиприн чуть задержаться на этом свете.

Естественно, союз с бароном Эренбахом во многом зависел от того, согласится ли на нашу схему граф Ландерс. Но в конечном счёте тот тоже поддержал нашу идею. Договорённостей удалось достигнуть тем же путём, что и с бароном Эренбахом. Убрав часть последствий перенесённого инсульта, оставила ему оставшуюся половину бочки с сипринами. Ещё и к господам Раннеборгу и Гринбергу порекомендовала обращаться за консультациями по поддержанию здоровья. Граф Ландерс взял на себя роль переговорщика со всеми, чьи имена были указаны в расписках. Да, потом уже выяснилось, что некоторые действительно проигрались Ойгену, но по сравнению с тем куском, который хотел урвать с двух наших союзников мой бывший муж, это было ничто.

Барона Майера рвали на куски в суде так, что уже после первого заседания он переехал из выделенных ему покоев обратно в темницу. Король посетил всего первое слушание, узнав на котором о нашем бракосочетании с Вильгельмом, покидая зал, прошипел, что со своим даром загоню в могилу Вангера быстрее, чем ему самому хотелось бы того. Его Величество имел серьёзный зуб на всех «привилегированных», видя в них опасность для себя. Видимо, слишком много грешков таилось за его чёрной душой, не желающей расставаться с властью до самого последнего вздоха. Даже попытка уколоть меня, что теперь осталась не только без своих родовых земель, но и даже охотничьего домика вместе с Зауберерским озером, не удалась. Господин Вильдермар не зря получал своё жалованье: едва было отменено решение суда, основанному на поддельной долговой расписке, Вильгельм прямо в зале суда подписал заранее

составленную дарственную на моё имя в качестве свадебного подарка. Так что охотничий домик со всеми прилегающими территориями снова стал моим.

Естественно, Ойген во время заседаний старался изо всех сил настроить судей против меня, в том числе обвиняя в краже расписок. Однако его быстро заткнули, напомнив, на какую сумму штрафов за оскорбление баронессы Вербер-Вангер он уже «накричал», но ещё больше должен будет заплатить барону Эренбаху и графу Ландерсу, опорочив их добрые имена своими гнусными подделками. Это передо мной и родственниками Ойген плакался, что разорён, а на самом деле при обыске нашли несколько тайников с дорогими украшениями и драгоценными камнями высшей пробы. Большую часть из всех схронов получила семья Вайлет в качестве компенсации за моральный ущерб и доведение Линды до сумасшествия.

Любовница Ойгена спокойно перенесла потерю уже второго по счёту ребёнка, а вот осознание, что осталась ни с чем, окончательно лишило разума. Рухнули все мечты о выгодном замужестве, блистании при дворе и так горячо любимых ею балах. Не знаю, в какое именно заведение поместил сестру барон Вайлет, но краем слуха слышала, что оттуда не возвращаются. Но мне кажется, что, избавившись от Линды, её брат, наконец-то, выдохнул с облегчением. Слишком уж дорого ему обходились её причуды, пусть он и немало поимел с Майеров во всей этой истории.

Я немного была удивлена, что от имени Вильгельма господин Вильдермар подал прошение о выделении из оставшихся сбережений барона Майера приданого Эрсель, Айталь и Лойзе, а их матери «вдовьей доли». Но как выяснилось, это было условие, поставленное младшей из сестёр в обмен на письмо, в котором Его Величество настаивал на браке со мной Ойгена. Со всеми этими бесконечными заседаниями пришлось задержаться в столице до конца января. Зато, когда все формальности были окончательно улажены, домой мы возвращались уже «с подарком».

Эпилог

Я смотрела на торчащий из множественных складок пледа крохотный носик барона Майера. Даже не верится, что прошло столько лет – словно всё было вчера. Нет больше тех Майеров, что причинили так много горя не только семье настоящей Кристины, но и моей, теперь эту фамилию носят мои внуки от Софи и отчасти от Эль. Уступка, на которую нам с Вильгельмом пришлось пойти, чтобы избежать козней короля. Его Векличество быстро сообразил, в чьих руках в итоге кажутся земли всех трёх баронств, а также сыграл на моём желании увидеть Ойгена перед тем, как того отправят на рудники. Да, граф Ландерс обладал чуть меньшим весом на политической арене, чем барон Эренбах, зато оказался дружен с главным надзирающим за рудниками Бронхеджа. Тот пообещал сделать всё от него зависящее, чтобы продлить Ойгену «счастливые часы» пребывания в трудах праведных. Но даже надзирающий не мог гарантировать того, что от моего мужа не избавятся на этапе. А мне было важно узнать ответ на один вопрос, дать который могли только двое: Ойген и король.

Помню, как входила камеру, попросив мужа подождать в коридоре вместе со стражниками, чтобы иметь возможность поговорить наедине с бывшим мужем. Ойген выглядел откровенно паршиво: от бывшей спеси не осталось и следа, ещё совсем недавно считавшееся красивым лицо осунулось и приобрело нехороший оттенок.

– Пришла насладиться своим триумфом?

– Хочу узнать, что же такого натворил твой отец в прошлом. Помнишь, как Его Величество упомянул о некой ошибке, едва не разрушившей все его планы?

– Да пошла ты! Живи теперь и мучайся, Кристин, – закашлявшись, Ойген сплюнул на пол камеры кровью. – А я ещё найду способ выбраться с рудников и поквитаться с вами всеми!

– Нет, ми-лый мой, – я схватила Ойгена за ухо, как нашкодившего мальчишку. – Мучится будешь ты.

Во мне не было и капли страха, что он сумеет что-либо мне сделать, ведь перед началом свидания, бывшего барона Майера

заковали в кандалы, прочно прикреплёнными к стене. Так что теперь он был распят передо мной, ккак морская звезда.

– Я повторяю свой вопрос: какой проступок твоего отца покрывал все эти годы король?

– Что... Что ты делаешь?! – завизжал Ойген, не понимая, что происходит.

– Забыл, почему на тебя так взъелся король? Чего ты лишил его, когда обращался со мной хуже, чем со скотиной?!

– Прекрати!!!

– Зачем? Ведь я только начала...

На самом деле вредить здоровью Ойгена в мои планы не входило: он и так потенциальный мертвец, ведь не только подхватил чахотку, но и находился не один месяц в условиях, поспособствовавших её стремительному течению. Я лишь немного продлевала его агонию, убирая одну каверну за другой, но бывший муж перепугался не на шутку.

– Остановись! Я всё скажу!

Убрав руку, я чуть отступила назад.

– Король после отказа твоей матери помочь продлить ему жизнь приказал моему отцу её напугать, чтобы сделать поговорчивее. Чтобы всё семейство Верберов помнило, насколько хрупки бывают жизни и как они могут зависеть от благосклонности Его Величества. Мой отец не придумал ничего лучшего, как велеть своему человеку выстрелить в карету. Хотел напугать получше, чтобы выслужиться. Но стрелок промахнулся и попал стрелой в круп одной из лошадей, запряжённых в первую пару из четверика...

– ... и карету понесло...

– Да. Все, кто в ней находились, разбились, когда она перевернулась после удара о дерево. Кроме тебя, Кристин. Живучая стерва...

– Я была в карете? Но почему ничего не помню об этом факте?

– Получила серьёзный ушиб головы и потеряла память. Чтобы не травмировать «дра-го-цен-ную» наследницу, было приказано распустить слух, что ты заболела, а потому осталась в поместье Верберов. Потом, прикрываясь заботой о твоём здоровье, тебя отправили в пансион, куда тут же прислали одного из королевских целителей. Не знаю, действительно ли ты навсегда забыла о

произошедшем в тот день из-за полученного ушиба, или уже это последствия «более глубокого лечения». С детства убогая, а меня переиграла...

Я сжала кулаки, стараясь сдержать крик. Да, погибли по факту не мои родители, но расчётливость короля в своём желании как можно дольше удержать в своих руках власть, пробуждала во мне самые тёмные желания. Отвесив Ойгену звонкую оплеуху, с ужасом, смешанным с некоторым удовлетворением, увидела, как лицо мужчины покрывается глубокими нарывами и струпьями.

– Прощай. Ещё десяток лет прокашляешь вместо одного, зато больше никому не сможешь вскружить голову ни своими сладкими обещаниями, ни красотой, ни статью, – я достала из сумочки карманное зеркальце и показала Ойгену его отражение.

Как же он кричал! Мне кажется, что при четвертовании таких звуков не издают. Бывший барон Майер лишился своего последнего козыря. Нередки истории, когда симпатичные каторжане, сумев очаровать кого-нибудь из семьи надзирателя рудника, получали послабления. Наверняка и Ойген на это рассчитывал. Но цена, заплаченная за то, чтобы узнать правду, того стоила. К тому же мы с Вильгельмом сторговались на закреплении прав за Софи и Эль над землями Майеров.

Да, Ойгена за подделку долговых расписок лишили не только имени и всех гражданских прав, но его сестёр и мать признали невиновными в махинациях. И даже удовлетворили прошение Вильгельма о выделении им денежных средств, как просила Лойза. Вот только никому на пользу прозорливость самой младшей из сестёр Майер не пошла на пользу: муж Айталь оказался заядлым картёжником, супруг Эрсель никогда не отказывал себе в удовольствии поколотить жену за малейший косой взгляд, когда тот возвращался от очередной любовницы, а Лойзе достался выпивоха, чьи интресы сводились к бутылке и спальне жены. Причём не отрываясь на время от одного процесса в пользу другого. Вот как тут не вспомнить ту фразу, что «жена должна принимать своего мужа любым»?

Доротея, кстати, тоже сумела выскочить замуж, несмотря на свой почтенный возраст, за старого вдовца. Но тоже просчиталась: шла под венец «за титул», а в итоге вынуждена была считать гроши, ибо у супруга оказались нешуточные долги. Овдовев повторно, она

поочерёдно просилась на постой то к одной дочери, то к другой, а в итоге из-за своего властного и неуживчивого характера быстро получила от ворот поворот. От осинки не родились апельсинки. Ко мне Доротея обращаться за помощью официально посчитала ниже своего достоинства, а на самом деле, думаю, боялась, что буду мстить. Так и сгинула моя бывшая свекобрушка в одном из приютов для нищих. Честно говоря, женщину, которая сотворила столько зла и даже умудрилась быть изгнанной даже из дома презрения при одном из монастырей, не жаль.

Его Величество сильно настаивал на том, чтобы титул барона Майера не канул в Лету, а достался мужу Софи, если у нас не родится наследник. Таким образом, фамилия Вербер навсегда должна была исчезнуть, а я оказалась бы последней представительницей этого рода. Но Вильгельм настоял на том, чтобы в случае рождения нашего общего сына Эль досталась половина наделов Майеров. Ведь в качестве приданого по местным законам ничего кроме денег она не получила. А так Элоиза Мария Вангер-Майер и её потомки сохраняли за собой не только дарованный им баронский титул, но и фамилию Вильгельма. Появись у нас ещё одна дочь, и ей достался бы титул баронессы Вербер со всеми причитающимися землями. Его Величество искренне надеялся, что после рождения Софи, да ещё и с пробудившимся тёмным даром я не смогу взабеременеть. Он просто не знал, что я уже на тот момент носила под сердцем малыша. Так и умер от внезапно открывшегося массивированного кровотечения всего спустя месяц после осуждения Ойгена, зато в полной уверенности, что подложил Вильгельму знатную «свинью» в моём лице.

Тео... Теодор Рудольф Вангер – тот самый «подарок судьбы», привезённый из столицы. Недаром же первое имя нашего с Вильгельмом старшего сына переводится, как «дар свыше». Переиграв короля один раз, мы обставили его и во второй, когда родился Леонард. Таким образом, наш старший сын должен был унаследовать земли Вангеров, младший с рождения носил титул барона Вербера, Софи и Эль достались угодья Майеров, поделённые пополам. Девочки всегда были дружны между собой, мы даже с Вильгельмом посмеивались, что дай им волю, построили бы свои дома на расстоянии нескольких локтей друг от друга, чтобы бегать друг к другу через калитку в гости как можно чаще. Тем более, что повзрослев, моя вторая дочь

прониклась чувствами к Хэрбу, а Софи узнав, что её любимчик приходится кровным родственником, как и Юста вместе с Марго, одобрила выбор сестры. А что, удачно же: оба дорогих сердцу человека смогут быть не только вместе, но и жить поблизости.

Петер оплатил обучение пасынка в университете, с протекцией в который поспособствовал Вильгельм. Господин Шмид-Вальтер из незнатной семьи? Да без разницы, ведь муж Эль всё равно обязан был принять и титул, и фамилию жены. Хватит с нас договорных браков, пусть наши дети выбирают себе спутников и спутниц по сердцу. Так, в принципе, и получилось с обеими дочерьми. Рупер Гринберг, тот самый сын аптекаря, сумел покорить Софи. Разница в возрасте? Пятнадцать лет – не так уж и много, тем более, что дочь сама хотела себе в мужа человека серьёзного, опытного, а не ровесника. Глядя на то, как светится от счастья Софи, родившая вначале очаровательную дочку, а теперь и сына, я была искренне рада за неё. Но первой сделала дедом Вильгельма всё-таки Эль, став матерью прелестного крепкого мальчугана. Хотя я и беспокоилась, но моя вторая дочь больше не имела никаких проблем со здоровьем с тех пор, как смогла её вылечить. В общем, на двоих с Вильгельмом мы имеем уже троих внуков. А ведь уже Тео с Лео подрастают... Да, им сейчас всего семнадцать и четырнадцать лет соответственно, но чувствую, как глазом моргнуть не успею, и окажусь представленной будущим невесткам.

За наших с Вильгельмом девочек могу быть спокойна: мужа достались дельные, управляющими у них служат внуки Герта и Сабрины. Ещё и тётушка Марго не забывает навещать. А если по-хорошему, то находит повод сбежать из трактира, который выкупила обратно, ибо не успела она вырастить Хэрба и Юсту, как сделала «второй дубль». Петер счастлив был немеряно, когда стало ясно, что его обожаемая супруга ждёт двойню, но уж больно шепутной получилась парочка огненноволосых отпрысков неугомонной трактирщицы и грозного разбойника. Я не возьмусь ни оправдывать, ни осуждать мужа тётушки, просто помню, каким образом он ранее зарабатывал на жизнь. Но если бы не он и его люди, ещё неизвестно, как сложилась наша с Софи судьба. Да и жизнь Марго тоже. При всём при этом у «банды Горста» была одна особенность – никто из её членов не раскрывал своих лиц, а потому откуда в своё время у барона

Вангера и его семьи взялась такая хорошо обученная охрана, так никто и не догадался из непосвящённых.

– Мама! – голос Софи вернул меня в реальность из воспоминаний.

Обернувшись, я увидела дочь, держащую в руке нож для фруктов. Прямо на моих глазах Софи полоснула себя по ладони острием, совсем как я когда-то шпилькой ночью в поместье Вангеров. Даже охнуть я не успела, как ровные края начали затягиваться, а буквально через несколько мгновений о ране напоминал только тоненький розовый рубец.

– После рождения Элени я думала, что мне показалось... А теперь я абсолютно уверена, что у меня действительно пробудился тот же дар, что и у тебя. Получается, тоже могу помогать детям, приезжающим на озеро?

– Да, Софи. Если ты того пожелаешь.

Мне показалось неправильным, что на протяжении многих веков женщины рода Вербер использовали свой дар исключительно в интересах семьи. Но и демонстрировать, насколько мощным он пробудился во мне тоже не хотела. В этом отношении Зауберерское озеро и его сиприны дали возможность не только отчасти скрыть дар, но и помочь, когда лекари и целители оказались бессильны. Неподальёку от охотничьего домика я распорядилась построить четыре гостевых домика, в которых на время вместе с воспитателями или родителями селились дети, имеющие пороки сродни тем, что были когда-то у Эль. Реже брала взрослых, но если могла помочь, то не отказывала. Плата выходила чисто символической, так как наживаться на чужом горе мне совесть не позволяла. Тем более, что статус или социальное положение для меня не имели никакого значения. Если кто-то из родителей моих пациентов хотел отблагодарить сверх озвученной суммы, то работа на озере находилась для всех желающих, продукты или какие-либо товары шли на нужды лечебницы и персонала.

После смерти короля Людвиг необходимость в поставках ко двору пропала. Кронпринц, а теперь уже король Людвиг пятый, достаточно насмотрелся на протяжении долгих лет во что превращался его отец, поэтому не хотел повторения. Таким образом, я заключила ещё несколько договоров с аптекарями на поставку сиприн,

приносивших мне стабильный доход. Естественно, безумно опустошать Зауберерское озеро, как это сделал Эгон Вангер, не стала. С бароном Эренбахом мы рассчитались всего за четыре года, дела во всех поместьях и на шахтах шли хорошо.

У меня даже ни разу после последней встречи с Ойгеном не пробуждалась тёмная сторона дара. Хотя нет, вру. После рождения Тео мне приснился странный сон, в котором я видела, как Борис Григорьевич, тот самый директор зоомагазина, пристаёт к очередной молоденькой продавщице. Грубо и мерзко. Не обращая внимание ни на её мольбы, ни попытки увернуться. И так я сильно захотела, чтобы больше никто не пострадал от домогательств этого борова, что от всей души пожелала ему стать немощным во всех смыслах. Внезапно мужчина замер, а затем беззвучно рухнул на пол, будто парализованный. Было ли это своеобразным откликом моего дара, или мой мозг всегда жаждавший справедливости просто воспроизвёл желаемое? Не знаю. Но искреннее надеюсь, что справедливость и в том мире восторжествовала, как это случилось с прежним семейством Майер.

В конечном счёте все получили по заслугам, а я обрела большую любящую семью. Безумно шумную и непоседливую, но такую родную. И я счастлива, что встретила такого мужа, как Вильгельм, а он меня. Многие представляют любовь, как какую-то безумную страсть, появление бабочек в животе, а у нас как-то плучилось совершенно по-другому. Тихо и незаметно подкралась и намертво в нас обоих вцепилась. Хотя если вспомнить, как мы познакомились... Впрочем, неважно. Главное – что из всего этого получилось. Мне нравится результат, а остальное – неважно.